

UNIVERSITY OF
CAMBRIDGE
LIBRARY

19

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ISSN 0132-3415

*Записки
отдела
рукописей*

Выпуск 49

Москва
Издательство «Книжная палата»
1990

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. М. Григоров (отв. ред.), В. Я. Дерягин, И. В. Левочкин,
В. И. Лосев, Т. А. Медовичева, В. Ф. Молчанов, Я. Н. Щапов

Ответственный редактор выпуска
В. И. Лосев

Очередной, 49-й выпуск ежегодника «Записки отдела рукописей» открывается обзором архивных материалов известного русского писателя и поэта, крупного общественного и политического деятеля конца XVIII — начала XIX в. Михаила Никитича Муравьева, который привлечет внимание исследователей русской словесности и общественной мысли того времени. В обзоре дан анализ не только автографов самого писателя, но и рукописей других лиц, прежде всего авторов писем к М. Н. Муравьеву. В приложении к обзору публикуются детальное описание архивных документов М. Н. Муравьева, хранящихся в ОР ГБЛ, а также тексты шести его стихотворений.

Из публикаций, представленных в сборнике, большую научную ценность имеет памятник публицистики начала XVI в. Слово на «Списание Иосифа», в котором рассматриваются вопросы общественно-политической борьбы иосифлян и нестяжателей. Автор «Слова» — Вассиан Патрикеев — известен как сторонник нестяжательства в вопросе о монастырском землевладении.

Значительным событием в изучении отечественной истории науки будет введение в научный оборот работы известного советского ученого Тимофея Ивановича Райнова — «Из истории русской книги в первой трети XIX века». Публикация этой работы особенно актуальна сейчас — в период создания Российской Академии наук.

Для булгаковедов и почитателей творчества М. А. Булгакова представляет интерес публикация первой редакции (чернового автографа) текста либретто оперы «Петр Великий».

Сведения о новых поступлениях 1985 г. читатель найдет в соответствующем разделе «Записок».

Научную ценность представляет археографическая заметка И. В. Левочкина, в которой дано описание среднешрифтового безвыходного евангелия (ок. 1555 г.) из Музейного собрания ОР ГБЛ.

Л. А. Алехина

Архивные материалы М. Н. Муравьева в фондах отдела рукописей

Я долгом, и священным долгом поставляю себе возвратить обществу сочинения покойного Муравьева... Я уверен, что они будут полезны для молодости и приятное чтение для ума просвещенного, для доброго сердца.

К. Н. Батюшков

Рукописное наследие и творчество русского писателя и поэта, видного общественного и политического деятеля XVIII—нач. XIX в., наставника Александра I и отца декабристов Михаила Никитича Муравьева (1757—1807) привлекают к себе все большее внимание современных исследователей¹.

Полное собрание сочинений М. Н. Муравьева, подготовленное В. А. Жуковским и К. Н. Батюшковым (СПб., 1819—1820), представляет лишь часть его литературных, философских и исторических трудов. Обращение современных исследователей к автографам писателя позволяет установить канонические тексты его сочинений, подвергшихся стилистической правке при подготовке этого издания. Поэтому выявление автографов и неизвестных произведений писателя, и уже опубликованных ранее имеет большое значение для современной науки.

Основная часть архива Муравьева хранится сейчас в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина², значительное число рукописей входит в состав собрания А. Д. Черткова в Государственном историческом музее³, отдельные материалы встречаются в различных хранилищах страны⁴.

¹ Литературу о нем см.: Мезьер А. В. Русская словесность с XI по XIX столетия включительно: Библиогр. указ. произведений рус. словесности в связи с историей лит. и критикой. Слб., 1902. Ч. 2. С. 238—239; Степанов В. П., Стенник Ю. В. История русской литературы XVIII века: Библиогр. указ. Л., 1968. С. 318—320.

Поэтические и прозаические произведения М. Н. Муравьева можно найти во многих сборниках, антологиях и хрестоматиях по литературе XVIII в. Его имя упоминается в монографиях по самым различным проблемам литературы этого периода. Творчеству писателя посвящены отдельные статьи и исследования: Бруханский А. Н. М. Н. Муравьев и «легкое стихотворство» // XVIII век. М.; Л., 1959. Вып. 4. С. 157—171; Жилиякова Э. М. В. А. Жуковский и М. Н. Муравьев // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Ч. 1. С. 71—104; Западков В. А. Державин и Муравьев // XVIII век. М.; Л., 1966. Вып. 7. С. 245—253; Орлов П. А. Русский сентиментализм. М., 1977. С. 94—109; Сионова С. А. Эволюция поэзии

М. Н. Муравьева. 1770—1780 гг. // Герценовские чтения: Пробл. худож. метода и жанра. Л., 1978. С. 10—14; Фоменко И. Ю. Проза М. Н. Муравьева: Из истории рус. прозы посл. трети XVIII в. Л., 1983.

² См.: Аннотированный указатель рукописных фондов Государственной публичной библиотеки. Л., 1983. Вып. 3. С. 95—96.

³ Путеводитель по фондам личного происхождения отдела письменных источников Государственного исторического музея. М., 1967. С. 163, 245, 274.

⁴ См.: Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР: Указатель. М., 1962. Т. 1. С. 470, 471; Путеводитель по фондам личного происхождения отдела письменных источников Государственного исторического музея. М., 1967. С. 163, 245, 274, 275; Центральный государственный литературный архив: Путеводитель. М., 1951. С. 244, 396, 517; Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 354; Аннотированный указатель рукописных фондов Государственной публичной библиотеки. Л., 1981. Вып. 1. С. 76; 1982. Вып. 2. С. 175; 1983. Вып. 3. С. 56, 141.

Портрет М. Н. Муравьева

Ряд рукописей Муравьева имеется в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Одни из них уже неоднократно изучались, другие, атрибутированные автором этого обзора, впервые вводятся в научный оборот.

В обзоре наряду с автографами самого писателя рассматриваются и другие материалы его архива (письма разных лиц к Муравьеву), говорится о более поздних списках его произведений, а также отчасти прослеживается судьба этого значительного архива, содержащая еще немало загадок и предполагающая новые находки и открытия.

В том, что личный архив Муравьева сохранился очень полно, большая заслуга Екатерины Федоровны Муравьевой, которая, гордясь «славою незабвенного друга»⁵, не жалела средств на издание его со-

⁵ Константин Николаевич Батюшков: Его письма и очерки его жизни // Рус. арх. 1867. № 11. Стб. 1471.

чинений⁶, заботилась о судьбе его библиотеки⁷ и как главную реликвию берегла бумаги покойного мужа, которыми, по словам Н. П. Киреевской, она чрезвычайно дорожила⁸.

В конце 1840-х гг. архивом писателя заинтересовался М. П. Погодин. Внимание русской общественности в это время было привлечено к имени М. Н. Муравьева — «...воспитателя императора Александра, сочинителя всех учебных уставов в начале его царствования, первого попечителя Московского университета, пламенного ревнителя просвещения, друга русской словесности, доставившего Карамзину средства посвятить себя истории, талантливого писателя, добрейшего, благороднейшего человека»⁹. Внимание это было вызвано тем, что, во-первых, в 1844 г. Е. Ф. Муравьева пожертвовала Московскому университету огромную библиотеку своего мужа¹⁰, отдавшего много сил благоустройству этого учебного заведения, а во-вторых, тем, что в 1847 г. А. Ф. Смирдиным было переиздано полное собрание сочинений писателя¹¹.

В 1845 г. И. В. Киреевский публикует в журнале М. П. Погодина «Москвитянин» письма Н. М. Карамзина к М. Н. Муравьеву и при этом благодарит за предоставленный материал некую «почтеннейшую особу»¹². Речь, вероятно, идет о Е. Ф. Муравьевой, так как в одном из писем к Погодину Киреевский сообщает: «Бумаги Муравьева я должен возвратить Екатерине Федоровне»¹³. В марте 1847 г. Погодин через Н. П. Киреевскую ведет переговоры с Муравьевой о получении бумаг ее покойного мужа. Сохранилось два письма этого времени Киреевской к Погодину. В первом (от 17 марта) она сообщает, что договорилась с Екатериной Федоровной о его приезде в среду для получения «всех бумаг покойного Михаила Никитича», которые, однако, необходимо будет «через неделю возвратить»¹⁴. Очевидно, речь шла тогда только о временной передаче архива, причем с условием, что Погодин возвратит бумаги «в том же порядке», в каком они содержались Муравьевой. Однако в назначенный день встреча не состоялась, и в следующем письме (от 25 марта) Киреевская пишет Погодину: «...Катерине Федоровне очень совестно, что она не приняла Вас в среду, тем более, что сама просила Вас приехать к ней, но она так изнемогла в тот день, что не могла головы отделить от подушки. Теперь решили так, как, кажется, для Вас будет удобнее, на днях бумаги доставят к Вам»¹⁵. 2 апр. Погодин получает наконец часть бумаг Муравьева (о чем оставляет запись в своем дневнике)¹⁶, а в последующие дни просматривает эти бумаги и делает выписи¹⁷.

⁶ См.: Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. Спб., 1819—1820. Ч. 1—3.

⁷ См.: Шевырев С. П. История императорского Московского университета. М., 1855. С. 516; Сорокин В. В. История библиотеки Московского университета. М., 1980. С. 74.

⁸ ГБЛ. Ф. 231. II. № 15.37. Л. 1. Часть письма Н. П. Киреевской опубли.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб., 1895. Т. 9. С. 202.

⁹ Погодин М. П. Некролог [Е. Ф. Муравьевой] // Москвитянин. 1848. № 5. С. 76.

¹⁰ См.: Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1844—1845 академический и 1845 граждан-

ский годы. [М., 1845]. С. 33.

¹¹ Сочинения [М. Н.] Муравьева. Спб., 1847. Т. 1—2.

¹² Письма Н. М. Карамзина к М. Н. Муравьеву // Москвитянин. 1845. № 1. Материалы для русской истории и для истории русской словесности. С. 1—16.

¹³ ГБЛ. Ф. 231. II. № 15.39/1. Л. 19 (письмо без даты).

¹⁴ ГБЛ. Ф. 231. II. № 15.37. Л. 1. Это письмо было частично опубли.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 9. С. 202.

¹⁵ ГБЛ. Ф. 231. II. № 15.37. Л. 31.

¹⁶ ГБЛ. Ф. 231. II. № 34.1. Л. 16 об.

¹⁷ Там же.

Нам не удалось установить, когда именно он приобрел эту часть. Биограф Погодина Н. П. Барсуков не имел точных сведений об этом. Рассказывая о переписке с Киреевской, он отмечает, что «...попытка Погодина приобрести бумаги Михаила Никитича Муравьева не увенчалась желаемым успехом»¹⁸. Однако в дополнении к главе он отмечает, что «...часть бумаг Михаила Никитича Муравьева была приобретена Погодиным и вместе с его Дрeвлехранилищем поступила в императорскую Публичную библиотеку»¹⁹. При этом Барсуков ссылается на «Летописи русской литературы и древности»²⁰. В статье А. Ф. Бычкова, посвященной «приобретению в казну Дрeвлехранилища профессора Погодина в июле 1851 г., среди последних его приобретений названы и «бумаги бывшего попечителя Московского учебного округа, стяжавшего себе славу на поприще и литературы и государственной администрации, М. Н. Муравьева»²¹.

Таким образом, время приобретения Погодиным бумаг Муравьева ограничивается 1847—1851 гг. Но едва ли это были 50-е гг., когда Погодин испытывал настолько серьезные денежные затруднения, что даже ускорил передачу в казну своего собрания²². А вот в апреле 1848 г. он делает в дневнике несколько записей о похоронах только что скончавшейся Е. Ф. Муравьевой, о своей работе над ее некрологом и отзывах о нем, сожалеет, что не может попасть к Чернышев(ы)м?)²³, ближайшим родственникам покойной, на попечении которых осталась ее внучка Софья Никитична²⁴. Может быть, в это время он и вел переговоры с наследниками о приобретении архива.

Со смертью Е. Ф. Муравьевой семейный архив или его часть переходит к внукам²⁵, творческие рукописи и переписка откладываются и в библиотеке А. Д. Черткова, женатого на родной сестре невестки Екатерины Федоровны²⁶. Бережно хранила семейные предания и реликвии Софья Никитична (в замужестве Бибикова): ее дом, в котором «стояли огромные шкапы с книгами и тяжелая мебель», представлялся «храмом, где царил культ какого-то прекрасного и далекого бога, культ воспоминаний»²⁷. Бибиковская библиотека, включившая в себя книги Муравьевых и Муравьевых-Апостолов²⁸, до революции сохранялась наследниками в Старо-Ивановской слободе²⁹. Позже наря-

¹⁸ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 9. С. 202.

¹⁹ Там же. С. [499].

²⁰ В 4-м т. «Летописей» было опубликовано письмо М. Н. Муравьева к Карманову с примечанием публикатора, что черновой подлинник находится «в бумагах М. Н. Муравьева, которые поступили из Дрeвлехранилища Погодина в императорскую Публичную библиотеку» (Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1862. Т. 4, отд. 3. С. 69).

²¹ См.: Санктпетербург. ведомости. 1852. № 199. Перепеч.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб., 1898. Т. 12. С. 346—354.

²² См.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 12. С. 310.

²³ См.: ГБЛ. Ф. 231.1. № 34.1. Л. 32—32 об.

²⁴ См.: Бибикова А. Из семейной хроники // Ист. вестн. 1916. Ноябрь. С. 417—418.

²⁵ В 1867 г. в одной из статей Фортунатов отмечал: «Подлинное послание Муравьева А. М. Брянчанинову хранится у его внуков» (Фортунатов Ф. Памятные заметки вологжанина // Рус. арх. 1867. № 12. Стб. 1652—1654).

²⁶ В «Русском архиве», издававшемся при Чертковской библиотеке, публиковались и письма К. Н. Батюшкова к Е. Ф. Муравьевой (см.: Рус. арх. 1867. № 10. Стб. 1342—1360; № 11. Стб. 1440—1536).

²⁷ Бибикова А. Из семейной хроники. С. 424.

²⁸ Свекровь Софьи Никитичны Екатерина Ивановна Бибикова, урожденная Муравьева-Апостол, была сестрой декабристов.

²⁹ Слобода Старо-Ивановская перешла во владение Е. Ф. Муравьевой после смерти ее родителей в 1818 г. (см.: Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев // Избранные труды: Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 245).

ду с другими частными собраниями она поступила в Ново-Оскольскую районную библиотеку, где ее обнаружил в конце 1920-х гг. окружной инспектор по охране памятников старины и искусства Г. В. Еременко. Понимая всю ценность этой библиотеки, он добился сначала перевода основной ее части в Острогожский музей краеведения, а в 1929 г. — передачи в Москву, в Публичную библиотеку им. В. И. Ленина³⁰.

Наряду с русскими и иностранными изданиями XVIII—XIX вв. здесь были книги с рукописными вставками, а также архивные материалы³¹. Вероятно, именно из этого комплекса 7 янв. 1935 г. в отдел рукописей из фонда ГБЛ были переданы «Записки М. Н. Муравьева», принятые Г. П. Георгиевским, который, однако, не упомянул о них в сведениях о поступлениях 1935 г.³²

Отдельные рукописи Муравьева отложились в личных архивах его родных и друзей, людей, с которыми он состоял в деловой переписке или был связан служебными отношениями. Иногда его материалы встречаются в фондах библиографов и библиофилов, коллекционировавших автографы деятелей русской культуры. В виде единичных поступлений в 1937 г. в отдел рукописей Алексеевым из Вышнего Волочка были переданы документы, связанные со служебной деятельностью Муравьева³³.

Значительный комплекс его рукописных материалов собрался в личном архиве Н. С. Тихонравова, историка литературы, археографа, педагога, деятельность которого в течение многих лет была связана с Московским университетом³⁴. Интерес Тихонравова к личности Муравьева и его рукописному наследию не был случайным и эпизодическим. Он получил возможность ознакомиться с архивом Муравьева в нач. 1850-х гг., когда был приглашен Погодиным для разбора и составления приемных описей его собрания³⁵. Тихонравову пришлось разбирать тогда и бумаги Муравьева³⁶. Позднее, уже работая в Москов-

³⁰ Сохранились два акта о передаче книг этой библиотеки из Острогожского музея краеведения (1124 г.) и Ново-Оскольской районной библиотеки (5473 г.) (см.: Архив ГБЛ. Оп. 14. Ед. хр. 37. Л. 12—14).

³¹ В своей докладной записке о библиотеке Муравьевых Г. В. Еременко отмечал: «На многих книгах Никита Михайлович на полях и на вставных листах делал заметки, суждения и комментарии. Некоторые выписки и надписи по-русски и по-французски служат как бы черновыми <...> набросками к проекту о введении в России конституции. Далее есть календарь, где на вставных листах Екатерина Федоровна писала свои заметки...». Ниже он говорит о найденном им в Ново-Оскольской библиотеке архивном документе, удостоверяющем, что в 1849 г. Старо-Ивановскую слободу унаследовала старшая дочь Н. М. Муравьева Екатерина Никитична Муравьева (см.: Архив ГБЛ. Оп. 14. Ед. хр. 37. Л. 8—9). Будучи душевнобольной, она находилась на попечении своей сестры С. Н. Бибиковой (см.: Бибикова А. Из семейной хроники. С. 423—424).

³² См.: [Георгиевский Г. П.]. Новые поступления // Записки отдела рукописей. М., 1938. Вып. 1. С. 61—70. При разборе и обработке «россыпи» Музейного собрания эта рукопись была обнаружена и любезно передана нам А. Д. Червяковым.

³³ Эти и прочие материалы были выявлены и атрибутированы В. Г. Зиминой при разборе и первичной обработке «россыпи» Музейного собрания. При фондировании нами была установлена непосредственная связь части выявленных материалов с рукописями Муравьева, хранящимися в архиве Тихонравова и ранее не атрибутированными (или приписываемыми другим лицам).

³⁴ См.: Гудзий Н. К. Николай Саввич Тихонравов. М., 1956.

³⁵ См.: Описи русских библиотек и библиографические издания, находящиеся в исторической и археологической библиотеке Н. Бочаева. СПб., 1890. С. 137.

³⁶ См.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1899. Т. 13. С. 261.

ском университете, он публикует письма профессоров университета к Муравьеву³⁷, письмо Муравьева к Карманову³⁸.

В архиве Тихонравова сохранилось несколько писем к Муравьеву, копия его аттестата, фрагменты записных тетрадей, отрывки и наброски драматических и прозаических произведений. Хранятся там и списки (писарские и рукою Тихонравова) отдельных произведений и целых «журналов» (как часто называл свои записные тетради сам Муравьев), сделанные в середине XIX в.³⁹

Материалы архива Муравьева из различных фондов отдела рукописей систематизированы в обзоре следующим образом: биографические материалы; творческие рукописи (поэзия, проза, драматургия, записные тетради, ученические работы); материалы служебной и общественной деятельности; переписка; разное.

Биографические материалы М. Н. Муравьева в составе архивных фондов отдела рукописей представлены копией аттестата о его обучении в дворянской гимназии при Московском университете.

Муравьев был зачислен в гимназию в янв. 1768 г. 11-летним мальчиком⁴⁰. В 1768—1769 гг. в списках учеников гимназии при Московском университете часто встречается имя ученика Михаила Муравьева, отличавшегося по разным предметам, в том числе «в произношении речей немецкой и французской у лекторов Гелтергофа и де Лави»⁴¹. Так под руководством людей, имена которых навсегда останутся для него священными, начинал свое образование М. Н. Муравьев, в дальнейшем продолживший дело М. В. Ломоносова и «олицетворивший в себе идеал попечителей университета»⁴².

Уже в то время, по воспоминаниям его старшего друга, в учении он, «будучи еще дитя, шел как исполин»⁴³. Об этом же свидетельствует и его аттестат от 5 февр. 1770 г., в котором сказано, что Михайло Муравьев «обучался в следующих классах: 1) в вышнем французском стиля 2) в вышнем немецкого стиля 3) в латинском начатков риторики 4) в российском стиля и переводов с немецкого языка 5) в геометрическом 6) в географическом весьма с похвальным прилежанием, а притом вел себя всегда честно и добропорядочно».

Текст этого аттестата сохранился в списке, сделанном самим М. Н. Муравьевым в нач. 1780-х гг. на пронумерованном листе из какой-то тетради или «журнала». На обороте листа надписан заголовок: «Учительское состояние». Несмотря на то что кроме зарисовок двух мужских профилей под этим заголовком больше ничего нет, известно, что именно в 1780-е гг. и позднее Муравьев интересовался вопросами образования и просвещения, неоднократно обращался к ним. А по-

³⁷ См.: Письма профессоров Московского университета к попечителю Московского учебного округа М. Н. Муравьеву // Чтения в о-ве истории и древностей рос. 1861. Кн. 3. С. 22—77.

³⁸ См.: Письмо М. Н. Муравьева к Карманову // Летописи русской литературы и древности. М., 1862. Т. 4, отд. 3. С. 69.

³⁹ Поскольку эти материалы принадлежат собственно архиву Тихонравова, мы не включаем их в общий обзор рукописей Муравьева, но так как они имеют непосредственную связь с некоторыми рассматриваемыми автографами писателя, мы в дальнейшем будем обращаться к ним.

⁴⁰ См.: Сушков Н. В. Московский университетский благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, Университетского благородного пансиона и Дворянского общества. Изд. испр. и доп. М., 1858. С. 6; Для биографии Михаила Никитича Муравьева // Москвитянин. 1855. № 7. С. 168—170.

⁴¹ Шевырев С. П. История императорского Московского университета. С. 170.

⁴² Там же.

⁴³ Для биографии Михаила Никитича Муравьева. С. 169.

скольку в этот период на страницах «журналов» Муравьева встречаются имена его первых наставников А. А. Барсова и И. М. Шадена, которые подписали аттестат, можно предположить, что именно их изобразил он на обороте листа.

Среди творческих рукописей особое место занимает конволют, составленный из поэтических «журналов» разных лет, с тиснением на корешке: «Записки». Ни в одной из известных рукописей поэтическое наследие Муравьева не представлено с такой полнотой, как в этой, содержащей черновые и беловые автографы оригинальных и переводных произведений 1770—1803 гг. Среди них множество неизвестных ранее текстов стихотворений (в том числе считавшихся утраченными), а также новые варианты опубликованных текстов, что позволяет проследить эволюцию поэтического творчества Муравьева.

При жизни поэта, предпочитавшего большинство своих опытов оставлять «под тройными замками»⁴⁴, увидела свет лишь незначительная часть его поэтических творений, которые к тому же нередко публиковались анонимно или под псевдонимами⁴⁵. Посмертное Полное собрание сочинений М. Н. Муравьева включило тексты всего 26 стихотворений; последующие издания XIX и XX вв. или повторяли это издание или давали подборку других опубликованных ранее стихотворений⁴⁶. Наиболее полное собрание стихотворений Муравьева подготовила Л. И. Кулакова⁴⁷; в нем помимо известных впервые были опубликованы тексты 87 стихотворений из рукописей поэта, хранящихся в ГПБ и ГИМ.

Конволют, или «книга», как называет его сам Муравьев в посвящении (л. 4)⁴⁸, состоит из восьми «журналов» 1771, 1775, 1776, 1779 и 1780 гг., переплетенных в конце XVIII—нач. XIX в. (на переплетных листах есть записи, сделанные рукой автора не ранее 1785 г.). Для переплета использовался картон, обтянутый светло-коричневой кожей с золотым тиснением на корешке, в верхней части которого — темно-зеленая наклейка с золотым тиснением: «Записки». Форзац из мраморной бумаги. На верхней крышке переплета голубая бумажная наклейка с зачеркнутой цифрой «1», рядом полустертый «№ 10» (черными чернилами) и следы какой-то надписи⁴⁹. На л. 1, 138 записаны «№ 1», «№ 3», «№ 53» (карандашом). Листы рукописи не обрезаны, в каждом «журнале» своего размера; бумага различных сортов. Помимо новой сплошной нумерации листов (л. 1—138), на которую делаются ссылки, имеется пагинация самого Муравьева, объединяющая

⁴⁴ Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. Спб., 1820. Ч. 3. С. 271.

⁴⁵ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1962. Т. 2. № 4369—4380 (далее: СК); Степанов В. П., Стенин Ю. В. История русской литературы XVIII века. С. 318; Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. Т. 4. С. 326.

⁴⁶ Подробнее см.: Кулакова Л. И. Примечания // Муравьев М. Н. Стихотворения. Л., 1967. С. 319—321 (далее: Кулакова Л. И. Примечания); Левин Д. В. Карамзин, Батюшков, Жуковский — редакторы сочинений М. Н. Муравьева // Проблемы современной филоло-

гии: Сб. ст. к семидесятилетию акад. В. В. Виноградова. М., 1965. С. 182—191; Жилкова Э. М. В. А. Жуковский и М. Н. Муравьев // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Ч. 1. С. 71—104.

⁴⁷ См.: Муравьев М. Н. Стихотворения. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая сер.) (далее: Муравьев. 1967).

⁴⁸ Здесь и далее в круглых скобках указываются листы рукописи.

⁴⁹ На ряде томов, хранящихся в ГПБ в архиве М. Н. Муравьева (ф. 499), имеются подобные номера: «№ 4» (ед. хр. 27), «№ 6» (48), «№ 7» (30), «№ 8» (37), «№ 9» (29); а также надпись: «З. К.» (Записная книга?).

три первых «журнала» (с. 1—181) и с четвертого по восьмой (с. 1—91); седьмой «журнал» имеет к тому же самостоятельную нумерацию листов (л. 1—22).

Каждый «журнал» открывается заголовком с указанием года. Основной корпус стихотворных текстов в каждом «журнале» относится главным образом к тому же году, но иногда чистые листы записывались позднее, с указанием или без указания даты. Значительное количество текстов записано на полях. Чернила — светло-коричневые, местами выцветшие настолько, что текст плохо читается. Тексты 1781—1782 гг. записаны черными чернилами, иногда имеют пометы: «[февр.]» или «м[арт?] 1781», «июль» или «авг. 1782». Стихотворения, помещенные только месяцем, при датировке отнесены нами соответственно или к 1781, или к 1782 г. К 1781—1782 гг. отнесены стихотворения, дата которых не указана, но палеографические особенности почерка позволяют говорить именно об этом периоде.

Первому «журналу» предшествуют л. 1—3, содержащие записанные в разное время перевод отрывка из трагедии Расина «Фиваида» и тексты 4 стихотворений, 2 из которых являются вариантами «Стихов на победу, одержанную 1770 года июля 21 дня, написанных того же году в городе Архангельском»⁵⁰. Здесь же записаны перечни стихотворений, переводных и оригинальных (некоторые с указанием даты), и перечень «Берновских (Эмилиевых) писем».

Первый «журнал» Муравьева называется «Забава праздности. Журнал вологодских упражнений. Месяц август 1771 года» (л. 4—39)⁵¹. Всего в нем насчитывается 290 стихотворений 1771—1785 гг., 3 незавершенных поэмы и 1 фрагмент драматического произведения. Основной корпус этого «журнала» составляют тексты произведений 1771 и 1774 гг. Кроме того, 8 стихотворений были начаты в 1771 г., а завершены в 1774 или 1775 г. На листах, которые оставались незаполненными, поэт делал и более поздние записи, иногда указывая их даты (1775, 1781, 1784, 1785 гг.), но чаще без них.

Большую группу составляют произведения, записанные на полях и относящиеся в основном к 1781—1782 гг., в отдельных случаях к 1779, 1785 гг. или недатированные. Причем фрагменты текстов стихотворений «Эп[истола] к [Н. И.] Нов[икову]» и «Послание к А. М. Брянчанинову» записаны на разных листах. Второе стихотворение, над которым Муравьев работал продолжительное время и с перерывами, прежде датировалось исследователями 1783 г. Рукопись позволяет установить более точное время его создания: февраль 1781 — август 1782 г.⁵²

Наряду с оригинальными произведениями в «журнал» помещены многочисленные переводы древнегреческих (Гомера и Анакреонта) и древнеримских авторов (Вергилия, Горация, Марциала, Сиция Италика, Федра), французских поэтов XVI—XVIII вв. (Малерба, Шаплена, Лафонтена, Расина, Сюдери, Буало, Ламота), немецких поэтов (Брентшона, Флеминга, Клейста).

В «журнале» встречаются стихотворения на французском языке 1771 и 1774 гг., а также записанные рукой А. М. Брянчанинова, при-

⁵⁰ См. прил.: Раздел II, стихотворения, № 259, 291; 3-й вариант «Стихов на победу...» Муравьев озаглавил: «Ода на случай Кагульская битвы» (Муравьев. 1967. С. 81, 327).

⁵¹ Известен «Журнал вологодских упражнений месяц июнь 1771 года» (ГПБ, ф. 499,

№ 38), в который вошли героическая комедия «Добродетельная ложь» 1771 г. и 2 стихотворения 1782 г. («К И. Ф. Богдановичу» и «Общественные стихи»).

⁵² См. прил.: Раздел II, стихотворения, № 226.

чем два из них начаты Брянчаниновым, а закончены Муравьевым. Кроме того, ряд произведений или отрывков зачеркнут автором: это начало «Петриды», эпиграмма на французском языке, начало поэм «Тезеида» и «Пуническая брани», стихотворение «Сколько принял я трудов...» и «Ода к И. П. Тургеневу».

Некоторые стихотворения сохранили следы творческой работы поэта: иногда это сразу сделанные незначительные исправления («Ода I», «К Котену эпиграмма» Буало, «Сонет к господину Р***», «Сонет», «Доратом быть! Какое заблужденье...», явление III [Дидоны], [«Сонет к Василию Ивановичу Майкову»]); иногда имеется более поздняя правка, часто — всего стихотворения («Ода II», эпиграммы, «Эклога», «Сонет на возвращение весны», «Баснь первая. Конь», «Виргилиевой Енеиды книга IV»).

Определяя творчество М. Н. Муравьева как переходное от классицизма к сентиментализму, литературоведы среди основных отличительных признаков его поэзии называют смешение жанров, различие между которыми обуславливается лишь «различием оттенков эмоциональной темы»⁵³. При этом подчеркивается, что его отход от классицизма начинается на том этапе, когда он, «перепутав все жанры, превратил свои стихи в лирический дневник»⁵⁴. Рукопись свидетельствует, что практически с самого начала поэзия Муравьева была его поэтическим дневником. На первом листе своего поэтического «журнала» (journal — дневник) 14-летний поэт записывает: «Творенья собраны здесь ежедневные...» Этот своеобразный дневник рассказывает о занятиях, интересах, знакомствах Муравьева, отчасти дополняя известные сведения о жизни поэта в Вологде⁵⁵.

Под одним из стихотворений, записанным на первом листе вологодского «журнала» не рукой Муравьева, есть приписка, сделанная поэтом несколько лет спустя: «Афанасий Матвеевич Брянчанинов». Появление на страницах «журнала» этого и нескольких других произведений Брянчанинова, родственника и старшего товарища Муравьева, «лучшего <...> вологодского поэта второй половины XVIII в.»⁵⁶, свидетельствует о творческой обстановке, о своеобразном поэтическом соперничестве двух друзей: их стихи чередуются, стихотворение, начатое одним, продолжается другим. Брянчанинову Муравьев адресует свои сонеты, эпиграмму, в 1774 г. — оду, в нач. 1780-х гг. — послание и др. Вспоминая в 1779 г. о своем пребывании в Вологде, он пишет: «Без товарищей, в городе, где писмена и науки суть только имена, разделяя охоту свою с А. М. Брянчаниновым, который имел ко мне много дружества, упражнялся я весьма прилежно в писании стихов» (ф. 298. IV. № 4. 13).

Интересно, что оба поэта посвящают некоторые свои произведения А. В. Олешеву, предводителю вологодского дворянства, философу-энциклопедисту⁵⁷: Брянчанинов — комедию⁵⁸, Муравьев — эклогу⁵⁹.

⁵³ Гуковский Г. А. Очерки русской литературы XVIII века. Л., 1938. С. 244.

⁵⁴ Кулакова Л. И. Поэзия М. Н. Муравьева // Муравьев. 1967. С. 47.

⁵⁵ См.: Гура В. В. Русские писатели в Вологодской области. [Вологда], 1951. С. 9—17.

⁵⁶ Мартынов И. Ф. Провинциальные книголюбцы XVIII века: (По материалам книговед. обследования б-к, музеев и арх. Волог-

ды. 1976 г.) // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI—XIX веков. Л., 1979. С. 135.

⁵⁷ Лонгинов М. Н. А. В. Олешев // Рус. старина. 1870. № 5. С. 463—465.

⁵⁸ Мартынов И. Ф. Провинциальные книголюбцы XVIII века. С. 137.

⁵⁹ Муравьев. 1967. С. 85—88.

Ему же, «другу, наставнику», «что первый внял <...> свирели глас», Муравьев собирался посвятить поэму «Земледелие», тексты вступления к которой сохранились в «журналах». Существовали у Муравьева связи и с А. А. Засецким⁶⁰, автором труда по истории Вологды и стихотворного переложения «Книги премудрости Иисуса сына Сирахова»⁶¹, о чем свидетельствует одна из эпиграмм. Знакомство с Брянчаниновым, Олешевым, Засецким открывало Муравьеву доступ к их личным библиотекам⁶², что, конечно, не могло не отразиться на творчестве молодого поэта.

Свое творчество он начинает в традициях просветительского искусства, которое «невозможно без ориентации на „образцы“, причем ориентации подчеркнутой»⁶³. Такими высокими поэтическими образцами для себя Муравьев считает произведения Гомера, Овидия, Вергилия, Ломоносова, о чем он говорит в поэме «Первое число августа 1771». Она послужила основой для создания в 1776 г. «Видения», программного произведения⁶⁴, в котором изменился подход к теме (Парнас с Пантеоном перестают быть реальностью, превращаются в «легкий сон»), но прежней осталась оценка творчества великих поэтов, а отношение к собственной поэзии стало более строгим и требовательным. Интересны в поэме бытовые зарисовки просыпающегося провинциального города, перекликающиеся с описанием Вологды в одном из сонетов того же времени, отдельные детали, позволяющие дополнить круг чтения Муравьева и комедией Мольера «Тартюф» (М., 1760)⁶⁵, и трагедиями Сумарокова «Семира» (Спб., 1768) и «Хорев» (Спб., 1768)⁶⁶.

Основной корпус стихотворных текстов 1771 г. написан в традициях классицизма: это торжественные оды и сонеты, басни и эпиграммы. Но уже юношеские стихи несут мысли, которым поэт останется верен всю жизнь: «Спокойства духа мы стараемся достигнуть, но оно в себе нам надобно искать» (ср.: «Размышление», 1800 г.⁶⁷). Одновременно намечается и разрушение традиционных для классицизма жанров: и ода, и сонет у Муравьева включают в себя элементы дружеского послания («Сонет к А. М. Брянчан[инову]», переведенная с французского ода «Опасности и выгоды ученья» и др.). Юный поэт обращается к своему «журналу» для того, чтобы записать очередное буриме или откликнуться на известие о смерти преподавателя Московского университета де Лави⁶⁸, высмеять местного щеголя или выразить свое восхищение новой поэмой Хераскова⁶⁹.

Часто Муравьев не завершал начатое произведение, отказываясь от своего замысла и зачеркивая уже написанное или оставляя свобод-

⁶⁰ Русский биографический словарь. Пг., 1916. [Т. 7]. С. 266.

⁶¹ Возможно, в дальнейшем именно М. Н. Муравьев рекомендует книги А. А. Засецкого для издания в типографии Н. И. Новикова. См.: СК. Т. 1. № 2323—2325.

⁶² См.: Мартынов И. Ф. Провинциальные книголюбы XVIII века. С. 130—138; Русская книга XVI—XVIII веков в фондах Вологодской областной библиотеки им. И. В. Бабушкина: Каталог. Вологда, 1980. С. 238.

⁶³ Шаталов С. Е. Ранний сентиментализм // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982. С. 341.

⁶⁴ См.: Муравьев. 1967. С. 189—192; Жили-

кова Э. М. В. А. Жуковский и М. Н. Муравьев. С. 94.

⁶⁵ СК. Т. 2. № 4307.

⁶⁶ СК. Т. 3. № 7034, 7051.

⁶⁷ Муравьев. 1967. С. 245—264.

⁶⁸ Вероятно, речь идет о Генрихе де Лави, преподавателе французского языка в Московском университете с 1765 г., умершем в октябре 1770 г. (см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета. М., 1855. Ч. 1. С. 447).

⁶⁹ В 1771 г. была опубликована поэма М. М. Хераскова «Чесмесский бой» (см.: СК. Т. 3. № 8034).

ное место, чтобы продолжить в дальнейшем. Например, после переводного стихотворения «Вечность» было отмечено: «Продолжать тем, что написано на листу. Великия дела, труды и проч. И окончавши то, оставить место строк на пятнатцать». Позднее эти слова были записаны текстами трех небольших стихотворений. Таким же образом, закончив в 1774 г. эклогу, посвященную Олешеву (начата в 1771 г.), Муравьев оставшиеся чистые листы заполнил различными стихами, указывая их точную дату: «1774 год. Март 29». Записи этого года встречаются почти на каждом листе «журнала», где оставалось свободное место.

В 1773—1775 гг. Муравьев выпустил несколько сборников, в которые вошли и некоторые стихотворения из вологодского «журнала»: сборник «Переводные стихотворения» (Спб., 1773)⁷⁰ включил оды Горация, некоторые эпиграммы и сонет Буало, басню Лафонтена, оды Анакреона и Флеминга, стихотворение Скюдери; сборник басен (Спб., 1773)⁷¹ — басни «Волк и лисица» и «Конь». Считая своими учителями в области басенного жанра Майкова и Хераскова, молодой поэт отдавал большее предпочтение первому, с его сатирической направленностью, иронией. Не случайно в одной из басен с популярным в XVIII в. сюжетом о лисиче и винограде столько балагурства, которое заключается шуточная концовка вместо традиционной сентенции: «Спроси-ка, для чего я в басне не успел? // Затем, что не хотел». В этой басне нет того несоответствия между бесцветными заключительными рассуждениями и живым повествованием, которое во многих его баснях, по мнению исследователей, появилось в результате вмешательства рецензента, оставившего запись на полях одной из рукописей Муравьева с требованием «поприбавить нравоучения»⁷².

В сборнике «Оды...» (Спб., 1775)⁷³ было опубликовано 10 стихотворений из «журнала»: оды, стансы, «К г. Хераскову», «Сонет к музам», «Описание взятия городка на Выборгской стороне», [«Сонет к Василию Ивановичу Майкову»].

Позднее, в 1778 г., в «Опыте трудов Вольного российского собрания при имп. Московском университете» появился перевод оды Горация⁷⁴.

В 1781—1782 гг. Муравьев возвращается к вологодскому «журналу», оставляя многочисленные записи на полях и прежде всего эпиграф и посвящение на первом листе: «Чтоб быть стихотворцом, надобно находить свое щастие в стихотворстве», «Книга сия — любезное произведение склонности и щастия моего — посвящается мной родителю моему и дражайшей сестре, первому из моих благодетелей и друзей». Возможно, именно в эти годы три первые «журнала» были объединены в «книгу» и получили общую нумерацию листов. Записи на полях 1781—1782 гг. встречаются во всех трех «журналах». Чаще всего это размышления о том, в чем поэт находит «свое щастие» и что, по словам Гуковского, стало «одним из самых типических явлений тематики поэзии эстетической субъективности — это обилие стихов о стихах, поэзии о поэзии, о вдохновении, о мечте»⁷⁵.

⁷⁰ СК. Т. 2. № 4378.

⁷¹ СК. Т. 2. № 4369.

⁷² Кулакова Л. И. Поэзия М. Н. Муравьева. С. 20.

⁷³ СК. Т. 2. № 4375.

⁷⁴ Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—

1802 гг., биографически и в хронологическом порядке описанных А. Н. Неустроевым. Спб., 1874. С. 211—212 (далее: Неустроев А. Н. Историческое розыскание).

⁷⁵ Гуковский Г. А. Очерки русской литературы XVIII века. С. 290.

Муравьев считает, что образцы следует искать не только в далеком прошлом, что равных Вергилию, Софоклу, Еврипиду можно найти и среди современников:

Предразсужденье его,
Воспитанное в нас,
Что тьмой веков одето
Вернее на Парнас
Берет свое паренье
И имя и творенье,
Чем те, которые суть
Честь етому столетью... (л. 8 об.).

Эта же тема продолжается в другом стихотворении-пародии на «порицателей»:

Во Ломоносове стихи находим жоски:
Пренебреженье языка,
И только зачаты картины излегка,
Надуты те, а ети плоски.
Над Сумароковым свершаем етот суд:
Трагедии его — без живописи доски,
Великий труд
Узнать, которыя в них действующи лица
И в чем деяния... (л. 6 об.).

Для самого Муравьева литературные авторитеты и Ломоносова, и Сумарокова незыблемы. Но отыскивая для себя образцы в поэзии, не следует забывать, что «Великий дух имеет образ свой // И должно быть с такою ж головой, // Чтоб видеть так, как видели Мильтоны...».

Поэтическому искусству посвящены и серьезные размышления о требованиях, предъявляемых поэту («Стихосложение еще не стихотворство...»), о его нравственном облике («Пусть будет подлость на пути...») и ироничные замечания по поводу собственных поэтических опытов и десятилетней давности («Стихи мои! прошел уж срок десятилетний, // Вас должно, чин гласит, ко храму вкуса влечь, // И кучу стихотворных сплетней // На светлом огоньке благоговейно сжечь...»), и самых последних («Я думаю, что я стихи свои мараю // С таким же знанием, как в вист играю...»; «Из самой маленькой крохи // Выходят у меня предолгие стихи // И долга скука»; «Писать без плану, // Понятия едва приявши бытие, // Не то же ли сие, // Что туловище стать подделывать к кавтану?»).

Муравьев не изменяет себе и в последующие годы: его «журнал» остается дневником, где изо дня в день поэт размышляет о том, что его волнует, или рассказывает о случившихся событиях («Сегодня я у Львова был в гостях // И зрелищем души прекрасной наслаждался...»; «Сегодня праздник Ханькова. // Мне должно бы для дни такова // Пегаса потрудить...»; «Семьсот и семьдесят второго года, // Седьмого августа узрела свет // В Петрополе пагода, // Котору, запершись пятнатцать лет, // Воображал, творил ваятель Фалконет»; «До первого я дожил октябрю...»).

Смертью друга, поэта и переводчика М. И. Попова вызвана «Эп[истола] к [Н. И.] Нов[икову]», написанная в марте или мае 1781 г.⁷⁶

⁷⁶ М. Н. Муравьев познакомился с Н. И. Новиковым в 1777 г., и это знакомство стало важной вехой в его жизни (см.: Кулакова Л. И. Поэзия М. Н. Муравьева. С. 6—7; Она

же. Н. И. Новиков в письмах М. Н. Муравьева // Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С. 16—23. (XVIII век. Вып. 11).

Муравьев высоко ценил Попова как поэта и человека, среди поздних его записей встречается следующая: «Наш добрый Михайло Иванович Попов, канцелярский протоколист или что-нибудь подобное, сочинитель при Уложении и который мог бы быть лучше сочинителем „с пенсионом“ при комиссии Муз и Граций. Верное изображение французских литераторов: беден, прост, добросердечен, трудолюбив и забыт»⁷⁷. В одном из писем к отцу он сообщает: «...утро сидел у Попова, который подарил мне свои „Досуги“»⁷⁸. Нужда и лишения подорвали здоровье Попова: он умер, оставив жену и детей без средств к существованию, о чем узнаем мы из стихотворения Муравьева. Он обращается к Новикову с просьбой о помощи семье покойного не случайно. Благотворительная деятельность Новикова была хорошо известна: он брал на себя расходы по изданию произведений нуждающихся поэтов, «за переводы платил он небывалые цены, а за оригинальные произведения еще более...»⁷⁹. Посвятив «жаленья сетующего духа» Попову, чей талант был незаслуженно забыт, Муравьев во второй части стихотворения обращается к Новикову, призывая его стать «ангелом-покровителем» осиротевшему семейству. Он взывает к милосердию, не забывая напомнить о прежних благодеяниях Новикова. «За счастье свое благодотвори другим» — одна из истин, которая, по его мнению, должна быть положена в основу жизни, если люди хотят, чтобы она стала счастливее. Муравьев-просветитель, тот Муравьев, который в 1777 г. поддержал Новикова в его начинаниях, в этом стихотворении проявляется как нельзя лучше.

Память о человеке, связавшем свою жизнь «со письмены», должна перейти в следующие поколения — мысль Горация, которая для Муравьева становится его собственной, настолько она отвечает его представлениям о роли поэта в обществе, и которая не оставляет его никогда, то вдохновляя, то терзая и мучая («Или я весь умру?»). Попов, по мнению Муравьева, относится именно к тем поэтам, которые будут жить «в век между россиях чтущих». А тем более его друзьям должна быть дорога память о нем. К этому святому чувству и взывает Муравьев, обращаясь к Новикову: «Но ко умершему ты дружбу не забудь». Судя по всему, семья Попова не осталась без помощи: в 1782 г. ставится на сцене придворного театра и дважды издается «Севильский цирюльник», переведенный Поповым в 1780 г.⁸⁰. А в 1787—1788 гг. Новиков переиздает еще четыре произведения поэта-переводчика⁸¹.

Таким образом, «Эп[истола] к [Н. И.] Нов[икову]», текст которой становится известным благодаря рассматриваемой рукописи Муравьева, не только вносит новое в историю его отношений с выдающимся русским просветителем, не только добавляет лишний штрих к портрету самого Муравьева и как общественного деятеля, и просто как человека, но и позволяет уточнить биографические сведения о Попове

⁷⁷ Письма русских писателей XVIII века. С. 366.

⁷⁸ Там же. С. 285.

⁷⁹ Мальшинский А. П. Наша печать в ее историко-экономическом развитии // Ист. вестн. 1887. № 6. С. 606.

⁸⁰ «Севильский цирюльник» печатался в типографии Морского кадетского корпуса, где в 1769 г. издавался журнал «И то и се», со-

трудником которого был М. И. Попов. Здесь в нач. 1770-х гг. печатали свои журналы Н. И. Новиков («Труть») и М. Д. Чулков («Парнасский щепетильник»), а в 1782 г. — свои «листы» «Утра...» П. А. Плавильщиков, актер и драматург.

⁸¹ СК. Т. 1 № 751, 1726; Т. 2 № 3487; Т. 3 № 7158.

(ведь до сих пор считается, что поэт умер ок. 1790 г., а в последнее десятилетие прекратилась всякая литературная его деятельность).

В 1783 г. отдельным изданием выходит в свет «Послание к А. М. Бр[янчанинову]. О легком стихотворстве», записанное в вологодском «журнале» фрагментами на разных листах. И уже после смерти Муравьева были опубликованы еще 12 стихотворений из этого «журнала».

Второй «журнал». «Услаждение скуки. Журнал санктпетербургских упражнений. 1775 год» (л. 40—55). Всего в нем насчитывается 40 стихотворений, 2 незавершенные поэмы и 1 фрагмент драматического произведения. Основной корпус этого «журнала» составляют произведения 1775 г., отдельные произведения относятся к 1774, 1777, 1778, 1781 гг., имеется несколько стихотворений без даты. Часть стихотворений, как и в первом «журнале», записана на полях в 1781—1782 гг. или без даты.

Незначительной правке подвергались в более позднее время поэмы 1775 г. «Раздраженный Ахиллес» и «Осада Нарвы» 1774 (?) г.

Как и в первом «журнале», значительное место занимают здесь переводы античных (Сафо, Вергилия, Горация, Лукана, Марциала), французских (Расина, Руссо Жана-Батиста) и немецких поэтов (Клопшток). Кроме того, Муравьев собирался переводить Деллиля и Эсхила, о чем свидетельствуют записи на листах, оставшихся чистыми. Некоторые стихотворения обрываются на середине строки или слова.

Начиная свой петербургский «журнал» 1775 г., Муравьев вспоминает Вологду и первым стихотворением связывает оба «журнала» в единое целое: «Катитесь, стихи любезныя, по воле, // Как в Вологде текли, теките в Петрополе. // Наполните собой вы хартию сию...»

Этот небольшой по объему «журнал» не только содержит 31 не известное ранее стихотворение, но и позволяет уточнить и дополнить уже опубликованные. «Эпистола к Н. Р. Р.***» предположительно адресовывалась университетскому другу Муравьева Н. Р. Рожешникову⁸². В петербургском журнале инициалы раскрываются и подтверждают, что они действительно принадлежат Никите Романовичу Рожешникову. Уточняется и датировка эпistolы: опубликованная в 1776 г. вместе с «Жалобами музам» в «Опыте трудов»⁸³, она была написана в 1775 г. Становится известен и адресат «Письма к ***»⁸⁴, напечатанного в «Собеседнике любителей российской словесности» в 1783 г., — это двоюродный брат поэта Захар Матвеевич Муравьев, с которым Михаила Никитича связывали не только родственные, но и дружеские узы⁸⁵.

В «журнале» записан вариант «Письма к Аф[анасию] Матв[еевичу] Бр[янчанинову] на смерть супруги его Елизаветы Павловны. Это «Письмо», где также соединяются родственные и дружеские чувства, окрашенные скорбной печалью, стоит в ряду произведений, рожденных сознанием непоправимой утраты и состраданьем, желанием помочь людям живым, и отвечает мысли М. Н. Муравьева, высказанной в дневниках: «Каждый человек устроен от природы к разделению радости и печали всех тех, которые его окружают»⁸⁶. Певец чувства дружбы, он стоит на позиции просветителей, для которых дружба стала своеобразной школой общественных добродетелей.

⁸² Кулакова Л. И. Примечания. С. 336.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Муравьев. 1967. С. 216—217.

⁸⁵ См.: Письма русских писателей XVIII века. С. 318, 323, 325 и др.

⁸⁶ Цит. по кн.: Орлов П. А. Русский сентиментализм. М., 1977. С. 108.

В «журнале» прослеживается история двух стихотворений — «Ода» («Бежит, бежит, друзья, невозвратимо время...») и «Время». Второе было опубликовано в 1783 г. в «Собеседнике любителей российской словесности», первое — в 1967 г. в «Стихотворениях»; при последней публикации первое стихотворение было датировано 1776 г., второе — 1775 г.

«Журнал» 1775 г. позволяет уточнить датировку этих двух стихотворений. Расположение на одном листе, развитие одной темы, текстуальные совпадения свидетельствуют об их взаимосвязи. «Ода» входит в основной корпус «журнала» 1775 г. После небольшой доработки она была включена Муравьевым в сборник 1776 г., готовившийся к печати, но так и не опубликованный. «Время» записано рядом с «Одой», на полях. Дата его написания не указана, но на основании графических особенностей почерка и цвета чернил можно говорить о нач. 1780-х гг., когда было сделано большинство записей на полях первого и второго «журналов». В третьей строфе, на основе которой, видимо, стихотворение датировалось 1775 г., есть исправление, сделанное поэтом: «Однако, думал я, поконится мгновенье. // Уже за третий люстр два года я претек; // Счастлива жизнь! увы! ты бросилась в забвенье. // Не сон ли целый век?» Третья строка здесь надписана над зачеркнутыми словами: «От жизни сей одно осталось мне забвенье» (имеется в виду то время, когда была написана «Ода» и когда поэту было 17 лет). «Время» же было написано в 1781 или 1782 г. и опубликовано в 1783 г.

Всего из второго «журнала» было напечатано 10 стихотворений. Кроме уже названных, это «Ода» («Душей и сердцем сокрушенным...») в сборнике «Оды...» (Спб., 1775)⁸⁷, перевод стихотворения Руссо «Щастлив, кто близ тебя тобой единой тлеет...» (Санктпетербург. вестн., 1778)⁸⁸, «Живописец» (Акад. изв., ч. 3, 1779)⁸⁹, «Успех британской музы. К В. П. Петрову» и «Зила» (Л., 1967)⁹⁰.

На последних листах этого «журнала» записана поэма «Осада Нарвы», о которой поэт упоминал в письме к отцу от 15 авг. 1777 г.⁹¹ и которая, как считалось, сохранилась лишь в отрывках⁹².

Третий «журнал». «Журнал на 1776 год» (л. 56—90) содержит 136 стихотворений 1772—1803 гг. и фрагменты 2 драматических произведений. Основной корпус составляют произведения 1776 и 1777 гг., причем иногда работа над сочинением завершалась в более позднее время. Другие годы, как правило, представлены одним-двумя стихотворениями: 1772, 1775, 1778—1783, 1791, 1794—1797, 1799, 1803 гг. Ряд стихотворений не датирован. Как и в предыдущих журналах, часть стихотворений записана на полях, некоторые — фрагментами на разных листах, с отсылками («Сожаление младости») или без них ([«Буря»] Леонара).

Иногда здесь встречается продолжение стихотворения из предыдущего «журнала» (например, на л. 66 — продолжение «Послания» из петербургского «журнала», л. 52). Тексты стихотворений «Поговорить было; любезной друг, с тобою...», «Мадригал» и «Роща» записаны дважды.

Отдельные произведения представлены несколькими вариантами, иногда в пределах одного «журнала» («Ода» («Спокойствия пловец

⁸⁷ СК. Т. 2. № 4375.

⁸⁸ Неустроев А. Н. Историческое розыскание. С. 244.

⁸⁹ Там же. С. 267.

⁹⁰ Муравьев. 1967. С. 172—173, 167—168.

⁹¹ Письма русских писателей XVIII века. С. 273.

⁹² Там же. С. 368.

желает, бурю видя...»), «Желание зимы», «Земледелие»), иногда в разных («Живописец», «Быть должно Ариосту...», «Зила») ⁹³.

Многие произведения из этого «журнала» подвергались правке сразу же или спустя какое-то время (например, «Ода к Николаю Александровичу Львову, писанная 1777 года», «Стихи на смерть Александра Петровича Сумарокова», «Сожаление младости» — отрывок), иногда на полях записывались варианты строк или целых строф («Горация книги первой ода XXIV. К Вергилию», «Ода к И. А. Дмитриевскому», «Опыт о стихотворстве»).

Третий «журнал» дает богатый материал для характеристики переводческой деятельности Муравьева, уже заявившего о себе в литературе несколькими сборниками стихов, оригинальных и переводных. Постоянно переводя из античной, средневековой и современной западноевропейской литературы, Муравьев совершенствует свое мастерство, отыскивает собственный стиль. Он считает, что стихотворцу предначертан тот же путь, что и живописцу, который, «прежде нежели дерзнет испытать кисть свою в писании с природы, долго упражняет ее над списыванием образцов и изучением древности» ⁹⁴. Обращаясь к «древности», он переводит Анакреона, Каллимаха, Теренция, Лукреция, Каталла, Вергилия, Проперция, Овидия, Сенеку, Лукана, но чаще всего — Горация.

Античные образы не раз вдохновляли поэта на сочинение произведений. Иллюстрацию главной мысли стихотворения мифологическим сюжетом П. А. Орлов отмечает как особенность поэзии Муравьева, что представляет собой, по его мнению, «рецидивы классической поэтики», которые, однако, «выполняют в творчестве Муравьева просветительские, сентиментальные задачи». Нередко оригинал был лишь поводом для создания самостоятельного произведения, хотя и представляемого как перевод ⁹⁵. Так, фактически оригинальным можно считать стихотворение, в основу которого легла 3-я элегия из книги III Секста Проперция, римского певца «легкой поэзии».

В 1776 г. Муравьев изучает итальянский язык, «читает Тассо, Ариосто» ⁹⁷, и в третьем «журнале» появляются переводы Тассо, Метастазии, Каза, Триссино. Он ищет для себя «образцы» и во французской поэзии (в творчестве Корнеля, Лафонтена, Расина, Вольтера, Беркена, Леонара, Лагарпа). Из английской поэзии Муравьев наряду с Попом и Томсоном, с сельскими картинами которого «ничто не может сравниться» ⁹⁸, переводит Мильтона и Шекспира, отношение к которому, по мнению В. И. Федорова, наряду с особым восприятием поэтом античного искусства, «приближает его к взглядам, характерным для эпохи романтизма» ⁹⁹. Идеи, отвечающие собственным настроениям, Муравьев находит в творчестве немецких и французских поэтов XVIII в. («В последние годы противу развращения сердца я сделал было себе щит из Клейста, Руссо и Виланда и присвоивал се-

⁹³ В других «журналах» встречаются варианты стихотворений «Доратом быть! Какое заблужденье...», [«Сонет к Василию Ивановичу Майкову»].

⁹⁴ Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. Ч. 3. С. 295.

⁹⁵ Орлов П. А. Русский сентиментализм. С. 109.

⁹⁶ Например, о его «Романсе, с каледонского языка переложенном» см.: Левин Ю. Д. Ос-

сиан в русской литературе (конец XVIII — первая треть XIX века). Л., 1980. С. 58—59.

⁹⁷ Письма русских писателей XVIII века. С. 357.

⁹⁸ Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. Ч. 3. С. 158.

⁹⁹ Федоров В. И. Литературные направления в русской литературе XVIII века. М., 1979. С. 81.

бе, или, лучше сказать, воображал, что присвоивал их язык, их чувствования») ¹⁰⁰. Из немецкой литературы он переводит Гагедорна и Клейста, чья «огненная душа <...> вымышляла стихи, добродетель внушающие» ¹⁰¹, Клопштока и Шлегеля. Среди переводов также — ода Галлера, швейцарского поэта, «достойного испытания мудрецов, когда он говорит о разуме, хотя и в стихах» ¹⁰², стихи шведского поэта Келльгрена, испанского сатирика Кеведо. В заголовке стихотворения «Триолет» отмечено, что оригинал приписывается г. Раншеню ¹⁰³.

Переводы Муравьева — это во многом отработка стиля, благодаря которой он старается «превратить если не в полезные, то по крайней мере в сносные и занятые те скучные минуты жизни», в которые он «не годится никуда» ¹⁰⁴. Из переводов, вошедших в этот «журнал», увидели свет лишь ода Горация, напечатанная в «Опыте трудов вольного российского собрания» в 1778 г. ¹⁰⁵, и «Триолет», помещенный в этом же году в «Санктпетербургском вестнике» ¹⁰⁶.

Целый ряд произведений, над которыми Муравьев предполагал работать, так и остались непереуверенными. Это можно объяснить, с одной стороны, тем, что деятельная жизнь молодого поэта в Петербурге оставляла совсем мало времени для занятий литературой, а с другой стороны, характером самого Михаила Никитича, который записывает в своем дневнике: «Я сержусь на себя, что (когда захочу перевести какую-нибудь эпиграмму или сказочку) стихи мои не льются и заставляют себя ждать» ¹⁰⁷. Иногда он прерывает себя на середине строки, иногда оставляет на листе лишь заглавие того произведения, которое собирался переводить, что позволяет воссоздать отчасти круг чтения и творческие планы поэта.

Спустя год на чистых листах, предназначавшихся для переводных стихотворений, появляются «Ода к Николаю Александровичу Львову, писанная 1777 года» ¹⁰⁸, «Стихи на смерть Александра Петровича Сумарокова», «Окончил, Петрополь, в тебе я пребыванье...», а также начало поэмы «Земледелие», представленное тремя вариантами. Разночтения в этих вариантах свидетельствуют об определенной эволюции творчества поэта и его взглядов: собственный труд поэт скромно называет «опытом, зато труд ратая возводит в ранг «искусства». Во втором варианте поэт подчеркивает неслучайность изменений в тексте стихотворения: «К высоким слаб еще картинам восходить, // Днесь тихия черты учусь проводить, // Поникнув над платном, со кистию труждаюсь // И славы будущей предчувством возбуждаюсь». Строки последнего варианта развивают мысль о том, что еще не пришло время пожинать плоды славы, что не создан еще главный труд, есть только ученические опыты. Они перекликаются с дневниковой записью, уже приводившейся выше, где автор замечал, что прежде чем «дерзнуть» писать с природы, следует долго упражняться, подражая великим образцам. Видимо, в эти годы (1776—1777) поэт почувствовал свою силу, способность «остановить мгновенье дня», понимая в то же время, что это еще не вершина, еще ученичество, хотя и у нового учителя — природы:

¹⁰⁰ Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. Ч. 3. С. 285—286.

¹⁰¹ Там же. С. 273.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ См. прил.: Раздел II, переводы, № 105.

¹⁰⁴ Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. Ч. 3. С. 271.

¹⁰⁵ Неустроев А. Н. Историческое розыскание. С. 212.

¹⁰⁶ Там же. С. 241.

¹⁰⁷ Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. Ч. 3. С. 271.

¹⁰⁸ Муравьев. 1967. С. 156.

...собой доволен млею,
 Когда остановить мгновение умею.
 В безмолвной храмине, таясь, уединен,
 Природы ученик и ею упражнен.
 Трудящуюся ее в молчанье вопрошаю
 И с тоном чистых муз ответы соглашаю.

Поиски ответов на волнующие вопросы, размышления о жизни, о сущности поэзии, о человеческом «я» содержатся во многих произведениях Муравьева. П. А. Орлов, выделяя три разновидности лирических мотивов в его поэзии — идиллические, элегические, медитативные, считает, что последние составляют самую обширную часть¹⁰⁹, хотя иногда эти мотивы переплетаются в одном стихотворении так, что их трудно бывает разделить. Это относится и к отрывку поэмы «Земледелец», и к стихотворению более позднему (1799—1802) «Размышление», время создания которого до сих пор было неизвестно¹¹⁰. На л. 87 записано небольшое стихотворение («Минуты счастья текут во всяко время...»), с пометой на полях: «Гатчина 26 октября 1799 г. [после?] обеда?» в столовой». Спустя три года, в октябре 1802 г., снова находясь в Гатчине, Муравьев завершил работу над стихотворением, написав еще два четверостишия, второе из которых не публиковалось:

Сей ровной холм, всходящий к небесам,
 Меж двух лесов, по сторонам растущих,
 Сей гордой вид столпов, вокруг здания идущих,
 Приятны зрителю, когда спокоен сам.

Кроме уже названных издавались и другие стихотворения, вошедшие в этот «журнал». В 1774 (?) г. отдельным изданием вышла «Ода» («Какая светлость озаряет...»)¹¹¹. В 1777 г. в «Санктпетербургских ученых ведомостях» были опубликованы «Надписи под изображениями» А. Д. Кантемира, Феофана Прокоповича, Н. Н. Поповского, А. П. Лосенкова, Е. П. Чемезова¹¹². В «Санктпетербургском вестнике» в 1778 г. помимо «Триолета» и «Мадригала» напечатаны «Желание зимы»¹¹³ и «Любовник прелести, где я ее найду...»¹¹⁴; в «Модном ежемесячном издании» в 1779 г. — перевод [«Бури»] Леонара¹¹⁵; в «Новых ежемесячных сочинениях» в 1791 г. — [«Стихи на кончину Якова Борисовича Княжнина»]¹¹⁶; в альманахе «Аониды» в том же году — [«Надгробная Елизавете Львовне Нарышкиной...»]¹¹⁷; там же в 1797 г. — «Богине Невы»¹¹⁸. Кроме того, 3 стихотворения были напечатаны впервые в 1819 г. и 8 стихотворений — в 1967 г.

Однако многие интересные для исследователя русской поэзии произведения оставались до сегодняшнего дня неизвестными. Это «Ст[ихи] на представление „Дидоны“ Як[ова] Бор[исовича] Княжнина» и «Стихи к Якову Борисовичу Княжнину. Явление Метастазия», под которыми спустя некоторое время были записаны стихи на его смерть; «Надпись под изображением М. В. Ломоносова» и дружеские послания к Ханькову и Рожешникову; «Стихи на смерть Александра Петровича Сумарокова».

¹⁰⁹ См.: Орлов П. А. Русский сентиментализм. С. 109.

¹¹⁰ Муравьев. 1967. С. 245—246.

¹¹¹ СК. Т. 2. № 4374.

¹¹² Неустроев А. Н. Историческое розыскание. С. 229.

¹¹³ Там же. С. 244.

¹¹⁴ Кулакова Л. И. Примечания. С. 340.

¹¹⁵ Неустроев А. Н. Историческое розыскание. С. 275.

¹¹⁶ СК. Т. 2. № 4384; Неустроев А. Н. Историческое розыскание. С. 415.

¹¹⁷ Неустроев А. Н. Историческое розыскание. С. 804.

¹¹⁸ Там же.

О последнем произведении Муравьев сообщает в письме к отцу от 30 окт. 1777 г. Он пишет, что читал его М. М. Хераскову и Новикову, который сделал ряд замечаний: «В самом деле, дано у меня много вольности воображению. Так Новиков хотел, чтобы я ослабил инде выражения свои <...>. Например, он не хотел бы сказывать, что Сумароков мудрец, которого мнения были развратны и жизнь полна соблазнов»¹¹⁹. «Стихи на смерть Александра Петровича Сумарокова» в «журнале» 1776 г. сохранились и в том варианте, в котором их слышал Новиков, и с исправлениями, сделанными, видимо, после разговора с ним. И хотя Муравьев замечает, что «может быть, ее [точности] требовать строго в стихотворстве и невозможно»¹²⁰, он все же находит более точные выражения, которые, с одной стороны, лишая Сумарокова идеальных черт (вместо «кончины мудреца» — «любимца музы смерть», вместо «священный муж» — «о сладостной певец»), с другой стороны, подчеркивали значение его творчества для русской литературы XVIII в. Расплывчатые строки с субъективной оценкой его поэзии заменяются новыми, более конкретными и значимыми¹²¹.

Внося еще одно исправление, Муравьев разрешает долгий спор Ломоносова и Сумарокова за первенство в русской литературе¹²² в пользу Ломоносова, называя его «главой российской лиры» (вместо — «владыка лиры»). Это вполне отвечает той оценке творчества двух великих русских поэтов, которую Муравьев даст позднее: «Какою живостию одушевлено выражение Ломоносова! Каждое являет знаменование изобильнейшего и приятного воображения. Вот чем превзойдет он всех своих последователей в лирическом роде: слог его дышит и там, где заблуждается, может быть, рассуждение; или вообразительная сила худо избирает свои картины. Сумароков иногда достигал до сего степени одушевления в некоторых нежных местах <...> но никогда не имеет сего равного духа выражения, по которому познаются все известные сочинения Ломоносова»¹²³.

В этом же «журнале» записано и одно из последних стихотворений Муравьева «Оборот на себя» (1803), в котором автор, подводя итог своей поэтической деятельности, с гордостью замечает, что он «в обществе певцов российских не бесславлен».

К 1780 г. относится *четвертый, пятый, шестой и восьмой «журналы»*: «Mes études... *helas!* 1780 года» (л. 91—96), «1780 года. Покушение исправиться» (л. 97—100), «Упражнения души. Тверь 1780 года в марте» (л. 101—106), «Les illusions le 1 d. août. 1780 Tver» (л. 131—137).

Четвертый «журнал» «Mes études...» начинается записями о Петрарке, «купечествующем дворянине», «еклектической философии», трубадурах, далее следует текст «Послания к Буало Вольтера» («*Épître à Boileau de M. de Voltaire*») на французском языке, которое поэт, вероятно, собирался перевести, незавершенный перевод сочинения Виланда «Разговор Сократа с Тимоклеею о видимой и истинной красоте», две

¹¹⁹ Письма русских писателей XVIII века. С. 310.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ См. прил.: Раздел II, стихотворения, № 293.

¹²² См.: Гуковский Г. А. О русском классицизме // Поэтика: Сб. ст. Л., 1929. С. 52—53; Душечкина И. В. Свообразие литературы-

ной борьбы середины XVIII века (критика-пародия-миф) // Типология русской литературы и проблемы русско-эстонских литературных связей: Тр. по рус. и слав. филологии. Литературоведение. Тарту, 1979. [Т.] 31. Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 491. С. 13—34.

¹²³ Муравьев М. Н. Дщицы для записывания // Утренний свет. Спб., 1778. Ч. 4. С. 368.

строчки из Плиния Младшего, два стихотворения на французском и латинском языках неустановленных авторов. В последнем, восьмом, «журнале» записаны «Анекдоты из истории», отрывок из «Россиады» Хераскова, «Anecdotes littéraires».

В отличие от предыдущих «журналов» на значительной части листов остаются лишь заголовки, свидетельствующие о больших планах Муравьева: он собирался делать выписки энциклопедического характера о писателях, поэтах, философах, о различных науках, предполагал заняться переводами поэтических и прозаических сочинений, набрасывал план будущей драмы, размышлял о прочитанных произведениях. Но замыслы остаются неосуществленными, и, вероятно, в это время в дневнике Муравьева появляется запись: «Не я ли извинялся в Петербурге разточенными минутами суетной и несвободной жизни, когда мне надобно было оправдаться перед собственной совестью в моем бездействии? В Твери совершилось развращение моего разума <...>. С какой жалостью должен я оглянуться на успехи лени и разрушение сил душевных, почти для меня неизбежное. В три месяца не могу собраться прочесть Тасса. Виргилия читаю с тем равнодушием, которое недавно почитал я сам несчастием <...>. Где то прекрасное время, когда, еще не имея ни способов, ни столько просвещения, просиживал я дни за Корнелем в городе Архангельском и в Вологде за Виргилием...»¹²⁴.

«Журналы» 1780 г. отражают его внутреннее состояние: это их названия («Покушение исправиться», «Упражнения души», «Les illusions»), с одной стороны, и многочисленные неосуществленные замыслы — с другой. В четырех «журналах» можно найти лишь одно стихотворение 1780 г. — незавершенный перевод поэмы Виланда «Искушение Авраамова», другие были записаны позже. Всего в «журналах» 1780 г. записано только 8 стихотворений Муравьева и незавершенный монолог из драматического произведения «Добрый барин», над которым, судя по записи, Муравьев работал в 1776—1779 гг. Одно из стихотворений [«Сонет к Василию Ивановичу Майкову»] вошло в сборник 1775 г. «Оды...»¹²⁵, пять были опубликованы после смерти поэта: в 1810 г. в «Вестнике Европы», № 15 («К Феоне») ¹²⁶, в 1819 г. («Жребий Декартов») ¹²⁷ и в 1967 г. («Елена и Пармен», «Общественные стихи 1782», «Черта, как молния, незапна и сильна...») ¹²⁸.

К 1782 и более поздним годам относятся записи, которыми испещрены первые листы «журналов», среди них ода Державина «Ключ»¹²⁹, строчки из стихов неустановленных авторов, запись, объясняющая обращение Муравьева к произведениям других поэтов: «Лучший способ составить себе хороший образ писать есть, как известно, учение превосходных примеров. Отвлеченная правила труднее и меньше упражняют воображение. Но чтение, нам самим не приметно, приближает вкус наш ко вкусу читаемых писателей» (л. 97).

Среди записей встречаются самые различные имена, иногда сопровождающиеся краткой информацией: «Г-жа Акерманша, славная

¹²⁴ Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. Ч. 3. С. 277—279.

¹²⁵ СК. Т. 2. № 4375.

¹²⁶ См.: Кулакова Л. И. Примечания. С. 341.

¹²⁷ Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. Ч. 1.

¹²⁸ Муравьев. 1967. С. 196—198, 212—213, 229.

¹²⁹ Публ.: Санктпетербург. вестн. 1779. Ч. 4. С. 267. См.: Неустроев А. Н. Историческое розыскание. С. 246.

действительница немецкая, была в России в царствование Анны Ивановны»¹³⁰, «Гакман, конректор Академии, преподает наставление в греческом»¹³¹, «Антон Алексеевич Барсов»¹³² и др. Часть записей на первом листе пятого «журнала» сделана на французском языке, как и на первом листе следующего, шестого, который интересен личной оценкой Муравьевым своего творчества, спустя два года (1782), когда появилась запись, комментирующая заглавие журнала: «Упражнения души <...> какой? или доказательства моего тщеславия, праздности» (л. 101). Подобные оценки не раз встречаются в дневниках поэта.

На первом листе восьмого «журнала» представлена «Система наук» — схема, сложившаяся не сразу (записи и дополнения делались в разное время). Ее сопровождают размышления автора о науке и просвещении, которые перекликаются с его дневниковыми записями: «Вся система наук — величественное и разнообразное здание, есть спокойное убежище от пороков, страстей и праздности»¹³³.

В нач. XIX в., став товарищем министра народного просвещения, Муравьев принял деятельное участие в разработке различных проектов, связанных с народным образованием. Вероятно, к этому времени относятся подобные записи: «Чтобы просвещать народ и сделать нравы, потребны воспитательные училища. Но чтоб заставить цвести науки, потребны высшие училища, откуда бы выходили ученые». Муравьев неоднократно подчеркивает слова «ученый», «науки», отмечая, что существует «превеликое расстояние просвещенного от ученого». Сделавшись в 1803 г. попечителем Московского университета, он приложил огромные усилия для того, чтобы поднять это учебное заведение на высокий уровень. Признавая это, зарубежная пресса, по словам М. И. Сухомлинова, «...пророчила Московскому университету блестящую будущность, полагая, что он не только может превзойти университеты других стран Европы, но и в самой Германии немногие будут в состоянии выдержать с ним соперничество, — и честь такого славного дела приписывала Муравьеву, имя которого должно сохраниться незабвенным в летописях русских университетов»¹³⁴.

Особенностью «журналов» 1780 г. является еще и то, что на их полях записаны не стихотворения, а разрозненные заметки автора о русской и западноевропейской литературе, о жанрах и рифме и т. п. Говоря о поэзии, Муравьев отмечает наряду со «стихотворцами отменного достоинства» молодых начинающих авторов, добавляя после этого: «Может быть тысяч несколько в России просвещенных и чувствительных молодых людей, знающих наизусть Вергилия и Волтера и им подражающих». В записях встречаются имена Ломоносова и Сумарокова, Хераскова и Майкова, Ржевского и Корина, Нарышкиных и Хвостовых, Сушковой и Гагарина и др. Здесь же записано высказы-

¹³⁰ Шредер Софи Шарлотта (1714—1793) — нем. актриса, жена К. Аккермана (см.: Театральная энциклопедия. М., 1967. Т. 5. Стб. 920).

¹³¹ Гакман Иоганн Фридрих, адъюнкт Российской Академии наук, географ, в 1782 г. был академическим конректором (см.: Русский биографический словарь. М., 1914. [Т. 4]. С. 117).

¹³² Барсов Антон Алексеевич (1730—1791) — профессор Московского университета, с 1761

г. — преподаватель красноречия, с 1771 г. — секретарь Вольного российского собрания при Московском университете (см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета. Ч. 1. С. 50—62).

¹³³ Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. Ч. 3. С. 269.

¹³⁴ Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Спб., 1889. Т. 1. С. 13.

ний и фрагмент I драматического произведения. Основной корпус этого «журнала» составляют произведения 1779 и 1780 гг. Здесь же Муравьев поместил стихи 1776, 1778 гг., отмечая время их создания; 5 явлений II действия «Болеслава», записанные в разные годы; несколько стихотворений более поздних (1784, 1786, 1800 гг.); ряд недатированных сочинений.

Кроме того, здесь рукой Муравьева записано стихотворение его друга В. В. Ханькова. Как и в других «журналах», в седьмом есть переводы из античных авторов (Софокла, Феокрита, Вергилия, Горация, Овидия), современных французских (Бертена, Вольтера), немецких (Виланда) и итальянских (Метастазιο) поэтов. В некоторых стихотворениях встречаются незначительные исправления иногда отдельных слов («Отрывок к В. В. Ханькову», басни), иногда строк («Перевод третьего Виландова письма») или более значительная правка («Болеслав», «Обаяние любви»).

Часть листов остались чистыми, правда, на некоторых встречаются названия произведений, переводами которых намеревался заняться Муравьев. Одни предназначались для «Лирических опытов», на других он собирался записать поэму «Полтавский бой» или «Письмо к Аф[анасию] Матв[еевичу] Брянчан[инову]», которое так и не было написано. Позднее, видимо после смерти А. М. Брянчанинова, Муравьев поместил на этом листе четверостишие:

Ты жил еще со мной, спокойной зритель света,
И числил жития прекраснейшие лета,
Как именем твоим я лист сей украшал
И времени его наполнить оставял.

Брянчанинову посвящено и еще одно стихотворение из этого «журнала» («К А. М. Брянч[анинову]»), датированное янв. 1780 г. Здесь же записаны «Эпистола к Ф. Н.»¹³⁶, «В записной книжке Ивана Матвеевича [Муравьева-Апостола]»¹³⁷ и др.

Два стихотворения из этого «журнала» были напечатаны еще при жизни поэта: в 1780 г. в «Утреннем свете» («Об учении природы. Пис[ь]мо к В. В. Ханькову») ¹³⁸ и отдельным изданием в 1784 г. («Надпись к изображению Алины») ¹³⁹. В «Вестнике Европы» в 1810 г. была опубликована «Эпистола к И. П. Тургеневу» ¹⁴⁰, которая в данном «журнале» записана без адресата, и в «Стихотворениях» 1967 г. — пять стихотворений.

Итак, данная рукопись с наибольшей полнотой отражает эволюцию поэтического творчества Муравьева, которое стало «своеобразным мостиком от поэзии классицистов к поэзии сентименталистов» ¹⁴¹; «эмоциональная окраска, субъективность, неопределенность образов» его поэзии «вели к романтизму» ¹⁴². Эта рукопись занимает особое место среди творческих рукописей поэта, представляющих собой, как правило, или тексты отдельных произведений, или подборки стихотво-

¹³⁶ Муравьева Федосья Никитична (1760? — 1792?) — сестра поэта, жена С. М. Лунина. Сведений о ней почти нет (см.: Письма русских писателей XVIII века. С. 360—361).

¹³⁷ Муравьев-Апостол Иван Матвеевич (1765—1851) — двоюродный брат поэта, поэт и государственный деятель.

¹³⁸ Неустроев А. Н. Историческое розыскание. С. 237.

¹³⁹ СК. Т. 2. № 4379.

¹⁴⁰ Кулакова Л. И. Примечания. С. 331.

¹⁴¹ Орлов П. А. Русский сентиментализм. С. 94.

¹⁴² Кулакова Л. И. Поэзия М. Н. Муравьева. С. 29.

рений, предназначавшихся для издания, или записные тетради, в которых редкие поэтические упражнения перемежаются записями по различным отраслям знаний, заметками дневникового характера, выписями из книг и т. п.

Помимо произведений, вошедших в рассмотренную рукопись, в фондах отдела хранятся еще несколько стихотворений Муравьева. В частности, это его перевод неустановленного автора «Под вселенной...», с параллельным подстрочником, который позволяет проследить работу Муравьева над текстом и ясно показывает, что в поисках собственного стиля поэт не стремился к передаче индивидуального своеобразия оригинала. На этих же листах сделан набросок стихотворения «В избрании картин мой разум упражнялся...».

В небольшой тетради с ученическими упражнениями записано стихотворение «К А. В. Н[арышкину]», опубликованное Л. И. Кулаковой по списку¹⁴³, имеющему значительные разночтения с нашим. По этому списку можно проследить большую работу поэта (он содержит до трех вариантов некоторых строк).

На отдельном листе помещены «Стихи к Якову Борисовичу Княжнину», которые представляют собой черновой вариант стихотворения, встречающегося и в книге (л. 67) и относящегося к 1780-м гг. Здесь же Муравьев сделал запись с размышлениями о собственном творчестве (подобные записи часто встречаются в его тетрадях и отражают внутреннее его состояние в 1780-х гг.): «Я более не верю в восхищение стихотворца и мудреца, будучи некоторое время услаждаем мечтою быть и то и другое. Сердце мое претерпело катастрофу самую несчастную и почти невероятную». Причина творческого кризиса поэта в это время кроется в некоторой внутренней противоречивости его эстетических взглядов: недооценивая собственные литературные опыты в новых формах, он большое значение придает традиционным жанрам классицизма, не находя в них, однако, отклика своим поискам индивидуального стиля.

Проза Муравьева представлена в фондах отдела не так обширно, как его поэзия. В основном это отрывки черновых автографов часто уже опубликованных произведений. По ним нельзя составить целостного представления о прозаическом наследии писателя, но они имеют немалое значение для пополнения его архивных материалов. Прозаические произведения Муравьева были частично опубликованы в конце XVIII в.¹⁴⁴ Более полно они вошли в посмертные издания, подготовленные Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским, К. Н. Батюшковым¹⁴⁵. Однако эти издания не отличались точностью передачи текстов, которые к тому же и не датировались. Все это затрудняло исследование прозы Муравьева, ее эволюции и жанрово-стилистического своеобразия. Лишь недавно появилась монография И. Ю. Фоменко, посвященная его прозаическому творчеству, «самобытному и самостоятельному», оказавшему определенное влияние на писателей младшего поколения¹⁴⁶. В

¹⁴³ См.: Муравьев. 1967. С. 198—199.

¹⁴⁴ Как учебные курсы для великих князей при Имп. типографии были изданы (без указания года): «Историческое изображение России в седьмом-надесять веке»; «Эпохи Российской истории»; «Нравственные изображения». К этому же времени относятся (без указания года) «Эмильевы письма»; «Собрание писем различных творцов, древних и но-

вых»; «Утренняя прогулка»; «Феона»; «Утро». С указанием года вышли: «Разговоры мертвых» (СПб., 1790), «Опыты истории писмен и нравоучения» (СПб., 1796).

¹⁴⁵ См.: Муравьев М. Н. Опыты истории, словесности и нравоучения. Ч. 1—2. М., 1810; Он же. Обитатель предместья и Эмильевы письма. СПб., 1815; Он же. Полн. собр. соч.

¹⁴⁶ Фоменко И. Ю. Проза М. Н. Муравьева.

исследовании широко представлены рукописные материалы сложного и до сих пор малоизученного архива Муравьева, которые позволили создать целостную картину формирования его прозы и наметить основные этапы творчества. Выявленные нами материалы не разрушают сложившейся концепции жанрово-стилистических особенностей творчества писателя, которое рассматривается исследователем как «процесс сознательных поисков собственного стиля, стиля, адекватно выражающего своеобразие его личности»¹⁴⁷.

Прозаические произведения Муравьева в фондах отдела представляют две неравнозначные группы: несколько сочинений художественно-литературного характера, относящихся к первому этапу его творчества (1770-е — нач. 1780-х гг.), и значительно большая часть историко-литературных, исторических и философских сочинений периода его преподавания русского языка, словесности, истории и нравственной философии вел. кн. Александру и Константину (середина 1780-х — середина 1790-х гг.).

Проза Муравьева отражает особенности развития всей русской прозы последней трети XVIII в., когда основные поиски в области малых жанров и особое значение приобретали формы, стоящие на грани между художественной и документальной литературой. Недооценка Муравьевым собственных литературных опытов привела, по наблюдениям И. Ю. Фоменко, к тому, что «значительная часть его прозаических произведений этого периода осталась незавершенной»¹⁴⁸.

По сохранившимся черновым отрывкам иногда трудно определить, являются ли они дневниковыми записями, реальными письмами или же набросками прозаических произведений. Такое промежуточное положение занимают, например, его размышления об эпистолярном жанре, начало которых утрачено. Здесь в значительной степени проявляются художественные вкусы и взгляды, присущие сентиментализму, когда «способность чувствовать становится высшим мерилom достоинств личности»¹⁴⁹. Эта же способность, по мнению Муравьева, воплощенная в художественном произведении, в эпистолярном жанре в частности, определяет истинную его ценность, стоящую значительно выше всех риторических приемов. Отмечая, что «чувствования несравненно более украшают письмо, нежели величественная красота красноречия», Муравьев видит «совершеннейший образец сего рода» в остроумных и непринужденных письмах французской писательницы XVII в. Севинье¹⁵⁰, «весьма чувствительной и разумной женщины» (преклонение перед разумом столь же характерно для Муравьева-просветителя, как и перед чувствами).

На обороте этого же листа — его заметки 1770-х гг. о круге чтения образованного человека, о собственных внутренних качествах («Все мои чтения суть черезчур бездельны...»). Важным здесь представляется его размышление о ценности исторических сочинений, которое состоит в том, что «хорошие книги исторических» должны больше привлекать человека, стремящегося к просвещению, чем романы, стихотворения, комедии и т. д., поскольку они содержат необъятный материал для познания.

¹⁴⁷ Фоменко И. Ю. Проза М. Н. Муравьева.

¹⁴⁸ Там же. С. 11.

¹⁴⁹ Стенник Ю. В. Эстетическая мысль в России XVIII в. // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л.,

1986. С. 47. (XVIII век. Вып. 15).

¹⁵⁰ Письма Севинье к дочери были опубликованы на фр. яз. в 1726 г. (см.: Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6. Стб. 718).

С этими заметками перекликаются другие — «Происшествие для меня весьма приятное...», близкие к эпистолярному жанру. Хотя и более поздние, они соотносятся с предыдущими рассуждениями о преимуществах просвещения, от которого, по мнению Муравьева, зависит благополучие человека.

Форму письма имеет еще один отрывок («Ты спрашиваешь меня, любезной друг мой, как я здесь провожу время...»), в котором автор рассказывает о своем пребывании у Феоны. В поэтических произведениях под этим именем Муравьев неоднократно изображал свою сестру — Ф. Н. Муравьеву¹⁵¹.

В ряду отрывков художественно-литературных сочинений особое место занимает «Утренняя прогулка»¹⁵². Это черновой автограф небольшого произведения, написанного в популярном для XVIII в. жанре «прогулки», который был носителем «большого и актуального философского содержания»¹⁵³, чем и объясняется внимание исследователей к этому произведению.

Другая группа прозаических произведений — это историко-литературные, исторические и философские сочинения. Еще К. Н. Батюшков подчеркивал, что они заслуживают особого внимания, потому что «начертаны пером ученого, политика и философа»¹⁵⁴. Эти сочинения, представленные в фондах отдела в основном отрывками, отчасти показывают широкий диапазон интересов Муравьева, которые не ограничивались только теми предметами, которые в это время он преподавал великим князьям. Прежде всего, это три отрывка его статьи «Взгляд на историю писем»¹⁵⁵. Один из них имеет незначительные стилистические разночтения с опубликованным текстом; два другие являются черновыми вариантами одного из фрагментов работы.

Среди исторических сочинений есть тексты, вошедшие в ранние издания: «Августов век»¹⁵⁶, «Войны, которая имела Россия с Польшею и Швециею»¹⁵⁷, отрывок из «Краткого начертания Российской истории»¹⁵⁸. Все они имеют разночтения с опубликованными текстами. В них отчасти отражаются исторические взгляды Муравьева, которые складывались под влиянием французской просветительской историографии. Но в силу того, что он, по наблюдениям И. Ю. Фоменко, «вполне сознательно выбирал ту точку зрения, которая казалась ему наиболее убедительной»¹⁵⁹, в его работах встречаются высказывания, противоречащие идеям и Монтескье, и Руссо.

Ставя перед собой прежде всего педагогические цели, Муравьев не стремился к простому собиранию и исследованию фактов, а пытался создать целостную картину исторического развития, написанную доступно и выразительно, где бы философские обобщения соединились с живым изложением (в этом отношении его курс русской истории стал непосредственным предшественником «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина¹⁶⁰). Это привело писателя к созданию таких про-

¹⁵¹ См.: Муравьев. 1967. С. 179.

¹⁵² См.: СК. Т. 2. № 4385.

¹⁵³ Фоменко И. Ю. Проза М. Н. Муравьева. С. 14.

¹⁵⁴ [Батюшков К. Н.] Письмо к И. М. М. А. о сочинениях г. Муравьева // Муравьев М. Н. Обитатель предместья и Эмилиевы письма. С. XVI—XVII.

¹⁵⁵ См.: Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. Ч. 3. С. 167—168.

¹⁵⁶ Там же. Ч. 2. С. 55—58.

¹⁵⁷ Там же. С. 128—131.

¹⁵⁸ Там же. С. 288—291.

¹⁵⁹ Фоменко И. Ю. Исторические взгляды М. Н. Муравьева // Проблема историзма в русской литературе: конец XVIII — начало XIX века. Л., 1981. С. 174 (см. также: С. 169—170).

¹⁶⁰ См.: Там же. С. 169.

изведений, в которых история облекалась в беллетристическую форму. Например, в небольшом сочинении без названия («Корнелия, знатная женщина римская...»), сохранившемся в двух черновых вариантах, как исторический пример приводится рассказ о женщине, почитавшей свое счастье в воспитании сыновей.

Некоторые автографы представляют собой небольшие черновые заметки по той или иной теме. Таковы заметки о переселенцах в Россию на листе с незавершенным рассказом о Корнелии, о кардинале Ришелье («Никогда частной человек не наслаждался большею властью...»), о подлежащем и сказуемом.

Несколько статей посвящено философско-политическим вопросам. Одна из них — «Законодатели» — была опубликована¹⁶¹. Однако в публикацию не была включена завершающая часть: о владычестве «твердого монарха» Рюрика, об укрощении им «своевольного народа повгородского», о «напрасной» попытке Вадима завладеть престолом, то есть часть, касающаяся злободневных для конца XVIII в. вопросов. Тема законодательной власти разрабатывается также в статье «Мудрецы-законодатели». Философско-психологические вопросы затрагиваются в заметках о добродетели («Хотя добродетель состоит вся в исполнении...»). Юридическим проблемам посвящены статья «О происхождении власти и подчинении в гражданском обществе» и заметки о движимом и недвижимом имуществе («Именья разделяются на движимые и недвижимые...»), которым также свойственны стилистические признаки историко-философской прозы Муравьева.

Опыты Муравьева в области *драматических жанров* представлены в фондах отдела рукописей небольшими отрывками в составе уже рассмотренной книги, а также в виде отдельных единиц. В отличие от поэтического и прозаического наследия драматургии Муравьева до сих пор не привлекала к себе внимание исследователей¹⁶². Его драматические произведения, не опубликованные при жизни и в основном не включенные в посмертное собрание сочинений¹⁶³, действительно не оказали никакого влияния на развитие русской драматургии XVIII в. Однако в них отразились важные литературные процессы того времени и особенности формирования творческих интересов самого Муравьева. Поэтому своевременное введение в научный оборот сохранившихся материалов, воссоздающих наиболее полную картину его увлечения драматическими жанрами, особенно важно для дальнейших исследований.

Драматические произведения, ранее известные по спискам ГПБ¹⁶⁴, дополняются теперь еще несколькими пьесами. Наибольшую ценность среди них имеют отрывки трагедии «Болеслав», к которой Муравьев

¹⁶¹ Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. Ч. 3. С. 88—89.

¹⁶² Основные драматические произведения М. Н. Муравьева, в лучшем случае, упоминаются в исследованиях, посвященных его творчеству, но совершенно обходятся стороной в работах о русской драматургии XVIII в. (см.: Русские драматурги XVIII—XIX вв. Л.; М., 1959; История русской драматургии: XVII — первая половина XIX века. Л., 1992).

¹⁶³ Здесь была опубликована лишь «драматическая сказочка» «Доброе дитя» (Полн. собр. соч. Ч. 1. С. 253—269), впервые изданная в 1789 г.

¹⁶⁴ В «журнале» 1771 г. содержится героическая комедия «Добродетельная ложь» (ГПБ, ф. 499, № 38), к этому же времени относятся трагедия «Дидона» (№ 37). Сохранились тексты одноактной пьесы «Добросердечный» (№ 35) и незаконченной пьесы «Добрый барин» (№ 36), писарские списки незаконченной трагедии «Клитемистра» (№ 40) и комедии «Простосердечная, или Сила первой склонности» (№ 46) и др. Писарский список «Дидоны» хранится также в архиве Н. С. Тихонравова (ф. 298.1. № 7.15, л. 5—26 об.).

обращался на протяжении нескольких лет¹⁶⁵. Первое действие «Болеслава» записано на листке, сложенном вчетверо, с указанием: «...приключение почерпнуто в Солиньяке в Емине т. II, стр. 277» (имеется в виду «История польская» Солиньяка, переведенная Ф. А. Эминым и изданная в 1766 г.¹⁶⁶). На свободной части листа в 1779 г. Муравьев сделал запись, рассказывающую о работе над этим произведением, начало которой относится к 1775 г. и связано с чтением трагедии Вольтера: «В январе, я думаю, 1775 года, ежели не в 74, попалась мне в руки „Аделаида“ Вольтерова. Ея чтение внушило мне сильное желание подражать. Тогда же в Емине, ища содержания трагедий, нашел я сие. Тогда я сделал первые стихи перваго явления. Но они лежали, помнится, до сентября 1775 г. В сем месяце написал я первое действие и половину следующего».

Запись продолжается сообщением о том, что автор читал свою трагедию И. А. Дмитревскому, знаменитому русскому актеру, который пользовался всеобщим уважением в литературных кругах и мнение которого имело большое значение для молодого писателя. Он отмечает, что Дмитревский «не совсем был доволен тирадами о политике». Из этой же записи следует, что трагедия читалась и в кругу друзей, которые «противуполагали... недостаток причины» отдельных стихов произведения, то есть недостаточную мотивировку сценического действия. В 1777 г. Муравьев в письмах к отцу и сестре сообщал о том, что трагедией интересовался и хотел с ней ознакомиться М. М. Херасков¹⁶⁷, за задержку в работе над ней его упрекал И. И. Хемницер¹⁶⁸.

Замечания, сделанные авторитетными знатоками драматургии и близкими друзьями, заставили Муравьева переделать некоторые места трагедии или, как он сам пишет, «вообразить два или три составления сего действия». Второе действие «Болеслава», записанное в седьмом «журнале» и датированное 1777 г., прелит многочисленными исправлениями, которые отражают работу Муравьева над текстом трагедии и будут весьма интересны для исследователей.

В «журналах» встречаются небольшие отрывки и других драматических произведений: монолог Сумбеки из первого явления трагедии «Сумбек»; первое явление драмы «Ерисия, или Вестальская дева»; «Гамлетов монолог из Шекспира»; два явления драмы «Амфион».

Следуя традиции классицизма, Муравьев обращается к античным сюжетам, а также к русской и польской истории, считая для себя образцами трагедии Расина, Корнеля, Вольтера. Начинающего поэта привлекают те же формы, над которыми трудятся в это время крупные писатели — М. М. Херасков, В. И. Майков, Я. Б. Княжнин и др.¹⁶⁹. Вспоминая Вологду, он пишет: «Более, может быть, нежели теперь, прельщался я тогда быть творцом трагедий. В 1771 писал уже я „Дидону“». Наряду с трагедиями европейских авторов, большое значение для него имели трагедии Ломоносова и Сумарокова.

К более позднему периоду (1780-е гг.) относятся отрывки поэтической драмы «Аладин», которая, вероятно, как и большинство его про-

¹⁶⁵ В архиве Н. С. Тихонравова сохранился писарский список (середины XIX в.) двух действий «Болеслава» (ф. 298.IV, № 3.33). В ГПБ наряду с писарским списком трагедии (№ 33) есть также и автограф первых двух действий этого произведения (№ 48).

¹⁶⁶ СК. Т. 3. № 6691.

¹⁶⁷ См.: Письма русских писателей XVIII в. С. 273.

¹⁶⁸ См.: Там же. С. 320.

¹⁶⁹ См.: Стенник Ю. В. Драматургия русского классицизма. Трагедия // История русской драматургии: XVII — первая половина XIX века. Л., 1982. С. 58—108.

заических произведений этого периода, связана с работой в качестве воспитателя великих князей. В фондах отдела рукописей сохранились два отрывка этой драмы. Второй из них предваряется кратким изложением сюжета, который и позволяет говорить о воспитательной направленности этого произведения, где главным действующим лицом является великодушный и самоотверженный Аладин, сын шерифа Гурадина. Примечателен в этом отношении конец драмы: «Вдруг является Гений, возвещающий ему [Аладину], что после опытов добродетели, которой показал в сей день Аладин, Бассорейской Сенат возводит его на престол. Сей старец-волшебник, в истинном виде своим, подносит ему корону. Но он, соединяя к человеколюбию и великодушную кротость, просит в свой черед Гения, чтобы он корону дал отцу его, а ему позволил учиться добродетелям царским под руководством Гурадина и доброго волшебника». Так, очевидно, Муравьев рисовал перед своими воспитанниками положительный образ достойного наследника престола.

Несколько позднее работает Муравьев над прозаической комедией «Простосердечная, или Сила первой склонности», два отрывка которой также хранятся в наших фондах¹⁷⁰.

Завершая обзор творческих рукописей писателя, следует сказать о фрагменте одного из его «журналов» и тетради с дневниковыми записями. И то и другое по сути своей — *записные тетради*.

Фрагмент относится к тверскому «журналу» 1776 г.¹⁷¹. В нем содержатся выписки и заметки на итальянском, латинском, русском и французском языках по самым разнообразным вопросам: о математике и медицине, об Италии и Болгарии, о Плутархе и Татищеве; заметки по психологии и разыскания о происхождении названия Киммерийского пролива; размышления о жанрово-стилистических особенностях оды и эпиграммы и небольшое сатирическое сочинение «Список с артикула новгородского полковника Мирона Баишева». Наряду с краткими (для памяти) заметками о настоящем имени Метастазии или о Скородумове («Славной наш гравер г. Скородумов живет в Лондоне»¹⁷²), сделан прозаический перевод явления «из Еврипидова Ипполита». Здесь же записано «Письмо к г. Карманову», опубликованное Н. С. Тихонравовым¹⁷³.

Вторая записная тетрадь содержит дневниковые записи 1779 г., озаглавленные «Успехи учения». Разбирая на страницах этого дневника «Краткую российскую историю» М. В. Ломоносова и «Историю» Ф. А. Эмина, Муравьев думает над вопросами, обсуждавшимися в XVIII в. европейскими и русскими теоретиками¹⁷⁴. Здесь же он сообщает о театральных постановках, рассказывает о своих встречах с известными людьми («Вас. Петр. Колычов зделал мне честь со мною разговаривзть о театре, пригласить меня к чтению своей пьесы „Адель-

¹⁷⁰ В ГПБ встречаются отрывок ранней редакции этой комедии в составе сборника 1797—1801 гг. (ф. 499, № 29, л. 24) и незавершенная окончательная редакция (ф. 499, № 46, 47).

¹⁷¹ Первые 10 л. этого журнала («1776. Novembre. Twer») хранятся в ГПБ (ф. 499, № 27). Копия русских текстов всего журнала находится в архиве Н. С. Тихонравова (ф. 298.1. № 25.3).

¹⁷² Скородумов Гавриил Иванович — известный русский гравер XVIII в., в 1773—1782 гг. находился в Лондоне (см.: Русский биографический словарь. Спб., 1904. [Т. 18]. С. 609—610).

¹⁷³ См.: Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т. 4. Отд. 3. С. 69.

¹⁷⁴ См.: Фоменко И. Ю. Проза М. Н. Муравьева. С. 16.

сон и Сальвини¹⁷⁵), говорит о своих упражнениях «в объяснении некоторых понятий из географии и истории» и разбирает поэму М. М. Хераскова «Россиада»¹⁷⁶.

Эти две небольшие записные тетради также свидетельствуют о необычайно разносторонних интересах Муравьева, сохранившихся в течение всей жизни и позволивших принести неоценимую пользу отечественной науке и просвещению. Первые ростки этих интересов видны уже в его *ученических работах*, когда он пытался живо вообразить картины недавнего прошлого или упражнялся в переводах с немецкого и французского языков. Тетради с его упражнениями относятся к периоду обучения в Московском университете. Уже в это время проявились незаурядные способности Муравьева: «...он не доволен был классическими книгами, но старался разбирать труднейшие сочинения, особливо на латинском языке»¹⁷⁷. Это пристрастие к древней филологии осталось у него навсегда.

Материалы служебной и общественной деятельности представлены заметками Муравьева к проектам уставов Российской Академии и лицеев, относящимися к нач. XIX в., когда Александр I привлек его к делу народного просвещения¹⁷⁸.

В сентябре 1802 г. Муравьев был назначен товарищем министра народного просвещения¹⁷⁹, в ведение которого входили Главное училищное правление, Академия наук и Российская Академия, университеты и училища, типографии, народные библиотеки, музеи и «всякие учреждения, какие впредь для распространения наук быть могут»¹⁸⁰. В январе 1803 г. он был назначен попечителем Московского учебного округа и Московского университета¹⁸¹.

В функции Министерства народного просвещения входила разработка уставов университетов, гимназий и училищ. В качестве товарища министра и попечителя Московского учебного округа Муравьев принимал деятельное участие в создании Устава Московского университета и Устава учебных заведений. В 1803 г., после инспекции ряда губерний Московского учебного округа, он хлопотал об открытии там губернских гимназий¹⁸²; в 1806 г. представил министру народного просвещения разработанное им постановление об академической гимназии, воспитанники которой должны были «распространить учение в гимназиях» округа¹⁸³.

Попечительская деятельность М. Н. Муравьева была очень напряженной и разнообразной. Он многое сделал для университетской библиотеки: постоянно пополнял ее, заботился о составлении каталога и правил хранения и «употребления» книг и журналов, проектировал

¹⁷⁵ Пьеса В. П. Колычева была издана в 1781 г. (см.: СК. Т. 2. № 3043).

¹⁷⁶ См.: Мартынов И. Ф. Библиотека и читательские дневники М. Н. Муравьева // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1980. Л., 1981. С. 51.

¹⁷⁷ Для биографии Михаила Никитича Муравьева. С. 169.

¹⁷⁸ В архиве М. Н. Муравьева в ГПБ сохранились проект организации Министерства народного просвещения, заметка об организации школ, Устав Петербургской АН, заметки о Московском университете и т. п. (см.: Аннотированный указатель рукописных фондов ГПБ. Л., 1983. Вып. 3. С. 95—96). Отчеты

о деятельности попечителя Московского университета опублик.: Шевырев С. П. История Московского университета. С. 327—333, 336—339.

¹⁷⁹ См.: Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802—1902). Спб., 1902. С. 37.

¹⁸⁰ Там же. С. 36.

¹⁸¹ Там же. С. 44.

¹⁸² См.: Шевырев С. П. История Московского университета. С. 332, 336, 340—341.

¹⁸³ Там же. С. 375—376.

специальные здания для нее и музея, вел переговоры о создании университетской книжной лавки¹⁸⁴. В это же время он приглашал для преподавания в университете иностранных профессоров¹⁸⁵; основывал университетские научные общества (Общество истории и древностей российских, Общество соревнования медицинских и физических наук, Общество испытателей природы)¹⁸⁶, уделял много внимания издательской деятельности университета¹⁸⁷.

Однако некоторые замыслы Муравьева остались неосуществленными или осуществились значительно позднее. Так, он предполагал наделить университетский пансион особыми правами и привилегиями, что было сделано лишь после 1818 г. Не воплотились в жизнь его намерение преобразовать университетскую гимназию в лицей¹⁸⁸, а также его проект создания лицеев в Казани, Пензе, Твери. Лицей был новым типом школы, соединявшим университетский и гимназический курсы, который определился в период разработки уставов различных учебных заведений¹⁸⁹. В это время и позднее было открыто несколько лицеев: Демидовский в Ярославле (1803), Царскосельский (1811), Нежинский (1820), о создании которого граф И. А. Безбородко хлопотал еще в 1805 г.

А вот Казань, Пенза и Тверь так и не дождалась открытия своих лицеев, основные направления деятельности которых были определены М. Н. Муравьевым в его проекте устава лицеев. Он предусматривал там чтение курсов «писмен российских», логики, математики, физики, истории и древних языков, проведение «публичных экзаменов для соревнования». Для привлечения детей благородного сословия, которое предпочитало домашнее образование и не отдавало своих детей в училища¹⁹⁰, Муравьев предлагал «учить языки французский и немецкой, желающим иметь библиотеку». Лицеи, по его проекту, должны были подчиняться университету, а при определенной численности студентов (100 человек) преобразовываться в университет; преподавать там должны были профессора.

Общественная деятельность М. Н. Муравьева была теснейшим образом связана со служебной и направлена на просвещение, а также на развитие отечественной науки: он являлся членом различных научных обществ и академий; в 1804 г. по предложению президента Российской Академии А. А. Нартова он был избран академиком. Его деятельность высоко оценивалась и современниками, и учеными более позднего времени. М. И. Сухомлинов писал о Муравьеве: «В течение последних лет своей жизни он неутомимо действовал на общественном

¹⁸⁴ См.: Сорокин В. В. История библиотеки Московского университета (1800—1917). М., 1980. С. 11—13.

¹⁸⁵ См.: Шевырев С. П. История Московского университета. С. 341—343.

¹⁸⁶ Там же. С. 349—353.

¹⁸⁷ При университете в 1804—1807 гг. издавались «Московские ведомости», «Вестник Европы», «Друг просвещения», «Друг юношества», «Периодическое издание о полезных изобретениях, ремеслах и искусствах» и другие периодические издания, в которых Муравьев принимал деятельное участие. Так, например, «Московские ученые ведомости» были журналом, в котором «исполнялась любимая мысль Муравьева» — «печатал превос-

ходную библиографию замечательных ученых сочинений... следил всю ученую деятельность Университета и его обществ и давал в ней постоянный отчет» (См.: Шевырев С. П. История Московского университета. С. 379—380).

¹⁸⁸ См.: Сушков Н. В. Московский университетский благородный пансион... С. 49; Шевырев С. П. История Московского университета. С. 373—375.

¹⁸⁹ См.: Рождественский С. В. Исторический обзор... С. 74—76.

¹⁹⁰ См.: Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. С. 132.

поприще, вырабатывая систему народного образования, и устраивая высший рассадник просвещения, и подавая свой разумный голос по многим вопросам... Он был членом комитета для издания периодических листков, рассматривал сочинения, представляемые на соискание академических наград, и т. д.»¹⁹¹.

Его анализ соискательских сочинений отличался глубиной и тонкостью¹⁹², а собственные работы имели подлинно научный характер. Так, при составлении словарных статей для академического словаря Муравьев «не прибегал к обычным тогда филологическим гаданиям, а справлялся с памятниками русской литературы и, где было нужно, с текстами: греческим, латинским и др.»¹⁹³.

В архиве И. Е. Бецкого находятся черновые заметки Муравьева к проекту Устава Российской Академии (ф. 32, № 16.59)¹⁹⁴, в которых большое внимание уделяется ежемесячному академическому изданию. Эти труды, по мнению Муравьева, должны были состоять «из разсуждений о российском слове, разложений красот российских классиков, стихотворений членов Академии и посторонних, удостоивших Академию, выписки из протокола Академии, отрывков истории и древностей российских, из писем отсутствующих членов, содержащих известия новых сочинений и критику оных. Состояние российского театра. Назначение переводов древних и новых писателей. Предложение награждений». Эта часть его заметок с незначительными изменениями легла в основу 22-й статьи проекта Устава Российской Академии, в котором и все другие его положения также отражены¹⁹⁵.

Следующий автограф Муравьева иллюстрирует иной аспект его служебной деятельности, не получивший такого широкого освещения в литературе: это черновой набросок донесения Александру I о прошении имеретинской царицы Анны, который был сделан им в период службы статс-секретарем по принятию прошений на имя императора. На эту должность он был назначен сразу после воцарения Александра I, питавшего к своему бывшему наставнику глубокое уважение и доверие.

Со служебной деятельностью Муравьева связаны и *письма*, сохранившиеся в отделе рукописей¹⁹⁶. Среди них письмо бывшему воспитаннику Московского университета Р. Ф. Тимковскому¹⁹⁷ по поводу

¹⁹¹ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Спб., 1885. Вып. 7. С. 260; см. также: То же. Спб., 1878. Вып. 4. С. 164, 167.

¹⁹² О разборе М. Н. Муравьевым трагедии П. Ю. Львова «Нума Помпилия» см.: Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 7. С. 260—266.

¹⁹³ Там же. С. 266, 267.

¹⁹⁴ В архив эти заметки были переданы наряду с другими материалами В. Н. Каразиным (см.: Мстиславская Е. П. Архив И. Е. Бецкого // Записки отдела рукописей. М., 1979. Вып. 40. С. 71, 81—83). Каразин был связан с Муравьевым по службе как правитель дел комиссии училищ при Министерстве народного просвещения. Вместе с другими членами министерства он принимал участие в составлении университетского устава,

общего плана училищ, предварительных правил народного просвещения и т. д. При его деятельном участии в 1805 г. был основан Харьковский университет, где в 1811 г. он был избран почетным членом (см.: Русский биографический словарь. Спб., 1897. [Т. 8]. С. 489, 497).

¹⁹⁵ См.: Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Спб., 1888. Вып. 8. С. 434—447.

¹⁹⁶ Следует отметить, что, кроме перечисленных ниже, в архиве А. А. Аракчеева сохранились копии двух его писем к М. Н. Муравьеву в составе «Журналов исходящих дел по части государевой» (ф. 471. № 1.1, л. 35 об.; № 3.15, л. 60 об. — 61).

¹⁹⁷ См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета. Ч. 2. С. 486—498.

его издания басен Федра (М., 1806). Экземпляр этих басен Муравьев преподнес императору и рассказал об этом молодому ученому в письме, приложив к нему пожалованную государем золотую табакерку. Часть писем и отношений (1804, 1806 гг.) адресована Муравьеву как статс-секретарю по принятию прошений и связана с самыми различными вопросами. Среди корреспондентов: Вигель Ф. Ф., Вилламов Г. И., Кочубей В. П., Куракин А. Б., Ливен Х. А., Протасов П. И., Ханьков П. И.

Письмо французского ученого В. Гаюи адресовано Муравьеву как товарищу министра народного просвещения и вызвано полученным им предложением преподавать в России. М. И. Невзоров, издатель журнала «Друг юношества», пишет Муравьеву в связи с выходом первой книги этого журнала, к которому тот как попечитель Московского университета проявлял большой интерес. Предположительно Муравьеву адресовано новогоднее поздравление молодого ученого, воспитанника и преподавателя Московского университета, доктора медицины С. А. Немирова.

Особое место в сохранившейся переписке занимает одно из писем Н. М. Карамзина¹⁹⁸. В нем содержится просьба доложить Александру I о желании и возможности автора «написать историю не варварскую и не постыдную для его царствования» и испросить ему скромное содержание на 5—6 лет, необходимое для написания труда. Муравьев, отзываясь на эту просьбу, не только ходатайствует за него перед государем, но и помогает получить разрешение пользоваться материалами различных библиотек и архивов, доставать необходимые книги, иногда выписывая их из-за границы. В письмах к Муравьеву Карамзин нередко рассказывал о работе над «Историей государства Российского» и своих планах. Оценивая значение деятельности Муравьева для подготовки этого труда, И. В. Киреевский отмечает: «Кто знает, может быть, без его благомысленного и теплого содействия Карамзин не имел бы средств совершить своего великого дела»¹⁹⁹.

Завершая обзор архивных материалов М. Н. Муравьева, следует упомянуть о сохранившемся черновике сопроводительной записки 1799 г. Герасиму Прокофьевичу Паранину (или Каракпну?) для проезда в Шлиссельбург и обратно и несколько подробнее остановиться на *каталоге* его библиотеки. «Опись книгам, принадлежащим Михайле Муравьеву» была начата им в 1798 г. и пополнялась до 1804 г. Она содержит 278 номеров, причем нередко под одним номером значатся от 2 до 21 тома; в конце описи есть отметка о наличии еще 53 «разных книг не номерованных» и одной карты, так что в общей сложности в описи учтено 615 книг. Данный каталог, наряду с отрывком другого каталога и читательскими записями в дневниках, позволил И. Ф. Мартынову достаточно полно воссоздать круг чтения Муравьева²⁰⁰, чье имя «принадлежит к числу самых почтенных имен в истории нашей умственной и общественной деятельности»²⁰¹.

¹⁹⁸ Письмо опубликовано среди прочих писем Н. М. Карамзина к М. Н. Муравьеву (см.: Москвитянин. 1845. № 1. С. 1—16).

¹⁹⁹ Там же. С. 3—4.

²⁰⁰ Мартынов И. Ф. Библиотека и читательские дневники М. Н. Муравьева. С. 48—62.

²⁰¹ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 7. С. 259—260.

Архивные материалы М. Н. Муравьева²⁰², сохранившиеся в фондах отдела рукописей и рассмотренные в данном обзоре, дополняют сложившиеся представления о разносторонней деятельности этого видного общественного и государственного деятеля, поэта и писателя, они позволяют исследователям решить самые различные проблемы, связанные с его жизнью и творчеством.

²⁰² Помимо рукописей самого Муравьева и уже упомянутых списков его произведений, в фондах отдела хранятся: писарские списки записок о Московском университете (ф. 298.III. № 4.3. Л. 61—72) и одного из «журналов» Муравьева с литературными и истори-

ческими записями (ф. 298.IV. № 3.51); список автобиографии Муравьева, сделанный рукою С. Д. Полторацкого (ф. 233. № 36.42); библиографические заметки о Муравьеве (ф. 233. № 58.21. Л. 19).

ПРИЛОЖЕНИЕ

В приложении к обзору публикуются описание архивных материалов М. Н. Муравьева из фондов отдела и тексты 6 стихотворений. Описываемый материал распределяется по разделам, предложенным в обзоре; каждый раздел имеет свою нумерацию.

В разделе «Творческие рукописи» описания расположены в алфавитном порядке заглавий. Первый абзац описания содержит порядковый номер произведения, заглавие, начальную строку (и конечную, если это отрывок), заключенную в круглые скобки. Заглавие приводится по описываемому автографу (при отсутствии в автографе — по публикации, в этом случае заключается в квадратные скобки). Описание стихотворения, не имеющего заглавия, начинается с первой строки. Перед конечной строкой ставятся две косые черты.

Во втором абзаце указываются: характер написания рукописи (автограф, черновой автограф), написание карандашом, язык, если он иностранный, наличие исправлений, степень законченности произведения, дата (дата, установленная нами, заключается в квадратные скобки). Здесь же указывается количество листов, их размер в см. Для описания текстов, вошедших в «Записную книгу», введены условные обозначения: *I—VIII* — номер «журнала»; *Л* — листы, не относящиеся к «журналам», включенные в книгу при переплете; *о* — тексты основного корпуса; *в* — тексты, вставленные позднее в основной корпус; *п* — тексты, записанные на полях. Даются листы, отмечаются пометы и надписи.

Далее следуют сведения о публикации; отмечается заглавие, отличающееся от данного в автографе. Приняты следующие сокращения: Муравьев. 1773. — Переводные стихотворения лейб-гвардии Измайловского полку каптенармуса Михаила Муравьева. Спб., 1773; Муравьев. 1775. — Оды лейб-гвардии Измайловского полку сержанта Михаила Муравьева. [Спб., 1775]; Муравьев. 1819—1820. — Полное собрание сочинений Михаила Никитича Муравьева. Спб., 1819—1820. Ч. 1—3; Муравьев. 1967. — Муравьев М. Н. Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л. И. Кулаковой. Л., 1967. (Б-ка поэта. Большая сер.). В конце последней строки приводится шифр рукописи, за исключением текстов из «Записной книги».

Для публикации отобраны тексты пяти стихотворений, относящихся к периоду расцвета поэтического творчества Муравьева, и одно из последних стихотворений поэта, в котором он подводит итог своей по-

этической деятельности. Стихотворения представляют интерес не только в плане поэтической формы, но и в аспекте изучения литературных взглядов Муравьева, осмысления им собственной позиции и своего места в русской литературе.

Орфография оригинала, отражающая особенности правописания в XVIII в., сохраняется. Знаки препинания расставляются в соответствии с современными требованиями пунктуации, в отдельных случаях сохраняется авторская расстановка.

Выражаем глубокую признательность А. Д. Червякову за помощь при работе над данным обзором и М. В. Байдиной за консультации по иноязычным текстам рукописей.

Каталог архивных материалов М. Н. Муравьева

I. Биографические материалы

1. [Аттестат об обучении в дворянской гимназии при Московском университете в 1768—1770 гг.]

Копия рукою М. Н. Муравьева. [Нач. 1780-х]. 1 л, 33,4×21,5. Лист нумерован: «14»; на об. заголовок: «Учительское состояние» и зарисовки двух мужских профилей.

Ф. 298.III, № 4.14, л. 14

II. Творческие рукописи

Стихотворения

1. *Андромаха к Пирру. Героида* («Ко Пирру пленница, Екторова жена...»)

Автогр. 1781. II в, л. 46.

2. *Ария* («О небо! Что со мною случилось...»)

Черновой автогр. с испр. 25 ф[евр. 17]81. I п, л. 31.

3. *«Афоня мой! Твои желания свершились...»*

Автогр. [1774?]. I в, л. 39.

4. *«Ах! Два года назад...»*

Черновой автогр. 10 авг. 1782. I п, л. 27.

5. *Басни* («Общественна напасть зверей отягощала...» // «...Которым сердце угнеталось»)

Автогр. Незаверш. набросок. [1779]. VII о, л. 117.

6. *Баснь* («Дуб некогда стоял; теперя нет ево...»)

Автогр. [1775]. II о, л. 48.

7. *Баснь. Змей и пила* («Неравным зубом кто острейшаго кусает...»)

Автогр. [1771]. I о, л. 8 об.

8. *Баснь. Ишак-хвастун* («Ишак, что некогда служил у архирея...»)

Автогр. [1775?]. I в, л. 34.

9. *Баснь. Подражание де Лафонтеню* («Гора в родах...»)

Автогр. [1771]. I о, л. 11. С пометой «5». Стихотворение IX в цикле «Стихотворческие леса» (записано по первоначальному заголовку «Различные роды стихов»; позднее зачеркнуто) (см.: Стихотворения, № 72, 230, 278, 327; Переводы, № 2, 76, 114, 132). (Муравьев. 1967. С. 74).

10. *Баснь. Старик и смерть* («Послушайте, скажу, что было на Руси...»)

- Автогр. с поздней припиской заключ. 6 строк. [1771]. I о, л. 12.
11. *Баснь. Феб и Борей* («С Бореем Феб узрел прохожого в пути...») Автогр. [1771]. I о, л. 31.
12. *Баснь 1. Волк и Лисица* («Лисице может ли приятелем быть волк...» // «...С вождем, который пасть на легку добычь быстр») Черновой автогр. Отр. [Втор. пол. 1770-х]. I в, л. 28. (Муравьев. 1967. С. 65—66. С разночтениями).
13. *Баснь первая. Конь* («Был конь, добра лошадка...») Черновой автогр. [Втор. пол. 1770-х]. I в, л. 29. (Муравьев. 1967. С. 54. С разночтениями).
14. *Басня* («Была-жила великолутчанка Лиса...») Автогр. [Втор. пол. 1770-х]. I в, л. 32.
15. *Басня* («К середине было тихой ночи...» // «...Что лучший цвет пред ним покажется вам томен») Автогр. Незаверш. набросок. [1779]. VII о, л. 123 об.
16. *Басня* («Мое воображенье...» // «...По предисловии приступим к делу») Автогр. Незаверш. набросок. 21 ф[евр. 1781]. III в, л. 61.
17. *Басня. Лев и мышь* («Однажды лев...» // «...Покрыту лапой мышку скушать») Автогр. Незаверш. набросок (зачеркнуто). [1776]. III о, 62 об.
18. *Басня. Собака и кошка* («Где царствует раздор, порядок утекает...») Автогр. [1774]. I в, л. 16—16 об.
19. [*Бедственное мновение. Сказочка*] («В деревне мальчик рос, Олешей звали...» // «...На легком челноке в пространстве вод носился») Черновой автогр. Отр. 16 авг. [1779]. I п, л. 30 об. (Муравьев. 1967. С. 163—164).
20. «*Без упражнения и разум тяжелеет...*» Черновой автогр. [Авг. 1782?]. I п, л. 22 об.
21. «*Без чтений, без систем...*» Черновой автогр. с испр. [1781—1782]. II п, л. 40 об.
22. «*Блажен, кто мог вещей причины разпознать...*» Автогр. [1774]. I в, л. 25 об.
23. «*Блажен, что на совет не иде нечестивых...*» Автогр. [1771?]. I о, л. 24. Первонач. вариант первых 2 строк записан текстом, не зачеркнут.
24. [*Богине Невы*] («Протекай спокойно, плавно...») Черновой автогр. с испр. и перечеркнутой 5-й строфой. 1794. III п, л. 74 об. — 75. (Муравьев. 1967. С. 234—236).
25. *Буриме* («Извольте: буду я пахать...») Автогр. Февр. [1780]. VII в, л. 129.
26. *Буря* («Какie громы ударяют...») Автогр. [Нач. 1780-х?]. I в, л. 28 об. (Муравьев. 1967. С. 244).
27. «*Был Геллерт философ...*» Черновой автогр. 5 м[арта? 1781]. I п, л. 13 об.
28. *Быль* («Во пределах каменистых...») Автогр. [1774]. I в, л. 23.
- 29—30. «*Быть должно Ариосту...*» Черновой автогр. 11 авг. 1782. I п, л. 12. То же. 2-я ред. Черновой автогр. [Кон. 1780-х — 1790-е]. III в, л. 77.
31. «*В Гомере естество всю хитрость изнуряло...*» Автогр. [Нач. 1780-х?]. I п, л. 27 об.

32. *В записной книжке Ивана Матвеевича [Муравьева-Апостола]* («Прелестной! соверши желание мое...»)

Автогр. 3 дек. 1780. VII в, л. 125. С пометой о месте создания стихотворения «Полоса».

33. «*В избрании картин мой разум упражнялся, // С которыми пнит в потомстве прославлялся. // За Ломоносовым я в лиру ударялся // И с Сумароковым кинжал свой изощрял, // В восторге приходил перед священну Трои, // Дерзал Ахилла петь военною трубою.*» [Полностью]

Черновой автогр. [1790-е?]. На листе с текстом стихотворения «Под вселенной...»

Ф. 298.IV. № 4.7

34. «*В очах душевныя движения приметны...*»

Автогр. [1774?]. I в, л. 34.

35. «*В пространстве, где миров катятся миллионы...*»

Автогр. [1771?]. I о, л. 31.

36. «*В шестнадцатом веку науки возцвели...*»

Автогр. [1774]. I в, л. 16.

37. «*Величие души, заслуги, добродетель...*»

Автогр. 6 мая 1800. VII в, л. 118 об. (Муравьев. 1967. С. 241).

38. «*Весною видим мы природы пробужденье...*»

Автогр. [1780-е?]. III в, л. 80.

39. «*Вещайте мудрецы, я вас теперь внемлю...*»

Автогр. по ранней записи. [1774?]. I в, л. 14.

40. «*Взадн златые кровы...*»

Черновой автогр. [1780-е?]. I п, л. 21.

41. «*Владети рифмой малость...*»

Черновой автогр. [1782]. I п, л. 23.

42. *Владычество красоты* («Зельмира!.. Ах! Сама рука начертывает...») Автогр. 19 и 24? ф[евр. 1]782. III в, л. 60. Первонач. загл. «Елегия».

43. *Возрождение письмен* («Владеньем варваров Европа униженна...»)

Автогр. [1790-е?]. VII в, л. 112 об.

44. «*Воспитанник богинь, любви в след идущих...*»

Автогр. [1778?]. III в, л. 88 об.

45. [Время] («Постойте: вобразим, друзья, бегуще время...»)

Черновой автогр. [1781—1782]. II п, л. 48. (Муравьев. 1967. С. 137).

46. «*Где меж своими остро[вами] // Пятью впадает рукавами.*» [Полностью]

Черновой автогр. [1774?]. I в, л. 39 об.

47. «*Героем быть нельзя простому дворянину...*»

Черновой автогр. [1781?]. I п, л. 12 об.

48. *Героида Корнелии к Помпею, по Фарсильской битве* («Сразили небеса несчастную меня...»)

Автогр. Чернила частично выцвели. 1778, 1795. III в, л. 69—69 об.

49. *Гимн Петру Львовичу Батюшкову. На пожалов[ание] капр[ала]* («Муз прекрасных председатель...»)

Автогр. [1774]. I в, л. 36 об.

50. «*Гораций прежде сам до сыта наедался...*»

Автогр. [1774]. I в, л. 26.

51. «*Град противников страшщий...*»

Автогр. по ран. записи. [1774?]. I в, л. 14.

52. «*Девец-воинственниц и витязей пою...*» // «...Для ней во Индии, в Тартарин великой»

- Авторгр. Незаверш. набросок. [Кон. 1770-х — нач. 1780-х]. III в, л. 88.
 53. *«Дитя, которое уроки получило...»*
 Черновой авторгр. [1781—1782]. I п, л. 26 об.
54. *Для стихотворства не надобен ум* («Я думаю, что я стихи свои ма-
 раю...»)
 Черновой авторгр. [1781—1782]. I п, л. 19.
55. *«До первого я дожил сентября...»*
 Черновой авторгр. 1785. I п, л. 36.
56. *Древняя эпиграмма* («Гомера семь градусов приемлют в гражда-
 нины: Ким, Смирна, Колофон, Хий, Пил, Аргос, Афины»). [Полностью]
 Авторгр. [1770-е]. I в, л. 21.
57. *«Едва лишь на кони взойти они успели...»*
 Авторгр. [1771]. I о, л. 39. С полустертой пометой внизу: «Алегория».
 Написано, вероятно, по поводу стихотворения «Надежда» (см. № 139).
58. *«Едва лишь только ночь казаться начинала...»*
 Авторгр. с испр. [1771]. I о, л. 30 об.
59. *Елена и Пармен* («Знали ль нежну вы Елену...» // «...Милой надо-
 бен дружок»)
 Авторгр. Отр. [1790-е]. IV в, л. 92. (Муравьев. 1967. С. 196—198. Под
 загл. «Неравный брак». С различениями).
60. *Ефесская вдова. Сказка* («Однажды видел вран, что с высоты неб-
 бес...» // «...Говеют обе днесь. Уж ночь. С гробницей рядом»)
 Авторгр. Незаверш. набросок. [1779?]. VII о, л. 126 об.
61. *Жалобы музам* («О вы, что первыя моею страстью были...»)
 Авторгр. [1775?]. II о, л. 42. (Муравьев. 1967. С. 145—146).
- 62—63. *Желание зимы. 1776 г.* («Проникнув из земли, былинка жить
 не чаёт...» // «...Свободен и легок»)
 Авторгр. Отр. [1799?]. III в, л. 86. (Муравьев. 1967. С. 158—159).
- Ода. Желание зимы* («Проникнув из земли, былинка жить не чаёт...»
 // «...Что рушится она»)
 Авторгр. Незаверш. набросок. [1776?]. III о, л. 73.
64. *«Женился Елпенор, и вот уж год пошел...»*
 Авторгр. [Нач. 1780-х]. III в, л. 89.
- 65—66. *Живописец* («Питомец Рюбенсов, гласит повествованьё...»)
 Авторгр. [1777?]. II в, л. 51. Под загл. «Басня. Живописец». (Му-
 равьев. 1967. С. 174—176. Под загл. «Живописец. Сказка»).
- То же* («Питомец Рюбенсов, гласит повествованьё...» // «...Сначала
 мнил свою он душу омраченну»)
 Авторгр. Отр. [Кон. 1770-х]. III в, л. 83 об.
67. [*Жребий Декартов*] («Декарт, которого премудрое сомненье...»)
 Черновой авторгр. карандашом. [1780-е—1790-е?]. Л, л. 138. (Му-
 равьев. 1967. С. 243).
68. *«Забава праздности, стихи нас забавляют...»*
 Авторгр. [1771]. I о, л. 4.
69. *Завещание* («Во здравой памяти, по крайней мере трезв...»)
 Черновой авторгр. [1781]. I п, л. 10 об.
70. *Загадка* («Спокойствия людей...»)
 Авторгр. Втор. пол. 1770-х. I в, л. 39.
71. *Загадка Гомеру от рыбаков* («Когда поймаем их, так в тот же час
 и бросим...»)
 Авторгр. [1770-е]. I в, л. 21.
72. *Звезды...* («Блестящи точки, вы толь малы нашему...»)
 Авторгр. [1771]. I о, л. 10 об. С пометой: «не писать». Стихотворение

- III в цикле «Стихотворческие леса» (см.: Стихотворения, № 9, 230, 278 327; Переводы, № 2, 76, 114, 132).
- 73—74. *Зила* («Заря уж заняла вокруг милыя места...» // «...И тихо ко-лебал, но Зилы не будил») Автогр. Отр. 1776—1777. III о, л. 80 об. (Муравьев. 1967. С. 167—168).
- Идиллия. Зила* («Заря уж заняла вокруг милыя места...») Автогр. 1777. II в, л. 51 об. (Муравьев. 1967. С. 167—168).
75. «*И если рифмы бы кропать...*» Черновой автогр. [1781—1782]. I п, л. 26 об.
76. *Идиллия* («Прелестная и резва Нина...» // «...Чтобы Нина мучилась присутствием монм») Черновой автогр. Отр. [1781—1782]. I п, л. 17. (Муравьев. 1967. С. 164—166. Под загл. «Примирение». С разночтениями).
77. «*Из самой маленькой крохи...*» Черновой автогр. 10 авг. 1781. I п, л. 20.
78. «*Иметь достоинство одно...*» Черновой автогр. [1781—1782]. I п, л. 5.
79. «*Искусной как пловец, что к пристани желает...*» Автогр., чернила выцвели. [1771]. I о, л. 4.
80. «*Искусства скучнее и бесполезней нет...*» Автогр. [1771]. I о, л. 9 об. Связано с записанными на этом же листе «Стихами, заданными на одни рифмы».
81. «*Искусство легкое писать без размышленья...*» Черновой автограф. [Кон. 1770-х?]. I п, л. 28.
- 82—83. *К А. В. Нарышкину* («Ходатай юной музы...») Черновой автогр. [Кон. 1770-х?]. I п, л. 37. (Муравьев. 1967. С. 198—199. Под загл. «К его превосходительству Алексею Васильевичу Нарышкину»).
- К А. В. Нарышкину* («Ходатай юной музы...») Автогр. с испр. [1790-е?]. Тетрадь с ученич. упражнениями. Ф. 298.IV. № 4.8. Л. 3—4
84. *К А. М. Брянчанинову* («Дню в мае месяце, спокойствием приятну...») Автогр. Янв. 1780. VII в, л. 129 об.
85. *К Алзоре* («Пленен заразами твоих невинных лет...») Автогр. [Нач. 1780-х]. VII в, л. 125.
86. *К В. В. Ханыкову?* («Ты хочешь иногда, о ветреной повеса...») Автогр. [1776?]. III о, л. 71 об.
87. *К г. Хераскову* («Я чел и перечел раз десять снова твой...») Автогр. [1771]. I о, л. 19 об. С пометой: «лб». (Муравьев. 1967. С. 129. Под загл. «На Чесмесский бой»).
88. *К И. Ф. Богдановичу* («Во философии, во письменах...») Черновой автогр., полнее опубликованного. 15 июля 1782. I п, л. 29 об. (Муравьев. 1967. С. 212).
89. «*К писанию стихов везде найдешь придирку...*» Автогр. [1779?]. VII о, л. 129.
90. *К самому себе* («Обременять других своей мечтаньем музы...») Автогр. [1775?]. II о, л. 47.
91. *К Феоне* («Внимая ветров грозны споры...») Автогр. [1796]. VI в, л. 101—103. С пометой: «1774». (Муравьев. 1967. С. 179—182).
92. «*Какое нас делит безмерно расстояние: // Живущих в роскоши, во*

славе и сиянье // От слабых смертных тех, которые без отрад...». [Полностью]

Автогр. Незаверш. набросок с зачеркнутой 4-й строкой. [Кон. 1780-х]. III в, л. 75.

93. «*Какое сердце мы, безумны божьи чада...*»

Черновой автогр. 1 м[арта?] 1781. I п, л. 16.

94. «*Какую сладкую задумчивость вселяешь...*»

Черновой автогр. с незнач. испр. 1783. III в. Записано фрагментами: «Какую сладкую задумчивость вселяешь...» // «...Будить иль утешать страстей сердечных жар» (л. 75), «Не просвещусь во таинствах музыки...» // «...Выходит Жерновник иль трогачий Тиц» (л. 74 об.), «Я удивляюсь вам, согласья виртуозы...» // «...По[д] гласом Амфиона» (л. 78), «Я не могу забыть прекрасной Бонафини...» // «...Владычица любви!» (л. 77 об., зачеркнуто карандашом).

95—96. «*Катитесь, стихи любезныя, по воле...*»

Автогр. 1775. II о, л. 40.

То же («О Вологда! твоя всегда пребудет честь, // Хоть сами берега твои себя забудут, // Струи твои в моих стихах крутиться будут»). [Полностью]

Черновой автогр. Набросок. [1774?]. I в, л. 39 об.

97. «*Когда бы набирать мне дали полк такой...*»

Автогр. [Нач. 1780-х]. III в, л. 85 об.

98. «*Когда бы селянин, которому достался...*»

Черновой автогр. [1782]. I п, л. 23.

99. «*Когда в присутствии Мус воспитанник их лона...*»

Автогр. [1776?]. I в, л. 29. С пометой: «II» (см.: Стихотворения, № 234, 238).

100. «*Когда к стенам пришел уж с воинством Хорев...*»

Автогр. Чернила выцвели, текст местами не читается из-за позд. записей, сделан. по тексту. [1771]. I о, л. 39 об.

101. «*Когда при шуме вод ты Геснера читаешь...*»

Черновой автогр. [1779?]. I п, л. 36 об.

102. «*Когда прочту Гомера*»

Черновой автогр. [1780-е?]. I п, л. 22.

103. «*Когда училище оставивши свое...*»

Автогр. [Кон. 1770-х]. III в, л. 90 об.

104. «*Коль в мире каждому смиренье — ожерелье...*»

Черновой автогр. [1781—1782]. I п, л. 31 об.

105. «*Коль оком мудреца он может отличать...*»

Черновой автогр. [1779?]. I п, л. 36 об.

196. «*Коль счастлив человек с латынью...*»

Черновой автогр. [1780-е?]. I п, л. 34.

107. «*Конечно, надо мной твои веленья властны...*»

Черновой автогр. 8 м[арта 1781?]. I п, л. 24 об.

108. «*Котурн тебе высок, полусаног не всходит...*»

Автогр. [Втор. пол. 1770-х]. I в, л. 39.

109. «*Красот наполнен и ошибок...*»

Автогр. [1775]. II о, л. 47.

110. «*Кто благочестно век ведет и беспорочно...*»

Автогр. [1771]. I о, л. 5. Относится к записи на этом же листе: «Вси, хотящие благочестно жити, гоними будут», под которой рукой Муравьева указан автор (?): «Федор Рыбников».

111. «*Кто жизнью веселиться...*»

- Черновой автогр. [1781—1782]. I п, л. 39 об.
112. *«Куда бы сколько дел мы в год перевершили...»*
Черновой автогр. 2 м[арта?] 1781. I п, л. 33.
113. *«Лира в покое лежала моя, // Струны золотыя молчали ея»*. [Полностью]
Черновой автогр., записано «вверх ногами». Набросок. [1774?]. I в, л. 39 об.
114. *«...Любимец глупости, читателей <...>»*
Черновой автогр. (тщательно зачеркнуто). [1781—1782]. III п, л. 71 об., 72 об.
- 115—116. *«Любовник прелести, где я ее найду...»*
Автогр. [1777?]. III в, л. 58 об. (Муравьев. 1967. С. 173).
То же («Любуясь красотой, где ни найду ее...»)
Автогр. с испр. 1777—1778. III в, л. 84 об. (Там же).
117. *«Любовь в душе твоей приемлет те же виды...»*
Автогр. [Нач. 1780-х]. III в, л. 89.
- 118—119. *Мадригал («Ириса, ты в слезах, стыдясь того лишиться...»)*
Автогр. [1778?]. III в, л. 72. С пометой: «Напечатанной в Вестн[ике] Санктпетерб[ургском]. Февр[аль]». (Муравьев. 1967. С. 173).
То же («Ириса, ты в слезах, стыдясь того лишиться...»)
Автограф. [Кон. 1770-х]. III в, л. 70.
120. *Мадригал («Когда богам я жертву приношу...»)*
Автогр. [1779]. VII о, л. 111 об.
121. *Мадригал («Коль нежной друг, тебя предупреждая...»)*
Автогр. [1779]. VII о, л. 123 об.
122. *Мадригал («Приятной нет с приятно улыбкой...»)*
Автогр. с испр. [1776?]. III о, л. 62 об.
123. *«Меж лиры Аполлона...»*
Автогр. 1796. VI в, л. 104.
124. *«Мелир великой стал разборщик стихотворств...» // «...Которы вывеской не может быть портному»*
Автогр. Незаверш. набросок. [1774?]. I в, л. 34.
125. *«Мечтою ль днесь я обольщаюсь...»*
Автогр. [1776]. III о, л. 65 об.
126. *«Милое дитя» («Ты мне делаешь приветства...»)*
Черновой автогр. [1781—1782]. I п, л. 16 об. (Муравьев. 1967. С. 223—224).
127. *Мир («Пропадай война жестока...»)*
Автогр. [1774]. I в, л. 16 об.
- 128—129. *«Мне захотелось (и свое нравье его)...»*
Автогр. 1779. (Дата записана позднее, др. чернилами, рукою М. Н. Муравьева). Л, л. 2 об.
То же («Искусство отстает, когда вселится лень...» // «...Хотя черту, да каждый день»)
Автогр. Заключ. строки. 1785 (?). I в, л. 9. Рядом с текстом запись с вычислениями: «1771/1785/14» (теми же чернилами, что и текст стихотворения).
130. *«Многословесен, малодумен...»*
Черновой автогр. [1781]. I п, л. 6 об.
131. *«Мои стихи, мой друг, осенние листья...»*
Автогр. [1780-е?]. III в, л. 72 об. (Муравьев. 1967. С. 246).
132. *Молитва («Источник милости, толь мною оскорбленный...»)*
Автогр. [1776]. III о, л. 70.

133. *Мысли о времени* («Вы, в времени живя, не знаете, что время...») Автогр. [1771]. I о, л. 17.
134. *«На величественной Иде...»* // «...Сходит в пастырскую сень». Черновой автогр. с зачеркнутым вариантом I-й строфы. 1797. III п, л. 74.
135. *«На вещи самая прекрасны...»* Черновой автогр. 3 м[арта?] 1781. I п, л. 23 об.
136. *«На Гелликоне два холма различных есть, // Где перву получить старается всяк честь».* [Полностью] Автогр. [1771]. I о, л. 19 об.
137. *На зависть* («О зависть! скорби дщерь! ты ненависти дщерь, // Сама себя крушишь, других ты зря блаженство, // Ты мать раздоров всех, ты яд, ты лютой зверь, // Смерть, гибель, клевета — твое вот совершенство»). [Полностью] Автогр. [1774]. I в, л. 22.
138. [*Надгробная Елисавете Львовне Нарышкиной, скончавшейся июля 1-го 1795 года*] («Вчера красавица, сегодня ангел света...») Автогр. 3 июля 1795. III в, л. 64 об. (Муравьев. 1967. С. 236).
139. *Надежда* («Надежда часто нас лишь всуе обольщает...») Автогр. [1771]. I о, л. 39.
140. *Надпись к дому Ариостовому* («Хотя сей мал и беден...») Автогр. [1774]. I в, л. 16 об. (Муравьев. 1773. С. 27).
141. [*Надпись к изображению Алины*] («Алины зришь моей изображенье...») Автогр. 6 дек. 1784. VII в, л. 108 об. (Муравьев. 1967. С. 223).
142. *Надпись под его портретом* («Не спрашивай ты, как зовут сего творца...») Автогр. [1774]. I в, л. 15 об. Текст записан под текстом эпиграммы Буало.
143. *Надпись под изображение Антона Павловича Лосенкова* («В сем виде Рафаил узрел в России свет...») Автогр. [1777?]. III в, л. 69. (Муравьев. 1967. С. 169).
144. *Надпись под изображение архиепископа Феофана Прокоповича* («Се пастырь Феофан, что клира чин устроил...») Автогр. [1777?]. I в, л. 69. (Муравьев. 1967. С. 168).
145. *Надпись под изображение Евграфа Петровича Чемезова* («Здесь видом грации любуются того...») Автогр. [1777?]. III в, л. 69. (Муравьев. 1967. С. 169).
146. *Надпись под изображение Иог[анна] Илии Шлегеля* («По скорби, смешанной с величеством лица; // Познайте Шлегеля, трагедии творца. // Сей в младости душой Софокла наполнялся, // Германских мус, стена, в Кануте прослезил. // Но рок лишь показал и в цвете поразил // Того, которой бы с Корнелием сравнялся»). [Полностью] Автогр. [1776?]. III о, л. 61.
147. *Надпись под изображ[ение] князя Антиоха Дмитриевича Кант[е-м]ира* («Сей, в лоно Росских муз младенцем восприят...») Автогр. [1777?]. III в, л. 69. (Муравьев. 1967. С. 168).
- 148—149. *Надпись под изображение М. В. Ломоносова* («Здесь, росси души твоей достоин благородной...») Автогр. [1777?]. III о, л. 70 об.
- То же* («Здесь зрениа души достоин благородной...») Автогр. [1777?]. III в, л. 88 об. Без загл.

150. *Надпись под изображение профессора Николая Никитича Поповского* («Таков Поповский был, что Попом быть родился...») Автогр. [1777?]. III в, л. 69. (Муравьев. 1967. С. 168).
151. *«Начальной музы округ комической моей // Был „Любопытной муж“ и „Школа матерей“, // И „Казнь неверности“ потом, иль „Брак невольной“»*. [Полностью] Автогр. Незаверш. набросок. [1774]. I о, л. 39 об.
152. *«Не на руках печальныя семьи...»* Черновой автогр. [1780-е?]. III п, л. 89.
153. *«Не разумею я Синьолы, ни Карраша...»* Черновой автогр. [1781—1782]. I п, л. 31 об.
154. *«Невежда Майкову единожды сказал...»* Автогр. [1779]. VII о, л. 123 об.
155. *Неверность* («За кусточком девица...») Автограф. 10 авг. [1782]. I п, л. 26 об. (Муравьев. 1967. С. 210—211).
156. *«Невинность, ты да будь души моей утеха...»* Автогр. [1774?]. I в, л. 38.
157. *«Непостоянны мысли...»* Автогр. 1779. VII о, л. 108.
158. *Несчастье* («На свете сем чия рука судьбиной правит...») Автогр. [1774]. I в, л. 26 об. (Муравьев. 1967. С. 244. Под таким же загл. иной текст).
159. *«Нет, воздух наш не тем отягощен и сер, // Чтоб вкусу не было воздвигнутого крова. // Я зрел его разосланный ковер // Во храмине у Львова»*. [Полностью] Черновой автогр. [1782]. I п, л. 23. Связано с фрагм. «Послания о легком стихотворении» (л. 22 об.).
160. *«Нет выше достоянья, как имя мудреца...»* Черновой автогр. 12 авг. 1782. III п, л. 61 об.
161. *«Нет, Ниса! для богов оставь сие смущенье...» // «...Довольно для меня»* Автогр. Незаверш. набросок. [1776?]. III о, л. 74 об.
162. *Ночь* («В любезной тишине погасла мысль моя...») Автогр. 1-й ред. [1774]. I в, л. 25 об. (Муравьев. 1967. С. 159—160 — 2-я ред.; Там же. С. 313 — 1-я ред.)
163. *[Правоучитель]* («Когда бы откупиться от смерти мы могли...») Черновой автогр. без загл. [Втор. пол. 1780-х?]. I п, л. 28. (Муравьев. 1967. С. 214—215).
164. *«О вы, несмысленны слагатели стихов...»* Автогр. [1771]. I о, л. 9 об. Видимо, связано с запис. на этом же листе «Стихами, заданными на одни рифмы».
165. *«О милое мечтанье...»* Автогр. [1775]. II о, л. 46 об. (Муравьев. 1967. С. 177—179).
166. *«О Муза! Я тебе кисть мрачну возвращаю...»* Черновой автогр. Набросок. [Кон. 1770-х?]. I п, л. 36. Связано с сатирой. (Муравьев. 1967. С. 192. С разночтениями).
167. *«О ты, чувствительность...»* Черновой автогр. по более ранним записям, с позднейшими доп. и вариантами. [1781—1782]. I п, л. 39.
168. *Об учении природы. Пис[ь]мо к В. В. Ханыкову* («С. какую ревностью бежим мы зреть картины...») Автогр. [1779?]. VII о, л. 125 об. С пометой: «Читано в Гребневе»

1780 г. июля 12 ч. и напечатано в „Утреннем свете“ в июле месяце стр. 2»: (Муравьев. 1967. С. 185—186).

169. *Обаяние любви* («Воспоминание, води ты кисть мою...» // «...И коим ты сама, природа, обаяешь»)

Автогр. с более поздней правкой и вариантами отдельных строк на полях. Одновременно с правкой дописаны послед. 7 строк. Отр. 1780.

170. *Оборот на себя* («Слог легкой, ненарядной...»)

Черновой автогр. 11 авг. 1803. Стрельна. III в, л. 30 об.

171. *Образцы* («Конечно, слог свой должно сотворить...»)

Черновой автогр. 20 ф[евр. 1781]. I п, л. 26.

172—173. *[Общественные стихи]* («Доратом быть! Какое заблужденье...» // «...Сношенья нет от кедра ко иссопу»)

Черновой автогр. с испр. [1781—1782]. I п, л. 16 об., 17 об. Записано двумя фрагментами: «Доратом быть! Какое заблужденье...» // «...В сердитой час я видел Каллиопу» (л. 16 об.); «Свирель моя, служившая Циклопу...» // «...Сношенья нет от кедра ко иссопу» (л. 17 об.). (Муравьев. 1967. С. 212—213).

То же

Автогр. [1796?]. VI в, л. 103—103 об. С пометой: «1782». (Муравьев. 1967. С. 212—213).

174. *Ода* («Бежит, бежит, друзья, невозвратимо время...»).

Автогр. [1775]. II о, л. 48. (Муравьев. 1967. С. 152).

175. *Ода* («Душей и сердцем сокрушенным...»)

Автогр. [1775]. II о, л. 40 об. (Муравьев. 1967. С. 124—125. Под загл. «Ода девятая»).

176—177. *Ода* («Какая новая заря»)

Автогр. с незнач. испр. [1774]. I в, л. 22 об. (Муравьев. 1967. С. 109—113. Под загл. «Ода ее императорскому величеству государыне Екатерине II, императрице всероссийской, на замирение России с Портою Оттоманскою». Данный автогр. — часть опубл. оды).

То же («Какая светлость озаряет...»)

Черновой автогр. 4 строфы. [1780-е?]. III в, л. 60 об.

178. *Ода* («Люблю без всякого...»)

Автогр. [1771]. I о, л. 34 об. — 35.

179. *Ода* («Прискорбны мысли, потерпите...»)

Черновой автогр. Не завершены 2-я и 4-я строфы. [1774?]. I в, л. 19. Рядом с заглавием помета «VII». В конце 2-й и 4-й строф пометы «Оставить место на 3 строки». (Муравьев. 1773. С. 28).

180. *Ода* («Седины не возвращают...»)

Автогр. [1774?]. I в, л. 39 об. (Муравьев. 1967. С. 116—117. Под загл. «Скоротечность жизни». С разночтениями).

181. *Ода* («Смертной суетен родился...»)

Автогр. [1774]. I в, л. 30 об. (Муравьев. 1967. С. 119. Под загл. «Ода третья»).

182. *Ода* («Сопутница покою, ночь...»)

Автогр. с незнач. испр. [1771]. I о, л. 7.

183—184. *Ода* («Спокойствия пловец желает, бурю видя...»)

Автогр. с испр. [1776?]. III о, л. 70 об. (Муравьев. 1967. С. 153—

155. Под загл. «К Хемницеру»).

То же

Автогр. [1776]. III о, л. 77 об.

185. *Ода* («Стихотворство нам открыло...») Автогр. с незнач. испр. [1774?]. I в, л. 20 об. (Муравьев. 1967. С. 120—121).
186. *Ода* («Тобой мой дух воспламенился...») Автогр. [1774]. I в, л. 23—23 об. (Муравьев. 1967. С. 81. С разночтениями. Под загл. «Ода на случай Кагульский битвы»).
187. *Ода* («Тревожится кипяща младость...») Автогр. [Втор. пол. 1770-х?]. I в, л. 24 об. (Муравьев. 1967. С. 151—152. С разночтениями).
188. *Ода* («Ударил гром, и озарили...») Автогр. с испр. 6 нояб. 1796. III в, л. 71.
189. *Ода* («Чего на свете не желает...») Автогр. [1774?]. I в, л. 31 об.
190. *Ода I* («Природа склонности различны нам вливая...») Автогр. с испр. [1771]. I о, л. 7 об. На листе вверху заголовок: «Од книга первая». (Муравьев. 1967. С. 143. Под загл. «Избрание стихотворца», со знач. разночтениями).
- 191—192. *Ода II* («Народы, днесь возвысте глас...») Автогр. 1-й ред. [1771]. I о, л. 7 об.
- То же*
Автогр. 2-й ред. по тексту 1-й ред. I о, л. 7 об. (Муравьев. 1967. С. 245. Под загл. «Божие присутствие»).
193. *Ода к А. М. Брянчанинову* («Сколько крат ни вспоминаю...») Автогр. с незнач. испр. 25 марта 1774. I в, л. 29 об. (Муравьев. 1967. С. 117—118. Под загл. «Ода вторая к А. М. Брянчанинову». С незнач. разночтениями).
194. *Ода к Василию Ивановичу Майкову* («Священный замысл порывает...») Автогр. [1777?]. III в, л. 66. С пометой в загл. «1775. С. П. Б.» (Муравьев. 1967. С. 149—150. Под загл. «Ода»).
195. *Ода к И. А. Дмитревскому* («Ты, что полн прелестным рвением...») Автогр. с вариантами отдельных строк на полях. С середины второй строфы писано др. чернилами. [1776, 1780-е]. III о, л. 68 об.
196. *Ода к И. П. Тургеневу* («Юных дней моих свидетель...» // «...И скажи мне, тот ли я?») Автогр. Незаверш. набросок (зачеркнуто). [1776?]. I в, л. 29.
197. *Ода к Николаю Александровичу Львову, писанная 1777 года* («Львов! узнаешь ли ту лиру...») Автогр. с испр. и вариантами отдельных строк на полях. 1777. III о, л. 58 об. (Муравьев. 1967. С. 156—157. Под загл. «Прискорбие стихотворца. К ***». С разночтениями).
198. *Ода. Описание взятия городка на Выборгской стороне* («Где я? Кто меня похитил...») Автогр. [1774]. I в, л. 27—27 об. (Муравьев. 1967. С. 93—94. С незнач. разночтениями).
199. «*Одна идея...*» Черновой автогр. [1781—1782]. I п, л. 37 об.
200. «*Однажды восприял я лиру в руки...*» Автогр. [Кон. 1770-х]. III п, л. 63.
201. «*Однажды путь в Москву Венера предприняла...*» Автогр. [1780?]. VII в, л. 129 об. С полустертой пометой по ниж. срезу листа.

202. *«Окончил, Петрополь, в тебе я пребыванье...»*
Автогр. [1777?]. III в, л. 59 об.
203. *Опыт о стихотворстве («О вы, чей пылкий дух и несозрелы леты...» // «...Пусть мысль разит умы, как солнце наши очи»).*
Автогр. с припис. позднее вариантами отдел. строк на полях. [1776]. III о, л. 78. (Муравьев. 1967. С. 131—136. Со значит. разночтениями).
204. *«Осмелимся обнять словесности округ...»*
Черновой автогр. 11 м[арта 1]781. I п, л. 27.
205. *«От севера шуметь ветр бурный зачинает...»*
Автогр. по более ран. записи. [Втор. пол. 1770-х]. I в, л. 39 об.
206. *Ответ мельнику («Пшеницу белую, румяну...»)*
Автогр. 10 авг. 1799. III в, л. 85.
207. *Отрывок («Богиням красоты я жертву приношу...» // «...Казалась хитростью незлобной красоты»)*
Автогр. [1779?]. Л, л. 3 об.
208. *Отрывок к В. В. Ханыкову («Стыдяся праздности ея оковы рушу...»)*
Автогр. [1779]. VII о, л. 111 об. (Муравьев. 1967. С. 207—208).
209. *Отрывок оды писанной в Твери 1779 года на рождение е. и. в. велик[ого] князя Константина Павловича («Спускайся с небес, мать лилий, юность года...»)*
Автогр. с испр. 1779. III в, л. 90, 89 об.
210. *[Отъезд] («Любови, Грацини, простите...»)*
Черновой автогр. с незнач. правкой. 3 июня 1786. III п, л. 73 об. (Муравьев. 1967. С. 212).
211. *Песня («Будни праздником считаю...»)*
Черновой автогр. 21 а[вг. 1782]. I п, л. 27.
212. *Песня («Воздыхати приучено...»)*
Черновой автогр. [1781—1782]. I п, л. 34. (Муравьев. 1967. С. 224. Под загл. «Постоянство»).
213. *«Пииту ль мало упражненья...»*
Черновой автогр. 27 ф[евр.] 1781. I п, л. 18.
214. *«Писать без плану...»*
Черновой автогр. [1781—1782]. I п, л. 34 об.
215. *Письмо к Аф[анасию] Матв[еевичу] Брянчанинову («Печаль, любезной друг! что страсть тебе внушает...»)*
Автогр. с вариантами отдел. строк на полях. [1775]. II о, л. 49.
216. *Письмо к Зах[ару] Матв[еевичу] Муравьеву («Воспоминаю дни с тобою провожденны...»)*
Автогр. с испр. [1775?]. II о, л. 50 об. (Муравьев. 1967. С. 216—217. Под загл. «Письмо к ***»).
217. *Письмо к Феоне («Во ослаблении томящейся души...»)*
Автогр. Заключ. часть написана др. чернилами. 1781. III в, л. 75 об. (Муравьев. 1967. С. 208—209).
218. *Повесть («Уже схватили мы морозца два или три...»)*
Автогр. [1774]. I в, л. 25.
- 219—220. *«Поговорить было, любезной друг, с тобою...»*
Автогр. [Кон. 1770-х]. III в, л. 70.
- То же*
Автогр. [1778?]. III в, л. 72.
221. *«Под сводом, кой держать нещеры уготован...»*
Автогр. [1776?]. III о, л. 79.
222. *«Поочередно все народы...»*

- Черновой автогр. [Сер. 1780-х]. III п, л. 69.
223. *Порицатель* («Во Ломоносове стихи находим жоски...») Черновой автогр. 19 ф[евр. 1781]. I п, л. 6 об. — 7.
224. [*Посвящение тебе*] («Читати Гловера, Томсона, Шекспира...») Черновой автогр. [Сер. 1780-х]. III п, л. 69. (Муравьев. 1967. С. 232—233).
225. *Послание* («Нет, я клянуся как прит...») Черновой автогр. с испр. [1781—1782]. II п, л. 52; III п, л. 66 об. С пометой: «Смотри страницу 133».
226. *Послание к А. М. Брянчанинову* («Любови, нежностей своих летописатель...») Черновой автогр. [1781]—1782. I п, стихотворение записано фрагментами на разных листах: «Любови, нежностей своих летописатель...» // «...Возводишь ли ты их стихами в лестный чин» // «И Лезбий и Корин? (л. 5 об.); «Послушай моего раскола толкованье...» // «...Любови достойнаго писателя названье» и ниже более ранняя запись, с пометой: «1782 авг. 2»; «Два титла розныя, любовник и прит...» // «...Творцов, сияющих в народе остроумном» (л. 7); «Писать есть обще всем — писать, как мастер, редко...» // «...Вселенной красота — для ваших черт корысть», с пометой: «авг. 4.[1782]» (л. 7 об.); «Я зачал было вдруг два разныя пути...» // «...И в лени изнемог: забыл искусство петь», с заголовком «Признания» (л. 11 об.); «Затем, что вить совсем другое балагурить...» // «...И в полном виде их представлены доводы», с пометой: «ф. 28» (л. 13); «Но суд удобен всем: искусство тяжело...» // «...Увы! Я не сорвал без терний розу» (л. 14); «Не хладным воздухом стесненна голова...» // «...Но просвещеннаго и тонкаго маркиза» (л. 21 об.); «Меж наших баричей зачем я меньше зрю...» // «...Признанье, видите, гораздо с правдой схоже» (л. 22); «Пиитом трудно быть: полегче офицером...» // «...Боннаром, Имбертом, Парием и Кюбером», с пометой: «1782. Авг. 9» (л. 22 об.); «Но никакой маркиз не мог воспеть бы Гиза...» // «...Друзьям своим, начинены соблазном» (л. 24 об.); «Мое достоинство — писать на рифмах прозу...» // «...Но гладкой стих есть звук, когда в нем мысли нет», с пометой: «ф. 27» (л. 27 об.); «Всегда смышлен, сияющ, мил...» // «...На высоту ли он иль хочет вниз итти», с пометой: «см. стран. 19» (л. 33 об.); «Какое щастие! какое заблужденье...» // «Вверяют править свой в явленье плач и смех» (л. 35). (Муравьев. 1967. С. 217—223. С различиями. Под загл. «Послание о легком стихотворении к А. М. Брянчанинову»).
227. *«Последняя черты рукой моей сплетены...»* Автогр. с испр. [1778]. III в, л. 88 об.
228. *«Пословица в Руси: на што тебе и клад...»* Автогр. Чернила смазаны, текст плохо читается, позднее сверху записан. Втор. пол. 1770-х. I п, л. 39.
229. *«Почто во тьме сует всему пространну свету...»* Автогр. с незнач. испр. Первая строка — автогр. А. М. Брянчанинова. [1771]. I о, л. 4 об.
230. *Правила жизни* («Верь в бога и молись, брегися согрешать...») Автогр. с испр. [1771]. I о, л. 11. С пометой: «ше писать». Стихотворение VII к циклу „Стихотворческакия леса“.
231. *Правила мудраго человека* («Знай вышняго творца, себя самого знай...») Автогр. [1771]. I о, л. 9. С пометой на поле: «х». (Муравьев. 1773. С. 20).

232. *«Предрассуждение это...»*
Черновой автогр. [1781—1782]. I п, л. 8 об.
233. *«Прекрасен в двадцать лет, как лилий, Лаптев цвел...»*
Автогр. 13 сент. [1800?]. VII в, л. 118 об.
234. *«Прекрасное пленить Мизона не умеет...»*
Автогр. [1776?]. I в, л. 29. С пометой «1» (см.: Стихотворения, № 99, 238).
235. *«Преступницею я ту юну деву чту...»*
Автогр. [1776?]. III о, л. 88 об.
236. *Примирение. Пародия оды IX книги 1 из Горация (Бавий. «Доколь моими ты стихами восхищался...»)*
Автогр. [1776]. III о, л. 61 об.
237. *«Присутствие твое вливает жизнь в природу...»*
Черновой автогр. [Кон. 1770-х]. I п, л. 38.
238. *«Приходом молнии в беседе враль предстал...»*
Автогр. [1776?]. I в, л. 29. С пометой «III» (см.: Стихотворения, № 99, 234).
239. *«Пришедши же на гроб, где местозаточенье...»*
Автогр. [1775]. II о, л. 49 об.
240. *«Прошедших дней всегда вспоминовенье мило...»*
Автогр. [1774?]. I в, л. 30 об.
241. *«Пусть будет подлость на пути...»*
Черновой автогр. 23 ф[евр. 1781]. I п, л. 6.
242. *Разговор А. и В. («А. Скажи, мой друг, почто не видят наши очи...»)*
Автогр. [1774]. I в, л. 22.
243. *[Разлука] («Боже! Все уже мученья...»)*
Черновой автогр. [1781—1782]. I п, л. 33 об. (Муравьев. 1967. С. 225. С разночтениями).
244. *Размышление («Минуты щастия текут во всяко время...»)*
Автогр. 26 окт. 1799, окт. 1802. Гатчина. III в, л. 87, 87 об. При первом фрагменте, кроме указания даты и места, помета: «п[осле?] обеда?» в столовой». (Муравьев. 1967. С. 245—246).
245. *Рондо («В театре зрим, что век с страстями бьемся...»)*
Автогр. [1775]. II о, л. 48.
246. *Рондо («Заиру зря, прельщенну Оросманом...» // «...Объемлему дрожащ»)*
Автогр. Незаверш. набросок. [1775?]. II о, л. 52 об.
- 247—248. *[Роца] («Дашь ли свободный мне вход под тихо колеблющись тени...» // «...И Серафимов толпу показать Адаму вокруг Евы»)*
Автогр. 1-й ред. [1776?]. III о, л. 70, 71.
- Роца («Дашь ли свободный мне вход под тихо колеблющись тени...» // «...Чтобы к горячим ланитам прохладнее он прикасался...»)*
Автогр. Отр. 11 янв. 1778. III в, л. 72. С пометой: «Напечатано в четвертой части Опыта трудов Вольнаго Российскаго собрания... С. П. Бург». (Муравьев. 1967. С. 169—171).
249. *Сатира («Гей! Кто там? Поскоряй! — так в полдень барин звал...»)*
Автогр. [1775]. II о, л. 48 об.
250. *Сатира («Не лучше ль, Муза, днесь слог дерзкий отложить...»)*
Автогр. [1771], [1775?]. I о, л. 35 об. — 36.
251. *«Своим разбросанным и неукложим складом...»*
Черновой автогр. 5 м[арта? 1781]. I п, л. 15 об.
252. *«Священным жаром грудь теснится...»*

- Автогр. с двумя вариантами первой строфы. [1776?]. III о, л. 63.
253. «Сегодня праздник Ханыкова...»
Черновой автогр. 28 ф[евр.] 1781. I п, л. 20 об.
254. «Сегодня я весь день покрыт военной сбруей...»
Черновой автогр. с незнач. испр. 7 авг. 1782. I п, л. 22 об.
255. «Сегодня я у Львова был в гостях...»
Черновой автогр. [Кон. 1770-х]. I п, л. 23 об.
256. «Семьсот и осмьдесят втораго года...»
Автогр. [1782]. I п, л. 27.
257. *Сила музыки. Ода* («Сойдите дщери Емпирейски...»)
Автогр. с незнач. испр. [1771]. I о, л. 6 об.
258. «Сколько принял я трудов...»
Черновой автогр. с испр. (зачеркнуто). [Кон. 1770-х]. I п, л. 23.
259. [*Слава России*] («Виждь, виждь, вселенная, победные венцы...»)
Черновой автогр. с незнач. правкой. [1790-е]. Л, л. 3, 3 об., 2 об., 2.
Под текстом «Стихов на победу, одержанную 1770 года...» (Муравьев. 1967. С. 188—189. С разночтениями).
260. *Случай* («Велико дело то, что случаем слывет...»)
Автогр. [1774]. I в, л. 37 об.
261. *Сновидение* («Мечтаю ль я иль вижу наяву...»)
Автогр. 16 мая 1768. VII в, л. 111 об.
- 262—263. *Сожаление младости* («О юность! зрелище явившая мне света...»)
Черновой автогр. 1780. III в, л. 82 об., 83, 84, 85 об., 86 об., 87.
Фрагменты стихотворения пронумерованы (1—7), в нач. и в конце каждого фрагмента имеются услов. обозначения (карандашом). (Муравьев. 1967. С. 203—207).
То же («Могу ль здесь посвятить жаления той тени...» // «...Со снизхождением ответствовал он им»)
Автогр. с испр. Отр. [1780?]. III в, л. 90 об.
264. *Сонет* («Откуда б то, скажи, Пл[охов], произошло...»)
Автогр. с вычищ. текстом в первой строке. [1771]. I о, л. 12.
265. *Сонет* («Се грешник предстоит, о боже, пред тобою...»)
Автогр. [1771]. I о, л. 12 об.
266. *Сонет* («Се сельским жителем тебя зрю ныне я...»)
Автогр. с испр. [1771]. I о, л. 9.
267. *Сонет к А. М. Брянч[анинову]* («Спокойства духа мы стараемся достигнуть...»)
Автогр. с незнач. испр. [1771]. I о, л. 12 об.
268. *Сонет к А. М. Брянчанинову* («Я часто рассудив, любезный Брянчанинов...»)
Автогр. с незнач. испр. [1771]. I о, л. 12 об.
- 269—270. [*Сонет к Василию Ивановичу Майкову*] («Я, Майков, днесь пленен твоей согласьем лиры...»)
Автогр. с испр. 1775. I в, л. 32 об. (Муравьев. 1967. С. 129).
То же («Без пользы, Майков, я ищу согласия лиры...»)
Черновой автогр. [Кон. 1780-х]. IV в, л. 96 об.
271. *Сонет к господину Е**** («Природа некогда имея спор с наукой...»)
Автогр. [1771]. I о, л. 13.
272. *Сонет к господину Р**** («О ты, премудрый муж, о истинной Протей...»)
Автогр. с испр. [1771]. I о, л. 13.

273. *Сонет к И. П. Тургеневу* («Взведи на ум себе пришедши времена...»)
Автогр. [1774]. I в, л. 21 об.
274. *Сонет к музам* («Исчезните, меня пленявшие мечты...»)
Автогр. [1774]. I в, л. 21 об. (Муравьев. 1967. С. 129—130).
- 275—276. *Сонет на возвращение весны* («Уже Борей умолк, и стихнул Аквилон...»)
Автогр. [1774]. I в, л. 21 об. с пометой «X». (Муравьев. 1967. С. 312).
- То же* («В последний раз пустил дыханье Аквилон...»)
Автогр. 2-я ред. по тексту 1-й. [1781—1782]. I в, л. 21 об. (Муравьев. 1967. С. 141—142. Под загл. «Возвращение весны»).
277. *Сонет. Описание Вологды* («Хороших и худых собрание домов...»)
Автогр. [1771]. I о, л. 13 об.
278. *Софизм* («„Всяк человек есть ложь“, — Давид пророк сказал...»)
Автогр. [1771]. I о, л. 11. Стихотворение VIII в цикле «Стихотворческая леса» (см.: Стихотворения, № 9, 72, 230, 327; Переводы, № 2, 76, 114, 132).
279. *«Сраженна вестию, хочу не верить ей...»*
Черновой автогр. Посл. 6 строк др. чернилами. [Кон. 1790-х]. III в, л. 76.
280. *Стансы* («Как мрачны небеса явят пришествие ночи...»)
Автогр. 1-й ред. с более позд. испр. [1771, 1774]. I о, л. 18. Первонач. загл. «Сонет» (зачеркнуто). (Муравьев. 1967. С. 311).
281. *Стихи для Дмитрия Ивановича Хрюстова* («Двоих любившихся остатки здесь смешались...»)
Автогр. [1775?]. II о, л. 47.
- 282—283. *Стихи, заданные на одни рифмы* («Фортуна есть слепа, глаз у фортуны нет...»)
Автогр. Загл. и рифмующиеся слова записаны др. чернилами. [1771]. I о, л. 9 об.
- На те же рифмы* («Дороже ничего нам в свете счастья нет...»)
Автогр. [1771]. I о, л. 9 об.
284. *Стихи к Петру Львовичу Батюшкину*. («Достоин похвалы, тот юный человек...»)
Автогр. [1774]. I в, л. 22.
- 285—286. *Стихи к Якову Борисовичу Княжнину. Явление Метастазия* («Не дожидают музы сроков...»)
Черновой автогр. с припис. позднее подзаг. [1781—1782]. III п, л. 67.
- То же* («Не дожидают музы сроков...»)
Черновой автогр. Чернила выцвели. [Нач. 1780-х]. I л., 33,5×21,5. Лист измят, загрязнен, по краям обтрепан и надорван. На листе также запись дневникового характера.
- Ф. 298.IV. № 4.6.
287. *«Стихи мои! Прошел уж срок десятилетний...»*
Черновой автогр. с испр. 1781. I п, л. 10 об.
288. *Стихи на заданные рифмы* («Творец Атмалии и сочинитель Сида...»)
Автогр. [1780]. VII в, л. 129 об.
289. *[Стихи на кончину Якова Борисовича Княжнина]* («Княжнини окончил жизнь. Умолкни, Мелпомена...»)
Автогр. 14 янв. 1791. III в, л. 67. (Муравьев. 1967. С. 234).

290. *Стихи на Муфточкину смерть* («Днесь век твой, Муфточка, прервался в долгу тень...») Автогр. [1771]. I о, л. 19 об.
291. *Стихи на победу, одержанную 1770 года июля 21 дня, писанныя того ж году в городе Архангельском* («Воззри, вселенная, на Росския венцы...» // «...И брани знак вознес во блатах Меотийских») Автогр. с испр. [Кон. 1770-х]. Л, л. 3. (Муравьев. 1967. С. 188—189. Под загл. «Слава России» опубл. стихотворение, начальные две строки которого совпадают с данными; «Ода на случай Кагульская битвы» (с. 81—83) имеет в автогр. то же загл., что и данное стихотворение).
292. *Ст[ихи] на представление «Дидоны» Як[ова] Бор[исовича] Княжнина* («О сколько должен я творцу моих утех...») Автогр. 7 февр. 1778. III в, л. 56 об.
293. *Стихи на смерть Александра Петровича Сумарокова* («Луна печали час на небо спровождает...») Автогр. с позд. правкой. [1777]. III в, л. 59 об.
294. «*Стихосложение еще не стихотворство...*» Черновой автогр. 19 ф[евр.] 1781. I п, л. 10 об. — 11.
295. «*Столетия в труде природу заставляли...*» Автогр. [Авг. 1782?]. I п, л. 22 об.
296. *Сумнение историческое*. («Был-жил не знаю кто, не ведаю когда...») Автогр. [1774?]. I в, л. 37 об.
297. *Счастье нежности или летопись любовей* («Пусть чувство сладкое, которо в томну грудь...») Автогр. [Нач. 1780-х]. VII в, л. 124.
298. «*Такия рифмы есть...*» Черновой автогр. с незнач. испр. 27 ф[евр.] 1781. I п, л. 29.
299. «*Теперь, я зрю, Сормонт, конечно, дворянин...*» Автогр. [1774?]. I в, л. 14.
300. «*Толь капля ясная их круги погасила...*» // «...Источники твои прекрасны во цветах» Автогр. с испр. Незаверш. набросок. [Нач. 1780-х]. III в, л. 67 об.
301. «*Ты город целой мне, Е***, оставляешь...*» Автогр. [1771]. I о, л. 9.
302. «*Ты жил еще со мной, спокойной зритель света...*» Автогр. [Не ранее 1786]. VII в, л. 118. На листе с загол: «Письмо к Афанасию Матв[еевичу] Брянчан[инову]».
303. *1784 года мая 30 числа* («Сегодня, за сто лет, родился Петр Великой...») Автогр. 30 мая 1784. I в, л. 23.
304. *1777 г. апр. 23. День смерти Ив[ана] Венед[иктовича] Власьева* («Вчерась, о Власьев, ты свой воздал долг судьбе...») Автогр. 23 апр. 1777. III в, л. 66. С пометой в загл. «Тверь».
305. *Убежище стихов* («Священной нощи свежи тени...» // «...Свирепа солнцева коня») Автогр. Незаверш. набросок. [1777]. III в, л. 74 об.
306. *Умирующий отец. Басня* («Кончался гражданин. Последую порядку...») Автогр. [1779?]. VII о, л. 126.
307. «*Умы великие и малы...*» Черновой автогр. 11 авг. 1782. II п, л. 47—47 об.

308. *Успех британской музы. К В. П. Петрову* («О ты, чей гордой дух и мужественный слог...») Автогр. 1778. II в, л. 50, 49 об. (Муравьев. 1967. С. 172—173).
309. *«Фонвизин говорит: вы чином невелики...»* Автогр. [Втор. пол. 1770-х]. I в, л. 28.
310. *«Хоть будь чувствителен...»* Черновой автогр. Незаверш. набросок. [1780-е]. I п, л. 35.
- 311—312. *«Цвет сияющ, очи ясны...»* Черновой автогр. 1-й ред. [1782]. I п, л. 29 об.
То же. 2-я ред. Черновой автогр. [Кон. 1780-х]. I п, л. 30. (Муравьев. 1967. С. 224—225. Под загл. «Истинная красота»).
313. *«Черта, как молния, незапна и сильна...»* Автогр. [1796?]. VI в, л. 107. С пометой «1786». (Муравьев. 1967. С. 229).
314. *«Что делает Улисс среди пенящих волн...»* Автогр. [1771], [1774]. I о, л. 38 об. (Муравьев. 1967. С. 193. Др. ред. этого стихотворения под загл. «Благоразумне»).
315. *Эклога* («В зеленых берегах виющиеся речки...») Автогр. [1774]. I в, л. 24—24 об.
316. *Эклога* («Весь снег в полях истлел, вступил Феб в знак овна...») Автогр. с незнач. испр. 29 марта 1774. I в, л. 15 об.
317. *Эклога* («Пастушьи прения впервые воспеваю...») Автогр. с позд. правкой и припис. позднее заключ. строками (начиная с 81-го стиха). [1771, 1774]. I о, л. 14 об.—15 об. (Муравьев. 1967. С. 85—88. Под загл. «Эклога к его превосходительству Алексею Васильевичу Олешеву»).
318. *Элегия к музам* («Давно ль, о музы! вы на сих берегах воспе-ли...») Автогр. [1774]. Заключ. строки записаны позднее. I в, л. 27 об.
319. *Элегия на смерть Александра Александровича Микулина* («Сти-хами слабыми я чувство испытую...») Автогр. [1779]. VII о, л. 129.
320. *Эпиграмма* («В одном ученейшем совете...») Автогр. с незнач. испр. [1774]. I в, л. 36 об.
321. *Эпиграмма* («Вельмон был простаком, но только стал лишь гра-фом...») Автогр. [1774]. I в, л. 35.
322. *Эпиграмма* («Всегда о суете Дамон лишь рассуждает...») Автогр. с позд. правкой. [1771]. I о, л. 13. (Муравьев. 1967. С. 140).
323. *Эпиграмма* («Всегда ты, Фирс, хулишь таможенных приставов...») Автогр. [1774]. I в, л. 36 об.
- 324—325. *Эпиграмма* («Вы спрашиваете меня, Дамис, зачем...») Автогр. [1771]. I о, л. 12.
То же. 2-я ред. («Ты пристаешь ко мне, ты хочешь знать, зачем // Не пишет наш пинт не только драмм, поем, // Но даже мелких пьес и на-голос куплетов. // Нет нужды выбирать из множества ответов, // Два слова мой ответ: „Не сроден он к тому“. // „К чему же сроден он?“ — „Он сроден ни к чему“». [Полностью] Автогр. по тексту 1-й ред. [1782?]. I о, л. 12.
326. *Эпиграмма* («Гарпакс, как скоро ночь нас покрывает...») Автогр. [1771]. I о, л. 12. (Муравьев. 1773. С. 29).

327. *Эпиграмма* («Как не был я рожден...») Автогр. [1771]. I о, л. 10 об. С пометой: «не писать». Стихотворение V в цикле «Стихотворческий лес» (см.: Стихотворения, № 9, 72, 230, 278; Переводы, № 2, 76, 114, 132).
328. *Эпиграмма* («Как об игре в стихах ты, Майков, воспевал...») Автогр. [1771]. I о, л. 12.
329. *Эпиграмма* («Кильмон своей себя наукой превозносит...») Автогр. [1774]. I в, л. 35.
330. *Эпиграмма* («Мивелт самим собой любит всечасно...») Автогр. [1774]. I в, л. 23.
331. *Эпиграмма* («Мирон, нахлеставшись всегда домой приходит...») Автогр. [1774]. I в, л. 35.
332. *Эпиграмма* («Намнясь искал я трех свидетелей с порукой...») Автогр. [1774]. I в, л. 36 об.
333. *Эпиграмма* («Не спорю в том, мой друг, что ты уже вырос с дуб...») Автогр. [1771]. I о, л. 6 об.
334. *Эпиграмма* («Неверных ты страша, Орлов, страшишь нас с ними...») Автогр. [1771]. I о, л. 8 об.
335. *Эпиграмма* («О боги, что даруете творцов...») Автогр. [1771]. I о, л. 37 об.
336. *Эпиграмма* («Плачь, бедной Антигон! Кляни свой рок виновной...») Автогр. [Втор. пол. 1770-х]. I в, л. 33.
337. *Эпиграмма* («Под камнем сим лежит покойница моя...») Автогр. [1775?]. II о, л. 49 об.
338. *Эпиграмма* («Просил свою соседку Фирс: „Пожалуй, тетушка, осла...“») Автогр. [1774?]. I в, л. 38.
339. *Эпиграмма* («Ренальд всегда, везде и всем себя порочит...») Автогр. [1774]. I в, л. 23 об.
340. *Эпиграмма* («Симмах возносится, что он от древня рода...») Автогр. [Втор. пол. 1770-х]. I в, л. 33.
341. *Эпиграмма* («Скажи, Засецкой, мне, что б было в том виной...») Автогр. с незнач. испр. [1771]. I о, л. 6 об.
342. *Эпиграмма* («Так много ты твердишь, Дамон, о дарованье...») Автогр. [Нач. 1780-х]. III в, л. 86.
343. *Эпиграмма* («Ты попрекаешь мне, что я читать не знаю...») Автогр. [1774]. I в, л. 35.
344. *Эпиграмма* («Ты хвалишься, что мне ни в чем не отказал...») Автогр. с позд. правкой. [1771]. I о, л. 13.
345. *Эпиграмма* («Что друг наш Манлий трус — то это всяк находит...») Автогр. [1775]. II о, л. 48.
346. *Эпиграмма* («Что ты не лжешь, Дорант, себя ты заклинал...») Автогр. [1771]. I о, л. 19. С пометой: «с». (Муравьев. 1967. С. 140).
347. *Эпиграмма* («Эй! сторож! Здесь нас заглушили...») Автогр. [1775?]. II о, л. 49 об.
348. *Эпиграмма в подражание Марциаловой* («Причетник был Софрон, теперя стал он врач...») Автогр. [Втор. пол. 1770-х]. I в, л. 31 об.
- 349—350. *Эпиграмма к г. Вралеву* («Вранье твое, Вралев, не легко описать, // Затем, что для того потребно также врать»). [Полностью] Автогр. с впис. позднее словами по вычищ. тексту. 1771. I о, л. 12.

То же. 2-я ред. («Весь хор писателей в сей правде не запрется, // Вранье твое, Вралев, трудненько описать, // <Затем, что так как ты, понадобится врать> // Затем, что надобно по-твоему же врать, // А едак не соврется»). [Полностью]

Автогр. по тексту 1-й ред. [1782?]. I о, л. 12.

351. *Эпиграмма к некотор[ому] врачу* («В моих стихах я рек, что некото славный врач...»)

Автогр. с незнач. испр. [1774]. I в, л. 16.

352—359. *Эпиграммы*

На П*** («Великой ты поэт, и я теперь то вижу...»);

«Ты говоришь: „Ни в чем тебе не откажу...“»;

«Еней с одра возстал, как лишь заря взошла...»;

«Я прежней милости твоей не позабыла...»;

«Все жаждут по твоим, ты говоришь, стихам...»;

Превращение («В други петь виды тел спешит дух превращенных...»);

«Ты по Овидию в стихах свой строишь тон...»;

«Что в гости никуда не ездит наш Дамон...»

Автогр. [1771]. I о, л. 17 об. с примеч. к первым строкам эпиграммы III — «Виргилий, книг[а?] 8», IV — «Виргилий, книг[а?] 4».

360. *Эпистола* («Не тот еще, мой друг, свободный человек...»)

Автогр. [1780-е?]. VII в, л. 121—122. С вычищ. подзаг. [«к Н. Р. Рожешникову?»]. (Муравьев. 1967. С. 114—116. Под загл. «Эпистола к его превосходительству Ивану Петровичу Тургеневу»).

361. *Эпистола* («Уж Флора при конце. Помопе уступая...»)

Автогр. [1771]. I о, л. 18 об.

362. *Эпистола к В. Г. Назимову* («Не тот Назимов, есть свободной человек...»)

Автогр. [1774, втор. пол. 1770-х]. I в, л. 30.

363. *Эпистола к [Н. И.] Нов[икову]* («Ко другу своему пишу я Новикову...»)

Черновой автогр. 21 м[арта?] 1781. I п, л. 10, 33. Записано двумя фрагментами: «Ко другу своему пишу я Новикову...» // «...Иль лучше, принесли в небесныя поля», с пометой: «М. 21 [1781]» (л. 10); «Соединив тебя с добрейшими душами...» // «...Утешься радостями святаго», с пометой: «Продолжение] Еп[истолы] к Нов[икову], стр. 13» (л. 33).

364. *Эпистола к Ник[ите] Романовичу Рожешникову* («Благополучие, которо нам толь лестно...»)

Автогр. [1775]. II о, л. 41 об.—42. (Муравьев. 1967. С. 146—148. Под загл. «Эпистола к Н. Р. Р.***». С разночтениями).

365. *Эпистола к Ф. Н.* («Искусства красотой ты зришь меня прельщенна...»)

Автогр. [1790-е?]. VII в, л. 116 об. С пометой: «1778». (Муравьев. 1967. С. 173—174. Опубл. неполностью).

366. *Эпистола к Феоне* («Прекрасной, благонравной, нежной...»)

Автогр. 1780-е. II в, л. 52 об.

367. *Эпистола первая* («О ты, в ком искренна моя еще любовь...» // «...Займствующее толь знатно осененье»)

Автогр. Незаверш. набросок [1771]. I о, л. 26 об. На листе загл. предполагавшегося цикла (?) «Эпистолы».

368. *Эпитафия* («Здесь в земный ров сокрыт скупого прах того...»)

Автогр. [1771]. I о, л. 13 об.

369. *Эпитафия* («Как ты, я прежде мог стоять...») Автогр. [1771]. I о, л. 8 об. С пометой на поле «Н».
370. *Эпитафия* («Мудрец, которой здесь от наших глаз сокрылся...») Автогр. [1774]. I в, л. 35.
371. *Эпитафия Исааку Невтону* («Невтона, коего природа, небо, время...») Автогр. [1774]. I в, л. 16.
372. *Эпитафия Лыске* («Здесь пес лежит в земле: он в жизни огрызался...») Автогр. 22 июл[я] 1774. I в, л. 23.
373. «Я мыслии сего вовеки не престану...» Автогр. с испр. А. М. Брянчанинова. [1771]. I о, л. 39. Тематически связано со стихотворением «Надежда».
374. «Я Нису пел: Александрина...» ; Черновой автогр. [1781—1782]. II п, л. 46 об.
375. *Ямбы* («Питомец тихия Виргилиевой музы...») Автогр. [1776]. III о, л. 87 об.
376. А.М.Т.Р.М.Д.В. («Бесспорно тот в числе лишь дураков...») Автогр. Две последние строки — автогр. А. М. Брянчанинова. [1771]. I о, л. 4 об.
377. *Heu! nescis postrae* («Не знаешь, Городской, ты гордости примера...») Автогр. [1774]. I в, л. 26 об.
378. *Impromptu* («От Бальтийских до Хвалынских...») Автогр. [1774]. I в, л. 35.
379. «Ὅτ' εὖω πλω τ'ο'ἰνον» («Царица попеченье...») Автогр. [1782?]. I п, л. 7 об.
380. *Vaudeville* («Клеон, оставив Апполона...») Автогр. [1774]. I в, л. 38.
381. *Amusement de L'oisivité ou Mélange poétique. Épître... A M. Le comte. L.G.D.R.* («D'un regard favorable enhardissant ma verve...») Автогр. зачеркнутый. Фр. яз. [1771]. I о, л. 14.
382. *Épître familiér[е]. A. Briantzaninof* («C'est á toi cher ami que s'adresse ma Muse...») Автогр. с испр. Фр. яз. [1771]. I о, л. 34.

Поэмы

1. *Жертвоприношение первого языческого короля пруссаго Видевута за благо отчества. Поэма* («Пою того царя к отечеству любовь...» // «...Все внять его рачат, Перкун им так сказал») Автогр. с незнач. испр. Вторая половина текста написана позднее более темными чернилами. [1771]. I о, л. 20—20 об.
- 2—4. [*Земледелие*] («О делании нив я в сих стихах вещаю...» // «...И некогда твое вниманье заслужил») Автогр. Отр. [1777?]. III в, л. 74.
- Земледелие. Поэма к его превосходительству Алексею Васильевичу Олешеву* («О делании нив в стихах моих вещаю...» // «...И некогда твое вниманье заслужил») Автогр. Отр. [1776]. III о, л. 84 об.
- Отрывок из 1777 года по началу в 1771* («Искусство ратая в стихах моих вещаю...» // «...Пою и кажется, что ты вспомошествоуешь») Автогр. Отр. 1777. III в, л. 85.

5. *Осада Нарвы. Поэма* («Уж в западе Петром Великим гром военной...»)

Автогр. с испр. и позднейшими доп. 1774. [1780-е]. II о, л. 54, 54 об., 53, 53 об.

6. *Первое число августа 1771. Поэма* («Настало первое днесь августа число...»)

Автогр. с незнач. испр. 1 авг. 1771. I о, л. 5—6.

7. *Раздраженной Ахиллес. Поэма* («Внимайте, юноши! что сверстник ваш поет...» // «...Вождей поносишь ты, с тобою несравненных»)

Автогр. с позднейшей правкой. [1775]. II о, л. 43—44.

8. *Тезеида. Героическая поэма* («Пою сражения и мужа, что создал...» // «...Напомни, муза, мне»)

Автогр. Незаверш. набросок с испр. (все зачеркнуто). [1770-е]. I в, л. 19.

Переводы

Анакреонт

1. *Из Анакреонта первая ода* («Я хотел бы петь Атридов...»)

Автогр. [1776]. III о, л. 61 об.

2. *Ода из Анакреонта* («Водою чернозем...»)

Автогр. [1771]. I о, л. 10 об. С пометой: «З». Ст. IV в цикле „Стихотворческий лес“ (см.: Стихотворения, № 9, 72, 230, 278, 327; Переводы, № 76, 114, 132). (Муравьев. 1967. С. 251—252. С незнач. разночтениями).

3. *Перевод Анакреоновой 30 оды* («Цветочными цепями...»)

Автогр. [1780-е]. III п, л. 73 об.

Барро, Жак де

4. *Сонет де Барров* («Великий бог, твои судьбы все полны правдой...»)

Автогр. [1771]. I о, л. 9.

Беркен, Арно

5. *Буря. Из идиллии г. Беркена* («Уж осень старилась. Так роща избыльна...»)

Автогр. [1776?]. III о, л. 76.

Бертен, Антуан де

6. *Надпись г. Бертеня* («Небесна красота тобой нисходит в свет...»)

Автогр. [1786?]. VII в, л. 111 об.

Брентшен

7. *Колинова разлука. С немецких стихов г. Брентшена* («Разстался, ах! с тобой, я признаюсь в том...»)

Автогр. [1774?]. I в, л. 21. С пометой: «IX». (Муравьев. 1773. С. 29).

8. *На болезнь Филисы. С немецких стихов г. Брентшена* («Почто, прекрасная, болезни умножаешь...»)

Автогр. А. М. Брянчанинова. Заголовок и две строки приписаны М. Н. Муравьевым. [1771]. I о, л. 4 об. (Муравьев. 1773. С. 17).

Брокес, Бартольд-Генрих

9. *Знание человеческого. Разговор* («А: Ты тщишься познавать...»)

Автогр. с позд. испр. [1771]. I о, л. 11 об. С пометой: «I». (Муравьев. 1773. С. 22—23. Под загл. «Знание человеческое. Разговор с немецкого г. Брокса»).

10. *Эпитафия младенцу* («Меня желали, я пришел, жил четверть года...»)

Автогр. [1771]. I о, л. 19 об. С пометой: «VIII». (Муравьев. 1773. С. 29. Под загл. «Эпитафия младенцу г. Брокса»).

Буало-Депрео, Никола

11. *Жалоба на Тюльери. Из сочинений Буаловых* («Приятные сады, где шествие Авроры...»)

Автогр. по более ран. нач. строкам. 18 ф[евр.] 1781. I в, л. 28 об. С пометой: «Из соч. Буаловых».

12. *Из Буало* («Се прекрасныя места...» // «...Сколь она была прекрасна»)

Автогр. с испр. Незаверш. набросок. [1771], [1774]. I о, л. 38. С пометой: «V».

13. *Из Налоя. Педнь] 11 ст[их?] 127* («Увы! Что сталося с тем временем щастливым...»)

Автогр. с двумя зачеркнутыми строками. [1774—1776?]. I в, л. 25 об.

14. *К Котену эпиграмма* («К чему, Котен, твои усилья, плач и крик...»)

Автогр. с испр. [1771]. I о, л. 8 об. С пометой после текста: «Буало». (Муравьев. 1967. С. 281. С незнач. разночтениями).

15. *Начало Буаловой речи к королю* («Младый и храбрый царь! В ком разум просвещенной...» // «...Доселе о тебе быть мнился молчаливым»)

Автогр. [1774]. I в, л. 36 об.

16. *Сонет на смерть родственницы. Из Буало* («Из детства я с младой Орантой возростал...»)

Автогр. [1775?]. I в, л. 33 об. (Муравьев. 1775. С. 28).

17. *Сонет на смерть родственницы г. Буало-Депрео* («Я нежна дружества в приятном восхищенье...»)

Черновой автогр. с испр. [1774?]. I в, л. 21. С пометой: «II». (Муравьев. 1967. С. 281).

18. *Эпиграмма г. Буало* («Ты говоришь, что врач твой дядя чрез леченье...»)

Автогр. [1774]. I в, л. 15 об.

19. *Эпиграмма г. Буало на Акад[емию] Франц[узскую]* («Я назвал всех тех вотяками...»)

Автогр. [1774]. I в, л. 16.

20. *Эпиграмма из Буало* («Мне сделалась премена...»)

Автогр. [1771]. I о, л. 37 об. С пометой: «III». (Муравьев. 1967. С. 282).

21. *Эпиграмма на Гомера того же* («Когда в последний раз ученых муз собор...»)

Автогр. с испр. [1774?]. I в, л. 21. С пометой: «IV». (Муравьев. 1773. С. 26. Под загл. «Эпиграмма на Гомера Буало»).

22. *Эпиграмма против абб[ата] Котеня* («Вотще враги мои мне тысящу гонений...»)

Автогр. [1774]. I в, л. 15 об.

23. *Эпиграмма с латинского оригинала г. Буало* («Когда суд говорит, сын сельского пристава...»)

Автогр. [1775?]. I в, л. 33 об.

24. *Эпистола II г. Буало к аббату де Рош* («К чему спокойных моих муз пробуждать...»)

Автогр. с незнач. испр. [1771]. I о, л. 8—8 об. (Муравьев. 1773. С. 7—9).

25. *Эпистола к королю госп[одина] Буало* («Вотще я, государь! с сатирироу прощался...»)

Автогр. [Втор. пол. 1770-х]. I в, л. 28.

Вергилий, Марон Публий

26. *Виргилиевой Енеиды книга IV* («Царица уж давно любовью уязвлена...»)

Автогр. с испр. и позднейшей концовкой. [1771]. I о, л. 32.

27. *Виргилий. Кн[ига] XI, ст[их] 89* («Потом воитель конь, безузден, совлеченной, // Идет и клонит взор, слезою отягченной»). [Полностью]

Автогр. [1781?]. II в, л. 40 об.

28. *Из Виргилия Георгиков книги III 219 ст[их]* («Ходит пастися в дремучем лесу прекрасна телица...» // «...Побежденной отходит и долго живет в заточенье»)

Автогр. [1776]. Послед. две строки написаны др. чернилами. III о, л. 62.

29. *Начало первой книги Енеиды* («Военны подвиги и витязя пою...»)

Автогр. [Нач. 1780-х]. II в, л. 55 об.

30. *Начало четвертой книги Енеиды*. («А между тем тоской давно уж уязвлена» // «Царица тайной тлит любовью воспаленна»). [Полностью]

Автогр. Незаверш. набросок. [1779?]. VII о, л. 116 об.

31. *Перевод второй Виргилиевой эклоги. Алексис* («Любовью Коридон к Филисе уязвлялся...»)

Автогр. с вариантами некоторых строк на полях. [1776]. III о, л. 63 об.

Виланд, Христофор Мартин

32. *Искушение Авраамово. Поэма г. Виланда. Опыт* («О небесная дщерь, в рай воспитанье приывша...» // «...Се на восточных горах воспрянуло ясное утро»)

Автогр. Незаверш. набросок. [1780]. V о, л. 97 об.

33. *Перевод третьего Виландова письма* («Без пользы умствует Хрисип до утомленья...»)

Автогр. [1779]. VII о, л. 112.

Вольтер

34. *Из Генриады* («Там, меж двух камней, где с ревом кипяща в ярости море...» // «...Радостны тамо с размаху в корабль спешат мореходцы»)

Автогр. Незаверш. набросок. [1776?]. III о, л. 70.

35. *К г-же Люлень в 100 лет* («Ты в наших дедушков своей красою целя...»)

Автогр. [1780?]. VII в, л. 129 об. С пометой: «Вольт[ер]».

Гагедорн, Фридрих

36. *Басня из него же* («Дождя барашек укрываясь...»)

Автогр. с припис. позднее моралью. [Кон. 1770-х, 1781—1782]. III п, л. 63.

37. *Из Гагедорна. Анакреон* («И в Тейе и в Самосе...»)

Автогр. [1776?]. III о, л. 73 об.

38. *Из Гагедорна. Ода* («О вы, которых нежна страсть...»)

Автогр. [Кон. 1770-х?]. III п, л. 63.

39—42. *Из Гагедорновых эпиграм[мных] сочинений. Остроумие и добродетель*

«Какие красоты Гомеров дух постиг...»;

«Наполнен свет волшебниками стал...»;

«Ты жалобы творишь, что взор куда ни бросишь...»;

«Свет делается глуп: и вот уж тридцать лет...»

Автогр. [1777?]. III о, л. 65 об.

43. *Эпиграмма из Гагедорна* («Тебя в театре зрю, тебя зрю, Тривий, в бале, // Тебя на площади, в предместьях всех и дале, // Тебя, куда ни йду, везде там вижу я. // Скажи, не можно ль где, не видеть мне тебя»). [Полностью]

Автогр. 1776. III о, л. 56 об.

Галлер, Альбрехт фон

44. *Из Галлера ода первая* («Уходит месяц прочь, и риза темных туч...»)

Автогр. [1776]. III о, л. 68.

Гомер

45. *Еантово восклицание в Гомере* («О боже! Прогони от наших мраков очес...»)

Автогр. [1774]. I в, л. 16 об.

46. *И в Одиссее* («Там храбрый пал Еант, Ахилл непобедимой...»)

Автогр. [1774]. I в, л. 16 об. Связано с «Еантовым восклицанием в Гомере».

47. *Ответ Ахиллеса Улиссу в аде. Одисс[ея]* («Я лучше бы стократ хотел быть в заключенье...»)

Автогр. [1774]. I в, л. 16 об.

Гораций, Квинт Флакк

48. *Горациева XXXVIII ода книги первой* («Убранство пышное меня не привлекает...»)

Автогр. [1776?]. III о, л. 70.

49. *Гораций[ий]. Ода XI книги] I* («Берегись вопреки людской судьбы...»)

Автогр. [Втор. пол. 1770-х]. I в, л. 27 об. (Муравьев. 1967. С. 265. Под загл. «Его же первая на десять ода книги первой к Левконое». С незнач. разночтениями).

50. *Горация книги первой ода вторая* («Довольно ты на нас, наш отче, раздражался...» // «...Вздымала уж вода»)

Автогр. [1776]. III о, л. 57.

51. *Горация книги первой ода XXIV. К Виргилию* («Кто в нас зазрит сожаленье...»)

Автогр. с вариантами отдел. строк на полях. [1776]. III о, л. 58.

52. *Из Горация книги II, ода IX. К Валгию* («Не всегда тьмы тучи полны...» // «...Облетает с ревом вкруг»)

Автогр. [Втор. пол. 1770-х]. II в, л. 52.

53. *Ода. Из Горация книги первой ода IX. К Талиарху* («Вообрази ты очесам...»)

Автогр. [1776?]. III о, л. 71 об. (Муравьев. 1967. С. 263—264).

54. *Ода XVIII книги III из Горация. К фавну* («О фавн! Любитель нимф бегущих...»)

Автогр. [1771?]. I о, л. 26. (Муравьев. 1967. С. 257—258).

55—57. *Ода IX книги III из Горация. К Лидии* («Го[раций]: Доколь приятен был тебе...»)

Автогр. [1771?]. I о, л. 26. (Муравьев. 1967. С. 256—257. С незнач. разночтениями).

Гораций и Лидия («Гораций: Доколе страсть твоя моею вспламенялась...»)

Автогр. 2-я ред. [1776?]. III о, л. 61 об.

Допес египт... («Гораций: Доколь вздыхающим ты мною забавлялась...»)

Автогр. 3-я ред. (?) [Нач. 1780-х?]. VII в, л. 126 об.

58. *Ода IV книги IV из Горация* («Каков страж молнии крылатой...» // «...Юнцы родивших их волон»)

Автогр. [1771, 1774?]. I о, л. 33. (Муравьев. 1967. С. 258—260).

59. *Осьмая Горациева ода к[ниги] I. К Лидии* («Скажи мне, Лидия, всех именем богов...»)

Автогр. [1775]. II о, л. 48 об.

60. *Подражание Горациевой двадцатой эпистолы, книги первой. К стихам своим* («О свиток, в коем я стихи те начертал...»)

Автогр. [1776]. III о, л. 57 об.

61. *Эпистола К[винта] Горация Флакка к Квинтию. Эп[истол] кн[ига] I пис[ьмо] XVI* («Не тщишь ты у меня запрашивать того...»)

Автогр. с записями на полях вариантов отдел. строк. [Втор. пол. 1770-х]. I в, л. 37.

Еврипид

62. *Из Еврипида. Начало Ореста* («Електра. Нет бедствий таковых, нет лютаго страданья...» // «...Готова лютую Фиестову беду»)

Автогр. [1781]. II в, л. 49.

Каза, Джованни делла

63. *Сонет г. де Лаказа к Тициану* («Красавицы моей зрю образ начертан...»)

Автогр. [1776?]. III о, л. 70 об.

Каллимах

64. *Эпитафия девицы из Каллимаха* («Взыскают суетно Самийския девицы...»)

Автогр. [Кон. 1770-х]. III в, л. 87 об.

Катулл, Гай Валерий

65. *Из Катулла* («Станем жить, любиться станем...»)

Черновой автогр. с испр. [1780-е]. III п, л. 65.

Кеведо, Франциско де

66. *Пустынный. Из дон Франциска Кеведо* («О ты, что дерзкими стопами попираешь...» // «...Которое досель седое время чло»)

Автогр. Незаверш. набросок. [Нач. 1780-х]. III в, л. 64.

Келльгрэн, Иоганн-Генрик

67. *Из Келльгрена. Совет Земире* («Земира! долго ли ты чаешь...»)

Черновой автогр. с правкой. [1780-е?]. III в, л. 79.

Клейст, Эвальд Христиан

68. *Арист. Из сочин[ений] г. Клейста* («Во продолжение Аристово пути...» // «...Вдруг в землю перед ним вонзается стрела»)

Автогр. Незаверш. набросок. [1779?]. VII о, л. 126.

69. *Из Клейста. Песня Каннибала в Афри[ке]* («Постой! Змея прекрасна...»)

Автогр. [Втор. пол. 1770-х]. I в, л. 39.

70. *Начало Клейстовой поэмы «Весна»* («Примите мя, тени священные! Вы, о высокие своды...» // «...Взойду. Вы, душистые холмы, и тамо в струны златые»)

Автогр. Незаверш. набросок. [1776]. III о, л. 75.

71. *Эпиграмма из Клейста* («Ты кажешься млада, но кто не зрит того...»)

Автогр. [Втор. пол. 1770-х]. I в, л. 31 об.

Клопшток, Фридрих Готлиб

72. *«Бог нарицает его возлюбленным, небо Елоа...»*

Автогр. [1776]. III о, л. 62 об. С пометой: «Клопшток».

73. *Начало первой песни «Мессиады» г. Клопштока* («Душа, к которой ржа не прикоснется тленья...»)

Автогр. [Нач. 1780-х]. II о, л. 50.

Корнель, Пьер

74. *Из «Родогуны» действие V явл[ение] 18* («Венчайся, будь тиран: се зришь царем себя...»)

Автогр. Незаверш. набросок. [Кон. 1770-х]. III в, л. 66.

Лагарп, Жан Франсуа де

75. *Монтезум к Кортегу. Г. де Ла Гарпа* («Злодейства своего ты днесь вкушаешь плод...» // «...Мое злодействие есть слабая душа»)

Автогр. [Нач. 1780-х]. III в, л. 86.

Ламот, Антуан Удар де

76. *Ода из де Ламота. Разбужденная любовь* («В уединенном месте мрачном...»)

Автогр. с более позд. правкой. [1771]. I о, л. 10 об.—11. С пометой: «4». Стихотворение VI в цикле «Стихотворческие леса» (см.: Стихотворения, № 9, 72, 230, 278, 327; Переводы, № 2, 114, 132). (Муравьев. 1773. С. 14—15).

Лафонтен, Жан де

77. *Баснь* («Удалось петуху...»)

Автогр. [Втор. пол. 1770-х]. I в, л. 27 об.

78. *Баснь из де Ла Фонтена* («Осел, что тварию презренной волочился...»)

Автогр. [Сер. 1770-х]. I в, л. 24 об. С пометой: «Кн. V, б. XXI».

79. *Баснь из де Ла Фонтена. Крыса, оставившая свет* («В востоке некогда молва та разнеслась...»)

Автогр. [1775?]. I в, л. 33 об.

80. *Баснь. Смерть и несчастной* («Несчастной на помощь звал смерть всякой день...»)

Автогр. [Втор. пол. 1770-х]. I в, л. 25 об. С пометой: «де Ла Фонт[ен]».

81. *Из де Лафонтена баснь. Стрекоза и муравей* («Стрекоза все лето пела...» // «...Не осталось положить»)

Автогр. Незаверш. набросок. [1776]. III о, л. 65.

Леонар, Никола Жермен

82. *[Буря]* («Низы утро созревало...»)

Автогр. с вариантами строк на полях. [1776?]. III о, л. 84 об., 89 об. (Муравьев. 1967. С. 285—287).

Лукан, Марк Анней

83. *Из Лукана книга III. Сон Помпеев* («Уж Австра парусы дыханьем полны стали...» // «...Я зрела пламенник держащих Евменид»)

Автогр. [1775]. II о, л. 42 об.

84. *Начало книги VII Лукановой «Фарсалы»* («Поздние, чем веков теченье бурно звало...»)

Автогр. [1776?]. III о, л. 60 об.

Лукреций, Тит Кар

85. *Из Лукреция «О естестве вещей» книги шестой. О магните* («Теперь скажу, каким союзом естества...»)

Автогр. [1776?]. III о, л. 59.

Малерб, Франсуа де

86. «*Что скажите, грядущи роды...*»

Автогр. [1771?]. I о, л. 31. С припиской в конце «Малгерб».

Марциал, Валерий

87. *Из Марциала* («Как жив Виргилий был, Рим Енния читал...»)

Автогр. [1774]. I в, л. 16 об.

88. *Эпиграмма из Марциала* («При смерти, Аррия, десницей удрученной...»)

Автогр. [1775]. II о, л. 49.

89. *Эпиграмма из Марциала* («Ты всякой день меня, когда я в гости еду...»)

Автогр. [Втор. пол. 1770-х]. I в, л. 33.

Мейет (?)

90. «*Под область я ниспал любви в воскресенье...*»

Автогр. [Нач. 1780-х]. III в, л. 85 об. С пометой: «г. Мейет».

Метастазио, Пьетро

91. *Метастазий. Милосердие Титово* («Уж час, о государь, приходит игр священных...» // «...И все лишь только ждут присутствия твоего»)

Автогр. [1776?]. III о, л. 60.

92. *Перевод Метастазијева сонета, которой написал он, сочиняя «Олимпиаду»* («Мечтанья тщетныя и басни вымышляю...»)

Автогр. [1776?]. III о, л. 56 об.

93. *Смерть Катонова. Из Метастазия* («Уже десницею невольника презренна...»)

Автогр. [1779?]. VII о, л. 127.

Мильтон, Джон

94. *Из «Потерянного рая» книга III, в начале* («Благословлю тебя, сретая свет святой...»)

Автогр. [Нач. 1780-х?]. III в, л. 62 об.

Монмор, Пьер де (?)

95. *Эпиграмма г. Монморта* («Пророк Илья в писанье...»)

Автогр. [1774]. I в, л. 15 об.

Овидий Назон, Публий

96. «Железо вредное извъяется извъято, // Железа самага еще вреднейше злато // И брань, воююща посредством обоих». [Полностью]

Черновой автогр. [1781—1782]. I п, л. 31 об. С пометой: «Ов[идиевых] превр[ращений]».

97. Из Овидиевых «Превращений» кн[ига] XIII. Ст[их] 899 («Престала от своей беседы Галатея...» // «...Свои включенные в ней члены охлаждает»)

Автогр. Незаверш. набросок [1779?]. VII о, л. 118 об.

98. Овидиева элегия на смерть Тибулла («Коль, правда, что богинь юнейшая Аврора...» // «...Преломлен лук, свещу утративш...»)

Автогр. Незаверш. набросок. [1776?]. III о, л. 77.

99. Овидиевых «Печалей» элегия X кн. 1-я («Творенья, кои ты в сей книге прочитал...»)

Автогр. [1779?]. VII о, л. 128 об.

Патрю (?)

100. Сон. Из Патрю («Мне снилось в сию ночь, что болню спеден...»)

Автогр. [1771]. I о, л. 8 об.

Петрарка, Франческо

101. Из Петрарка («Вы, слушающие в разбросанных стихах // Степанье вздохов тех...»). [Полностью]

Автогр. Незаверш. набросок [1780-е]. III в, л. 73.

Поп, Александр

102. Из Попа. Заключение «Опыта о человеке» («Приди же, о мой друг, о Гений-наставитель...»)

Автогр. [1795?]. III в, л. 65.

Проперций, Секст

103. Из Проперция кн[ига] III э[легия] 3 («Мне мило в юности всходить на Геликон...»)

Автогр. [1777?]. III в, л. 65 об.

104. Из Проперция кн[ига] III элегия 19. К Цинтими («Неволей долгий путь я ныне предприемлю...»)

Автогр. с вариантами отдел. строк на полях [1776]. III о, л. 62.

Раншен, Жак

105. Триолет, приписываемой г. Раншеню («Мая первого числа...»)

Автогр. [1776]. III о, л. 61 об. (Муравьев. 1967. С. 288. Как пер. неизв. фр. поэта).

Расин, Жан

106. Из «Федры» Расиновой («Едва лишь вышли мы из-за Трезенских врат...»)

Автогр. [1771, втор. пол. 1770-х]. I о, л. 32 об.

107. Эпистола I о человеке к госп. кавалеру де Рамзею с французского г. Расина («Коль беден человек! Коль мстительного бога...»)

Автогр. [1776?]. III о, л. 83.

108. Явление I Расиновой «Фиваиды» («Так вышли уж они? Олимпиа злой тоской...» // «...И весть тебе подать оставила раскаты»)

Автогр. с испр. Отр. [1770-е, нач. 1780-х]. Л, л. 2.

Ренье, Матюрэн

109. *Сонет* («Дорис то зная, что стихами забавляюсь...»)

Автогр. с зачеркнутым первонач. вариантом первой строфы. [1771].
I о, л. 13 об. С пометой: «7». (Муравьев. 1773. С. 16. Под загл. «Сонет
аббата Реньера»).

Руссо, Жан-Батист

110. *Стихи к портрету г. Буало соч. г. Руссо* («Сим мужем был навет
разрушен лести злой...»)

Автогр. [Втор. пол. 1770-х]. II в, л. 52.

Сапфо

111. [*Три первые строфы сохраненной Лонгином Сафовой оды, следуя
г. Буало*] («Щастлив, кто близ тебя тобой единой тлеет...»)

Автогр. [1775]. II о, л. 47. (Муравьев. 1967. С. 250).

Сенека, Луций Анней (младший)

112. *Первое действие Сенекиной трагедии «Неистовый Иракл»* («Юнона.
Сестра гремящего в превыспренней стране...» // «...Составила я
днесь чертог ефирна круга»)

Автогр. Незаверш. набросок. [1776?]. III о, л. 81.

Силий Италик, Тиберий Катий

113. *Начало поэмы Силия Италика «Пуническая брани»* («Сражения,
гласит, я ныне предприемлю...» // «...Доколе ни Микен, ни Аргос не...»)

Автогр. Незаверш. набросок (зачеркнуто). [1774?]. I в, л. 22.

Скюдери, Мадлен де

114. [*Стихи 2-жи Скюдери на гвоздики, саженные князем Конде*]
(«Гвоздики видя те, что воин возрастил...»)

Автогр. [1771]. I о, л. 10. С пометами после текста: «Mad.
Scud[ery]» и на поле «I». Стихотворение I в цикле «Стихотворческая
леса» (записано по первонач. заголовку «Различные роды стихов»;
позднее зачеркнуто) (см.: Стихотворения, № 9, 72, 230, 278, 327; Пере-
воды, № 2, 76, 132). (Муравьев. 1967. С. 280).

Софокл

115. *Из Софокла* («Мне жалостно, что он в сем общем оставлень...»)

Автогр. [1779?]. VII о, л. 108 об.

Тассо, Торквато

116. *Начало «Освобожденного Иерусалима»* («Благочестиву брань и
вождя воспеваю...» // «...Биема бурями и уж почти тоня»)

Автогр. 1776. III о, л. 56. (Муравьев. 1967. С. 278. Оpubл. ча-
стично).

Теренций, Публий

117. *Из «Аделф» Теренциевых начало* («Мицион. Что сделалось Сто-
ракс! в гостях всю ночь Ешин...» // «...Ему там [в]есело...»)

Автогр. 20 янв. 1776. III о, л. 84 об.

Томсон, Джеймс

118. *Из Томсона* (The seasons spring. v. 48) («Ты милуй небо днесь: уже работы нужны...»)

Автогр. с испр. [1776?]. III о, л. 82.

Триссино, Джонджорджо

119. *Начало Триссиановой поэмы «Италия, избавленная от готов»* («О красный Дилабог и вы, небесны мусы...»)

Автогр. [1780-е?]. III в, л. 72 об.

Уц, Иоганн Петер

120. *«Когда мой Гагедорн, что Дрезден украшает...»*

Автогр. [1775?]. I о, л. 49 об. С пометой в конце: «Уц».

Федр

121. *Баснь. Человек и змея* («Кто помогает злым, тому впредь будет жал...»)

Автогр. [1771]. I о, л. 8 об. С пометой после текста: «Федр».

122. *Баснь IV. Фед[р]* («Теряет тот свое, чужого кто желает...»)

Автогр. [1771]. I о, л. 19 об.

Феокрит

123—124. *Две эпиграммы Феокритовы*

Ч. 22 («Другой есть Феокрит, что Хийский гражданин...»);

Ч. 26 («Здесь Иппонакс лежит, певец упокоенный...»)

Автогр. [1780?]. VII в, л. 129 об. С пометой: «Перев[едены] в Москве 1776 г.».

Флеминг, Пауль

125. *Ода* («Дай волю временам...»)

Автогр. [1771]. I о, л. 18. С пометой: «VI». (Муравьев. 1967. С. 279. Под загл. «Ода из Флеминга»).

Франсуа, Никола-Луи

126. *Сказка г. аб[бата?] Франева де Нью в Шато* («О нежной пол, как можно прекословить...»)

Автогр. [Нач. 1780-х]. III в, л. 83.

Шаплен, Жан

127. *Эпиграмма* («Напрасно вы меня, насмешники, браните...»)

Автогр. [1771]. I о, л. 37 об. С пометой: «Шапелен».

Шекспир, Вильям

128. *Гамлетов монолог из Шекеспира* («Се быть или не быть? вопрос мне предстоит...»)

Автогр. [1776?]. III о, л. 56 об.

Шлегель, Иоганн Элиас

129. *Из «Германа», трагедии госп. Шлегеля. Действия II явление первое* («Сигм[унд]. Туснельда, поклонись отеческому богу...»)

Автогр. [1776?]. III о, л. 61.

Переводы неустановленных авторов

130. *Вечность. Перевод* («Предлог высокой и ужасной...»)

Автогр. [1771]. I о, л. 14. (Муравьев. 1773. С. 20—22. Под загл. «Вечность. Неправильные стансы»).

131. *Ода* («Украшенной муж сединами...»)

Автогр. [1771]. I о, л. 17—17 об. (Муравьев. С. 17—19. Под загл. «Ода на смерть г. Д. Л. с немецкого»).

132. *Ода. Опасности и выгоды ученья* («Понятья правды постоянны...»)

Автогр. [1771]. I о, л. 10—10 об. С пометой: «2». Стихотворение II в цикле «Стихотворческие леса» (см.: Стихотворения, № 9, 72, 230, 278, 327; Переводы, № 2, 76, 114). (Муравьев. 1773. С. 12—14. Под загл. «Ода. Умеренность в учении. С французского г. «Р»).

133. *Перевод* («Любимой мной предмет...»)

Черновой автогр. [1781—1782]. I п, л. 26 об.

134. *Перевод* («Я правду б век любил...»)

Черновой автогр. Незаверш. набросок. [1774?]. I п, л. 34 об. Свя-
зано по тематике с одой (см.: Стихотворения, № 178).

135—136. «*Под вселенной...*»

Автогр. подстроч. (?) нерифм. пер. [Нач. 1780-х]. (Б. зн.: типа Клепиков. Книга II, № 734—735—1781 г.). 2 л., 21,8×16,9. На этих же листах тексты поэтического перевода этого стихотворения и стихотворения «В избрании картин мой разум упражнялся...».

Ф. 298. IV. № 4.7

То же, поэтический перевод («Во вселенной...»)

Черновой автогр. с испр. [1790-е]. На листе с предыдущим текстом.

Ф. 298. IV. № 4.7

137. *С италианскаго* («Простите вы, леса, простите, пастухи, // Подруги и цветы, вы, нимфы и луги. // Я боле не хочу уже петь в вашу славу»). [Полностью]

Автогр. [1774?]. I в, л. 19. Имеет отношение (?) к «Эпистоле» (см. Стихотворения, № 361).

133. *Эпитафия* («Дескарт, которого ты зришь гробницу здесь...»)

Автогр. [1771]. I о, л. 9. С пометой на поле «Л». (Муравьев. 1773. С. 32. Под загл. «Эпитафии. Дескарту. С французского»).

Драматические произведения

1—2. [*Аладин*] («Аладин. Гурадин. Волшебник. Гений. Аладин был сын добродетельного Гурадина...» // «...Он может двинуть всех и всех остановить»)

Черновой автогр. Сюжет драмы и сцена из 1 д. [1780-е] (бум. 1784 г.). 2 л., 34,0×22,0. Листы измяты, были сложены вчетверо, л. 2 разорван.

Ф. 298. IV. № 4.12

То же («Алей. Я думаю пора, чтобы войско отдохнуло...» // «...Увижу милых чад и томную главу спокую близь моих»)

Черновой автогр. с незнач. испр. [1780-е]. 2 л., 31,4×19,5. Листы слегка измяты, были сложены вчетверо.

Ф. 298. IV. № 3.30

3. *Амфион. Драма* («Действующие лица: Амфион, Антиопа [...]. Антиопа одна. Ужасна степь, дремучий лес...» // «...Стрел колчана моего»)

Автогр. Явл. 1, 2. [1776]. III о, л. 89.

4—6. [Болеслав] («Расположение Болеслава. Приключение почерпнуто в Солиньяке в Емине т. II, стр. 277...» // «...Явление пятое. Болеслав, Свентельда. Болеслав ее утешает; он сам поражен смертью брата своего, но сердце его хотя...»)

Автогр. План трагедии, без конца. С замеч. авт. в 1779 г. о работе над этим произведением. [1776]. 1 л., 31,4×18,8. Лист потерт и надорван по сгибам.

Ф. 298. IV. № 4.13

То же («План Болеслава, зачатой 1775 года, разположенной 1776 августа. Действие I. Явл. I. Болеслав и Мечест. По двумесячном отсуствии от государя своего...» // «...Те же и Мечест, которой приносит повеление Болеславово препроводить Сяяну к Сбигневу. Действие II. Явл. I»)

Черновой автогр. План 1 д. [Нач. 1780-х]. V в, л. 100 об.

То же («Монолог Болеслава, зачинающий второе действие [...]. Беги, чтобы Жиромысл отъездом поспешил...» // «...Сяяна. Сбигней! Небесна сила»)

Беловой и черновой автогр. Явл. 1—5 из II д. [1779, нач. 1780-х, 1790-е (?)]. VII о, л. 109—111. С пометой: «...писан 1777 декаб[ря] 31». 7. [Дидона] («Явление III. Дидона, Еней, Анна. Еней. Впоследни пред твой взор предстати милосердый...» // «...На время отложить к Аязонским плыть брегам»)

Автогр. с испр. Явл. 3. [1771]. I о, л. 31 об.

8. «Добрый барин. Действующие [...]. Явление I. Василий, Мадичнька. Василий. Что так ли лучше мне или в крестьянском платье?.. // «...Но со щеки твоей слеза готова пасть»

Черновой автогр. Явл. 1. [1790-е?]. VIII в, л. 134 об. — 135. В верх. части листа надпись: «Место для начертания будущего романа», ниже указаны годы работы над «Добрим барином» — «1776—79».

9. [Ерисия, или Вестальская дева] («Первое явление из драмы Ерисия [...]. Защитница римлян, священна дева Веста...» // «...Покорствуй, трепещи и будь ея достойна»)

Автогр. Явл. 1 [1775]. II о, л. 41.

10—11. [Простосердечная, или Сила первой склонности. Комедия в одном действии] («Явление 6. Добронрава и Лиза. Лиза. Побежим его встретить...» // «...Искусства подделываются под натуру. Заменяют ли они ее?»)

Черновой автогр. Явл. 6, 7. [Нач. 1780-х]. 1 л.. 32,7×20,5. Лист помят, по краям надорван.

Ф. 298. IV. № 4.14

То же («Явление 10 [...]. Думов. Ну, мы опять свободны...» // «...и только для того, чтобы поразить своего благодетеля»)

Черновой автогр с испр. Явл. 10, 11. [Нач. 1780-х]. 2 л., 33,2×21,0. Листы помяты.

Ф. 298. IV. № 3.29

12. [Сумбек] («Отрывок из первого явления трагедии Сумбек, предприниманной в Вологде 1772 года в июне. Сумбек. Затима. Сей час, сомнительный час, решит, Затима, бранью...» // «...Сафакирей во гроб низринут Иоанном»)

Автогр. Явл. 1 (отр.). [1776]. III о, л. 84.

Проза

1. *Августов век* («Щастливое похищение верховной власти в Риме; посвященное в особе Августа...» // «...чтобы подвергнуть вселенную владычеству Октавия»)

Черновой автогр. [1790-е]. 10 л., 30,5×18,7. 6 л. чистые. Листы сшиты в тетрадь. (Муравьев. 1819—1820. Т. 2. С. 55—58).

Ф. 298. IV. № 3.56.

Л. 27—36

2—4. [*Взгляд на историю писем*] («Одно воззрение света представляет нам чрезвычайную разность вещей...» // «...и приобретает каждой день новая сокровища знаний. Сколь благополуч...»)

Черновой автогр. с правкой. Отр. [Посл. четв. XVIII в.] (6. зн.: Клепиков, Кукушкина, № 478—1772 г.). 1 л., 30,7×19,6. Лист помят, по сгибам надорван. (Муравьев. 1819—1820. Т. 3. С. 166—169. С разночтениями).

Ф. 298. IV. № 4.9

То же («Сияние, которое зачинают уже разпростирать между нами письма...» // «...Два дарования божественных: слово и разум, возвышая его без сравнения над степенью животных, приводят его в состояние действовать над природою»)

Черновой автогр. Отр. [1790-е] (6. зн.: Клепиков. Рожок, № 620—1794 г.). 4 л., 25,3×19,5. 2 л. чистые.

Ф. 298. IV. № 3.56.

Л. 4—7

То же («Разум и слово суть два дарования, отличающие человека от животных...» // «...Язык всегда сообразуется со степенью просвещения, которой достиг народ, говорящий оным. Недостаточен, груб...»)

Черновой автогр. Отр. [1770-е] (6. зн.: Клепиков, Кукушкина, № 478—1772 г.). 1 л., 30,7×19,6. Лист помят, был сложен четверо, загрязнен, по краям надорван. Есть заголовок, не имеющий отношения к тексту: «Басня Федрова о Менандре и [Би?]газе».

Ф. 298. IV. № 3.59. Л. 8

5. *Войны, которая имела Россия с Польшею и Швециею* («Неизмеримое пространство земли, которое присвоил себе народ российской...» // «...неизгладимой удар, нанесенной ей под Полтавою»)

Черновой автогр. с испр. [1780-е — 1790-е] (6. зн.: Shorter, № 122—1789—1797 гг.). 2 л., 32,0×20,0. Листы помяты, надорваны на сгибах и по краям. В левом верх. углу цифра «7», в правом — «6» (карандаш). (Муравьев. 1819—1820. Т. 2. С. 128—131).

Ф. 298. IV. № 3.56.

Л. 1—1а

6. «*Все мои чтения суть черезъчур бездельны...*» // «...Где препроводил я столько времени? Fallentis Lemita vitae»

Черновой автогр. [1780-е] (6. зн.: Клепиков, Кукушкина, № 478—1772 г.). 2 л., 30,6×19,7. Листы помяты, на л. 10 заметки об эпистоляр. жанре (см.: Проза, № 8).

Ф. 298. IV. № 3.56.

Л. 9—10

7. [*Законодатели*] («Особливое прославление привлекли себе те мужи...» // «...Твердый монарх усмиряет волнения и оставляет покойное владение сыну»)

Черновой автогр. [1780-е — 1790-е]. 2 л., 31,8×20,1. Листы на сгибах надорваны. В левом верх. углу цифра «18», в середине верх. поля — «32» (карандаш). (Муравьев. 1819—1820. Т. 3. С. 88—89).

Ф. 298. IV. № 3.56.

Л. 24—25

8. «...или чувствования несравненно более украшают письмо...» // «...И то и другое должно почерпнуть в щастливой природе и упражнении способности»

Черновой автогр. с испр. Отр. [1780-е] (6. зн.: Клепиков, Кукушкина, № 478 — 1772 г.). 2 л., 30,6×19,7. На листах с заметками о круге чтения (см. № 6).

Ф. 298. IV. № 3.56.

Л. 9—10

9. «Именья разделяются на движимыя и недвижимыя...» // «...там как нотариусы протестуют вексели и отдают их к исполнению»

Черновой автогр. [1790-е] (6. зн.: Клепиков. Книга 1, № 1204—1792 г.). 2 л., 25,0×19,4. Листы помяты.

Ф. 298. IV. № 3.56.

Л. 13—14

10—11. «Корнелия, знатная женщина римская...» // «...тысячу раз драгоценнейшее, нежели ваши алмазы»

Черновой автогр. с испр. [1790-е]. 1 л., 22,7×18,7. Лист помят, надорван.

Ф. 298. IV. № 3.56. Л. 20

То же («Корнелия, знатная женщина римская...» // «...она просвещала разум их учением...»)

Черновой автогр. Незаверш. набросок. [1790-е]. 1 л., 20,0×15,5. Лист помят, на об. заметка о переселенцах в Россию.

Ф. 298. IV. № 3.56. Л. 19

12. [Краткое начертание Российской истории] («...на границах Сибири заведение Аникия Строгонова...» // «...опытнейшие вельможи зачинали проникать опасность, которой Годунов подвергал правление, и умы...»)

Черновой автогр. Отр. [1780-е — 1790-е] (6. зн.: Клепиков; Книга 1, № 1174—1801 г.). 2 л., 25,2×19,4. Листы помяты. (Муравьев. 1819—1820. Т. 2. С. 288—291).

Ф. 298. IV. № 3.56.

Л. 11—12

13. Мудрецы-законодатели («Беспосредственной предмет нравоучительной философии есть благополучие...» // «...Он умел воспалить любовь добродетели»)

Черновой автогр. [1790-е] (6. зн.: Клепиков, Кукушкина, № 648—1792, 1793 гг.). 4 л., 19,5×15,5.

Ф. 298. IV. № 4.10

14. «Никогда частной человек не наслаждался большею властью...» // «...обращал его гордою рукою посреди бурь, угрожающих ему отовсюду»

Черновой автогр. [1799?] (6. зн.: Клепиков. Книга 1, № 1395—[1799] г.). 2 л., 22,8×19,0. Текст заметки о кардинале Ришелье записан на л. 15; на л. 16 об. — текст сопровод. зап. (см.: Разное, № 2).

Ф. 298. IV. № 3.56.

Л. 15—16

15. *О происхождении власти и подчинении в гражданском обществе* («Первое понятие общества есть семейство...» // «...Особливое состояние людей занимается изучением законов и приобретает особливую силу в звании судей»)

Черновой автогр. [1780-е — 1790-е] (б. зн.: Shorter, № 39 — 1787—1800 гг.). 2 л., 32,0×20,3. Листы по сгибам надорваны.

Ф. 298. IV. № 3.56.

Л. 22—23

16. *«Происшествие для меня весьма приятное...»* // «...И что к благополучию приносит родословная? В не...»

Черновой автогр. Отр. [1780-е — 1790-е] (б. зн.: Shorter, № 39 — 1787—1800 гг.). 1 л., 31,7×20,3. Лист помят.

Ф. 298. IV. № 3.56. Л. 21

17. *«Ты спрашиваешь меня, любезной друг мой, как я здесь провожу время...»* // «...Затем, что не подумайте, чтобы...»

Черновой автогр. с испр. [1780-е — 1790-е]. 2 л., 23,0×18,8. Листы помяты, с арифмет. подсчетами; на л. 18 об. рис. мужского профиля и записи на фр. яз.

Ф. 298. IV. № 3.56.

Л. 17—18

18. *Утренняя прогулка* («Третьяго дня был очень приятной день...» // «...благополучие зависит не от знатности и великолепия, но от свидетельства доброй совести»)

Черновой автогр. [Кон. 1770-х] (б. зн.: Лауцявичюс, № 2808 — 1776, 1778 гг.). 2 л., 32,6×21,0. Листы помяты, на сгибе надорваны. Последовательность текста: л. 2, 2 об., 3 об., 3. (Муравьев М. Н. Утренняя прогулка. Спб., [б. г.]).

Ф. 298. IV. № 3.56.

Л. 2—3

19. *«Хотя добродетель состоит вся в исполнении...»* // «...Нравоучение становится приятно всем родам читателей»

Черновой автогр. [1780-е — 1790-е] (б. зн.: Shorter, № 122 — 1789—1797 гг.). 2 л., 20,0×16,0.

Ф. 298. IV. № 4.11

Записные и ученические тетради

1. *Записная книга* — стихотворения, поэмы, драматические произведения, заметки о литературе.

Черновые и беловые автогр. 1771—1803 гг. (б. зн.: л. 2—3 — Клепиков. Книга II, № 707 — 1763 г.; л. 4—39 — Клепиков. Книга I, № 151 — 1765—1776 гг.; л. 40—55 — Клепиков. Книга I, № 452 — 1766—1777 гг.; л. 56—90 — Клепиков. Книга I, № 771 — 1765 г.; л. 91—96 — Клепиков. Книга I, № 1258 — 1779 г.; л. 97—100 — Клепиков. Кукушкина, № 482 — 1797, 1805 гг.; л. 101—106 — бум. 1779 г.; л. 108—130 — Клепиков. Книга I, № 72 — 1776, 1779 гг.; л. 107, 131—137 — бум. 1779 г.). 138 л. 1°. 35,8×22,0 (л. 1,56—90), 34,4×20,5 (л. 2—3), 35,5×22,0 (л. 4—55), 34,0×21,5 (л. 91—96, 101—106, 108—129), 33,5×21,0 (л. 97—100), 33,6×21,5 (л. 130—137), 35,6×21,8 (л. 138). Переплет — картон в светло-коричневой коже, с золотым тиснением на корешке; кожа вдоль корешка лопнула, на углах протерлась до картона; форзац из мраморной бумаги. На корешке темно-зеленая наклей-

ка с золотым тиснением: «Записки». На верхней крышке переплета голубая бумажная наклейка с зачеркнутой цифрой «1», рядом полустертый «№ 10» (черными чернилами). Есть шифры (карандашом): «№ 1» и «№ 3» (л. 1), «№ 53» (нижний форзац). По верхнему полю прежняя нумерация страниц и листов, три счета: I—«1—181» (л. 4—90, пагинация коричневыми чернилами, с ошибками); II—«1—91» (л. 91—106 об., пагинация коричневыми чернилами; л. 107—136 об.—карандашом и черными чернилами, с пропуском листов); III—«1—22» (л. 108—129, нумерация листов карандашом).

Содержание:

1. «Забава праздности. Журнал вологодских упражнений. Месяц август 1771 года» — первый «журнал» (л. 4—39).
 2. «Услаждение скуки. Журнал санктпетербургских упражнений. 1775 год» — второй «журнал» (л. 40—55).
 3. «Журнал на 1776 год» — третий «журнал» (л. 56—90).
 4. «Mes études... hélas! 1780 года» — четвертый «журнал» (л. 91—96).
 5. «1780 года. Покушение исправиться» — пятый «журнал» (л. 97—100).
 6. «Упражнения души. Тверь 1780 года в марте» — шестой «журнал» (л. 101—106).
 7. «Стихотворения с 1779 года в июле в Санктпетербурге» — седьмой «журнал» (л. 108—130).
 8. «Les illusions le 1 d. août. 1780. Tver» — восьмой «журнал» (л. 131—137).
 9. Листы, не относящиеся к «журналам» (л. 1—3, 107, 138).
2. [1776. Novembre. Tver] — переводы, заметки по истории, литературе, философии и др.

Автогр. Лат., фр., итал., рус. яз. Фрагменты. 1776. 7 л., 33,9×20,9. По верхнему полю нумерация листов: 13, 17—22. Л. 1 отделен, помят надорван.

Ф. 298. IV. № 4.15

3. *Успехи учения — тетрадь с дневниковыми записями*

Автогр. 1—7 окт. 1779. 4 л., 21,8×17,5. Листы сшиты в тетрадь, порваны по сгибу, в пятнах.

Ф. 298. IV. № 1.2

4. *Тетрадь с ученическими упражнениями в переводах с немецкого и французского языков*

Черновой автогр. Нем., фр., рус. яз. 12 нояб. 1768. 8 л., 20,5×16,5. Листы сшиты в тетрадь, в пятнах. С записью на л. 3 об.: «Переводил Михайла Муравьев 12.11.1768».

Ф. 298. IV. № 4.16

5. *Тетрадь с ученическими упражнениями по древней и новой истории*

Автогр. [Кон. 1760-х] (б. зн.: типа Клепиков. Книга 1, № 771—1765 г.; Кукушкина, № 98—1768—1777 гг.). 4 л., 22,3×17,1. Листы сшиты в тетрадь.

Ф. 298. IV. № 4.8

III. Материалы служебной и общественной деятельности

1. [Проект Устава Академии российской словесности]

Черновой автогр. Набросок. [Нач. XIX в.] (б. зн.: Клепиков, Ку-

кушкина, № 287 — 1799, 1803, 1813 гг.). 2 л., 31,4×19,0. На л. 1 вверху помета: «Бецкаго», внизу год смерти М. Н. Муравьева: «+1807». Листы помяты, загрязнены.

Ф. 32. № 16.59

2. [Заметки о лице]

Черновой автогр. [Нач. XIX в.] (6. зн.: Клепиков, Кукушкина, № 287—1799, 1803, 1813 гг.). 2 л., 31,6×20,0. Листы помяты, загрязнены.

Ф. 298. IV. № 4.17

3. [Донесение Александру I о прощении Анны, царицы Имеретинской] Черновой автогр. с испр. [Нач. XIX в.]. 1 л., 27,2×19,7. Лист был сложен вчетверо, с арифмет. подсчетами.

Ф. 298. IV. № 3.56. Л. 26

4. [Донесение Александру I о дочерях кронштадтских матросов, нуждающихся в помощи]

Писарское. [Авг. 1804]. 1 л., 30,5×19,7. На боковом поле следы проколов. Текст писан на правой половине листа. Донесение подгот. на основании записки П. И. Ханыкова (см.: Переписка, № 14).

Ф. 178

IV. Переписка

Письма Муравьева

1. Карманову

Автогр. Без конца. [До сент. 1777. Санкт-Петербург. В Тверь]. Л. 1, «журнал» 1776 г.

С сообщением о том, что с сентября начинается издание ежесычного сочинения Н. И. Новикова («Утренний свет») и что рукопись «Тверской истории» Карманова передана Новикову. (Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1862. Т. IV. Отд. III. С. 69).

Ф. 298. IV. № 4.15

2. Тимковскому, Роману Федоровичу

Автогр. 3 июля 1806. Санкт-Петербург. 2 л., 22,9×18,7. С исходящим № 135.

С уведомлением о поднесении Александру I Федоровых басен, изданных Р. Ф. Тимковским, и о пожаловании издателя золотой табакеркой.

Ф. 41. № 110. 29

Письма Муравьеву

3. Вигель, Филипп Филиппович

Писарское, с подписью-автогр. 30 авг. 1804. Пенза. 1 л., 32,8×20,7. С пометами о получении. На боковом поле следы от проколов.

По делу прапорщиков С. и А. Владыкиных с майором Секириным.

Ф. 178

4. Вигель, Филипп Филиппович

Писарское, с подписью-автогр. 4 окт. 1804. Пенза. 2 л., 33,4×20,5. С пометами о получении. На боковом поле следы от проколов.

По делу экономических крестьян с. Девичьего Рукава.

Ф. 178

5. *Вилламов, Григорий Иванович*

Писарское, с подписью-автогр. 15 апр. 1806 г. 1 л., 31,5×20,0. С пометами о получении.

С просьбой доложить Александру I о прошении Гершко Шлемовича.

Ф. 178

6. *Гаюи, [Валентин]*

Автогр. Фр. яз. 29 сент. 1806 г. Санкт-Петербург. 1 л.

По поводу аудиенции у товарища министра народного просвещения перед началом предложенной ему работы.

Ф. 298. IV. № 159

7. *Карамзин, Николай Михайлович*

Автогр. 28 сент. 1803. Москва. 2 л.

С просьбой доложить Александру I о желании автора работать над «Историей государства Российского». (Москвитянин. 1845. № 1. С. 1—3).

Ф. 488. № 1.4

8. *Кочубей, Виктор Павлович*

Писарское, с подписью-автогр. 15 нояб. 1804. 2 л., 32,2×19,9. С пометами о получении. На боковом поле следы проколов.

По поводу жалобы крепостных крестьян д. Игнатихи Вышневолоцкого уезда о незаконной продаже их помещиком Андреевым генералу Корсакову.

Ф. 178

9. *Куракин, Александр Борисович*

Писарское, с подписью-автогр. 21 апр. 1806. 2 л. (1 чистый), 31,7×20,3. С пометами о времени получения и времени доклада.

По поводу прошения генерала от инфантерии Философова [М. М.] о передаче половины его дохода с ордена Андрея Первозванного его племяннице Рябининой.

Ф. 178

10. *Ливен, Христофор Андреевич*

Писарское, с подписью-автогр. 28 февр. 1806. 1 л., 33,7×21,2. С пометами о получении. Лист надорван по краям.

О посылке к М. Н. Муравьеву рапорта подполковника Летюхина по поводу «собранных им военных опытов».

Ф. 178

11. *Невзоров, Максим Иванович*

Автогр. 21 янв. 1807. 1 л.

По поводу выхода журнала «Друг юношества».

Ф. 298. IV. № 160

12. *Немиров, Сергей [Александрович]*

Автогр. 31 дек. 1806. 2 л.

Поздравление с Новым годом.

Ф. 298. IV. № 161

13. *Протасов, Павел [Иванович?]*

Писарское, с подписью-автогр. 1 нояб. 1804. Короча. 1 л., 32,5×20,2. С пометами о получении. На боковом поле следы проколов.

По делу штабс-капитана Шульгина с поручиком Паниным.

Ф. 178

14. *Ханыков, Петр Иванович*

Писарское, с подписью-автогр. 2 авг. 1804. Кронштадт. 1 л., 22,7×18,8. С пометами о получении. На боковом поле следы проколов.

К письму приложена записка П. И. Ханыкова с отзывами о дочерях кронштадтских матросов, нуждающихся в помощи, 1804 г., писарская, с подписью-автогр., 2 л., 33,3×21,7.

Ф. 178

V. Разное

1. *Опись книгам, принадлежащим Михайле Муравьеву*

Автогр. 1 янв. 1798. Петербург. 30 л.

В бум. обл. на л. 30 шифр (?) «9.3115»; на нижней крышке дата «11 сент. 1906».

Ф. 507. № 2.5

2. *Сопроводительная записка Герасиму Прокофьевичу Паранину для проезда в Шлиссельбург*

Черновой автогр. 11 апр. 1799. 1 л., 22,8×19,0. Лист помят. На листе с заметкой о кардинале Ришелье (см.: Проза, № 14).

Ф. 298. IV. № 3.56.

Л. 16 об.

Стихотворения М. Н. Муравьева

I

Катитесь, стихи любезныя, по воле,
 Как в Вологде текли, теките в Петрополе¹,
 Наполните собой вы хартию сию
 И усладите тем прискорбну жизнь мою.
 О память милых дней, в местах тех провожденных,
 Где плод прозяб стихов, впервые насажденных!
 Благословенна будь и ты, река моя,
 О Вологда! во век пребудет честь твоя,
 Хоть сами берега твои тебя забудут,
 Струи твои в моих стихах крутиться будут^а.
 О год, сужденный быть России торжеством²,
 Иль мне ты одному послужишь, скорби рвом?
 Однако ты блажен: я чту сию годину,
 Как ревностному чтить довлеет гражданину³.
 Подайте, времена! чтоб я полезен был.
 Чем быть хотел таким^б, я все то позабыл:
 Пуста моя глава, не изученны руки,
 Я недостойн стал Невтоновой⁴ науки,
 Закрыты предо мной высоки небеса,
 Не достязает ум в природны чудеса.
 И Эйлер!⁵ Вспомню лишь, уже отчаяваюсь,
 Срамлюсь, и чту тебя, и, чтя, изумеваюсь.
 Срамлюся и тебя, о Крафт⁶, учитель мой,
 Едва ль не погубил ты труд свой надо мной.
 Рассказывал ты мне, откуда воздух стался,
 Что есть он, как тяжел, почто везде сретался.
 Рассказывал ты мне числ свойства, чин и вид,
 И правила тех черт, чем славен стал Евклид⁷.
 Рассказывал ты мне тел к центру притяженье,
 И равновесие, и разное движенье,
 Как тело брошенно по воздуху идет,
 Почто к нам с высоты луна не упадет.
 Рассказывал ты мне движение тел влажных
 И наблюденье свойств, в природе самых важных.
 Но... я срамлюсь сказать, учений семя сих
 Иль пало на песок, или росло лишь миг⁸.
 Еще хоть было то, чем мог я утешаться:
 Мне лавром было лъзя Пермесским украшаться⁹.
 Любимец мудрых сестр¹⁰ бодрил мой робкий дух,
 И был (назвать ли мне?) советник мой и друг —
 Не гневайся, тебя я, Майков!¹¹ вспоминаю.
 Когда, достоин ли уж я тебя, не знаю,
 Но сердце зри мое: коль любишь ты меня,
 Так щастлив я и днесь, я щаслив и стена.
 Тебя здесь только нет, вот что меня печалит¹²,

^а Текст строк 8—10 записан также отдельно в конце вологодского «журнала» (л. 39 об.).

^б Слово приписано над строкой.

Оно днесь и к стихам мою охоту малит.
 А коль и есть она, так, что ни соплету,
 Все слабо, все мою мне кажет суету.
 А в скуке погружен, мечусь из дела в дело,
 Что было мило мне — постыло, охладело;
 Все утро тьмы ночной, весь вечер утра жду,
 И медлю возставать, и скоро спать иду.
 Любезной брат! ¹³ хоть ты буди мое забвенье,
 Я, младость зря твою, к делам приемлю рвенье.
 И ты, наставник мой, товарищ юных дней,
 Рожешников! ¹⁴ буди мя дружбою своей.
 Взывайте мне мой долг, троните томну душу,
 Заставьте слезы лить: пускай я праздность рушу.
 1775

2

Стихи на смерть Александра Петровича Сумарокова

Луна печали час на небо провождает
 И зачинает свой уединенный путь.
 Любимца музы смерть ^а мой разум огорчает,
 Сей час удобен мне со лирой вздохнуть.
 Живущих перешел пределы Сумароков.
 Вы, души коих он со страстьем проникал
 И коим дал вкусить отраду слезных токов,
 От вас он хочет слез, которы извлекал ¹.
 Ему я должен их за тихия мгновенья,
 В которы он меня страданьем услаждал
 И душу из ея опаснаго забвенья
 Картиной жалости и страха пробуждал.
 Никто не оживлял свирели нежных тонов,
 Никто так не гласил полей и пастухов ².
 И ты не избежал от смерти злых законов,
 Владевший таинством прельщающих стихов!
 О сладостный певец ^г, ты слов сих не приемлешь,
 Которыя мне грусть вложила во уста;
 Спокоен, ты теперь светил согласью внемлешь
 И смотришь на сии со жалостью места.
 Какую речь ты вел с главой российской лиры ^{д3},
 Как, свидетевшись, его ты обнял в первый раз?
 Достойны быть друзья: мы вас считаем, сиры,
 И рок то оправдал, отъяв обоих вас.
 Вокруг твоей души безплотных сонм теснится,
 На лире чтоб твоей российску песнь внимать ^е.
 Но здесь певцы скорбят ^ж, и се мгновенно мнятся,
 Что ты сниходишь их беседы осенять.

^а Первоначально — «Кончина мудреца».
^г Первоначально — «Священный муж, про-
 сти».

^д Первоначальный вариант строки — «Какой
 ты разговор имел с владыкой лиры».

^е Первоначально — «песню внять».

^ж Первоначально — «Собор певца скорбит».

Пленяется еще твой слух российским словом,
 Достоин днесь поешь ты славу божества
 И ближе в существе разсматриваешь новом
 Позорища небес, безмерность³ естества.

Я лиру пред тобой во прахе повергаю:
 Твой дар останется всегда меж нами жив,
 Доколь законы росс дает безмерну краю
 От Хинския стены⁴ до тучных Таврских нив^{н5}.

Твой гроб отныне свят: уже потомство судит,
 Уж Грации цветы бросали на него;
 И, может быть, сей глас еще тебя возбудит,
 Сей глас, что произошел из сердца моего.
 [1777]

3

Здесь зренья души достоин благородной
 Великий муж, тебе, о Росс! единокровной.
 Во льдах он Белых вод¹ почувствовал себя,
 Отрекся дому юн², Мус³ чистых возлюбя;
 Всех прежде говорил прекрасно росским словом⁴
 И фивскаго певца⁵ на лире преуспел;
 Трубу уж поздно взял, но так Гомер⁶ бы пел...
 Застала смерть его во подвиге Петровом⁷.
 [1778?]

4

Еп[истола] к Нов[икову]

Ко другу своему пишу я Новикову¹
 (И гордое сие мне титло он простит)
 Затем, что здесь Попову²
 Мой сетующий дух жаленья посвятит.
 Он умер, сей творец приятный,
 Но более любви достойной человек,
 Котораго не знал сей свет превратный
 (Вельможам истинный упрек!).
 Во честной скудости^{*} он прожил краткий век,
 С надеждой жить по смерти;
 Зрел нити жития без ропоту претерти,
 Но с горестию чад, жену он оставлял,
 Защиты не имущих.
 Попов жить будет в век между россиян чтущих³.
 Со письмены он жизнь свою совокуплял,
 И с ними преидет он к потомству.
 Я одолжен его знакомству
 Приятным зрелищем домашней простоты,
 И бедности, безропотной, довольн[ой],

¹ Первоначально — «и область».

² Первоначальный вариант строфы — «Я лиру пред тобой во прахе повергаю. // Прекрасней песнь твоя согласия зари, // И если сам

когда я струны напрягаю, // Отринь ты луч ко мне и в перси водвори».

^{*} В тексте — «скуд<н>ости».

И безпритворная сердечной доброты.
 Среди семейства муж, испытанный и вол[ь]ной,
 Во симпатии сердобольной
 Собою жертвовал¹ для юныя семьи.
 Ах! эти чувства пресекли дни² твои,
 Повергли ранее главу твою любезну
 Во преисподню бездну,
 Иль, лучше, пренесли в небесныя поля,
 Соединив тебя с добрейшими душами,
 Какими красилась земля.
 Но со оставшими что станется птенцами?
 Кто будет им отец?
 Кто доброй человек, чтобы помог в них спать
 Т[ем] ощущениям³, что ты успел посеять?
 Кто сыну твоему напомнит, наконец,
 Кто был его родитель?
 Немилосердное убожество мертвит
 И добрыя дары, коль не поставит щит,
 Приспевши с небеси, сам ангел-покровитель.
 Будь покровитель им, о доброй Новиков,
 И сотвори⁴ семейству друга
 Из милосердия друзей твоих покров⁴.
 В середине самого чувствительного круга
 Благих и кротких мудрецов
 Тебе дал бог вести дни сладкаго досуга.
 За щастие свое благовтори другим:
 Как милосердствовал об отроках ты преж[де]⁵,
 Служи россиянам своим,
 Печась об юной⁶ их надежде.
 Но ко умершему ты дружбы не забудь,
 И, оболчен в родительскую грудь,
 Прими семью его и прави ей во благо —
 Ты лучшими цветы усеешь гроб его
 И в недре сердца своего
 Упьеш[ь]ся радостями святаго.
 21 м[арта?] 1781, [1780-е]

5

Стихи к Якову Борисовичу Княжнину. Явление Метастазия

Не дожидают музы сроков:
 В пятнадцать лет Волтер¹, и Поп²,
 И Метастазий³ шли во их прелестный скоп,
 И стихотворствовал младенцем Сумароков⁴.
 И если перейти со кедра на иссоп,
 Так у Двинских величественных токов
 Был стихотворцом я⁵,
 Не дожидаяся трех люстров⁶ жития,
 Каким?.. другое его дело,
 Но стихотворцом был, и знамение их —

¹ В тексте — «<Он> жертвовал собой».

² Первоначально — «жизнь» (зачеркнуто).

³ Первоначально — «те ощущения».

⁴ Приписано под строкой.

Таился пламень в персях сих;
 Очарованье мной владело,
 Оно завесой мне вселенную одело,
 Не сей, естественной, простой,
 Но живописною и дышущей мечтой.
 Знаком с Пермесскими брегами,
 Мне каждой ток, виясь, Кастальски воды ⁷ влек,
 И кто прелестно пел и к сердцу гласом тек —
 Все стихотворцы мне казались богами.
 Но мало призрен небесами,
 Я Ломоносова не знаю черт лица ⁸
 И зрел единожды Семираина творца ⁹;
 Не удостоен обхожденья
 Я сих полубогов,
 И воспиталися мои произведенья
 Во школе их учеников ¹⁰.
 Учеников, но быть учителями достойных.
 О тень, сияющая, брацающая днесь
 В дубравах темных и спокойных,
 Куда уходит род премудрых смертных весь,
 Ты знаешь, Майков, каковое
 Умел почтение ты в его сердце влить ¹¹.
 И ты да будешь долго жить,
 Мудрец, открывший нам в своем Чесмесском бое ¹²
 Твое призванье петь о бранях и герое.
 Я знал того творца, кой россов утешал
 О Сумарокова уроне
 В своей чувствительной и плачущей Дидоне ¹³.
 Но скольких рок еще глаза мои лишал:
 Я не увижу вас, Дорат ¹⁴ и Метастазий ¹⁵,
 И ученической какой-нибудь Парразий ¹⁶
 За ваше выдаст мне бессмертное лице
 Свое мечтание, смешенье безобразий.
 Я мыслил так в себе се дня того в конце;
 В священные сумерки, в приход богов на землю,
 Хожденье плавное под сению я внемлю,
 Зрю: житель небеси, мне старец предстоит
 Со всею кротостью творца Олимпиады ¹⁷.
 Он был то сам и мне гласил:
 Се Метастазий твой — насыти жадны взгляды,
 Иль к современнику поди ты своему,
 Которой так, как я, изображает Тита ¹⁸,
 Его свирель с моей соименита,
 И музу поручил, и кисти я ему.
 [Втор. пол. 1780-х]

6

Оборот на себя

Слог легкой, ненарядной,
 Красы, которыхья рождаются под пером, —
 Таков есть музы вид, ленивой и покладной,
 Которая моим владеет мастерством.

Не предлагает мне венцов на Геликоне
Из гордых лавровых деревьев,
Которым севера не грозен рев,
Но хочет усыпить цветов весенних в лоне,
Под шумом листвиев и падающих вод.

И то еще отградной плод
Со музой моего в дни юны обхожденья
В уединении нежнейших лет моих.

И падает еще с пера небрежной стих,
Хотя Карамзину¹, Державину² не равен,
Но в обществе певцов российских не безславлен.
Еще последую во тайные пути
За собеседником Виргилия, Мецената³.
И в важных прениях Сената⁴
Я забавляюсь стихи свои плести.

11 авг. 1803. Стрельна

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Текст стихотворения открывает «Журнал санктпетербургских упражнений. 1775 год».

¹ В 1772 г. Муравьев переехал из Вологды в Петербург, где продолжил свою литературную деятельность, чему способствовал широкий круг его литературных знакомств.

² Вероятно, речь идет о 1774 г., когда после ряда блестящих побед русской армии с Турцией был подписан Кючук-Кайнарджийский мир, по которому Россия получила свободный выход в Черное море.

³ В связи с подписанием мира в 1774 г. М. Н. Муравьев издал «Оду ее императорскому величеству Екатерине II ... на замирение России с Портою Оттоманскою» (СПб., [1774]).

⁴ Невтон (Ньютон) (1643—1727) — знаменитый английский математик и физик.

⁵ Эйлер Леонард (1707—1783) — знаменитый математик, астроном и физик, член Петербургской АН, лекции которого посещал М. Н. Муравьев.

⁶ Крафт Логин Юрьевич (1743—1814) — известный математик и физик, член Петербургской АН, работал вместе с Л. Эйлером; на его публичных лекциях также бывал М. Н. Муравьев.

⁷ Евклид (3 в. до н. э.) — один из величайших математиков древности, оказавший огромное влияние на развитие геометрии.

⁸ М. Н. Муравьев не только посещал лекции в Академии наук, но и пробовал свои силы в написании теоретических статей, таких, например, как «Письмо о теории движения».

⁹ Пермесс — река, стекающая с Геликона: символ поэтического вдохновения. Доброжелательно встреченный столичными литературными кругами М. Н. Муравьев в течение 1773—1775 гг. издает несколько книг, в которые были включены отдельные стихотворения из вологодского и санктпетербургского «журналов».

¹⁰ Имеется в виду Аполлон — в греч. мифологии бог искусства и художественного вдохновения, предводитель муз, покровительница поэзии, искусств и наук.

¹¹ Майков Василий Иванович — (1728—1778) — поэт, один из первых наставников М. Н. Муравьева в поэзии, к которому он неоднократно обращается в своих стихах.

¹² В 1775 г. Майков переехал из Петербурга в Москву.

¹³ Речь, видимо, идет о двоюродном брате поэта Захаре Матвеевиче Муравьеве (1759—1832), которому адресовано «Письмо», находящееся в этом «журнале».

¹⁴ Рожешников Никита Романович — друг Муравьева по Московскому университету, ему адресована «Эпистола к Ник[ите] Романовичу Рожешникову» (л. 41 об.—42) и стихотворение «Поговорить было, любезной друг, с тобой...» (л. 70, 72).

2. Текст стихотворения записан в «Журнале санктпетербургских упражнений» (л. 59 об.). Содержит исправления, сделанные М. Н. Муравьевым, очевидно, после беседы с Н. И. Новиковым. Это стихотворение считалось утраченным (см.: Письма русских писателей XVIII века. С. 373).

¹ Сумароков Александр Петрович (1717/1718—1777) — русский писатель, один из видных представителей классицизма, автор многих трагедий, в том числе «Хорев» (СПб., 1747), «Синав и Трувор» (СПб., 1751), «Семира» (СПб., 1768), которые высоко ценил М. Н. Муравьев.

² А. П. Сумароков — автор книги «Елегии любовныя» (СПб., 1774) и «Еклоги» (СПб., 1774).

³ Речь идет о М. В. Ломоносове.

⁴ Хинская стена — Великая китайская стена.

⁵ Таврия — название южной части Крымского полуострова.

⁶ Грации — у древних римлян богини молодости, красоты и веселья.

3. Текст стихотворения записан в «Журнале на 1776 год» (л. 88 об.). Первоначальный вариант под заглавием «Надпись под изображением М. В. Ломоносова» записан в этом же «журнале» на л. 70 об. (Здесь, Росс! души твоей достоин благородной // Великой человек, тебе едиnorodной; // Во льдах он Белых вод почувствовал себя, // Отрекся дому юн, Мус чистых возлюбя, // Всех прежде говорил прекрасным росским словом // И глас споконил свой во подвиге Петровом).

Не исключено, что это стихотворение связано с выходом второго посмертного издания собрания сочинений М. В. Ломоносова (М., 1778).

¹ Ломоносов родился в д. Мишанинской, недалеко от Белого моря, по которому неоднократно совершал плавания вместе с отцом.

² В 1730 г. Ломоносов отправился в Москву, где поступил в Славяно-греко-латинскую академию.

³ Музы — богини-покровительницы наук и искусств, спутницы Аполлона.

⁴ В 1739 г. Ломоносов написал новым для русской поэзии тоническим стихом «Оду... на взятие Хотина...».

⁵ Имеется в виду Пиндар (ок. 522 — ок. 448 до н. э.) — древнегреческий лирический поэт, уроженец Фив, автор 45 победных од и других сочинений.

⁶ Гомер — эпический поэт Древней Греции, автор поэм «Илиада» и «Одиссея». В посвящении к поэме «Петр Великий» Ломоносов сравнивает свое творчество с творчеством Вергилия и Гомера.

⁷ Последние годы жизни Ломоносов работал над поэмой «Петр Великий», однако ему удалось закончить и издать только две первые песни.

4. Текст эпистолы записан в виде двух фрагментов на полях вологодского «журнала» (1771 г.). 1-й фрагмент (л. 10) датируется 21 м[арта] 1781 г., строки 17—27 — приписаны позднее теми же чернилами, что и 2-й фрагмент (л. 33). Стихотворение считалось утраченным (см.: Муравьев. 1967. С. 7.)

¹ Новиков Николай Иванович (1744—1818) — русский просветитель, писатель, журналист. В 1777 г. он пригласил Муравьева для сотрудничества в журнале «Утренний свет»; дружеские отношения между ними поддерживались в течение нескольких лет.

² Попов Михаил Иванович (1742?—1781?) — литератор-разночинец, автор комической оперы «Анюта», любовной лирики и многочисленных переводов. Один из просвещеннейших людей XVIII в., друг Н. И. Новикова.

³ Попов сыграл немаловажную роль в знакомстве русских читателей с их национальной мифологией и фольклором: он помогал

М. Д. Чулкову при составлении «Собрания разных песен» (Спб., 1770—1774), издал «Описание древнего славянского языческого баснословия...» (Спб., 1768) и свой роман «Славянские древности, или Приключение славянских князей» (Спб., 1770—1771); уже после смерти был издан подготовленный им сборник «Российская Эрата, или Выбор наилучших новейших российских песен...» (Спб., 1792). Значительны его заслуги и как переводчика: ему принадлежит первый русский перевод поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим» (Спб., 1772), переводы сказок, комедий и проч.

⁴ Новиков возглавлял Дружеское ученое общество (1779—1784), членами которого были Ю. Н. и Н. Н. Трубецкие, А. А. Черкасский, М. М. Херасков, И. П. Тургенев, А. М. Кутузов, И. Г. Шварц и др. Имея своей целью распространение в России просвещения, общество вело большую издательскую работу.

⁵ В 1777—1780 гг. Новиков издавал журнал «Утренний свет», весь доход с которого шел на устройство и содержание в Петербурге народных училищ: Екатерининского (1777) и Александровского (1778).

5. Текст стихотворения записан на полях «Журнала на 1776 год» (л. 67). Подзаголовок «Явление Метастазия» приписан позднее, другими чернилами. Ниже на этом же листе записано стихотворение на смерть Я. Б. Княжнина, датированное 14 янв. 1791 г.

¹ Вольтер (Вольтер) (1694—1778) — французский писатель и философ-просветитель. Рано обратился к стихотворству благодаря творческой атмосфере, царившей в литературном салоне его отца. Будучи воспитанником незуитской коллегии, переводил Анакреона и других греческих авторов.

² Поп Александр (1688—1744) — английский поэт и теоретик классицизма. Будучи болезненным мальчиком, он с детства предпочитал обществу сверстников книги из библиотеки своего отца; к 12-летнему возрасту относятся его первые стихотворные опыты.

³ Метастазий (Метастазіо) (1698—1782) — итальянский поэт и драматург. Сын бедного ремесленника, он еще 10-летним мальчиком обратил на себя талантливо импровизирующей внимание известного правоведа Гравины, который дал ему средства для образования.

⁴ Первые литературные опыты А. П. Сумарокова относятся ко времени его пребывания в кадетском сухопутном корпусе, куда он поступил 13-ти лет.

⁵ В 1770 г. в Архангельске Муравьевым написаны «Стихи на победу, одержанную в 1770...».

⁶ Люстр (лат. lustrium) — пятилетие.

⁷ Кастальский источник — родник на горе Парнас, источник поэтического вдохновения.

⁸ М. В. Ломоносов умер в 1765 г., когда Муравьеву было 7 лет.

⁹ Речь идет о Сумарокове и его трагедии «Семира».

¹⁰ Имеются в виду В. И. Майков и М. М. Херасков, бывшие последователями Сумарокова в поэзии; они же стали покровителями и наставниками молодого Муравьева.

¹¹ В. И. Майков умер в 1778 г. При жизни ему было адресовано несколько стихотворений М. Н. Муравьева, в том числе [«Сонет к Василию Ивановичу Майкову»] (1775), в ответ на который Майков написал свой сонет (см.: Муравьев. 1967. С. 129, 333).

¹² «Чесмесский бой» — патриотическая поэма М. М. Хераскова. (Спб., 1771).

¹³ Речь идет о Я. Б. Княжнине (1724—1791) — русском драматурге, представителе классицизма, авторе трагедии «Дидона» (1769), о которой одобрительно отзывался А. П. Сумароков.

¹⁴ Дорат (Дора) (1734—1780) — французский поэт.

¹⁵ Метастазий — см. выше.

¹⁶ Парразий (Паррасий) (втор. пол. 5 в. до н. э.) — древнегреческий живописец.

¹⁷ «Олимпиада» — трагедия Метастазия.

¹⁸ Речь идет о переводе Я. Б. Княжниним трагедии Метастазия «Титово милосердие» (1785), где русский драматург достиг особой сценической яркости.

6. Текст стихотворения записан в «Журнале на 1776 год» (л. 80 об.).

¹ Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — русский писатель и историк, основоположник сентиментализма в русской литературе.

² Державин Гавриил Романович (1743—1816) — видный государственный деятель и поэт, представитель классицизма в русской литературе.

³ Речь идет, очевидно, о Горации, чьи произведения Муравьев не раз переводил. Гораций, как и Вергилий, входил в литературный кружок, организованный Меценатом, римским государственным и литературным деятелем I в. до н. э.

⁴ В 1800 г. М. Н. Муравьев стал сенатором.

В настоящем разделе помещены сведения о рукописных материалах, поступивших в фонды отдела рукописей в 1985 г. Здесь описаны рукописи, включенные в Собрание единичных поступлений рукописных книг древней традиции (ф. 722); рукописи, присоединенные к другим ранее поступившим собраниям, новые архивы и рукописи, присоединенные к уже хранящимся в отделе фондам, а также рукописи, поступившие в Коллекцию единичных поступлений архивных материалов (ф. 743).

Собрание единичных поступлений рукописных книг увеличилось за 1985 г. на 22 ед. хр. Самая ранняя из них — коллажи (2) с фрагментами рукописного Градуала XIV в., изготовленного в XVIII (?) в. (№ 460). Историзованные (т. е. с миниатюрами) инициалы и орнаменты из этой рукописи, выполненные в традиции «школы камальдулов», представляют несомненный интерес для искусствоведов, изучающих флорентийскую школу живописи и, в частности, иллюминирование рукописных книг XIV в. Из других ранних рукописей следует отметить, во-первых, Апокалипсис толковый перв. четв. XVII в. (№ 461), содержащий в начале неполное Житие Иоанна Богослова (с апокрифическими элементами), приписываемое в рукописях ученику его Прохору, и, во-вторых, Острожскую Библию (1581) первопечатника Ивана Федорова с рукописными вставками XVII, XVIII и XIX вв. (№ 462). На первых листах печатной Библии имеется редакторская правка XVII в., в значительной степени отраженная в более поздних изданиях. Исследователи, занимающиеся изучением истории библейских переводов и издания Библии в России, без сомнения, обратятся к этому интересному источнику. Сборник XVIII в. (№ 465) привлекает внимание как один из объектов изучения читательских интересов того времени: входящие в него статьи очень разнообразны по содержанию — от исторических памятников (Хронографическая повесть о взятии Царьграда) до псевдоканонических (подборка правил типа «Худых номоканунцев»), хотя преобладают в нем все же назидательные памятники (главным образом, слова из Измарагда), имеется и целый ряд апокрифов.

В 1985 г. пополнились отдельными рукописными книгами и ранее поступившие собрания: к дополнительному собранию Троице-Сергиевой лавры была присоединена 1 ед. хр. (ф. 304. II, № 378, 4 л., с песнопениями из Обихода на крюковых нотах, посл. трети XVII в., причем рукопись не старообрядческой традиции и, возможно, писанная

в самом монастыре) и 1 ед. хр. — к Гуслицкому собранию (ф. 734, № 119 — Азбука нотная, октоих и обиходные песнопения на крюковых нотах втор. четв. XIX в.).

О рукописях из коллекции А. И. Шпагина (ф. 818), приобретенных в 1985 г., сведения будут даны в одном из следующих выпусков «Записок».

Из архивных материалов, поступивших в отдел, наиболее интересен архив известного советского писателя и общественного деятеля В. А. Кочетова (ф. 810).

Среди присоединений к ранее поступившим архивам наиболее примечательны материалы из архива семьи Коршей (ф. 465) и из архива М. К. Азадовского (ф. 542), воспоминания М. З. Холодковской (ф. 749), письмо С. Д. Иловойской (ф. 414), биографический очерк И. В. Цветаева (ф. 324) и др.

Коллекция единичных поступлений (ф. 743) пополнилась такими ценными материалами, как документы из истории Кенигсбергского университета, собранные Георгием Тегеном (перв. четв. XVIII в.); собрание указов Канцелярии главной артиллерии и фортификации (перв. пол. XVIII в.); документы межевой конторы и земского суда Чухломского у. Костромской губ. (1779, 1819); портреты родителей И. И. Мечникова (1830-е гг.); рукопись краткого курса «Истории русской литературы» (X в. — 40-е гг. XIX в.) неустановленного автора (сер. XIX в.); дневниковые записи А. Анненковой и [Ржевской?] (1868 г., не позднее 1878 г.); указы Вильгельма II (1892); письмо А. М. Горького к С. С. Ольденбургу (1929).

Значительная часть материалов получена отделом рукописей в дар от Е. М. Вазерова, И. М. Горчакова, К. М. Ивановской, А. В. Кочетова, Е. В. Майковой, В. В. Носовой-Гумилевской, А. Я. Полонского, В. М. Проскурина, Т. А. Сидоровой, В. И. Цветаевой. Отдел рукописей выражает дарителям искреннюю благодарность.

Описания рукописей, вошедших в Собрание единичных поступлений рукописных книг древней традиции (ф. 722), расположены в порядке хронологии и подготовлены М. В. Байдиной (№ 460), Ю. Д. Рыковым (№ 471, 473), Н. Б. Тихомировым (№ 462) и Н. А. Щербачевой (№ 461, 463—470, 472, 474—481). Художественные украшения рукописей описаны С. В. Устиновым (№ 470, 471, 473, 475), И. П. Мокрецовой (№ 460) и Э. Н. Добрыниной (№ 461—468, 472, 474, 476—481). Составитель и редактор описания новых поступлений рукописей в ф. 722 — Ю. Д. Рыков.

Описания рукописей, присоединенных к ранее поступившим собраниям, подготовлены Ю. Д. Рыковым (2) и Н. Б. Тихомировым (1). Художественные украшения рукописей описаны С. В. Устиновым. Составитель и редактор описания — Ю. Д. Рыков.

Описания единичных поступлений в Коллекцию архивных материалов (ф. 743) подготовлены: М. В. Байдиной (№ 53.6), Е. М. Грожан (№ 54.1; № 55.1; № 55.6); З. Н. Липатовой (№ 55.5); В. Ф. Молчановым (№ 55.7); Е. П. Мстиславской (№ 55.2); В. В. Огарковой (№ 54.3); Ю. Д. Рыковым (№ 53.1—5); А. Б. Сидоровой (№ 54.2, 4, 5; 55.3, 4, 8, 9); И. Т. Трофимовым (№ 54.6). Составитель и редактор описания новых поступлений рукописей в ф. 743 — В. Ф. Молчанов.

Краткие сведения об архиве В. А. Кочетова подготовлены Л. Ф. Рябченко. Сведения о дополнениях к хранящимся в отделе фондам составлены: Е. М. Грожан (5), Н. В. Зейфман (2), З. Н. Липато-

вой (10), А. Б. Сидоровой (3, 4, 9, 10, 12—14), Е. И. Соколовой (8), И. Т. Трофимовым (6, 7). Составитель и редактор описания — В. Ф. Молчанов.

Рукописи, пополнившие в 1985 г. собрание единичных поступлений рукописных книг древней традиции (ф. 722)

№ 460. Коллажи (2) с фрагментами из Градуала.

XIV и XVIII (?) вв. Флоренция. Пергамен на картоне. Письмо нотных рукописей; темпера, золото, чернила. 2 л., каждый из которых составлен из 21-го пергаменного фрагмента; историзованные инициалы и текст на каждом листе представляют собой целые фрагменты. 59,5×42,4 и 61,3×44,3. На л. 1 запись карандашом (кон. XIX — нач. XX в.): «Beato Angelico da Fiesole, 1380»; на л. 1 об. запись чернилами (сер. XIX в.): «№ 1. Beato Angelico da Fiesole, <1400 зачеркнуто> 1880» и цена — «A. R. V. 150 R. Arg.»; на л. 2 об. тою же рукой: «№ 2. Autore ingerto di 1450» и помета синим карандашом (XX в.) — «Детская спальня около кровати».

Историзованные инициалы. Л. 1 — N[ovitas] («Тайная вечеря»). 1370—1380-е гг. Флоренция. Размер: 170×160. Инициал выполнен в традициях флорентийской живописи XIV в., с влиянием сиенской школы и почти точно воспроизводит иконографию аналогичной фрески Джотто в Капелла дель Арена в Падуе. Композиция в инициале как бы обрезана на 1/3 (представлена лишь группа слева), а архитектурный фон трактован иначе. Живопись миниатюры хорошего качества, с тщательной моделировкой лиц и драпировок. Для нее характерен звучный колорит, эффектное использование ярко-красного, почти оранжевого цвета; на золотых нимбах Христа и апостолов — гравированный орнамент в виде мелких кружков. Л. 2 — V[one pastor] (Неизвестный святой перед Христом). Перв. пол. XIV в. Флоренция. Размер: 153×135. Композиция инициала включает два яруса: в верхней части — голова Христа, в нижней — коленопреклоненный святой. Живопись малоинтересная, не выявляющая мастера яркой индивидуальности; пустоватый светло-розовый фон; инициал — красно-оранжевый со скучным филигранным орнаментом белилами, что является характерной чертой многих флорентийских и сиенских миниатюр XIII—XIV вв. В орнаменте бордюров на обоих листах прослеживаются два стиля. К первому принадлежит целиком рамка-бордюр на л. 1, а также внешняя часть рамки на л. 2 (по-видимому, этот орнамент происходит из той же рукописи, что и миниатюра на л. 1). Этот стиль типичен для флорентийских рукописей XIV в. и заключает мотивы аканфа, раскрашенного в яркие цвета, преимущественно в синий и оранжевый. Большую роль играет обильно использованное золото на толстом грунте. В листву аканфа вписаны человеческие головки, фантастические птицы. Аналогичный орнамент на л. 2 скромнее, без вплетенных головок или птиц; по-видимому, он вырезан из непарадного листа рукописи. Внутренняя бордюрная полоса на л. 2 иная по характеру: это — строго организованная узкая гирлянда, для нее характерны дру-

гие орнамент. мотивы — не аканф, а цветы чертополоха и стилизованные листочки плюща, но колористическая гамма такая же, как и на внешней полосе. И тот, и другой орнамент, а также миниатюра на л. 1 выполнены в традициях так называемой «школы камальдулов», центром которой во Флоренции был монастырь дельи Анджели (см., напр.: Vagaggini S. *La Miniature florentine aux XIV-e et XV-e siècles*. 1952. P. 7. Pl. 24, 25).

Внимательное изучение орнамента позволяет определить вставки с поздней живописью, очень близкой оригинальной по исполнению. На л. 2 таких вставок больше, они сделаны несколько грубее, так что легко зрительно вычлениются. По-видимому, коллажи имели чисто декоративное назначение. Можно предположить, что они были изготовлены в XVIII в. в Италии, где в то время подобные поделки были очень популярны и на изготовлении их специализировались достаточно ловкие мастера.

В тексте л. 1 и 2 — красные и синие филигранные инициалы.

Нотация квадратная на 4-х красных линейках.

Содерж.: [Ggaduale. De Corpore Christi]. da[tur]“, л. 2 нач.: „Bone pastor...“, кон.: Л. 1, 2 [Sequentia. Lauda Syon], л. 1 нач.: „по- „...Alleluia. Off ertorium. Sacerdotes incensum vitas unbaram 5(sic) fugat...“, кон.: „...dogma domini et panes o[fferunt]“.

№ 461. *Апокалипсис толковый с толкованиями Андрея Кесарийского.*

Перв. четв. XVII в. (б. зн.: Каманин, типа № 855 — 1613 г.; Дианова и Костюхина, № 893 — 1614 г.). Полуустав. 136 л. 4°. 18,5×15,1. Переплет — доски в коже с тиснением. Рукопись реставрирована и переплетена в ГБЛ.

Инициал — тонкий киноварный (л. 1). В заголовках — вязь.

В начале рукописи заключительная часть текста Жития Иоанна Богослова, составленного его учеником Прохором (л. 1—8), Оглавление (л. 9—12) и Предисловие Андрея Кесарийского (л. 12 об. — 14 об.).

№ 462. *Библия (Острог, 1581)* с рукописными вставками взамен утраченных листов.

Рукоп. часть: л. 8—27 об.¹ ок. сер. XVII в. (б. зн.: возможно, типа Tschudin, № 227 — 1639 г.); л. 1—1 об., 6—6 об. — посл. трети (четв.?) XVII в. (б. зн.: типа Дианова и Костюхина, № 1256—1671 г.); л. 269—270 об. — перв. трети XVIII в. (б. зн.: Клепиков. Амстердам, № 174—1720 г.; Клепиков. Амстердам. Доп., № 174—1704—1706 гг.); л. 2—2 об., 51—54 об., 206—211 об., 454—459 об. (б. зн. и шт. нет). Полуустав разновременных почерков. 556 л. (II+554; л. 457—459 чист., втор. пол. XIX в.). 1°. 26,7×17,5. Переплет (поздний) — доски в коже с тиснением. На корешке кожаная наклейка с вытисненным заглавием: «Библия».

Заставка-рамка (л. 1) — орнамент растительных и архитектурных форм, вольная копия титульного листа Острожской Библии 1581 г. Заставка (л. 2) — орнамент стилизованных растительных форм. Герб князей Острожских (л. 1 об.) — копия с указанного печ. издания. Все — примитив, — перо, чернила. Инициалы чернилами, некоторые — типа тонких с орнам. отростками и без них.

Текст печ. издания Библии на л. 3—5 об., 7—7 об. содержит редакторскую правку (киноварью) перв. пол. XVII в., частично отражен-

¹ Номера листов здесь и далее даются по сплошной карандашной хранительной нумерации.

ную в изданиях Библии XVIII в.: в изд. 1739 г. — в сносках, а в изд. 1751 г. и последующих — уже в основном тексте.

№ 463. *Златоуст.*

Кон. XVII — нач. XVIII в. (б. зн.: Клепиков. Амстердам, № 170—1720 г.; типа Churchhill, № 25—1690 г. — литеры GG даны как контрмарка; Гераклитов, № 121—1681 г.; Клепиков. Голова шута, № 118—1655, 1677, 1680, 1681, 1698, 1705, 1714 гг.). В начале и в конце книги — более поздние вставки XVIII в. Полуустав. 285 л. 1°. 29,1 × 18,4. Переплет — доски в коже с тиснением. На л. 1 об., 281 об., 283 — владельческий штамп: «Кожевенного заводчика Тихона Александровича Коротина в Оренбурге». На л. 282 дарственная запись Марфы Гусевой брату Василию Степановичу Гусеву с указанием цены книги — «7 р.» и нравоучениями. На л. II цена: «1 р. 68 к.» и фамилия (?): «Каби...». На нижней крышке переплета: «№ 807».

Заставка в стиле барокко (л. 5) — перо, коричневые чернила, киноварная штриховка. Раскраска отсутствует. Инициалы киноварные типа тонких с пышными орнам. отростками растительных форм и без них. Малые чернильные инициалы. Вязь.

Содерж.: 127 “слов”, среди которых: поучения постного цикла, приписываемые Клименту Охридскому (л. 27—30, 42—44, 55 об.—58 об., 66—67 об., 91 об. — 93 об.); “В субботу сырную поучение отца духовного к детям духовным. От словес св. Иоанна Златоуста” — русское “Послание отца некоего к детям духовным” (см.: ЧОИДР, 1912, кн. 3, отд. 2, с. 235) [в Златоустах обычно помещается “В среду сырную”] (л. 40 об. — 42); “В среду первой недели поста. Слово о среде и о пятце” — русское (?). Нач.: “Братие, приспе время добраго исповедания и поспеха, еже к Богу...” (л. 48 об. — 50); “Слово св. Нифонта, яко подобает о тихостию ясти” — из апокрифического Жития Нифонта (л. 60—61); Поучение [Серапиона Владимирского] “да престанем от грех наших” (л. 95 об. — 98); “В среду 5 поста. Слово и вопрос Господу, глаголющу ангелом, пророком: мое злато и серебро, да ему же хошу дам, да всяк лиubo человек от Бога обогател есть” — отрывок из “Анастасиевых ответов”, использованных в Изборнике 1073 г. (л. 98—100 об.); “В четверток пятой недели поста. Слово Кирилла мниха о страхе божии” — русское (л. 100 об. — 101 об.); Слово похвальное Богородице Иоанна Златоуста — русское или славянское (?). Нач.: «Возсия нам дньс праведное солнце...» (л. 104 об.—108 об.); Поучение Иоанна Златоуста в 5 неделю поста —

русское (?) (л. 108 об. — 111 об.); Слово “В субботу цветную на воскресенье друга Христова Лазаря”, приписываемое Клименту Охридскому (л. 123 об. — 125 об.); Слово Евсевия Александрийского о сошествии во ад Иоанна Предтечи — апокриф (л. 148—157 об.); “Слово св. Ефрема о страсти Спасове” (л. 157 об. — 162); Слово [Кирилла Туровского] “Во святой и великий пяток вечер на погребение Христова и о плачи Богородицы” — 4-я редакция “Слова о снятии тела Христова с креста и о мироносцах”. Нач.: “Возлюбленнии, кто возглаголет силы господня и чудеса...” (л. 162—165); “Во святую и великую субботу от Евангелия слово Григория Антиохийского” — апокриф (л. 165—167 об.); “Слово св. Нифонта о русалиях” — из апокрифического Жития Нифонта (л. 230 об. — 232); “Слово св. Евсевия епископа о неделя” (л. 232—234 об.); “Пророчество Исаино, сына Амосова, ...о последних днех...” — апокриф (л. 238—242); “Слово св. Нифонта мниха” — из апокрифического Жития Нифонта (л. 248 об.—249 об.); “Слово св. Ефрема о кончине мира сего” — апокриф (л. 259 об.—261); “Слово св. Нифонта о богатстве” — из апокрифического Жития Нифонта (л. 271 об.—272 об.); “Слово Иоанна Златоуста о исходе души от тела” в переводе Максима Грека (л. 278—281) и др.

№ 464. *Сборник молитв [Кирилла Туровского] на все дни седмицы.*

Перв. пол. XVIII в. (б. зн.: герб Амстердама без литерного сопровождения). Полуустав. 133 л. 8°. 14,8 × 9,5. Переплет — доски в коже с тиснением золотом. Обрез окрашен синей краской.

Концовка (л. 131) — геометрический орнамент, примитив, — перо и чернила. Инициал с орнам. отростком растительных форм (л. 1), — чернила. Малые киноварные инициалы, частично с орнам. отростками (л. 82, 126).

Содерж.: молитвы "по утрене", "по часех" и "по вечерни" на все дни седмицы. Имя Кирилла в заголовках не упоминается (см. ана-

логичный сборник: ГБЛ, ф. 209, № 801; ср. с молитвами в Часослове: ГБЛ, ф. 310, № 56, л. 391—485).

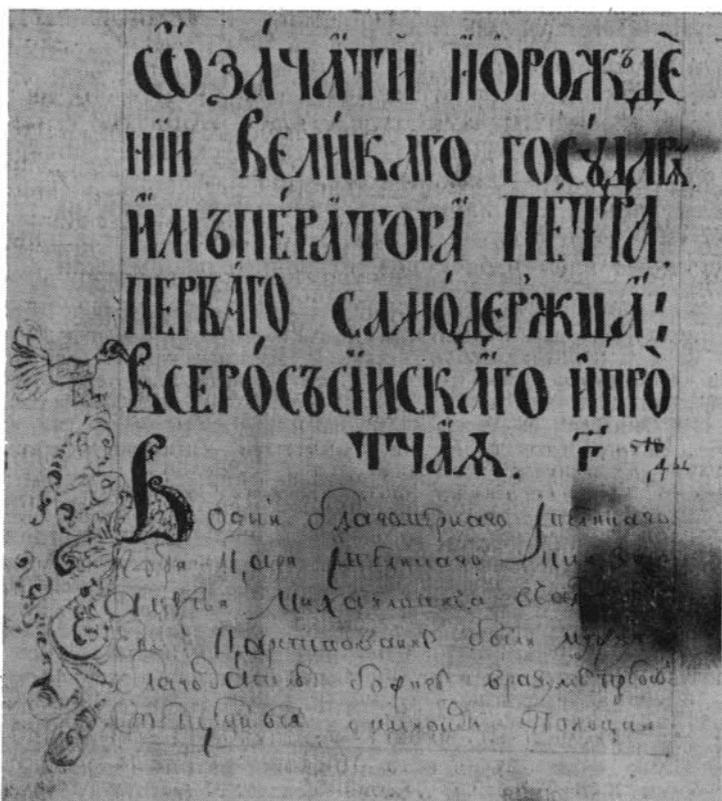
№ 465. *Сборник житий, слов, повестей и др.*

Составная рукопись втор. и третьей четв. XVIII в. (б. зн.: Клепиков. Книга I, № 785—1734—1741 гг.; № 479—1756, 1765 гг.; № 761—1751—1753 гг.; № 762—1753 г.). Полуустав нескольких почерков. 424 л. 8°. 16,2×9,9. Переплет — доски в коже.

Инициалы тонкие киноварные с орнам. отростками растительных форм (л. 137—168 об.). Малые чернильные инициалы. Остальные листы рукописи не имеют элементов художественного оформления.

Содерж. среди статей: Житие Марии Египетской (л. 1—64 об.); "Слово Ипполита, папы Римского, о скончании мира и о антихристе, и о втором пришествии" — апокриф (л. 65—136 об.); Хронографическая повесть о взятии Царьграда в 1453 г. ("Выписано из Хронографа") (л. 137—156); "Книга Ключ царствию небесному о седми светлыицах" — отрывок из полемического соч. Герасима Смотрицкого (?) (л. 156 об. — 168 об.); "Слово Петра Чернорица о временном житии сем" (л. 169—173); Слово от Патерика "о плачи" (л. 173 об. — 175 об.); Поучение Иоанна Златоуста о смерти (л. 175 об. — 177); "Чудо св. Василия о Настасе презвитере" — апокрифическое (л. 177—181 об.); "Слово о Месите чародей" — апокриф (л. 181 об. — 184 об.); "Слово о чернорице, его же изят блаженный Андрей от диавола" — из апокрифического Жития Андрея Юродивого (л. 185—196); "Слово о милостыни, яко даий милостыню убогим Христу дает и сторицею примет" (л. 196—199 об.); Поучение Иоанна Златоуста (л. 200—200 об.); Книга Кирилла Иерусалимского — выписи (л. 201—214 об.); выписи из Большого Потребника, изд. при Филарете патриархе, и из Стоглава (л. 215—218); Слово от Патерика "о некоей св. старце и постнице" (л. 219—223); Слово Иоанна Златоуста о почитании божественных писаний (л. 223 об. — 224 об.); "Предисловие к сем поучениям и притчам, иже в книгах сих на утверждение верным. Аще кто чести хошет, первые сию прочти притчу, иже Спас... рече о нас" (л. 224 об. — 226); Слово Григория, папы Римского, о почитании книжном (л. 226—227 об.); "Слово св. ап. Павла, истолковано Иоанном Златоустом и Василием Великим" (л. 227 об. — 229 об.); "Слово Иоанна Златоуста, како не ленитися книг чести" (л. 229 об. — 230); "Слово св. Ефрема, како слушати книг" (л. 231—232 об.); "Слово св. апостолов и св. отец, како жити христианом" (л. 232—234); "Слово св. Иоанна Златоуста о глаголющих, яко несть мощно в мире спастися" (л. 235—237); "Слово Иоанна Златоуста о гордени" (л. 237—241); "Слово Иоанна Златоуста о исходе души" (л. 241—243); Слово Иоанна Златоуста о играх и о плясании (л. 243—245); "Слово св. отец о пиянстве" (л. 245—248); Слово Иоанна Зла-

тоуста "его же любит Господь, того и наказует" (л. 248—250 об.); Слово Иоанна Златоуста о самовластии (л. 250 об. — 252 об.); Слово Иоанна Златоуста о зависти (л. 252 об. — 254 об.); Слово Анастасия Синайского "иже не имети гнева" (л. 255—257); Слово Анастасия Синайского "еже не осужати" (л. 257—259 об.); Слово Иоанна Златоуста о суде (л. 250—262); Слово Иоанна Златоуста "яко неприятна без исповедания милостыня" (л. 262 об. — 264); Слово св. отец "иже кто оставляет жену и дети и идет в монастырь" из Слова Козьмы Пресвитера (л. 264—266 об.); Слово Иоанна Златоуста "о рассмотрении спасения" (л. 265 об. — 268); Слово св. Нифонта к верным (л. 269—270); Слово св. отец о славе мира сего (л. 271—273); Слово Иоанна Златоуста "о творящих много зла, а не приемлющих зла зде" (л. 272 об. — 275 об.); Слово св. Антioxа "како блюстися злых жен" (л. 275 об. — 278); "Слово Иоанна Златоуста о глаголющих, яко несть грешным мук" (л. 278—281); Слово св. отец "яко не обидети вдовы и сирот" (л. 281—283 об.); Слово Ефрема Сирина "о житии сем" (л. 283 об. — 286 об.); Слово Иоанна Златоуста "како востати в ночи и молитися" (л. 286—288 об.); Слово св. Нифонта о искушении Божии (л. 289—292); Слово Иоанна Златоуста "о рассмотрении милостыни" (л. 292—294); "Слово св. Нифонта о русалиях" — из апокрифического Жития Нифонта (л. 294—297 об.); Слово Иоанна Златоуста "о берущих много имения" (л. 297 об. — 299 об.); Слово Василия Великого "како ангел дается на соблюдение" (л. 299 об. — 302 об.); Слово Василия Великого (л. 302 об. — 305); Слово Иоанна Златоуста о кротости и о гордости (л. 305—307 об.); Слово от Патерика "яко не достоин ийти от церкви" (л. 308—311); Слово Иоанна Златоуста "яко оставше дело ити к церкви" (л. 311—314 об.); Послание Исидора к Евсевию епископу (л. 314 об. — 316 об.); Слово Иоанна Златоуста "яко не подобает престати учаще" (л. 316 об. — 319); Поучение Иоанна Златоуста (л. 319—321); Слово св. Афанасия о различии спасения (л. 321 об. — 324); Слово св. Афанасия о милостыни (л. 324 об. — 327); Слово Иоанна Златоуста "о глаголющих в церкви" (л. 327—329); Слово Иоанна Златоуста "яко не подобает веры

«О зачатїи и о рождєніи великаго государя императора Петра Перваго, самодержца Всероссійскаго и протчя». Сер. XVIII в. Ф. 722, № 466, л. 1

яти оклеветающим" (л. 329—332); Притча Варлаама о трех друзьях — из Повести о Варлааме и Иоасафе (л. 332—335); "Поучение о ленивых и похвала делателям" (л. 335—337 об.); "Слово св. Василия Великого к ленивым" (л. 337 об. — 340); Слово Василия Великого о добрых женах (л. 340—342 об.); Слово Иоанна Златоуста о злых женах (л. 342 об. — 350); Слово и притча о наказании детей (л. 350—352); Житие Андрея

Юродивого — апокрифическое, без нач. (с 49 гл., со слов: "Елифаній же рече: небесных сил воинство...") и кон. (обрывается: "...дерзновение пред святым...") (л. 353—416 об.); подборка правил псевдономоканонических (типа "Худых номоканунцев") — редко встречающееся сочинение, известны только единичные списки с сер. XVIII в. (л. 417—423).

№ 466. *«О зачатїи и о рождєніи великаго государя императора Петра Перваго, самодержца Всероссійскаго и протчя»* — компиляция из сочинений П. Н. Крекшина и А. А. Матвеева о Петре I.

Сер. XVIII в. не ранее 1740 г. (дата написания соч. П. Н. Крекшина) и не позднее 1754 г. (см. запись) (б. зн.: Клепиков. Книга I, № 548—1740—1754 гг.; Тромонин, № 375—378 — 1747 г.). Скоропись. 101 л. 4°. 20,5×16,9. Переплет — картон в коже, оклеенной бумагой, с кожаным корешком. На внутренней стороне верхней крышки переплета владельческая запись: «Сия книга Антона (?) Корелина» (смазаны чернилами, запись читается плохо); на внутренней стороне нижней крышки переплета запись: «Сия книга адмиралтейскаго ведомства команды

господина карабельного мастера Ямса парусника Данила Попова 1754 году генваря 28 дня».

Инициал чернильный с пышным орнам. отростком растительных форм (л. 1). В верхней части — изобр. птицы. Набросок, — перо, чернила. Чернильные инициалы типа тонких.

Рукопись является компиляцией из сочинений П. Н. Крекшина и А. А. Матвеева о Петре I. Сказание "о зачатии и о рождении великого государя императора Петра Перваго, самодержца Всероссийского и прочая" П. Н. Крекшина (л. 1—69) обрывается на событиях 1683 г. словами: "Царевна Софья Алексеевна повеле имя свое с великими государи в указах и книгах напечатать и на

монетах тиснить". "Записки" А. А. Матвеева о стрелецком бунте (л. 69—99) нач. со слов: "Возрастающу же любумудрому, остроумному и трудолюбивому монарху царю Петру Алексеевичу..." Текст обоих сочинений имеет существенные различия с опубликованным И. Т. Сахаровым в "Записках русских людей" (Ч. I. Спб., 1838).

№ 467. Слова Ипполита, папы Римского, и Палладия мниха о втором пришествии и Житие Марии Египетской.

Втор. пол. XVIII в. (б. зн.: типа Клепиков. Книга I, № 493 — [втор. пол. XVIII в.], лилия отсутствует). Полуустав. 124 л. 4°. 19,9 × 16,7. Переплет — картон, оклеенный бумагой, уголки и корешок кожаные. На л. 1 владельческая запись: «Писал Ев[г]рав Никифоров, писал и руку приложил к сему пис[ь]му Костромские губернии[и] Макарьевского уезда Коверьниньскаго приказа деревни Галинина (?)» и читательская (?) или дарственная (?) запись: «Благодарю покорно на сей книге Ефимие Васильевне».

Заставки двухчастные, бордюрного типа (л. 1, 49, 89) — орнамент растительных и геометрических форм с элементами старопечатного, — перо, коричневые чернила. Инициалы киноварные с внутренним узором растительных форм (л. 1, 49), на л. 89 — тонкий киноварный инициал с пышным орнам. отростком растительных форм.

Содерж.: "Слово Ипполита, папы Римского, в неделю мясопустную о скончании мира и антихристе" — апокриф (л. 1—48 об.); "Слово Палладия мниха в неделю мясопу-

стную о втором пришествии Христове и о страшном суде, и о будущей муце" — апокриф (л. 49—87 об.); Житие Марии Египетской (л. 89—122 об.).

№ 468. Сборник сказаний о явлении иконы Богородицы Тихвинской, о Тихвинском Богородице-Успенском монастыре.

Посл. треть XVIII в. (б. зн.: Клепиков и Кукушкина, № 286 — 1766, 1780 гг.). Скоропись. 307 л. 8°. 14,9 × 9,4. Переплет — доски в коже с тиснением золотом. На корешке вытиснено: «О явлении иконы Тихвинския». Обрез окрашен зеленой краской. На л. 304 об. запись о рождении и смерти, датированные 1821 г. На л. II карандашом: «№ 1».

Заставки-гравюры (вклейки), вырезанные из печ. изданий, — орнамент растительных форм, иногда с включением фигурных сцен: Благовещение (л. 1, архангел Гавриил справа); Вознесение (л. 22); Введение Богородицы во храм (л. 54); Преображение (л. 293). Концовки — гравюры (вклейки) (л. 277, 304) — орнамент растительных форм; (л. 292) — пейзаж. Концовки — примитивы (л. 165, 221), — перо, чернила. Маргинальное украшение (л. 54) — гравюра (вклейка). Инициалы — орнамент растительных форм, штриховка; перо, чернила, зеленая акварель, киноварь. Наклеенная ткань разных цветов (л. 1, 10, 22).

Содерж. сделанную в 1658 г. иконником Тихвинского монастыря Иродиюном Сергеевым подборку сказаний и повестей о явлениях и чудесах Тихвинской иконы Богороди-

цы, создании монастыря — Тихвинского Богородице-Успенского, об исторических и легендарных событиях, связанных с иконами Тихвинского монастыря и с самим монасты-

рем: "Повесть чудна и zelo полезна о иконе пресвятыя Богородицы и Приснодевы Марии..." (л. 1—3); "Паки же о написании иконы..." (л. 3—8 об.); "О явлении иконы в Тихвине — вырезка из печ. издания (л. 9 об.); "О явлении чудотворныя иконы... на Тихвине" (л. 10—21 об.); "О явлении пресвятыя Богородицы в пустыни благоверному мужу Юрышу" — летописная повесть (л. 22—32 об.); "О приходе самодержца и великого князя Василия Ивановича на Тихвину" (л.

32 об. — 53 об.); Повесть об осаде Тихвинского монастыря шведами в 1613 г. Иродиона Сергеева (л. 54—158 об.); "Сказание о поновлении чудотворного образа Богоматери" (л. 159—164 об.); чудеса иконы Богородицы Тихвинской (л. 165—292 об., 300—304), "Слово о пренесении пресвятыя Богородицы иконы Владимирская во обитель святую на Тихвину и чудо о расслабленном" (л. 293—300).

№ 469. Канон с тропарем «за болящего».

Посл. четв. XVIII в. (6. зн.: Клепиков. Книга I, № 772—1783 г. или № 773—[1779]?). Полуустав. 12 л. 8°. 17,5×11,3. Сшитые тетради без переплета.

№ 470. Сборник слов, повестей, сказаний и выписей, апокрифический, лицевой.

Перв. пол. (?) XIX в. (ср. б. зн.: Участкина, № 425—1841 г.). Подражание полууставу 125 л. 4°. 20,0×15,7. Переплет — доски в коже с тиснением. Обрез окрашен зеленой краской.

Миниатюры (л. 1, 62, 64, 72 об., 77 об., 105 об.) — иллюстрации к тексту очеркового характера с акварельной раскраской, примитив. Инициалы киноварные.

Содерж.: Сказание о явлении ангела в пустыне преп. Макарию Египтянину — апокриф (л. 1 об.—46 об.); "Слово о кумеркарни, како сотвори милость со убогою женою и не прикоснуся ей" — апокриф (л. 47—52 об.); Сказание об обретенни Макарием Египетским черепа в пустыне ("От патерика скитского. Повесть преп... Макария о усопших и о помяновении") — апокриф (л. 54—55 об.); Сказание о беседе преп. Макария с дьяволом. Нач.: "Ходящу некогда преподобному отцу нашему Макарию во внутренней пустыни и стрете старца некоего..." (л. 58 об.—61 об.); "Книга Зерцало Великое или от Патерика скитского. О славе небесной и радости святых и праведных" — апокрифическая повесть (л. 62 об.—67); "Повесть о беседе, оскверненном на блудном дворе" — "ис кни-

ги Старчества" (л. 67—69); "Слово св. Антонио о дерзости и о ярости опальства", без кон. (л. 69 об.—71 об.); Слово св. Андрея Юродивого "о тате гробнем" — из апокрифического Жития Андрея Юродивого (л. 73—82); выпись о преп. Анастасии. Нач.: "Преподобномученик же Анастасий в темнице сущи не преставше во дни и в нощи славословити всеильнаго Бога" (л. 83—83 об.); выписи из Книги о правой вере (л. 85—98 об.); выпись апокрифическая о "послании Господнем к сатане". Нач.: "И се ни юноша сниде, держа в руке своей свиток огнен..." (л. 106—107); Послание поздравительное (?), стихотворное некоему Тихону. Нач.: "Честный отче Тихоне, благословения, пишучи, требую и вашему преподобию до земля творю поклонение..." (л. 111—113 об.).

№ 471. Сборник слов и выписей, старообрядческий.

Сер. XIX в. (бум. 1839, 1840 гг.). Полуустав поморского типа. 393 л. 1°. 29,3×18,5. Переплет — доски в коже с тиснением. На л. 1 записи типа пробы пера, в том числе запись карандашом: «Ларион». На форзацах и защитных листах читательские пометки с указанием тем и листов. Читательские пометы имеются также и на полях рукописи, в том числе сделанные шариковой ручкой. В ряде случаев имеет место подчеркивание текста и проставление «галочек» в тексте шариковой ручкой.

Заставки (8) чернофонные растительного орнамента с элементами старопечатного в композиции. Инициалы киноварные и чернильные с орнам. отростками старообрядческого поморского типа. Концовки — примитивные (л. 351, 379), — перо, чернила.

Содерж. среди статей: Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. — гл. 157 из Хронографа. Нач.: "В лето 6961 в царство благочестиваго царя Константина сына Манушлова, а при великом князе Василии Ва-

силевиче Московском и всеа Росии..." (л. 1—7); "Сказание Иоанна Пересветова о царе турском Магмете, како хотел сожещи книги греческия" — список хронографического извода неполной редакции (см.: Зимич

Коллаж с фрагментами из Градуала.
XIV в., с вставками XVIII (?) в. Ф. 722, № 460, л. 1

Инициал из Коллажа с фрагментами из Градуала.
Перв. пол. XIV в., с вставками XVIII (?) в. Ф. 722, № 460, л. 2

сѡтвористе єдиномѣ ѡнѣхъ братїи
моихъ меншихъ, тѣмѣ сѡтвори
сте. ѡхѣ бже те нашемѣ поѡбамъ.
СѡГ Вѣстїи і постїи олопо ширїла мїну
ѡспраїть бжїи.

Вседла любїмаа братїе и сестрї
имѣйте преочїма спойма стѣ
бжїи, и попомїнайте смертнѣ
частѣ, истрашныа ѡны мѣши,
ѡугешоцанныа трѣшнїшомѣ, ѡу
бойма родїшїа ѡгнегата ѡиш
пѣчно єсть, ѡгнѣ ѡиш негасїи
єсть, бойма грозы, ѡиш непрело
гаїтїа пѣшїа шѣ, бойма тїи,
ѡиш невышїтѣ шѣтѣ, бойма
чершїи, ѡиш неѡушѡплїютѣ бжїе
тїи когѣтѣ, и агглы иже на мѡу
памїи, ѡиш злї ишї мїлѡтїи шїи
попѣмѣ нешѡврѣшїи мѣ воли бжїи
ѡ братїе люто єсть ѡиш ждѣнїе, и
кошнїа ѡшїтїи те злїхѣ дѣлѣ,
иже на пагѣбѣ дїшїи, илї нѣнаго
црѣпа жїлающе, пошїшїи мѣ до
бродѣщїа пошїтїи шѣдомѣ
шїи жїтїи ишїемѣ, шїи ко
шїтїа сего прїемнїа ишїшїи шїи.

Ирмологий на крюковых нотах.
Втор. четв. XIX в. Ф. 722, № 474, л. 116

Изображеніи Претѣи Бѣи.
Утоли моя печали.

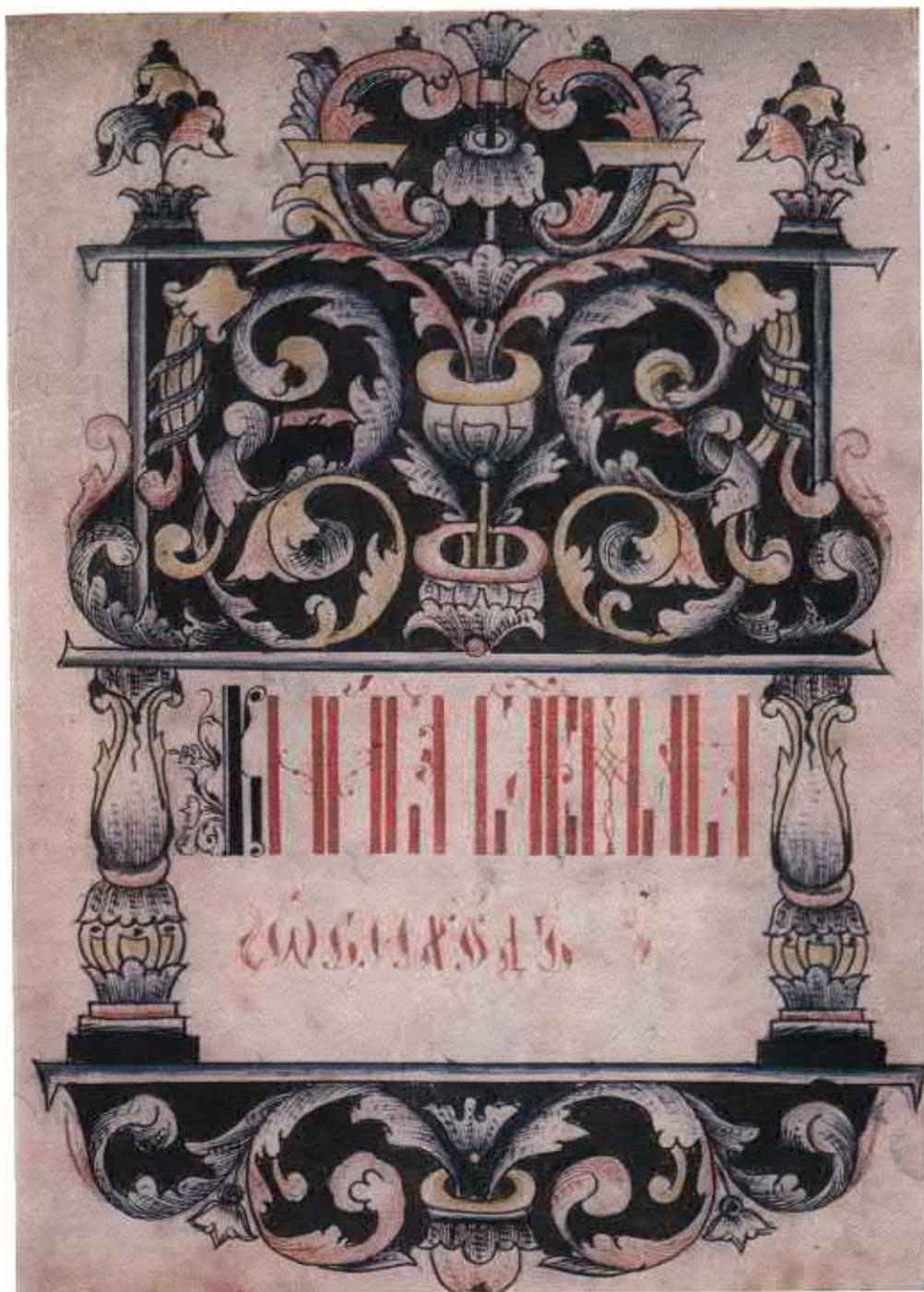
Канонъ и Акафистъ Претѣи Бѣи. Чтеномъ сѣмъ
Обиждѣ : Утоли моя

печали.

Тропарь. Гласъ ѿ.

Всмилоутибаа. Кълице
Бѣи, вѣросидаго рожд
шаа. Свѣса и Къкъ
Утоли страсти и пе
чали многоколѣзничныа дѣши
моа, послѣи оутѣшнѣи скор
нашемъ грѣдъ моемъ, сохрани
Императора и люди ѿ вѣскаго
зла, и ижебѣи ма, ѿ належа
щѣа скорби и пласти, да ела
годариткиню коню ти : радѣи
Застѣвнѣи Хрѣтианъ ксенадѣж
наа, настоащихъ вѣдѣи и вѣдѣ

Канон с тропарем, акафист и молитва Богородице
«Утоли моя печали».
Третья четв. XIX в. Ф. 722, № 475, л. 1 об. — 2

Обиход на крюковых нотах.
Втор. пол. XIX в. Ф. 722, № 477, л. 4

Псалтирь.
Посл. четв. XIX в. Ф. 722, № 478, л. 3

*Сборник слов и выписей, старообрядческий.
Сер. XIX в. Ф. 722, № 471, л. 1*

А. А. Археографический обзор сочинений И. С. Пересветова // Сочинения И. Пересветова. М., 1956. С. 106—108, 216—220) (л. 7 об.—9 об.); выписи из библейских книг, а также из Евангелия толкового, из Евангелия “недельного”, из Апостола толкового (л. 11—37, 38 об.—47, 49—49 об., 55, 55 об.—56, 58 об.—59 об., 62—63, 64 об.—66 об., 69—69 об., 85 об.—86, 87—87 об., 89 об.—90 об., 94—95, 96 об.—98 об., 100—100 об., 112 об.—118 об., 119—123 об., 124—127 об., 130 об.—131, 131 об.—132 об., 133, 142—142 об., 150, 150—150 об., 225 об.—226 об., 311—322 об., 329 об.—330 об., 380—380 об., 387

об.); слова и выписи из Пролога (л. 37 об., 61 об.—62, 83—85 об., 87 об.—89, 95—96, 98 об.—100, 131 об., 132 об.—133, 143—179 об., 150 об.—153 об., 153 об.—154 об., 156—159 об., 160—163); слова и выписи из Книги Кирилла Иерусалимского о последних временах, об антихристе, об 11 знамениях его пришествия, о молитве за болящих, о «пременении» праздника пасхи, о опресноках, о римской ереси и проч. (л. 37 об.—39, 49, 58—58 об., 69 об.—74 об., 75, 81, 81 об., 100, 100 об.—101 об., 110—111, 111—112 об., 123 об.—124, 127 об., 128—129, 132 об.—133, 133—133 об., 150, 251—282, 323—327 об.,

352—352 об.), среди этих выписей находится Десятое послание патриарха Александрийского Мелетия к кн. Василию Острожскому (л. 323—327 об.); выписи из Кормчей и Номоканона о крещении, о церковном пении, о еретиках, о расположении святительском и проч. (л. 38 об., 49, 57—57 об., 58, 60—61 об., 62 об., 63 об.—64 об., 74 об.—75, 75 об.—76 об., 77 об.—78 об., 118 об., 129—129 об., 152, 383 об.); выписи из слов Кирилла мниха [Туровского?], помещенных в Сборнике (л. 63 об., 111, 131—131 об.); Вопросы и ответы из старообрядческого Апокалипсиса семитолкового (л. 80, 81 об.); «Из греческая книги Сечивца» о времени антихриста (л. 80—80 об.); выписи из «Книги Права[я] вера», в том числе гл. 30 «О антихристе и о скончании мира и о страшном суде свидетельства святого писания» (л. 86—87, 294—311, 351 об.); выписи из «Альфы и Омegi» о крещении, о покаянии и проч. (л. 94, 96—96 об., 159 об.—160, 282 об.); выпись «От Старчества» о матерной брани (л. 153 об.); Слово Кирилла Александрийского об исходе души от тела и о Втором пришествии (в переводе Максима Грека) — апокриф, из «столового Сборника» (л. 167—179); Слово Палладия мниха о Втором пришествии, о страш-

ном суде, о будущей муце и об умирении души — апокриф, из Сборника (л. 179 об.—198 об.); Слово Ипполита, папы Римского, о скончании мира, антихристе и о Втором пришествии — апокриф (л. 227—250); Слово Ефрема Сирина об антихристе — из Паренесиса Ефрема Сирина, слово 105 (л. 283—293 об.); Слово Иоанна Златоуста о лжепророках и лжеучителях — из Маргарита, слово 13 (л. 331—351); выпись из Хронографа («Книга Гранограф. Глава 8 показывает») (л. 353); список первых пяти московских патриархов («Книги Кормчая»). Нач.: «Первый в Москве патриарх Иов в 7097 году...» (л. 353); «Притча» о царегеде. Нач.: «Царь некий быше славен зело...» (л. 353—354); числовые обозначения тысяч, тем, легионов и леодров в древнерусском счете (л. 354); «Счет. Иудея Христопродавец Христа предал — цену взял 30 сребреник» — перевод сребреников в рубли (л. 354); «Апокалипсис святого Иоанна Феолога» — 22 главы (л. 355—379); «Апокалипсис троютолковый» — выписи (л. 379—379 об.); выписи из уставов, Иноческого потребника и Номоканона (л. 381—387 об.); таблица для определения дней недели календарных церковных праздников (л. 388—389).

№ 472. «Устав о домашней молитве». Без нач.

1841 (?) г. (Пасхалия нач. с 1841 г.; б. шт.: Клепиков. Книга I. № 158—1844 г.). 219 л. 8°. 17,7×10,5. Переплет — картон, обтянутый кожей.

Заставки (6) и заставки-разделители (7) бордюрного типа, орнамент стилизованных растительных форм, примитив, — перо, коричневые чернила, иногда киноварь.

Содерж.: выписи из уставов (в основном из Соловецкого) о посте, о поклонах, «О праздниках великих, средних же и малых»; месяцевлов (л. 34 об.—145 об.); сводный календарь явлений икон на весь год («Явление

иконы пресвятыя Богородицы повсеместно») (л. 148—163); Пасхалию (л. 164—166 об.); «Пасхалию зрячую по ключевым словам» (л. 167—185); «Круги лунные» (л. 186—195); «Вруцелето» (л. 198—219).

№ 473. Святцы с доп. статьями.

Ок. 1858 г. (см. первоначальную заклеенную пасхалию на л. 149 об.; б. шт.: типа Клепиков. Книга I, № 165—1864 г.) с дополнениями перв. четв. XX в. (л. 149 об.—155, 212—225; б. шт.: Клепиков. Книга I, № 141—1912 г.). Полуустав. 226 л. 16°. 10,7×8,5. Переплет — доски в коже с тиснением. Обрез окрашен зеленой краской. Между л. 149 и л. 155 (бывш. л. 150 по старой буквенной нумерации) находится тетрадка более позднего происхождения — перв. четв. XX в. — с текстом Пасхалии, или Ключа миротворного; первый лист этой тетрадки приклеен к обороту л. 149, а последний — к лицевой стороне бывшего л. 150. На л. 149 об., 155 был ранее написан старый Ключ миротворный, начиная с 7366 г. (1857/58 г.). На л. 210 дарственная запись: «Пелогейя Николаивна, жина Алексея Тихоноча Мукосиева подписала в знак памяти. 1876 года месеца сентября числа 17 ...утром». На л. 211 другая запись: «Сия книга Алексея Тихонова Мукосеева 1883 года 27 ноября подыписана для памяти», ниже иным почерком: «Сего года переплетана». На л. 211 об. записи: «А-й М. Голель» [Алексей Мукосеев. Гомель (?) — Ю. Р.]; «Кременчуг 1885 года 6-го апреля в знак памяти 1000-летия святых К[ирилла] и М[ефодия].

А. Т. М. [А. Т. Мукосеев. — Ю. Р.]. На л. 74 об., л. 72, 210, 210 об. владельческие печати А. Т. Мукосеева: буквы А. Т. М. в круге. На полях святцев имеются записи генеалогического характера о днях рождений, крещений и смертей членов семьи и родственников А. Т. Мукосеева, а также, очевидно, знакомых. На л. 87 имеется запись с указанием даты смерти владельца рукописи: «24/10.1912 представился р[аб] б[о]жий Алексей Тихонович Мукосеев». На л. 116 самая поздняя дата в генеалогических записях: 26 марта 1926 г. (смерть Василия Мукосеева).

Заставки и разделители: орнамент геометрических форм (л. 1, 190), в виде лент (л. 82, 100 об., 117 об., 122 об., 130, 135, 143, 172 об., 199 об.), типа наборного орнамента (л. 88 об., 95), стилизованных растительных форм (л. 212), все — перо, чернила; в виде раскрашенных краской прямоугольников (л. 106, 111). Концовки: в виде лент (л. 129 об., 142 об., 149, 189 об., 207) и типа виньеток (л. 172, 206 об.). Инициалы и заглавия киноварные, на л. 225, 225 об. — с орнам. отро-стками.

Содерж.: «Чин, како подобает пети дванадесать псалмов особь...» (л. 1—32 об.); «Устав келейной, хотящему пети дванадесать псалмов» (л. 32 об.—64 об.); «Устав скитских отец, како глаголати псалтырь за всякую церковную службу...» (л. 64—66); «Чин, како подобает самому себе причастити...» (л. 66 об.—74 об.); «Последование церковного пения вселетного собрания» (л. 75—149); Пасхалия с 1883/1884 по 1939/1940 гг. (л. 149 об.—154); Лунное течение (л. 155 об.—172); «Отпусты праздникам господским и богородичным и прочим святым всего лета» (л. 172—189 об.), среди отпустов имеется отпуст Покрова Богородицы; Панихида (л. 190 об.—199); «Стихиры надгробные» (л. 199—210), в том числе — стихира «Зря-

ще мя безгласна и без дыхания лежаща...» — на крюковых нотах. Нотация знаменная с пометами без признаков. Фиты на л. 206, 209 без развода. Текст истинноречный (л. 204 об.—209); Канон молебн ангелу, грозному воеводе, приписываемый Ивану Грозному (см.: Лихачев Д. С. Канон и молитва ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного) // Рукописное наследие Древней Руси (по материалам Пушкинского дома). Л., 1972. С. 10—27) (л. 212—225); Молитва ангелу, грозному воеводе, приписываемая Ивану Грозному (см.: Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 15—17, 21, 27) (л. 225—225 об.); «Молитва господу нашему Иисусу Христу» с уставными указаниями (л. 225 об.—226 об.).

№ 474. Ирмологий на крюковых нотах.

Втор. четв. XIX в. (бум. 1832, 1833 гг.). Полуустав. 284 л. 4°. 21,8×17,4. Переплет современный — картон, обтянутый коленкором, корешок ледериновый. На л. 116 в правом верхнем углу владельческий (?) штамп с монограммой «ПЕ».

Заставки (6) старообрядческого орнамента смешанного типа (соединение элементов среднерусского «гуслицкого» и поморского стилей), с целым рядом необычных черт. Инициалы (6) — старообрядческого («гуслицкого») орнамента нехарактерного колорита. Все — в красках. Инициалы киноварные, типичные для рукописей старообрядческого происхождения.

Нотация знаменная, с киноварными пометами и признаками. Есть фиты без разводов, разводы фит (?) без знака фиты и указания на развод. Текст истинноречный.

На л. 1—8 об. розники (без конца). Текст Ирмология начинается с конца 4 песни первого гласа (л. 9).

№ 475. Канон с тропарем, акафист и молитва Богородице «Утоли моя печали».

Третья четв. XIX в. (б. шт.: Клепиков. Книга I, № 36 — 1850 г.). Список с печ. Каллиграфический полуустав. 24 л. 8°. 16,4×10,3. Переплет (новый) — картон в ледерине, с золотым тиснением.

Миниатюра — Богоматерь «Утоли моя печали» (л. 1 об.) — очерко-

вого характера с раскраской в акварельной манере; заставка (л. 2) — орнамент старопечатного типа, — в красках; концовка (л. 24 об.) — орнамент стилизованных растительных форм, — в красках. Инициалы в прямоугольных рамках с орнаментированными фонами, — киноварь. Текст в двойных рамках, — перо, чернила. В целом оформление рукописи подражает печатной книге.

№ 476. *Ирмологий на крюковых нотах.*

Втор. пол. XIX в. Старообрядческий полуустав. 234 л. 4°. 21,5×16,8. Переплет — доски в коже с тиснением. Обрез был окрашен голубой краской.

Заставка-рамка (л. 2) — эклектика на основе поморского стиля, — перо, разноцветная штриховка, бронзировка. Инициал (л. 3) с пышным орнамент. отростком поморского типа, — в красках. Инициалы киноварные, малые, с орнамент. отростками поморского типа.

Нотация знаменная, с киноварными пометами, без признаков. Есть фиты без разводов и разводы фит (?), и лиц без знака фиты и указаний на развод. Текст раздельноречный, раздельноречие выдержано не всегда последовательно.

В конце — розники.

№ 477. *Обиход на крюковых нотах.*

Втор. пол. XIX в. Старообрядческий полуустав. 319 л. 4°. 21,3×17,1. Переплет — доски в коже с тиснением, обрез окрашен голубой краской.

Заставка-рамка (л. 4), заставки (л. 224, 258) — орнамент поморского типа, — перо, разноцветная штриховка, бронзировка. Инициалы киноварные с пышными орнамент. отростками поморского типа. Тонкие киноварные инициалы с орнамент. отростками растительных форм.

Нотация знаменная, с киноварными пометами, без признаков. Есть демество, изложенное столповым знаменьем (л. 22 об., 133 об., 129—133, 300 об. — 301). Есть указания на «путь» (л. 86, 87, 89, 92, 95 об., 96, 98, 100 об. и др.). Есть фиты без разводов, разводы фит без знака фиты и указания на развод. Есть указания на распев: «Большим роспевом» и т. п.; на характер исполнения: «Поем сие велегласно» и др. Текст раздельноречный и истинноречный с элементами раздельноречия. Есть ананайки (л. 8 об. — 9, 249—250 об.).

На л. 1—3 об. роспись статей Обихода.

Среди песнопений: Стихира Зосиме и Савватию Соловецким «храмовая» (л. 23 об. — 24 об.); припевы кн. Федору Ярославскому (л. 83 об.), кн. Михаилу и Федору Черниговским (л. 84), Савватию Соловецкому (л. 26), Покрову Богородицы (л. 87), Гурию и Варсонофию Казанским (л. 87 об.), трем святителям московским — Петру, Алексею, Ионе (л. 88), Михаилу Тверскому (л. 93), Александру Невскому (л. 93), кн. Георгию (л. 105 об.), кн. Борису и Глебу (л. 114 об.),

царевичу Димитрию (л. 114 об.), иконе Богородицы Тихвинской (л. 116—116 об.), кн. Владимиру (л. 118 об.), Зосиме и Савватию Соловецким (л. 149); светильны Зосиме (л. 144) и Савватию (л. 139) Соловецким, иконе Богородицы Казанской (л. 147), Александру Свирскому (л. 151); тропари и кондаки Покрову Богородицы (л. 191—192 об.), явлению иконы Богородицы Казанской (л. 213 об. — 215 об.), Зосиме и Савватию Соловецким (л. 218—220 об.).

№ 478. *Псалтирь и каноны.* Без нач. и кон.

Посл. четв. XIX в. (6. шт.: Клепиков. Книга I, № 217 — 1851—1876 гг.; № 175 — 1887 г.). Старообрядческий полуустав. 270 л. 4°. 10,5×16,4. Переплет — доски в коже. При переплете перепутаны листы, следует читать: л. 242, 250—270, 243—249.

Рисунок с изобр. пишущего царя Давида (л. 3), старопечатной композиции, — перо, чернила. Заставки (23) — стилизованных расти-

тельных форм с элементами старопечатного орнамента. Инициалы (20) — старопечатного типа, на л. 90 об., 114, 171 — почти полностью утрачены, на л. 101, 142 — повреждены. Маргинальное украшение (л. 4). Все — примитив, — перо, чернила. Тонкие киноварные инициалы с орнам. отростками растительных форм.

Среди канонов: каноны с тропарями русским святым — Артемию Веркольскому (л. 242—242 об., 250—255 об.), трем святителям московским — Петру, Алексию и Ионе (л. 256—261 об.).

№ 479. Сборник апокрифов.

1876 г. Подражание старообрядческому полууставу. 316 л. 1°. 28,9×20,1. Переплет — новый, картон в коже. На л. II об. запись писца: «Сия книга села... деревни Запугостья крестьянина Ивана Тихонова собственная... писал сию книгу Иван Тихонов сам своими руками в 1876-м году июля 8-го дня. Переплетал сию книгу Иван Яковлев Красновцев. Цена сей книги 15 рублей серебром. Книга сия... взята из рукописной типографии святейшаго Иоанна Златоустаго в лето 7302-е [1794]».

Инициалы малые, часть — с орнам. отростками примитивных форм, — перо, фиолетовые чернила.

Содерж. среди статей: «Десятословие, или Десять заповедей на Сизайской горе на двоих каменных скрыжалех людем... дарованные» — апокриф (л. 2—4 об.); «Книга родства от Адама до Христа» — апокриф (л. 5—7); «О зачатии и о рождестве... Богородицы и о пребывании ея в церкви Соломоновой» — апокриф (л. 7—13 об.); [Страсти Христовы] (л. 14—189); «О исчислении Господних ран» — апокриф (л. 189—195 об.); «Поучение» на страсти Христовы (л. 196—198 об.); «Таково

исчисление цены, юже Иуда взяв от жидов за Христа и протчая» — апокриф (л. 198 об.—199); Сказание о древе крестном «на нем же распяты царь славы и Господь» — апокриф (л. 199—201); «История о разорении святаго града Иерусалима по пооречению Господню...» (л. 201—291 об.); «Христос грешную душу к себе призывает: почто ты, человек, мене оставил...» — апокрифическое соч. (л. 293—293 об.); календарные статьи и таблицы (л. 294—314 об.).

№ 480. Страсти Христовы с доп. статьями.

Посл. четв. XIX в. (6. шт.: Клепиков. Книга I, № 142 — 1871 г.; № 154 — 1870, 1914 гг.). Полуустав двух (?) почерков. 288 л. 4°. 21,1×16,8. Переплет — доски в коже с тиснением. На нижней крышке переплета пять гвоздей — «жуковин». На л. 270 запись писца второй части рукописи: «Писал Коньков». На защитных листах карандашные хозяйственные (?) заметки, на внутренней стороне нижней крышки переплета запись книжного магазина (?): «№ 2/4 — УКНМ».

Заставка (л. 1) — орнамент стилизованных растительных форм, — перо, чернила; заставки (л. 2, 48) — геометрический орнамент в красках. Инициалы тонкие киноварные с орнам. отростками. Все — примитив.

Среди доп. статей: апокрифическое житие св. Марины (л. 178—200); Слово Иоанна Златоуста «О лечащих болезни волхвованием на улы» (л. 201—205 об.); выписи из Великого зерцала (л. 209—220 об.); Пчелы (л. 221—222 об.); Повесть о видении Козьмы игуме-

на (л. 231—245); «Слово по воскресении Христовом — список иерусалимского знамения» — апокриф (л. 248—260 об.); выписи из Патерика (л. 263—264); «Поучение царем и князем, к епископом и попом, еже не упиватися» (л. 264 об. — 270).

№ 481. Повесть о Петре и Февронии Муромских, лицевая.

Фотокопия с части рукописи (л. 1—27) перв. пол. XIX в. Королевской библиотеки (Брюссель, Бельгия), шифр — IV-1108. 53 снимка (=27 л.; л. 27 — только лицевая сторона).

Миниатюры (44), иллюстрирующие текст, очеркового характера с акварельной раскраской (или темперой, но в акварельной манере?);

заставка (л. 1) старообрядческого орнамента поморского стиля; инициалы киноварные (44). Вязь на л. 1².

К фотокопии присоединен переписанный рукой проф. Антверпенского университета, д-ра Ф. Й. Томсона (на его именном печатном бланке) заголовок Повести с соблюдением особенностей подлинника, так как в рукописи киноварь слиняла и на фото почти не видна.

Рукописи, присоединенные в 1985 г. к ранее поступившим собраниям

1. Песнопения (отдельные) Обихода на крюковых нотах¹.

Посл. треть XVII в. (б. зн.: типа Дианова и Костюхина, № 456 — 1665—1676 гг.). Полуустав. 4 л. 4°. 18,8×14,1. Без переплета.

Заглавия и заглавные буквы киноварные, без орнаментации.

Нотация знаменная, с пометами и признаками. Разводы фит (? — без знака фиты) или лиц (?). Текст истинноречный.

Содерж. отдельные песнопения вечерни, утрени и литургии: «Свете тихий» (л. 1); «Богородице дево», 4-го гласа (л. 1); степенна — 1-й антифон 4-го гласа — «От юности моя» (л. 1—1об.); песнь Богородицы — на 9-й песни — «Честнейшую» (л. 1 об.—2);

«Преблагословена еси» (л. 2—2 об.); великое славословие с трисвятым (л. 2 об.—3 об.); «Да исполнятся уста моя (!)» — на литургии после причащения по возгласе «Всегда, ныне и присно...» (л. 3 об.).

Рукопись не старообрядческая: имя «Иисус» пишется с двумя «и», редакция песнопения новая (никоновская), хотя имеются отдельные отклонения от принятых чтений.

Ф. 304. II, № 378

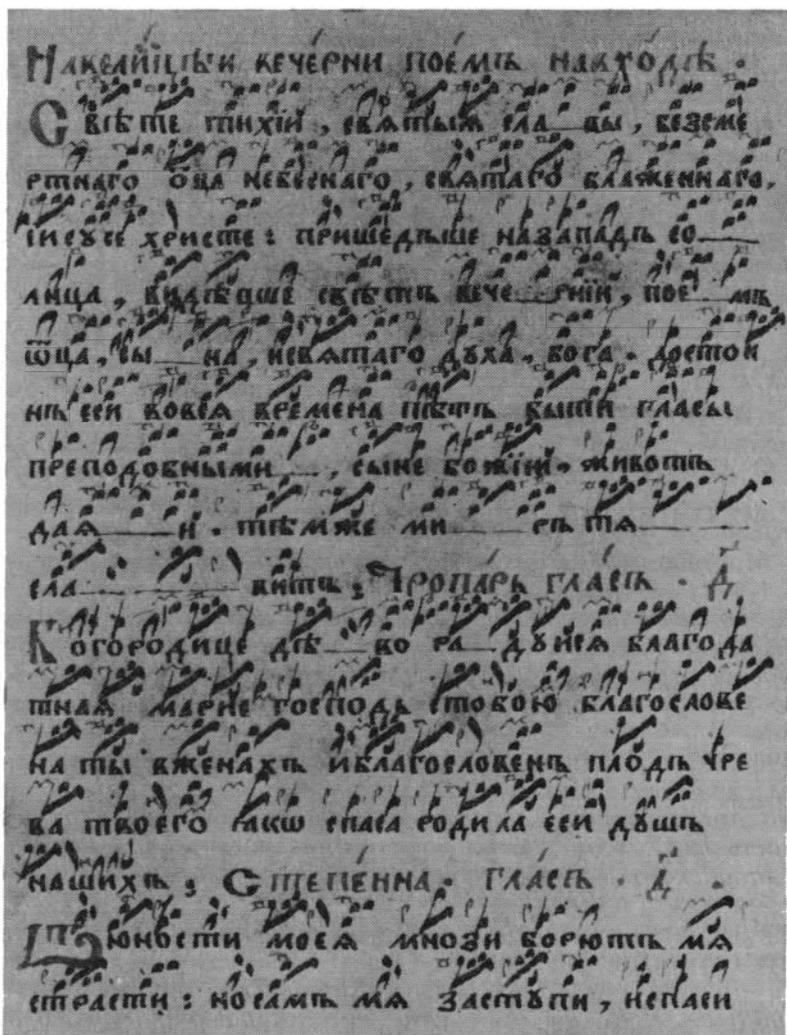
2. Азбука нотная, Октоих и Песнопения из Обихода, на крюковых нотах. Без кон.

Втор. четв. XIX в. (бум. 1833, 1836 гг. и др.). Полуустав. 227 л. 21,6×17,7. Переплет — доски в коже с тиснением. На л. 1 владельческая запись: «Сей Октай Савви Моисеевича Терихова. Д[еревня?]. Давид <1874-го — зачеркнуто> 1865-го года апреля 14-го дня. Г. С. Т.[ерехов]». Записи с той же датой 14 апр. 1865 г. и именем Саввы Терехова имеются на л. 1 об., 224. На обложке верхней крышки переплета подписи карандашом Саввы Терехова. На л. 46 об. запись карандашом: «Федор Иванович Кошелев». На л. 214 об. запись карандашом тем же почерком о венчании Федора Ивановича и Елены Андриановны [Кошелевых] 3 июля 1922 г. (по ст. ст.). В конце рукописи в качестве форзаца использовано письмо к Александру Емельяновичу Медведеву от сына от 1 апр. 1831 г. (л. 225—226 об.). Письмо написано в старообрядческом Благовещенском монастыре и адресовано на Немецкий рынок в Москве «купцу Андрею Маркову господину Шор-

² О рукописи также см.: Bulletin de la Bibliothèque royale le Albert 1er 22-e année. 4. 1978. P. 80—83; Cinq années d'acquisitions 1974—1978. Bruxelles, 1979. P. 189—192; Henry M. A. Propos de quelques manuscrits slaves conservés à la Bibliothèque royale Albert 1er à Bruxelles.— Miscellanea codicologica F. Masaiide dicata. Gent. 1979 (Les Publications de scriptorium. T. VIII). P. 581; Veder W. Les manuscrits slaves et leur étude en Belgique. Polata knigonisnaja, ii, 1979. P. 5.

Датировка рукописи и библиография о ней любезно сообщены нам проф., д-ром Ф. Й. Томсоном.

¹ Рукопись ранее была подшита в конце печатного Ирмология (М., 1657) из библиотеки Троице-Сергиевой лавры, который значился под № 1131 в IV отделе главной библиотеки лавры по описи 1906 г. Имеются старые номера этого Ирмология: «По описи 1767 года, № 26», «1795-го года, № 22».

Песнопения Обихода на крюковых нотах.
 Посл. треть XVII в. Ф. 304. II, № 378, л. 1

нику [Шорникову?]] с просьбой о передаче его в гуслицкую д. Петрушино А. Е. Медведеву.

Заставки (л. 17, 26), инициалы (л. 17, 36 об., 111) старообрядческого орнамента среднерусского («гуслицкого») типа, — перо, чернила, не раскрашены. Инициалы киноварные, часть с орнам. отрогками гуслицкого типа. Концовки — виньетки, — перо, чернила (иногда с киноварью). Художественное оформление рукописи не окончено — на л. 36 об., 51 об., 63 об., 85 об., 106 об., 111 оставлено место для заставок, на л. 51 об. — для инициала.

Нотация знаменная и (л. 211—214, 216—224) демественная, с пометами и признаками. Разводы фит (?), без знака фиты. В азбуке певческой — разводы лиц. Имеются указания «путевое» (л. 171), «инроспев» (л. 191). Текст истинноречный.

Содерж.: Азбука нотная — «Имена всякому знаменю ради лучшего ведения» (л. 1—16 об.); Октоих (л. 17—106) и относящиеся к нему Стихиры евангельские Льва Деспота, без кон. (л. 106 об. — 110 об.); песнопения из Обихода (л. 111—214, 216—224). Азбука нотная содержит начертания знамен и их значения, лица и их разводы по гласам, с пометами и признаками. Среди песнопений Обихода имеются величания русским святым и праздникам: Сергию Радонежскому (л. 133 об.), Покрову Богородицы (л. 134—134 об.), Знаменю иконы Богородицы [в Новгороде] (л. 137), Тихвинской иконе Богородицы (л.

153 об.—154); ирмос 9-й песни пасхального канона «Светися, светися...» путевого распева (л. 171—172); песнопение «Достойно есть...» на 8 гласов (л. 184 об.—190 об.); «Трисвятое» двух знаменных распевов (л. 190 об.—191) и др. В конце приписаны обиходные песнопения демественной нотации, с пометами и признаками, текст истинноречный: «Святым духом всяка душа живится...» — из 1-го антифона 4-го гласа (л. 211—212 об.); блаженна Рождеству Богородицы (л. 213—214); задостойники на господские и богородичные праздники, без кон. (л. 216—224).

Ф. 734, № 119

Рукописи, пополнившие в 1985 г. Коллекцию единичных поступлений архивных материалов (ф. 743)

№ 53. (1—5). Материалы Кашинского Дмитровского монастыря Тверской епархии.

3. Грамота архиепископа Тверского и Кашинского Сергия архимандриту монастыря Тихону с запрещением сбора денег на церковное и монастырское строение без именного царского указа и без грамоты из Приказа Большого дворца. Без нач. и кон., с утратами текста в середине.

1696/1697 г. Скоропись. 1 л. На обороте листа фрагменты записей адресата грамоты и Никифора Усачева.

2. Грамота архиепископа Тверского и Кашинского Сергия архимандриту монастыря [Тихону?] на освящение новопостроенной церкви Николая Мирликийского в с. Семеновском [Кашинского у.]. Без нач. и кон., с утратами текста в середине.

1696/1697 г. Скоропись. 1 л. На обороте листа фрагменты записей адресата грамоты и Степана Ва... (?).

3. Грамота архиепископа Тверского и Кашинского Сергия архимандриту монастыря Ионе на освящение новопостроенной церкви в вотчине окольного Федора Тихоновича Зыкова в с. Спасском [Кашинского у.]. Без нач. и кон.

1698/1699 г. Скоропись. 1 л. На обороте листа запись адресата грамоты.

4. Грамота архиепископа Тверского и Кашинского Сергия архимандриту монастыря Ионе с указанием направить монастырских людей для переписи имущества умершего по неизвестной причине под Белгородом помещика капитана Андрея Кобылина в д. Пен(е)ве Кашинского у., о взятии пошлыны со вдовы Анастасии Кобылиной и с других наследников за проведенную перепись и оценку имущества и об отправке пошлынных денег на московское подворье архиепископа Тверского и Кашинского. Без нач. и кон., с утратой текста в середине.

1698/1699 г. Скоропись. 2 л. На обороте листа фрагмент записи об адресате грамоты и фрагмент записи-скрепы на составах: «Диак Федор Мале[чкин]».

5. Грамота архиепископа [Тверского и Кашинского] архимандриту монастыря, касающаяся дела о поступной записи попов Иоанна и Сергия, выданной попу Артемию. Фрагмент.

Посл. четв. (?) XVII в. Скоропись. 1 л. На обороте листа фрагмент дычьей записи-скрепы.

Грамоты были использованы в качестве бумажной обклейки нижней крышки переплета старопечатной Минеи служебной на ноябрь (М., 1645), данной вкладом в Дмитровский монастырь в 1650/51 г. при архимандрите Варлааме. Этот экземпляр Минеи ныне хранится в ГБЛ.

№ 53.6. Материалы из истории Кенигсбергского университета, собранные Георгием Тегеном (Thegen, 1651 — не ранее 1720), ordinарным профессором философского факультета по кафедре этики. Т. 2.

Перв. четв. XVIII в. (б. зн. на листах с текстом: Laucevicius, № 2171—1706 г.; знаки на многочисленных вклейках не поддаются определению из-за малого формата фрагментов. Во втор. пол. XVIII в. рукопись была заново переплетена и листы ее были переложены чистыми листами с б. зн.: типа Laucevicius, № 255—1760 г. и типа Ibid, № 2855—2858—1755—1778 гг.). Лат. и нем. яз. Черновой автограф Георгия Тегена; ряд листов (л. 61, 90, 145, 215—217, 252, 309 и др.) писан другими почерками. 410 л. (I, II+408; 147 чист.). Нумерация страниц рукою писца, общая с 1-м т.: 217—457. 1°. 33,0×22,0. Многочисленные оклейки меньшего (в ряде случаев — большего) формата. Переплет — картон в коричневой коже. На л. 1 надпись карандашом: «Historia Academiae Regiomontanae a Lempore foundationis 1544 d(ie) 17/27 Augusti. Том (us) 2». На обороте верхней крышки переплета — экслибрис Королевского Немецкого общества в Кенигсберге (Königliche Deutsche Gesellschaft in Königsberg) и старый шифр (карандашом): «К. Д. 682». На л. 1 — штамп Королевского Немецкого общества; на корешке — наклейка с шифром.

Труд Г. Тегена открывается списком ordinарных профессоров философского факультета за 1544—1701 гг. Автор сообщает биографические сведения о каждом лице, характеризует научную и преподавательскую деятельность ученых, приводит, если это возможно, названия их научных трудов. Материал расположен в хронологическом порядке, по времени вступления того или иного лица в должность профессора. Составитель стремился к максимальной полноте сообщаемых им сведений; в основе его работы лежат, как правило, материалы университетского архива, но наряду с этим он пользовался и другими источниками (так, он часто

цитирует эпитафии на надгробиях университетского кладбища). Сведения о самом составителе сообщаются на л. 151 об., 154—154 об. На л. 154—154 об.: «Disputationes inae M. Georgii Thegeni» (за 1672—1720 гг.). Таков же принцип составления и других разделов. В них речь идет о деканах философского факультета, о преподавателях специальных кафедр, о защите ученых степеней, о должностных лицах разного рода, о библиотеках, типографиях, книгопродавцах и др. Сообщаемый составителем материал охватывает период от основания университета до 1720 г.

№ 54.1. Собрание указов Канцелярии главной артиллерии и фортификации, списки штатов артиллерийских полков, ведомости об орудиях и обозах, принадлежавшие полковнику Облеухову.

Бум. зн. 1788—1791. Писарское. 235 л.

№ 54.2. Документы межевой конторы и земского суда Чухломского у. Костромской губ.

Межевая книга пустоши Секериной Чухломского уезда, владения гвардии капитана Михаила Тимофеевича Щербатова.

1779 нояб., 1. Писарская с подписями-автографами и печатью. 8 л.

Дело Чухломского земского суда по расследованию причин смерти Трофима Артемьева, крестьянина д. Осиновца, вотчинного старосты кн. Василия Петровича Шаховского (начало расследования: допросы жены умершего и свидетелей, определение суда).

1819 нояб., 19. Писарское. 8 л. (1 чист.).

№ 54.3. [Пфуль, Эрнст (Pfuel, Ernst)]. «Отступление французов после взятия Москвы» (Retraite des français après la prise de Moscou) — листовка, перевод с нем. изд., с дополнениями и изменениями. (1812?). 16 л. Рукою неуставовл. лица, листы сброшюрованы в тетрадь, скреплены лентой. Рукопись вложена в футляр.

№ 54.4. Материалы из Архива Александры Федоровны Каховской (урожд. Желтухиной), казанской помещицы, дочери сенатора Ф. Ф. Желтухина.

Письмо к сыну Федору Александровичу Каховскому о скором приезде в Петербург для заклада имения и выплаты долгов.

1824 авг., 23.2 л. (1 чист.).

Вексель (сохранилась 1/4 часть документа). 1827. 1 л.

№ 54.5. Портреты (поколенные, в интерьере) родителей И. И. Мечникова: Ильи Ивановича и Эмилии Львовны (урожд. Невахович).

[1830-е гг.]. Фотокопии с акварелей художника Вишневецкого. 2 фото.

Воспроизведены фрагментарно (погрудно, в овале) в кн.: С. Резник. Мечников. М., 1973 (между с. 96 и 97).

№ 54.6. Балканов А. «Литературная урна, или Досуги несчастного» — сборник сочинений. Ч. 1. 1836—1838. Список рукою неуставовл. лица. 114 л.

№ 55.1. Письма Жюля Жанена (1804—1874) — французского писателя, критика и журналиста.

К неуставовл. лицу, 1839 апр., 22, Париж, фр. яз. 2 л.

Уварова, гр. Сергея Семеновича к Ж. Жанену, 1844 дек., 21, Петербург, фр. яз. 2 л.

Толстого, гр. к Ж. Жанену, 1845 янв., 3, Париж, фр. яз. 2 л.

Письма были вплетены в кн. Ж. Жанена «L'apous des livres». Paris, 1866. 6 л. + печ. книга.

№ 55.2. История русской литературы [X в. — 40-е гг. XIX в.] неуставовленного автора.

[1851 — май 1852].

Б. зн.: типа Клепиков. Книга 1, № 9—185. Двумя почерками с дополнениями третьей рукой. 185 л.

Краткий курс для гимназий или семинарий, по содержанию и историко-литературной концепции — эклектичная компиляция из различных печатных источников: «Опыт краткой истории русской литературы» Н. И. Греча (1822), «История древней российской словесности» М. Максимовича (1840), «История российской словесности, преимущественно древней» С. П. Шевырева (1846) и других художественно-эстетических очерков 1810—1840-х гг. К. Н. Батюшкова, В. Г. Белинского, П. А. Вяземского, Р. М. Зотова, А. Ф. Мерзлякова и др., а также библиографических словарей русских писателей.

№ 55.3. Дневниковые записи А. Анненковой, жены генерала от инфантерии, члена Военного совета Михаила Николаевича Анненкова, в «Памятной книжке на 1868 г.».

1868. Автограф и печ. Рус. и фр. яз. 366 л.

Записи (краткие) светского характера на л. 14 об. — 16 об., 17 об. — 19 об., 20 об., 22—38 об., 41—77 об.

№ 55.4. Дневниковые записи [Ржевской], сделанные ею во время путешествия по Германии, Швейцарии и Франции.

[Не позднее 1878 г.]. Автограф чернилами и карандашом и печ. Рус. и фр. яз. 101 л. + 2 л. обл.

Записи (краткие) на л. 1 об. — 2, 4, 5 об. — 11 об., 48 об. — 50, 51—

55, 57 об. — 61 об., 76 об., 77 об. — 79 об., 99, 100 об. — 101 записной книжки в сером кожаном переплете с золотым тиснением и металлической застежкой; листы с золотым обрезом.

№ 55.5. *Указы Вильгельма II, короля Пруссии.*

О назначении Георга Гюго волостным судьей в г. Маргграбове.

О назначении того же Георга Гюго земским судебным советником в г. Грауденц. Писарские, на печатных бланках с подписью-автографом. 1892 мая, 15; 1903 мая, 18. Нем. яз. 2 л.

№ 55.6. *Материалы Владимира Ивановича Серебровского (1887—1971)* — профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР.

Записи с 1880 по 1930-е гг. Детские годы в Москве, переезд в 1899 г. в Харьков, студенческие годы в Харьковском университете, поездки с друзьями в Австрию, Германию, Италию, работа в Москве редактором-консультантом ВЦИК.

Автограф 1960-х гг. 273 л.

Письмо к матери. 1945. 1 л.

Фотография В. И. Серебровского. 1960. 1 фото.

Фотографии разных лиц. 1900-е гг. 4 фото.

№ 55.7. *Письмо Алексея Максимовича Горького (1868—1936) к Сергею Сергеевичу Ольденбургу.* 1929 марта, 8. 1 л.

№ 55.8. *Письма к сотруднице отдела рукописей ГБЛ Ксении Александровне Майковой (1923—1978) от:*

Аплетина Михаила Яковлевича об имеющейся у него переписке с Р. Ролланом. 1964 июня, 7. 1 л.

Люблинского Владимира Сергеевича с просьбами о присылке фотокопий и наведении библиографических и текстологических справок. 1966. 3 п. 4 л. + 3 конв.

№ 55.9. *Публикация Альбертом Шьюмейтом (Shumate, Albert) чека, выданного Александром Гавриловичем Ротчевым на имя кн. Павла Павловича Гагарина* 12 марта 1852 г., и комментарии к ней.

[Не позднее 1966 г.]. Электрографическая копия. Англ. яз. 4 л.

Новые архивные фонды и рукописи,

присоединенные к ранее поступившим архивам

1. *Архив Всеволода Анисимовича Кочетова (1912—1973)*, известного советского писателя, общественного деятеля: рукописи (в том числе черновые, в нескольких вариантах) романов — «Товарищ агроном», «Молодость с нами», «Братья Ершовы», «Секретарь обкома», «Молнии бьют по вершинам», «Чего же ты хочешь?», материалы к романам; режиссерские сценарии фильмов «Большая семья», «Молодость с нами», «Секретарь обкома», план сценария «Инженер Колосов»; повести — «Предместье», «На невских равнинах», «Профессор Майборода», «Нево-озеро»; рассказы — «Зарево по горизонту», «Вокруг Ленинграда становится тесно», «В кольце», «Большая земля», «С кем ты пойдешь в разведку», «Во имя счастья народного», «Дед Костя», «Бисерный кисет», «Памятник другу», «Маки во ржи», «Семейный профиль», «В темном вагоне», «Смешной рассказ», «Черты характера», «Злополучный котелок», «Ночь в Белой», «Иван Данилович», «Авторитет», «Саша»; очерки — «Две недели во Франции», «По двум тысячелетиям (поездка в Италию)», «Руки народа», «Из китайского днев-

В. А. Кочетов с женой — Верой Андреевной. Ленинград, 1941

ника»; статьи — «Русский характер», «Миролюбие сильных», «Размышления над хорошей книгой», «Герои времени во весь голос», «Несколько слов об идеалах человека»; черновые наброски к военным корреспонденциям; записные книжки дневникового характера; биографические документы (автобиографии, личные листки по учету кадров, характеристика, удостоверения, мандаты, пропуска, издательские договоры и т. п.); материалы, связанные с деятельностью в качестве члена Правления Союза писателей СССР и члена Президиума Правления Союза писателей РСФСР, — доклады, стенографические отчеты собраний, программы поездок по стране с делегациями писателей, творческих встреч с колхозниками, материалы о работе с молодыми писателями (стенограммы встреч за круглым столом «Литературной газеты», бесед со студентами Литературного института им. М. Горького при Союзе писателей СССР); материалы деятельности в качестве главного редактора «Литературной газеты» — доклады, отчеты о работе различных отделов редакции, черновые наброски статей для газеты, письма читателей в газету; материалы, отражающие работу главным ре-

В. А. Кочетов (второй справа во втором ряду) среди членов редакции газеты «На защиту Ленинграда». Ленинград, 1941

дактором журн. «Октябрь», — отчеты, стенограммы совещаний, конспекты выступлений В. А. Кочетова на заседаниях редколлегии, тексты произведений профессиональных и непрофессиональных литераторов, письма читателей; письма В. А. Кочетова к разным лицам и письма к нему, среди кор. — И. Абашидзе, Ф. Алиева, М. Алексеев, А. Ананьев, А. Андреев, И. Аненский, В. АрдаMATский, С. Баруздин, П. Бровка, В. Викентьев, С. Викулов, Е. Вучетич, О. Гончар, Н. Грибачев, Г. Гуля, А. Дементьев, И. Дзержинский, Е. Долматовский, Е. Доризо, В. Друзин, Ю. Идашкин, Э. Карамян, П. Кейнеман, В. Кожевников, Н. Кончаловская, А. Коптяева, А. Корнейчук, В. Косолапов, Л. Ленч, А. Леонов, А. Лепсонис, А. Лобанов, А. Макаенок, Г. Марков, Л. Маяковская, Г. Мдивани, С. Михалков, С. Наровчатов, Н. Охлопков, Л. Ошанин, К. Паустовский, Е. Пермяк, Н. Плотников, А. Попов, Пухов, Г. Регистан, Д. Рид, З. Садмад, С. Сартаков, А. Софронов, Г. Свиридов, Л. Свердлин, П. Сельвинский, Г. Серебрякова, К. Симонов, Р. Симонов, С. Смирнов, В. Солоухин, Д. Смит, Ц. Солодарь, П. Строков, А. Сурков, А. и Т. Тарковские, Н. Тихонов, М. Царев, А. Чаковский, М. Шагинян, М. Шаргородская, И. Шевцов, М. Шолохов, И. Шундик, А. Яблочкина, А. Яр-Кравченко и др., киностудии, издательства, редакции газет и журналов, писательские организации ряда городов и республик, музеи, библиотеки, рабочие и воинские коллективы; материалы читательских конференций; отзывы и рецензии на произведения В. А. Кочетова; отзывы о произведениях третьих лиц, присланных писателю; приветственные адреса и телеграммы в связи с 50- и 60-летием со дня рождения и награждением орденами В. И. Ленина и Октябрьской революции; фотографии В. А. Кочетова, его семьи

и друзей; афиши спектаклей по романам В. А. Кочетова; рисунки писателя; фотографии портретов В. А. Кочетова, нарисованных А. А. Яр-Кравченко, с автографом художника. 1930—1970-е гг.

Ф. 810

2. *Материалы из архива семьи Коршей*: родственно-дружеские письма на художественных открытках кон. XIX — нач. XX в. к акад. Ф. Е. Коршу (3), его жене Е. С. Корш (5), его сестрам М. Е. Корш (49) и Ю. С. Корш (19), дочерям Е. Ф. и М. Ф. Корш (13), письмо М. Ф. Корш к брату Е. Ф. Коршу (1); автограф стихотворения вел. кн. К. К. Романова (псевд. К. Р.) «VII-й сонет к ночи» («Какой восторг! Какая тишина!..») (опубл.: Стихотворения К. Р. 1879—1912. Спб., 1913. Т. 1. С. 349) с дарственной надписью автора Ф. Е. Коршу; *материалы внука Ф. Е. Корша А. И. Богданова*, связанные с его родословными разысканиями, — родословие Коршей (машиноп. табл., 1 л.), переписка с родственниками и редактором его книги (Федор Евгеньевич Корш. Ашхабад, 1982) З. Б. Мухаммедовой — чл.-кор. Туркменской АН, глава из будущей книги А. И. Богданова о семье Коршей («Корши в Москве. История происхождения семьи»), доклад его же «Ф. А. Корш и его театр», отрывки из воспоминаний Е. А. Ромейко «Прошрое» (машиноп., 5 л.); *изобразительные материалы* — фотографии Ф. Е. Корша (2, одна — с дарственной надписью М. А. Корш), его дочери М. Ф. Корш (10), мужа другой дочери проф. Л. М. Кречетовича (1), А. И. Богданова (1, цветная на стекле), групповые фотографии учениц Московской классической гимназии С. Н. Фишер (2), литографированный портрет скульптора и архитектора П. С. Кампиони (1830-е гг.).

1830—1980-е гг. Ок. 300 л. + 16 фото + 1 портр.

Ф. 465

3. *Материалы из архива А. И. Герцена и Н. П. Огарева*: фотокопии, присланные в 1960 г. Р. А. Герценом: обложка и оглавление книги Р. Лабри о А. И. Герцене (Париж, 1928), письмо Н. А. Герцен к С. Зильберштейну (1917), фотографии (4), в т. ч. Н. А. Герцен, Т. Герцен, Н. А. Герцена, письмо Р. А. Герцена к Н. С. Хрущеву (1960), сопровождавшее посылку фотокопий; документы (3) и фотографии (61), связанные с церемонией перенесения праха Н. П. Огарева из Англии в СССР в 1966 г. 1870-е — 1966. 86 л.

Ф. 69, 27.1—13

4. *Фотографии Асеевых*, друзей писателя Ф. Д. Крюкова: Акима Пудовича, Николая Пудовича, Елены Антоновны (урожд. Хованской), Зинаиды Андреевны (урожд. Завьяловой).

[Нач. XX в.]. 2 фото.

Ф. 654, 8.24—25

5. *Материалы из архива М. К. Азадовского* (1888—1954), д-ра филол. наук, руководителя фольклорного сектора Пушкинского дома АН СССР: биографические документы; неопубликованные статьи — «Срезневский как фольклорист», «Фольклоризм Буннина», «Образцы говора казаков Михайло-Семеновского станичного округа» и др.; переписка с родственниками, друзьями, сотрудниками учреждений, письма от более чем 250 корреспондентов, среди которых: П. Н. Берков (5, 1944—1968), Н. К. Гудзий (20, 1944—1963), В. М. Жирмунский (5, 1960-е гг.), И. С. Зильберштейн (5, 1955—1970), Д. С. Лихачев (7, 1954—1984), Г. М. Марков (3, 1957—1963), Е. Д. Петряева (300, 1954—1983), С. А. Рейсер (17, 1955—1981), М. И. Рудомино (7, 1955—1979), Н. Н. Яновский (150, 1955—1984) и др.

1900—1980-е гг. Ок. 6000 л. +111 фото.

Ф. 542, 87—99

6. *Материалы из архива Сидоровой (урожд. Буткевич) Татьяны Андреевны*: письма С. Н. Дурылиной к А. С. Буткевич (1, 1907), Т. А. Буткевич (141, 1904—1954), Н. А. Сидоровой (2, 1929), А. А. Сидорову (1, 1909).

1904—1954. 335 л.

Ф. 599, 4. 34—39

7. *Материалы из архива Федора Михайловича Головенченко (1899—1963)*, д-ра филол. наук, проф., зав. кафедрой Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина: биографические и служебные документы 1915—1973 гг. — автобиографии, анкеты, дипломы, материалы о службе в Советской Армии и педагогической деятельности; дневники, фронтовые «Записки ополченца» (1941—1945); отзывы о работах Ф. М. Головенченко, в том числе Д. С. Лихачева о книге «Слово о полку Игореве» (1955), Ф. Х. Власова о сборнике «Педагог, ученый, издатель» (1973); воспоминания разных лиц о Ф. М. Головенченко, среди них: Абрамович Г. Л., Буняев В. С., Вольпе Л. М., Елизарова М. Е., Ершов Г. А., Ильин В. В., Любимов Н. М., Пузииков А. И., Тимофеева Н. А., Трофимов И. Т., Угрюмов А. Л., Цыбенко В. А. (всего ок. 30 мемуарных очерков); рукописи неопubl. и частично опubl. работ, в том числе — «„Поэтический язык“, пособие для учителя»; «Народные рассказы Л. Н. Толстого», «М. В. Ломоносов», «В. Г. Белинский», «Сборник пословиц и поговорок В. Н. Татищева»; выписки и заметки к монографии «Слово о полку Игореве» (1940-е—1963); черновики и машиноп. отпуски писем Ф. М. Головенченко за 1924—1962 гг. к более чем 100 адресатам, среди которых: А. Б. Бахтина (1, 1957), А. Ф. и В. И. Головенченко (70, 1943—1962), Л. М. Леонов (1, 1955), Д. С. Лихачев (1, 1955), Н. К. Пиксанов (2, 1955), А. И. Поповкин (1, 1955), И. Н. Розанов (1, 1955), М. Ф. Рыльский (1, 1955), С. Н. Сергеев-Ценский (1, 1955), К. М. Симонов (1, 1955), И. Т. Трофимов (9, 1952—1962), А. А. Фадеев (1, 1955), К. А. Федин (1, 1955) и др.; письма к Ф. М. Головенченко за 1920-е—1963 гг. от более чем 250 кор., в их числе: М. П. Алексеев (1, 1955), П. Г. Антокольский (1, 1946), Н. Н. Арденс (3, 1947—1949), В. М. Бахметьев (1, 1946), Е. А. Боголюбов (1, 1956), А. П. Болдырева (1, 1953), Н. Л. Бродский (1, 1945), В. Ф. Булгаков (1, 1946), В. Велчев (1, 1958), В. В. Вересаев (1, 1945), П. П. Вершигора (1, 1947), А. Ф. Головенченко (44, 1939—1963), В. И. Головенченко (45, 1935—1961), С. Н. Голубов (1, 1948), Б. Л. Горбатов (2, 1947, 1948), Н. Н. Гусев (2, 1941, 1945), Е. А. Долматовский (1, 1948), Н. М. Дылевский (1, 1955), А. А. Жаров (1, 1948) Н. А. Заболоцкий (1, 1947), В. В. Иванов (1, 1947), М. В. Исаковский (1, 1946), В. В. Каменский (1, 1946), А. А. Караваева (1, 1945), Я. Колас (1, 1947), О. В. Куусинен (1, 1949), С. Я. Маршак (1, 1946), П. Ф. Охрименко (1, 1948), Ф. И. Панферов (2, 1949), Б. Л. Пастернак (1, 1945), А. И. Поповкин (2, 1948), Я. Н. Пыриков (5, 1924—1961), И. Н. Розанов (1, 1955), С. Рустам (1, 1948), А. С. Серафимович (1, 1947), С. Н. Сергеев-Ценский (1, 1956), Э. Синклер (3, 1946—1949), Н. С. Тихонов (1, 1946), А. А. Фадеев (4, 1946—1949), К. А. Федин (3, 1953, 1954), Н. М. Чернышевская (1, 1946), М. П. Чехова (1, 1945), М. А. Шолохов (1, 1946); письмо А. И. Куприна к Л. А. Куприной-Иорданской (1, 1912); фотографии Ф. М. Головенченко (свыше 300 фото, 1910-е—

4/1
I 56.7
г. Алушта,
Крым

Михаилу Савасию
Резди Михайловичу!

Спасибо большое за подарок
мне очитной Вашей книги
"Сказ о палку Игале"!

А, действительно, и был и остался
большим почитателем творчества
Эдди Бессмертной поэмки. А упомяну
наконец Ваш труд проф. Барсала
изучивал в инеизуче, когда
мне было 17 лет. И все эти
"мелочи (васе, мышью)" по греху
"встайзи" и др., и др. еще тогда отхо
сти к самому отнюдь не новому при
родному предельнику.

У нас и сейчас впроганази

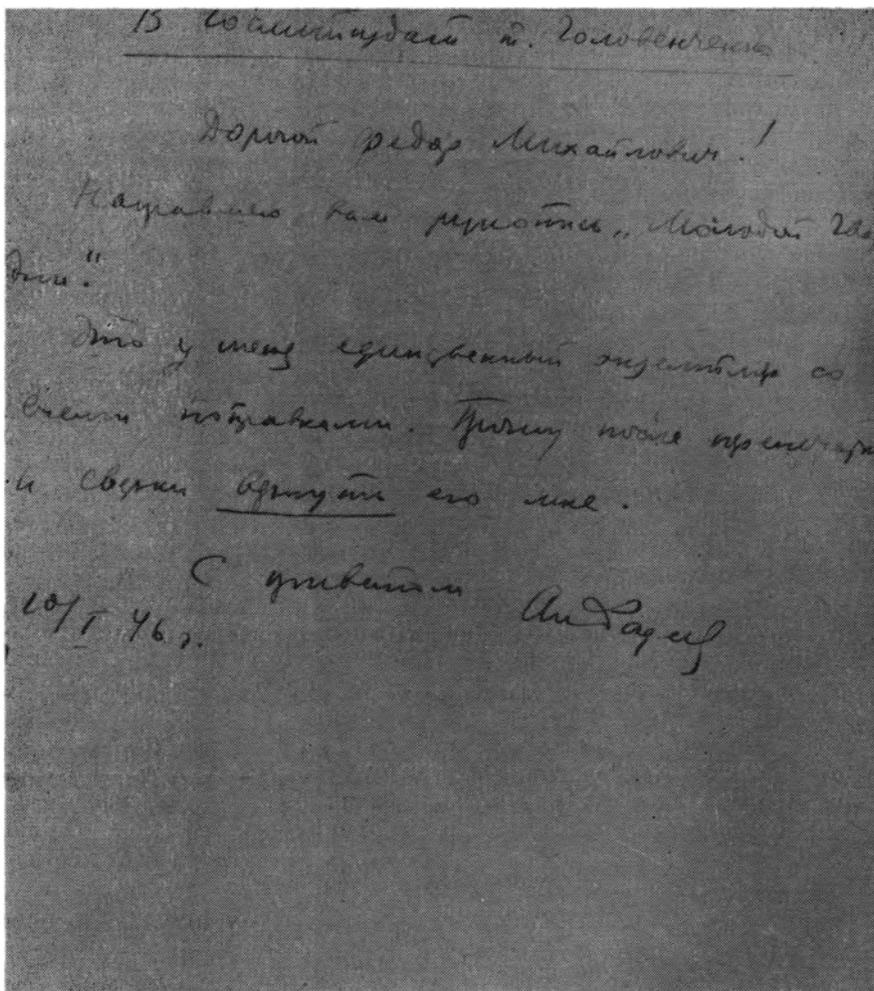
Фрагмент письма С. Н. Сергеева-Ценского Ф. М. Головенченко

1963) с общественными и партийными работниками Ставропольской губ., писателями, художниками, творческим активом Гослитиздата, преподавателями, аспирантами и студентами МГПИ им. В. И. Ленина, в кругу родных и друзей.

1910—1980-е гг. 6000 л. + 300 фото.

Ф. 785

8. «В Румянцевском музее» — воспоминания Марии Зосимовны Холодковской (урожд. Карповой). I ч. [1972—1973]. Машиноп. копия с авторской правкой и дополнениями. 38 л. Содерж.: работа автора в Румян-

Записка А. А. Фадеева Ф. М. Головенченко

цевском музее с 1916 по 1924 г. Характеристики сотрудников музея, ученых, искусствоведов: В. Я. Адарюкова, В. Д. Голицына, Ю. В. Готье, Н. И. Романова, С. М. Соловьева и др.; художников: В. Д. Фалилеева, П. Д. Корина. Упом. А. К. Виноградов, А. С. Петровский.

Ф. 749, 1. 42

9. *Материалы из архива А. И. Клибанова* (р. 1910), д-ра ист. наук, сотрудника Института истории АН СССР: биографические материалы-ходатайства, отзывы, автобиографии, документы о присуждении ему в 1980 г. премии им. Б. Д. Грекова, адреса, приветствия, телеграммы в связи с 70-летием со дня рождения и 50-летием научной деятельности; работы А. И. Клибанова — «Письма декабристов к Я. Д. Казимирскому», «А. И. Якубович: действительность и легенда», статьи, тексты выступлений, отзывы А. И. Клибанова на труды других ученых; рецензии и замечания разных лиц на работы А. И. Клибанова и др.; письма А. И. Клибанова к разным лицам, в числе которых: А. Т. Грос-

бейн, Э. Даин, В. Дзилли, А. А. Зимин, П. Н. Малов, М. В. Нечкина, Д. Филд и др.; письма к А. И. Қлибанову от И. У. Будовница, Э. Даин, В. Дзилли, А. А. Жмина, Д. Китинга, Н. Крымовой, Д. С. Лихачева, И. А. Малаховой, А. Л. Нарочницкого, А. Поплэ, М. Фенелл, Л. В. Черепнина и др.; стихи А. И. Агапкина, В. Ф. Зыбковец; работа Е. И. Владимирова «Т. М. Бондарев и Л. Н. Толстой»; автографы В. Д. Бонч-Бруевича и др.

Ф. 648

10. *Письмо к Софье Давыдовне Иловайской от неустановл. лица с подписью «В. Б.» об источниках по истории рода донских казаков Иловайских.* [Втор. пол. 1940-х гг.]. 1 п. 2 л.

Ф. 414, 3.13

11. *Материалы из архива Максимилиана Яковлевича Шика (1884—1968), советского поэта и переводчика.*

Письма М. Я. Шика к Курелле Альфреду, немецкому писателю, переводчику и литературоведу, с сообщениями о новинках советской литературы, о новых публикациях, о проблемах, связанных с переводом произведений русской и советской литературы на немецкий язык; о юбилее М. Я. Шика, о филателистических новинках. Упоминаются: П. П. Бажов, В. Бредель, А. М. Горький, А. Зегерс, М. В. Исаковский, О. Л. Книппер-Чехова, Л. М. Леонов, С. Я. Маршак, В. Н. Николаев, Б. Н. Полевой, В. Н. Ростовцев, А. Т. Твардовский, И. Г. Эренбург. 1954—1956, 1958. 13 п. 28 л. Ксерокопии. Нем. яз.

Письма Куреллы Альфреда к М. Я. Шiku с просьбой прислать русский текст пьес В. Маяковского «Клоп» и «Баня», четырехтомник словаря Д. Н. Ушакова, с сообщением о получении бандероли «с Маяковским» и марок. 1954. 2 п. 2 л. Ксерокопии. Нем. и рус. яз.

Ф. 675, 6.29—30

12. *Фотографии памятных мест Ленинграда, связанных с именем В. Г. Короленко (дома, где он жил в 1872—1873 гг.).* 1960. 4 фото.

Ф. 135/III, 60.80

13. *Биографический очерк об Иване Владимировиче Цветаеве «Жизнь для науки и славы Родины», написанный его дочерью В. И. Цветаевой.*

1961. Машиноп. с дополнениями-автографами. 72 л. (1 чист.).

На л. 9 и 66 наклеены копии с фотографий И. В. Цветаева (2) в 1870-е гг. и в конце жизни.

Ф. 324

14. *«Каким я знала Льва Гумилевского» — воспоминания В. В. Носовой-Гумилевской о последних 15-ти годах жизни писателя Л. И. Гумилевского.*

1985 янв. Машиноп. с авторской правкой и подписью-автографом. 21 л. Упом.: М. А. Зенкевич, Э. Ф. Ципельзон, А. С. Яковлев, Г. П. Чесноков и др.

Ф. 655, 17.37

Ю. В. Анхимюк

Слово на «Списание Иосифа» — памятник раннего нестяжательства

Список неизвестного ранее сочинения, о котором пойдет речь, находится в сборнике с временным номером Пост. № 86/1—1975 из собрания известного московского коллекционера Александра Павловича Гранкова. Собрание поступило в отдел рукописей ГБЛ после смерти владельца в 1975 г. Небольшое по объему, но очень ценное по составу, оно уже давно привлекает к себе внимание исследователей¹. Рукописи, собранные А. П. Гранковым, насчитывают ок. 287 ед. хр. и примерно 135 названий за период XV—XX вв. Здесь находятся историко-летописные памятники, историко-юридические документальные материалы XV—XVIII вв., литературные произведения (как оригинальные русские, так и переводные), памятники древней письменности (нередко точно датированные, с указанием места создания, имени писца), нотные рукописи, учебная, лечебная, естественнонаучная и другая литература. Все это представляет большой интерес для исследователей разных специальностей.

Сборник Пост. № 86/1-1975 был впервые описан в Антикварном каталоге Международной книги № 64 (М., 1935) под № 9 как сборник канонического содержания. 2 дек. 1937 г. вместе с другими рукописями, входившими в указанный каталог, он был приобретен А. П. Гранковым в московском антикварно-букинистическом магазине № 14². Формат: 4° (20,2×15,8 см). Полуустав, 287 л. [282 л. + л. I—V защитные]. Переплет — доски в коже с тиснением золотом XVIII в. На обороте верхней крышки старые шифры: чернилами сверху — «№ 32» и ниже левее — «29-», здесь же проставлено карандашом — «№ 177».

¹ См.: Бегунов Ю. К. Собрание рукописных материалов XV—XVI веков А. П. Гранкова // Ист. арх. 1962. № 6. С. 193—195; Малышев В. И. Москвичи — собиратели письменной и печатной старины // Тр. отд. древнерус. лит. (ТОДРЛ). 1965. Т. 21. С. 385.

Рукописи собрания исследуются, публикуются или упоминаются: Гранков А. П. Неизвестная концовка Повести о Стефаните и Ихнилате // Рус. лит. 1969. № 1. С. 199—200; Стефанит и Ихнилат: Средневековая кн. басен по рус. рукописям XV—XVII вв. Л., 1969. С. 171, 174—177, 193; Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969. С. 41; Повесть о Петре и Февронии. Л., 1979. С. 175; Рыков Ю. Д. Новые акты

Спасо-Прилуцкого монастыря XV века // Записки отдела рукописей. М., 1982. Вып. 44. С. 85—105; Дергачева-Скоп Е. И. Автограф М. Г. Романова — одного из составителей Сибирского летописного свода // Древнерусская летописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 79—102; Клосс Б. М., Корецкий В. И. Рукописи из библиотеки князей Голицыных в собраниях Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина // Записки отдела рукописей. Вып. 44. С. 160.

² Другие рукописи собрания, обозначенные в Антикварном каталоге № 64, указаны В. И. Малышевым (Указ. соч. С. 385).

Это инвентарные номера собрания московских купцов Романовых-Ананьиных, которым рукопись принадлежала ранее³. На обороте нижней крышки запись XVIII в. чернилами и карандашом: «Иван Данилов сын Бартшов, ево. В вето [ши?] взято из милостинных денег 2 р. 80 к.». Сборник датируется приблизительно сер. 80-х гг. XVI в. (бумага рукописи с филигранью — медведь с рожком и монограммой, два варианта: л. 13 и др. — аналогов в альбомах не найдено, л. 132 и др. — типа Брикке № 12390 — 1581 г. Сборник выполнен одним писцом. Краткий Кирилло-Белозерский летописчик, который находится в его составе, оканчивается известиями 1584 г., после чего следует приписка скорописью перв. пол. XVII в.). Рукопись, видимо, некоторое время была без переплета, первый и последний листы загрязнены и подмочены, защитные листы из плотной бумаги с филигранью — герб Амстердама.

Из статей сборника следует отметить следующие:

«Начало грамоте греческой и русской» (л. 150—151);

«От Бытейских книг в Борисоглебских паремьях» — паремья на память кн. Бориса и Глеба (л. 157—158);

«С Богом починаем язык греческий» (л. 184 об. — 185);

«Сказание неведомым речем, еже обретаем во святых книгах от греческого и от еврейского языка» (л. 185 об. — 186 об.);

Заметка о стоимости 30 сребрянников Нила Сорского (л. 197);

«Сказание вкратце ересем латыньским» (л. 214 об. — 217 об.);

Индекс книг истинных и ложных (л. 217 об. — 218 об.)⁴;

«Слово да не обидят силнии меньших», «Слово о вдовицах и о сиротах, да не обидят их цари, и князи, и властители», «Слово на немилостивые цари и князи, еже неправдою судят», «Слово о судиах и властелех, емлющих мзду и не в правду судящих», «Слово святого Василиа о судиах и властелех» (л. 222—227)⁵;

Устав кн. Владимира Святославовича (л. 242—244);

Повесть об избавлении Москвы от татарского набега 1451 г. по пророчеству старца Чудова монастыря Антония Кловыни и молитвами митрополита Ионы. Нач.: «В лето 6956 месяца июля бысть нахождение безбожных агарян, скорых татар на славный и великий град Москву...» Кон.: «...а православнии христиане вси спасени быша божиею благодатиею и молитвами святого Ионы митрополита». Эта небольшая по объему повесть составлена на основе «Чуда о скорой татарщине» из жития митрополита Ионы. Житие известно в трех редакциях, из которых повесть ближе всего к тексту первой — Слову похвальному (л. 246 об. — 248)⁶;

Повесть о землетрясении в Италии и Греции в 1542 г. (л. 248—249)⁷;

³ Подробнее о собрании Романовых-Ананьиных см.: Записки отдела рукописей. М., 1988. Вып. 47. С. 269—273.

⁴ Н. А. Казакова указывает на подобную статью в сборнике ГПБ, Кирилло-Белозерского собр., № 281/538. Сборник был переписан Гурием Тушиным. Исследовательница считает эту редакцию индекса особой, принадлежащей Гурию Тушину (Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970. С. 269).

⁵ Эта подборка также выделяется Н. А. Казаковой в рукописи (ГПБ. Соф. № 1468), переписанной Гурием Тушиным (Абрамович

Д. И. Описание рукописей Санкт-Петербургской духовной библиотеки. Соф. 6-ка. Спб., 1910. Вып. 3. С. 291; Казакова Н. А. Очерки... С. 260—261).

⁶ Ключевский В. О. Древнерусские жития как исторический источник. М., 1871. С. 240—242; Барсуков Н. П. Источники русской агрографии. Спб., 1882. Стб. 270—271; Ср., напр., список Слова похвального в рукописи ГБЛ. Ф. 113. № 632. Л. 177—178 об.

⁷ Сокращ. редакция указанной Н. А. Казаковой повести? (Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI вв. М., 1980. С. 219—221).

Рассказ легендарного характера о гибели г. «Михала» в «Цесарской державе» в 1548 г. Нач.: «В лето 7056-е месяца августа 10 на память святого мученика Лаврентиа в Цесареве държаве град его столный именем Михал за Любком...» Кон.: «...и не обретесь в граде том жив человек разве того младенца» (л. 249 об. — 250) ⁸;

«Поставление великих князей русских, откуда бе и како начашася ставити на великое княжение» (л. 250—252);

Заметка о турецких завоеваниях, где последним упомянут «Сулем» — Сулейман I Кануни (1520—1566), который «грех ради наших» ныне царствует в Царьграде (л. 258—258 об.);

«Выписано из летописца вькратце» — Краткий Кирилло-Белозерский летописчик. Список имеет небольшие расхождения с опубликованным А. А. Зиминным ⁹ (добавления, пропуски, при переписке перебит хронологический порядок изложения). Имеются добавочные статьи. Последнее известие летописца, соответствующее печатному, — о построении церкви в с. Коломенском под 1532 г. (л. 265 об.). Сразу вслед за ним, на л. 266 находится концовка летописчика с сообщениями о смерти Ивана Грозного и воцарении его сына Федора. Листы с недостающими известиями были, вероятно, утрачены, когда рукопись была без переплета (последнее обозначение номера тетради — «34» на л. 264, далее нумерация тетрадью отсутствует) (л. 258 об. — 266);

Розыск о «чудесах» от мощей кн. Михаила Федоровича и кн. Ксении и Анастасии (без заглавия). Нач.: «В лето 7087 извещал преосвященному архиепископу Давыду Ростовскому и Ярославскому из Ярославля, с посаду в волского берегу петровской поп Симеон...» На этой статье стоит остановиться особо. Ее суть заключается в том, что священник Петропавловской церкви сообщил Ростовскому архиепископу о чудесах, происходящих у гробов князя и княгини, захороненных в церкви. Архиеп. Давыд повелел архимандриту Спасо-Ярославского монастыря Феодосию проверить достоверность сведений. В розыске дается своего рода историческая справка о захоронениях этих князей, описание и перечень девяти «чудес» (с 1574 по 1579 г.) ¹⁰. Сам факт розыска свидетельствует о том, что уже в кон. 70-х гг. XVI в. в Ярославле предпринимались попытки пополнить местный пантеон святых (в него входят Василий и Константин Всеволодовичи, Федор Ростиславович Смоленский и Ярославский с сыновьями Давидом и Константином) ¹¹. Попытка канонизации тогда не удалась, впрочем, она была не единственной. В результате осталось местное почитание князя и княгини ¹² (л. 272—274);

⁸ В указанной монографии Н. А. Казаковой не отмечен. Подобная статья содержится в сборнике ГПБ. Соловецкое собрание (Солов). № 844/954. Л. 297—297 об. (На это автору указала М. Д. Каган.)

⁹ Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI веков // Ист. арх. М.; Л., 1950. Т. 5. С. 31—39.

¹⁰ Мощи находились в Петропавловском Ярославском монастыре (Барсуков Н. П. Источники... Стб. 319, 379; Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Спб., 1897. Ч. 3. № 1874; ГБЛ. Ф. 711. Пост. № 86/1—1975. Л. 272 об.).

¹¹ Барсуков Н. П. Источники... Стб. 95—97, 593—600.

¹² В «Книге, обдержашей в себе собрание всех российских святых...», в разделе ярославских святых упоминаются «святой благоверный князь Михаил Федорович, преставившийся в лето 6700», и княгини, положенные в «древле Петровском монастыре» (ГБЛ. Ф. 178. № 10435. Л. 62 об.). На местное почитание указывал Н. П. Барсуков (Источники... С. 379). А. А. Титов, ссылаясь на местное предание, сообщает, что в Петропавловском монастыре, существовавшем еще в домонгольское время, погребались князя и княгини первой династии Ярославских князей. В их память ежегодно до 1750 г. в Пет-

Послание Василия архиеп. Новгородского к Тверскому еп. Федору о рае (л. 274—279);

Грамота духовная Авраамия, архиеп. Ростовского и Ярославского 1573 июня 16 (л. 279 об. — 281 об.).

Состав сборника, включающего в себя статьи, входившие в рукописные книги, переписанные Гурием Тушиным, заметка Нила Сорского, Краткий Кирилло-Белозерский летописчик и, наконец, Слово на «Списание Иосифа» указывают на принадлежность его к нестяжательской рукописной традиции. Можно предположить, что рукопись была написана где-то в пределах Ростовской епархии (датировка ростово-ярославских статей близка ко времени написания самого сборника), в заволжских монастырях которой сохранились и переписывались антииосифлянские сочинения.

Борьба двух течений в русской общественно-политической мысли XVI в. — иосифлян и нестяжателей — уже давно привлекает к себе внимание исследователей¹³. Особенно интенсивно эта проблема изучается в советской историографии с 50-х гг. Н. А. Казакова опубликовала наиболее полное собрание сочинений видного публициста В. И. Патрикеева, поставила и решила многие важные вопросы изучения идеологической и политической борьбы в русском государстве перв. трети XVI в.¹⁴. Работали в этом направлении А. А. Зимин, Я. С. Лурье, Г. Н. Моисеева, Н. В. Синицына¹⁵. Последние исследования по этой проблеме, содержащие источниковедческий анализ сочинений нестяжателей перв. трети XVI в. и современных им иосифлянских памятников, принадлежат А. И. Плигузову. Им изучена рукописная традиция сочине-

ропавловской церкви совершалась торжественная панихида (Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. М., 1906. Вып. 5. С. 119—120). Е. Е. Голубинский опубликовал материалы дела 1692 г. о мощах этих святых. По его ходу вполне можно судить о причинах неудачного исхода дела 1579 г. Следствие по челобитной ярославских посадских людей снова велось из Спасо-Ярославского монастыря. «Следователь» не нашел мощей там, где это было указано в челобитной. Обнаружились противоречия и в самой легенде о князьях: первую жену Федора Ростиславовича звали Мария, а не Анастасия. «И то явление стало неправое с житием... и с летописцы несходное» (Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 463—474). И, наконец, был подвергнут сомнению и сам факт «прошений» от гробов новоявленных чудотворцев (Там же. С. 474). Возможно также, что обладатели мощей кн. Федора и его сыновей — старцы Спасо-Ярославского монастыря не хотели конкуренции со стороны новых ярославских чудотворцев. Эти причины и помешали, вероятно, благополучному исходу дела о канонизации.

¹³ Отечественную и зарубежную историографию вопроса см.: Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI веков. М.: Л., 1960. С. 7—38; Казакова Н. А. Очерки... С. 7—44; Плигузов А. И. Памятники раннего нестяжатель-

ства первой трети XVI века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. С. 5—8.

¹⁴ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960; Она же. Очерки...; Она же. Когда началась полемика нестяжателей с иосифлянами // Из истории феодальной России. Л., 1973. С. 111—115.

¹⁵ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XV — начала XVI веков. М., 1955 (далее — АФЕД); Лурье Я. С. Идеологическая борьба...; Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста и коммент. Я. С. Лурье и А. А. Зимина. М., Л., 1959; Зимин А. А. Источниковедческие проблемы истории раннего нестяжательства // Учен. зап. Каз. пед. ин-та. Казань, 1974. Вып. 121. С. 87—103; Он же. Россия на пороге нового времени. М., 1972; Он же. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России на рубеже XV—XVI столетий: Очерки соц.-полит. истории. М., 1982; Моисеева Г. Н. О датировке «Собрания некоего старца» Вассиана Патрикеева // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 349—361; Она же. Об идеологии «нестяжателей» // История СССР. 1961. № 2. С. 88—101; Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977; Она же. Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 286—317; Она же. Нестяжательство и русская православная церковь XIV—XVI вв. // Религии мира. История и современность: Ежегодник. М., 1983. С. 76—101.

ний Вассиана Патрикеева, пересмотрена атрибуция и датировка некоторых памятников, приписываемых Патрикееву, сделана попытка разрешить спорный вопрос о времени начала, содержании полемики между иосифлянами и нестяжателями и построить непротиворечивую концепцию нестяжательства¹⁶.

Однако ограниченность источниковой базы по-прежнему оставляет дискуссионными многие вопросы, связанные с идеологией нестяжателей, социальной направленностью их учения, временем начала полемики между ними и иосифлянами о монастырском землевладении и отношением к еретикам. Нет согласия между исследователями в датировке и атрибуции отдельных источников, в частности памятников публицистики нестяжательского направления. В этом плане, думается, большой интерес представляет анонимное сочинение, список которого обнаружен в гранковском сборнике на л. 227 об. — 236 об. Это полемическое Слово, посвященное вопросу об отношении к еретикам, направлено против Иосифа Волоцкого. Вопрос о еретиках нужно отнести к одним из главных (наряду с полемикой вокруг монастырского землевладения), разделявших иосифлян и нестяжателей в перв. трети XVI в. Вассиан Патрикеев спорит о еретиках в большинстве из приписываемых ему сочинений.

Полемическое Слово на «Списание Иосифа» можно условно разделить на несколько частей: 1. Списание Иосифа и ответ на него — аргументы Иосифа Волоцкого в защиту тезиса о том, что «едино ес(ть), еж(е) грешника или еретика молитвою убить и еж(е) рукою убить то ж(е) пред богом». Разбор и опровержение доводов Иосифа его анонимным противником; 2. Выписки из Евангелия, Апостола, житий Григория Богослова, Василия Великого, Саввы Освященного — в усиление доказательности первой части; 3. Выписка из Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского — о наветианской ереси Иосифа Волоцкого; 4. Заключительная часть об образе жизни Иосифа и его друзей.

Первая часть Слова на Списание имеет прямые аналогии с давно известным в науке Ответом кирилловских старцев¹⁷: то же построение текста (послание Иосифа Василию III и ответ на него кирилловских старцев, Списание Иосифа и ответ на него неизвестного); тот же набор аргументов Иосифа и во многом совпадающие между собой контрдоводы его оппонентов. Однако между этой частью полемического Слова и Ответом кирилловских старцев есть и различия. Естественно, возникает вопрос о взаимоотношениях двух памятников. Сравнение

¹⁶ Плигузов А. И. Текстологическая история «Собрания некоего старца» // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 5—16; Он же. Противостояние митрополичьей и вассиановской кормчих накануне судебных заседаний 1531 года // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985. С. 23—68; Он же. Василий Тучков — собеседник Максима Грека // Исследования по источниковедению истории СССР XVI—XVIII вв. М., 1986. С. 62—93; Он же. Памятники...; Он же. Вступление Вассиана Патрикеева в полемику о монастырских землях и творческая история «Собрания некоего старца» // Исследования по источниковедению

истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984. С. 358—363.

¹⁷ В советское время текст Ответа кирилловских старцев публиковался: АФЕД. С. 510—513; Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 250—253; Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI в. М., 1984. С. 358—363.

Историографию и археографию памятника подробнее см.: Плигузов А. И. Памятники... Л. 39—52, 218—232; Материалы к публикации Ответа кирилловских старцев см.: Там же. Л. 364—374. (При обращении непосредственно к тексту диссертации в сносках страница машинописного текста обозначается как лист.)

текстов не дает решающих аргументов в пользу первичности какого-либо из них. Но ряд наблюдений заставляют отдать предпочтение Слову на «Списание Иосифа». Прежде всего следует отметить, что заголовок его понятнее.

Слово на Списание

«Списание Иосифа игумена своего ему монастыря, иже на Волоце. Едино ес(ть), еж(е) грешника или еретика молитвою убити и еж(е) рукою...»¹⁸

Ответ кирилловских старцев

«Послание старца Иосифа, иже на Волоце своего ему монастыря самодержца, Рускыя земли государю, великому князю Василию Ивановичю о том, еже грешника или еретика руками убити или молитвою едино есть...»¹⁹

В «Списании Иосифа» Финеес помещен перед Ильей, а в ответе на него — наоборот (в Ответе кирилловских старцев в обоих случаях Илья назван первым)²⁰. Не упоминаются известные нам по Ответу кирилловских старцев ап. Петр, волхвы Симон и Исидор. Исследователи уже обращали внимание на то, что в последнем памятнике использовано 13-е слово Книги на еретика Иосифа Волоцкого — «Просветителя» (или сходное Слово об осуждении еретиков)²¹. То же можно сказать и о Слове на Списание²². В 13-м слове волоцкий игумен приводит цепочку ветхозаветных примеров два раза, в одном случае Илья и Финеес упоминаются вместе, причем Финеес первым²³. Это согласуется с хронологией библейской истории: Финеес — ок. 1500 г. до Р. Х., пр. Илья — IX в. до Р. Х. Пропуск в Слове на Списание ап. Петра и волхва Симона не говорит о первичности текста Ответа кирилловских старцев, так как в обоих случаях приведены не все примеры из имеющихся в 13-м слове. При независимом обращении к этому первоисточнику можно было вставить недостающее. Описание подвига Льва Катанского также предпочтительнее в Слове на Списание. В Ответе кирилловских старцев говорится, что Лев связал волхва Леодора епитрахилем и сжег, но непонятно, как епископ сам оказался в костре²⁴. Слово на Списание дает вполне понятное объяснение: «Леон епископ Катанский влѣхва Леодора патрахилем связал среди церкви и вышел стал с ним сам на огонь [курсив мой. — Ю. А.], и доколе сторел Леодор, а епископ не ступил с огня»²⁵. Это вполне согласуется с житием Льва Катанского (память 20 февр.)²⁶. Волхв Исидор из Ответа кирилловских старцев — вторая жертва Льва Катанского — вряд ли когда-нибудь существовал, даже в воображении авторов жития сицилийского епископа. В греческих и латинских списках этого сочинения об Исидоре ничего не говорится²⁷. Не упоминает его и Иосиф Волоцкий. Автор Ответа, видимо, желая показать свою начитанность, стал жертвой неправильного прочтения имени *Лиодор* [Илиодор] — Исидор в тексте проложной памяти Льву Катанскому.

¹⁸ Слово на Списание. Л. 227 об.

¹⁹ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 250—251. (Пунктуация моя. — Ю. А.)

²⁰ Слово на Списание. Л. 227 об. — 228 об. Отвечая Иосифу, автор Слова на Списание снова возвращается к Илье после упоминания Финееса.

²¹ АФЕД. С. 494; Плигузов А. И. Памятники... С. 46—47.

²² В одной из вкладных записей Нифонта Кормилицына «Просветитель» назван «Иосифово списание на наугородския еретики» (Плигузов А. И. Памятники... Л. 299).

²³ АФЕД. С. 492, 494—495.

²⁴ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 251.

²⁵ Слово на Списание. Л. 228.

²⁶ Н. А. Казакова указывает на житие, которое вошло в Великие Минеи-Четьи (ВМЧ): Памятники литературы древней Руси. С. 705; А. И. Плигузов ссылается на список «Жития въкратце» (ГБЛ. Ф. 173/1. № 57. Л. 453—453 об.); Плигузов А. И. Памятники... Л. 42.

²⁷ Acta Sanctorum. 1658. Febr. III. P. 222—226.

«...и волхва Лиодора многи волшебями
льстяще и молитвою съжже. О том пари
гречестини слышаша...»

«...а другаго волхва Исидора молитвою
сожже той же епископ при гречестем ца-
ри...»²⁸

Упоминание в Слове на Списание библейского сюжета о трех отроцах (в Ответе кирилловских старцев отсутствует), как мне кажется, могло послужить поводом для иронической усмешки в Ответе: «...и мы бы ты, яко единого от трех отрок, ис пламени изшедша, прияли»²⁹.

Из реалий Слова на Списание, отсутствующих в Ответе кирилловских старцев, заслуживает внимания указание на то, что еретики были казнены способом, который предложил Иосиф (уморить голодом и холодом в срубах)³⁰. Это не находит подтверждения в известных источниках о казнях 1504—1505 гг., где говорится, что вожди еретиков были сожжены. Летописи называют имена Ивана Волка Курицына, Ивашки Максимова, Гриди Квашни, Истома и Сверчка, Мити Коноплева, Касьяна Юрьевского, его брата Самочерного, Некраса Рукавова³¹. Но это, конечно, далеко не полный список казненных. В Троице-Сергиевском летописце XVII в. находится сообщение о том, что в 1504 г. сожгли 27 еретиков, «в клетки завалая»³². Анафематствования также содержат имена неизвестных летописям новгородско-московских еретиков³³. Это показывает, насколько неполны наши сведения о казнях зимы 1504/05 г. Поэтому нельзя сразу отбросить разбираемое известие как недостоверное. Одно из мест Послания о соблюдении соборного приговора, видимо, также допускает применение отечественными инквизиторами других способов казней кроме сожжения: «...повелел державный... овех огню предати, овех же языки изрезывати и инеми казньми казнити»³⁴.

Ответ кирилловских старцев не упоминает имя Феодосия Иконника — сына знаменитого живописца Дионисия. О связях Феодосия с Иосифо-Волоколамским монастырем хорошо известно: вместе с артелью своего отца, куда входили племянники Иосифа Досифей и Вассиан Топорковы, деятельные сторонники своего дяди, он принимал участие в росписи соборов монастыря³⁵. Нужно отметить и значительный вклад иконописца в обитель Пречистой³⁶. Имя Феодосия Иконника упоминается в переписке Иосифа: тот докладывал волоцкому игумену, что дворецкий И. И. Третьяков «добре пытается» о деле Сера-

²⁸ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 251.

²⁹ Слово на Списание. Л. 228; Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 252. В слове 13 «Просветителя» этого сюжета нет, но позиция Иосифа в вопросе о еретиках схвачена автором Слова на Списание верно. Совсем в духе Слова на Списание волоцкий игумен высказывается в послании великому князю о еретике Кленове: «...и который восхощет покаяться, ино ему возможно и в темници каяться» (Послания Иосифа Волоцкого. С. 179). Ср. в Слове на Списание: «...который хочет спастися и тамо спасется...» (как три отрока в огненной печи и Иона в чреве кита). А. И. Плигузов с помощью формулярного анализа посланий Иосифа Волоцкого доказывает подложность «послания» великому князю в Ответе кирилловских старцев (Плигузов А. И. Памятники... Л. 49—

52). Слово на Списание подтверждает эти наблюдения: примерно то же содержание заключено в иную форму — списание. И там, и здесь это способ изложения взглядов противника (Иосифа Волоцкого), то есть литературный прием.

³⁰ Слово на Списание. Л. 228.

³¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 6. Спб., 1853. С. 244; Там же. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 337.

³² ГБЛ. Ф. 173/1. № 201. Л. 271. (На это известие мне указал Н. К. Голейзовский.)

³³ Никольский Н. К. Анафематствования. Спб., 1879. С. 191—192.

³⁴ АФЕД. С. 508.

³⁵ Плигузов А. И. Летописчик Иосифа Санина // Летописи и хроники. 1984. М., 1984. С. 184—185.

³⁶ Титов А. А. Рукописи славянские... С. 2, 20.

пиона, Феодосий же передает неслестный отзыв боярина Семена Воронцова о брате Иосифа — Вассиане Ростовском³⁷. Кроме того, известно о помощи Феодосия Иконника Иосифу Волоцкому в обнаружении новых еретиков³⁸. Это и неудивительно, ведь волоцкий игумен был духовником иконописца³⁹. Таким образом, имя Феодосия Иконника упоминается иосифлянами в связи с делом архиеп. Серапиона (1509—1511) и по поводу борьбы с еретиками. Это подтверждает неслучайность выпада Слова на Списание против такого незначительного по сравнению с Иосифом Волоцким лица. Перед нами живой отзвук церковных споров и политической борьбы на конкретном этапе, когда Феодосий Иконник мог сыграть заметную роль в полемике о еретиках (мы имеем свидетельства тому, полученные от двух враждебных лагерей). Неизвестно, был ли этот иконописец причастен к преследованию еретиков в 1504—1505 гг. (скорее всего его упоминание вместе с Волком Курицыным — чисто литературный прием), но его активное участие в событиях нач. 1510-х гг. очевидно. Этому не противоречит и датировка памятника 1512—1514 гг. (обосновывается ниже). Вообще, на это сочинение время его создания наложило более яркий отпечаток, чем на Ответ кирилловских старцев, автор которого выступает против одного Иосифа (вернее даже, против известного подхода к наказанию еретиков, связывавшегося с именем волоцкого игумена). Автор Слова на Списание явно нападает еще и на епископов, которые для Иосифа были «своими»⁴⁰. Для объяснения этого можно привлечь наблюдения А. А. Зимина, по подсчетам которого к 1509 г. как минимум пять епархий из восьми существовавших занимали сторонники Иосифа Волоцкого. Несмотря на приход нового митрополита Варлаама в 1511 г. и появление при дворе злейшего врага иосифлян Вассиана Патрикеева, расстановка сил среди высшей церковной иерархии осталась прежней. Лишь в 1514 г. ушел на покой вологодско-пермский еп. Никон, в 1516 г. — рязанский еп. Протасий (выступали против архиеп. Серапиона), в 1515 г. скончались Вассиан Ростовский (брат Иосифа) и Симеон Суздальский («ученик бе Иосифов»). Митрофан Коломенский ушел на покой в 1518 г.⁴¹. Так что до сер. 1510-х гг. борьба со сторонниками Иосифа Волоцкого среди епископата оставалась для круга Вассиана Патрикеева актуальной задачей.

Касаая воззрений авторов сравниваемых памятников на еретиков, можно отметить, что позиция Ответа кирилловских старцев выглядит определеннее и четче: кающихся принимать на покаяние, а упорствующих заточать⁴². В Слове на Списание видны лишь зачатки такого решения вопроса: пр. Илья зарезал жрецов потому, что те не каялись, но пощадил кающегося Авдия. Автора более занимает прямое опровержение «Списания Иосифа» на основе Евангелия и Апостола⁴³. Отводя аргументы Иосифа Волоцкого, он придает своим доказательствам явно неортодоксальную окраску, подчеркивая теневые стороны характеристик святых (в Ответе кирилловских старцев доказательства стро-

³⁷ Послания Иосифа Волоцкого. С. 187, 207; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 96.

³⁸ ВМЧ. Сент., дни 1—15. Спб., 1868. Стб. 474; Ср.: Волоколамский Патерик // Богословские труды. М., 1973. Т. 10. С. 179—190.

³⁹ Там же. С. 179. (Я благодарю Н. К. Го-

лейзовского, обратившего мое внимание на этот факт.)

⁴⁰ Слово на Списание. Л. 236.

⁴¹ Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина... С. 283—284.

⁴² Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 251.

⁴³ Слово на Списание. Л. 228.

ятыся на оправдании святых особыми обстоятельствами). В Слове на Списание пр. Илья называется жестоким, его жестокости противопоставляется человеколюбие Бога⁴⁴. В Ответе кирилловских старцев пр. Илья никак не осуждается. Ап. Павел в Слове на Списание не может служить примером, поскольку был повинен в гибели первомученика Стефана и «многих святых мучил». В Ответе кирилловских старцев ап. Петр и Павел, расправившиеся с волхвами, оправдываются тяжестью прегрешений последних. И наконец, если по поводу убийства Финеесом своего сородича в Ответе кирилловских старцев сказано: «На всем тогда Израили грех той бысть», то Слово на Списание считает этот пример Иосифа неудачным и отвечает на него саркастически⁴⁵. В отличие от Ответа кирилловских старцев, в Слове на Списание можно увидеть отсутствие пиетета перед некоторыми святыми самой высокой пробы. Тон этого полемического произведения более непримирим, в нем отсутствует некоторая назидательность Ответа.

Изложенные выше наблюдения над текстами и содержанием обоих памятников, как мне кажется, подводят к предположениям о том, что они написаны разными авторами, о первичности Слова на Списание и о последующей его переработке в Ответ кирилловских старцев.

Из сочинений, твердо атрибутируемых Вассиану Патрикееву, вопрос о еретиках поднимается в Слове ответном против клеветующих истину евангельскую и в Слове о еретиках. В Слове ответном, обосновывая недопустимость смертных казней еретиков, Вассиан ссылается на евангельскую притчу о засеянии плевел: «...яже не попусти слугам владыкы дому оттръгнути превсеаны плевелы лукавым в чистой пшеници, но оставити повеле им до времени жатвы...»⁴⁶. Эта притча цитируется и Словом на Списание, а толкование ее Иоанном Златоустом называется среди святых писаний, противостоящих «Иосифову велению»⁴⁷. Фрагменты толкования притчи есть и в Слове ответном⁴⁸.

В Слове о еретиках, в самом его начале, даны ссылки на Священное писание и предание, которые обосновывают позицию автора по отношению к еретикам: «По Еуангелию от Матфея в 52 зачале, в Никонской книге в 25 слове и в 26-м...»⁴⁹. Зач. 52 Евангелия от Матфея — это притча о засеянии плевел. В 25-м слове Пандектов Никона Черногорца, озаглавленном: «Яко не достоин зло творити или ненавидети какогю-либо человека или нечестива, или еретика...» — находим притчу о засеянии плевел, с которой это слово начинается, и толкование притчи Иоанном Златоустом⁵⁰. Далее здесь же можно увидеть ссылки на ап. Павла: «...и овогда убо глаголет: благоволение убо и моление мое еже к Богу о них есть спасение, овогда же моляхся анафема от Христа быти о них»⁵¹. Ср. в Слове на Списание: «Два краты молихся Богу за братию мою по плоти, иже есть израильты, сиречь жидове, анафема быти от Господа Исуса, сиречь отлучену от Бога»; в Ответе кирилловских

⁴⁴ Там же. Л. 228 об.

⁴⁵ Ср.: Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 251, 252; Слово на Списание. Л. 228 об.—229.

⁴⁶ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 270.

⁴⁷ Слово на Списание. Л. 235 об.

⁴⁸ Там же. Л. 229, 231 об., 235 (нужно отметить, что в публикации «Слова ответна» текст, принадлежащий самому Вассиану, не всегда отделен от приводимых цитат. Напр.:

«Или сие глаголет, яко аще хотите оружия...», со слова «яко» — изречение Иоанна Златоуста. Или: «И паки той же не убо стесняти еретиков...», после слов «той же» начинается цитата); Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 270—271.

⁴⁹ Там же. С. 272.

⁵⁰ Текст Пандектов цит. по рукописи: ГБЛ. Ф. 299. № 466. Л. 284—285.

⁵¹ ГБЛ. Ф. 299. № 466. Л. 286—286 об.

старцев: «Аз бых был анафема от Христа моего, сиречь проклят, токмо братия моя спаслися израильтяне»⁵². Любопытны следующие слова, взятые в Пандекты из Евангелия от Луки, зач. 58, гл. 9: «И ученика бедящем свести огонь, яко же при Илии: Не вести коего духа ести, — рече Христос». Подобное находим в Слове на Списание в виде более полной цитаты из Евангелия⁵³. Интересно, что в конце двух списков Ответа кирилловских старцев также читается этот текст⁵⁴. В 25-м слове Пандектов в ответе на вопрос — «Потребно ли есть бегати еже к иноверным общения?» — читаем: «Лествичниково: Немошнии убо с еретики да не ядят, яко же и в правилех речеса. Силнии же, о Господе, аще от неверных верние зовоме суть и хотяя пойти, да идут во славу Господню»⁵⁵. Сопоставимая цитата есть и в Слове на Списание: «Апостол: Немошнии с еретики не ядят, силни же да на славу Божию сходятся»⁵⁶. Слово 26 Пандектов — «Яко подобает молитися о нечестивых еретикех и еллинех, и о всех грешных, а не кляти их» — могло быть источником нескольких цитат Слова на Списание. Напр.: «Отсюду великий Моиси вопиаше к Богу: аще оставши им грех — остави, аще ли ни — и мене потреби от книги твоеа»⁵⁷. Ср. в Слове на Списание: «Моисей стал к Богу вопреки, глаголя: „Господи, аще до конца погубиши сих, то и мене с ними потреби“»⁵⁸. В Ответе кирилловских старцев: «...Моисей ста вопреки Господеви и рече: „Господи, аще сих погубиши, то мене преже сих“»⁵⁹. И наконец, в Слове на Списание указан еще один довод, который «Иосифову велению сопротивитися», — это «Видение Карпа прозвитера, писано в книге Никоньской в Великой»⁶⁰. В слове 26 Пандектов помещена статья под названием «От мучения святого Дионисия Ареопагита. Повесть чудна, яко не подобает согрешающих кляти, аще и Богу согрешают»⁶¹, которая и представляет собой видение Карпа.

В Слове о еретиках Вассиан приводит примеры гуманного отношения отцов церкви к иноверцам и отпадшим. Сравним их с нашим памятником:

Слово о еретиках

«...яко же Великий Василие прельщеннаго отрока, самовольно отступивша от Бога и предавшеся диаволу писанием, и обличена бывша, и неволею пришедша на покаяние приат. И паки еврейна онаго премудрейшаго в врачех Иосифа, неволею пришедша к крещению приат и сотвори его вместо волка истинное овця Христова стада». В опубл. списке здесь же на полях кинноварью: «И паки Иоанн Златоуст в житие его беснующагося молитвою от недуга исцели, хулящего божество, а не убийством и муками»⁶²

Слово на Списание

«...От жития Василиа Великого: Великий же Василие имея друга у себе в Кесарии еврейна именем Иосифа и часто призываше его и зело любляше его, и едва на своей кончине Богу помогшу приведе его во святое крещение. Такожде и Иоанн Златоуст неко-го друга себе Феодора именем, еретика посланныи и моленьми приведе его ко Христу»⁶³

Налицо обращение к одним и тем же источникам, к житиям Василия Великого и Иоанна Златоуста. Евреин Иосиф упоминается в обоих приведенных текстах.

⁵² Слово на Списание. Л. 228 об.; Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 252.

⁵³ ГБЛ. Ф. 299. № 466. Л. 286 об. — 287; Слово на Списание. Л. 230—230 об.

⁵⁴ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 253; Плигузов А. И. Памятники... Л. 221—222.

⁵⁵ ГБЛ. Ф. 299. № 466. Л. 290.

⁵⁶ Слово на Списание. Л. 229 об.

⁵⁷ ГБЛ. Ф. 299. № 466. Л. 294.

⁵⁸ Слово на Списание. Л. 228.

⁵⁹ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 251.

⁶⁰ Слово на Списание. Л. 235 об.

⁶¹ ГБЛ. Ф. 299. № 466. Л. 304.

⁶² Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 273.

⁶³ Слово на Списание. Л. 231 об.

Слово о еретиках, так же как и Ответ кирилловских старцев, и Слово на Списание, разбирает тезис: «...Едино есть, еже молитвою и оружием убивати супротивляющаяся закону Христову...». Во 2-м изводе Слова о еретиках упоминаются уже знакомые нам Лев Катанский и волхв Лиодор (имя епископа передано как «Леонътей») ⁶⁴.

Таким образом, в сравниваемых сочинениях Вассиана Патрикеева и в Слове на Списание имеется явное сходство в аргументации, видна общая их связь со словами 25 и 26 Пандектов Никона Черногорца.

Прение с Иосифом ⁶⁵ было доселе единственным памятником нестяжательского направления, где Иосиф Волоцкий сравнивается с еретиком Наватом. Слово на Списание также содержит подобное сравнение:

Прение с Иосифом

«...Аще ли святители не начнут им давати покаяние, сих святая писаниа изврещи повелевает и к ереси Наватова, римскаго попа причитает, иже сый поп Нават римский после крещения согрешающему не веляше давати покаяния...» ⁶⁶

Слово на Списание

«...То есть Наватова ересь попа римского. Скажем ея по ряду» ⁶⁷. «...Сиа вся подобна и свята списана Иосифову велению съпротивятся, еже есть наватиянская ересь, рекомо чистаа...» ⁶⁸

Большая по объему выписка в Слове на Списание из Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского (слово 10 «На святое просвещение») подкрепляет эти сравнения авторитетом священного предания ⁶⁹. В Прении с Иосифом его автор указывает также на слова 51 и 52 Пандектов, где упоминается Нават. В слове 52 есть выписка из слова 10 Григория Богослова, и, хотя она меньше по сравнению с соответствующей цитатой Слова на Списание и не имеет толкований Никиты Ираклийского, очевидно, что оба эти сочинения опираются на текст одного и того же автора для обоснования гуманного отношения к еретикам или согрешившим ⁷⁰. Авторы обоих памятников также единодушны в том, что еретиков, казненных несмотря на покаяние, следует считать мучениками:

Прение с Иосифом

«Которым еретикам кающимся, не приемля их покаяния, казнили их, сии суть мученицы, понеже несть грех непрощаем, аще катся...» ⁷¹

Слово на Списание

«...Сии при концы каются и христиане исповедуются, а он не велел дати прощения, ни милости. Иных пожег, а иных велит в темницах поморити. Се же святой Григорие Богослов мучение крещение от Бога вменится еже мучением и кровию, а огонь та же мука» ⁷²

Таким образом, между изучаемым анонимным памятником, сочинениями Вассиана Патрикеева, спорными Ответом кирилловских старцев и Прением с Иосифом, в которых поднимается вопрос о еретиках, прослеживаются сходство в аргументации, общие источники.

⁶⁴ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 274.

⁶⁵ В историографии уверенно приписывалось Вассиану Патрикееву. А. И. Плигузов, датированный этот памятник не ранее 40-х гг. XVI в., полагает, что автор Прения скомпилировал три известных сочинения Вассиана (Собрание некоего старца, Слово ответно и Слово о еретиках) и, возможно, его не дошедшую до нас «Тетрадку 1511—1512 гг.» (Плигузов А. И. Памятники... С. 18).

⁶⁶ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 276.

⁶⁷ Слово на Списание. Л. 232 об.

⁶⁸ Там же. Л. 235 об.

⁶⁹ Там же. Л. 232 об. — 235 об.

⁷⁰ См., напр.: Пандекты по списку ГБЛ. Ф. 304. № 210. Л. 281 об. — 282 об.

⁷¹ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 277—278.

⁷² Слово на Списание. Л. 238.

Стоит несколько подробнее остановиться на источниках Слова на Списание. В сочинениях Вассиана Патрикеева можно встретить ссылки на Евангелие, Апостол, сочинения отцов церкви (теологическая аргументация), исторические примеры судеб древних еретиков (историческая аргументация), ссылки на правила Кормчей и Соборные постановления (каноническая аргументация)⁷³. В Слове на Списание присутствуют первые два вида аргументов. Не следует считать, что большинство из них автор памятника выбрал непосредственно из Евангелия, Апостола и т. д. Основным источником были, видимо, Пандекты Никона Черногорца (слова 25, 26, 39, 51, 52), которые, кстати, особенно почитал Вассиан Патрикеев. Макарий и В. С. Иконников отмечали, что сочинения князя-инока основаны главным образом на Пандектах (они имели в виду Слово ответно и Прение с Иосифом)⁷⁴. Автор Слова на Списание, черпая из Пандектов цитаты, часто после этого обращался и к первоисточникам — новозаветным текстам, словам Григория Богослова. Пандекты, в свою очередь, в вопросе о еретиках во многом основываются на Беседах Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея, которые полностью были переведены Селиваном с греческого на русский в 1523—1524 гг.⁷⁵ Слово на Списание, упоминающее толкование на притчу о насаении плевел, было написано ранее и этим упоминанием обязано все тем же Пандектам. То же можно сказать и о цитировании Иоанна Златоуста Иосифом Волоцким в Слове о наказании еретиков, где он, в частности, писал, что еретики в свою защиту ссылались на этого византийского автора: «...еже глаголет, яко не достоин никого же ненавидети или осужати, ниже невернаго, ниже еретика, и не убо достоин убивати еретика...»⁷⁶; «...Иоанн Златоустый глаголет, еже не достоин убивати еретика, аще быхом убивали еретика, рать несмирна была бы во вселенней»⁷⁷. Именно Иоанн Златоуст уподобил плевелы из евангельской притчи еретикам и призвал терпеливо приводить их к покаянию: «Сие же глаголяще, възбраняя ратем бывати и кровем и закланием, не подобает бо убивати еретика... яко аще хочете двизати оружиа и заклати еретиков, нужа многим от святых съвложится или яко от самех плевел многим лепо приложитися и быти пшеници... не убо дрѣжати еретиков и заущати их, и отсецати их дрѣзновение и соборы и совещания разрушати възбраняет, но убивати и закалати»⁷⁸. Иоанн Златоуст через Пандекты Никона Черногорца дал защитникам еретиков такой аргумент, как пример ап. Павла — гонителя христиан вначале и верного продолжателя нового учения впоследствии. В Беседах на Евангелие от Матфея (на гл. 9 беседа 29: «Яко согрешающих к Богу не подобает с гневом, но с кротостию наказовати») можно найти такое толкование: «И Павел же в кротости повелевает наказати съпротивных. К Христу же внегда приступиша ученици, моляше огонь свести с небесе, зело запрети им, глаголя: „Не весте котораго духа есте вы... Подобает убо с кротостию изимати недуг, иже бо страхом человеческим быв мучим, вскоре возвратиться на лукавство паки“ Сего ради плевелы оставити повеле, даа завещание

⁷³ Казакова Н. А. Очерки... С. 139.

⁷⁴ Макарий. История русской церкви. Спб., 1874. Т. 7. С. 258; Иконников В. С. Максим Грек и его время. Киев, 1915. С. 397.

⁷⁵ Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском

языке // Исследования по русскому языку. Спб., 1895. Т. 1. С. 630.

⁷⁶ АФЕД. С. 488.

⁷⁷ Там же. С. 490; Ср.: Пандекты по списку ГБЛ. Ф. 299. № 466. Л. 285.

⁷⁸ Текст по списку ГБЛ. Ф. 304. № 95. Л. 2 об. — 3.

покаяния, мнози убо от них покашася и быша поспешиви, пръвее суще злии, якоже Павел мытарь разбойник...»⁷⁹ Как уже отмечалось выше, в Слове на Списание используется и историческая аргументация, призванная доказать, что святые отцы всегда терпеливо обращали еретиков к покаянию и, как результат, — еретический плевел превращался в пшеницу. Автор его приводит примеры из житий Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Саввы Пресвященного⁸⁰.

Некоторые цитаты не удалось найти в том виде, какими они предстают в Слове на Списание. Особенно это касается цитат из Нового завета. Так, на л. 231 читаем: «К кориньфиом 2-е: Помните пребывание наше у вас, яко два лета прехых у вас, по вся дни со слезами ухах вас кождо отступити от идольския службы. К Тимофею: Настой, обличи, запрети, а не бий...» В посланиях ап. Павла к коринфянам упоминалось об идолослужении, напр.: Кор. 1, 5: 10, 6: 9; 8, 10: 7, 10: 14; Кор. 11, 6: 14—17, 2: 14—17. Ничего похожего на приведенную цитату там нет, но в Деяниях Апостолов можно найти следующий текст с речью ап. Павла в Милите: «Сего ради бдите, поминающе, яко три лета ноць и день не перестаях уха со слезами единого кождо вас» (Деян., 20: 31). А вот как выглядит соответствующее место из послания к Тимофею: «Настой благовременно и безвременне, обличи, запрети умом со всяким долготерпением и учением...» (Тим. 11, 4: 2). Слов «а не бий», как видим, здесь нет. Автор Слова на Списание пошел на явные передержки, изменяя апостольский текст таким образом, чтобы он сразу получил определенную идеологическую направленность, ведь авторитетом Нового завета как бы освящалась терпеливая проповедь и убеждение как средство борьбы с ересями, осуждались казни еретиков⁸¹. За исключением небольшой фразы, соответствующая цитата полемического Слова не имеет текстуального родства с житием Григория Богослова⁸².

Из приведенных выше сравнений и проверки цитат памятника можно сделать предположение, что его автор часто цитировал по памяти (неправильно указаны источники, допускается смешение в одной выписке фрагментов различных апостольских и евангельских текстов: см. примеч. к публикации № 12, 13, 18, 19, 22—24, 26, 27—29, 34—35). Подбор и использование цитат в тексте показывают, что идейная позиция анонимного автора основывается главным образом на Евангелии и Апостоле, а из сочинений отцов церкви — особенно на Пандектах Никона Черногорца и через них — на Иоанне Златоусте. Обращает на себя внимание и неприятие автором Слова на Списание некоторых за-

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Исследуя списки Собрания некоего старца, А. И. Плигузов установил близость цитируемого в этом сочинении отрывка жития Саввы со списком жития, сделанным Нилом Сорским (ГБЛ. Ф. 304. № 684. См.: Плигузов А. И. Вступление Вассиана... С. 10). Как это видно из публикации И. Помяловского, родственные указанному списку составляют особую редакцию (МДА. № 90. Солов. № 924. Соф. № 1500. См.: Житие Саввы Освященного, составленное св. Кириллом Скифопольским. Спб., 1890. С. IXXVII—CXIX). Характерные признаки этой редакции отразились в цитатах Собрания некоего старца и Слова на Списание (ср.: ГБЛ. Ф. 304. № 684.

Л. 233—233 об.; Слово на Списание. Л. 231 об. — 232 об.).

⁸¹ Слово на Списание. Л. 231 об. Случаи умышленных искажений не были единичны в то время. Судные списки Максима Грека и Исака Собака, Вассиана Патрикеева содержат многочисленные обвинения в адрес Вассиана Патрикеева и его сподвижников в искажении святоотеческой литературы. См., напр.: Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 294, 296; Судные списки Максима Грека и Исака Собака / Подгот. текста и коммент. С. О. Шмидта и Н. Н. Покровского. М., 1971. С. 106, 107.

⁸² Слово на Списание. Л. 231.

конов Ветхого завета: «...аще все законы Ветхаго обычаа Иосиф велит нам держати, то уже яве и обрезание будет»⁸³. Подобные высказывания содержатся в сочинениях Вассиана Патрикеева, который отводил ветхозаветные примеры казней согрешающих на том основании, что Христос дал людям Новый закон любви, милосердия к ближнему⁸⁴. Основываясь на этих заповедях, автор Слова на Списание выражает свое негативное отношение к некоторым сторонам деятельности таких почитаемых православной церковью святых, как пр. Илья и ап. Павел. На мой взгляд, этим он обнаруживает определенный критицизм и смелость в трактовке сюжетов Священного писания (опираясь на соответствующее направление в церковной традиции: псевдо-Иоанн Златоуст, Григорий Цамблак), что заставляет вспомнить того же Вассиана. Как отмечала Н. А. Казакова, этот публицист был далек от слепого принятия канонической литературы⁸⁵. Известны его неортодоксальные воззрения на природу Христа, непризнание им святости новых чудотворцев⁸⁶.

Слово на Списание идейно созвучно сочинениям Вассиана, в которых он касается вопроса о еретиках. Их роднит схожесть аргументации, общие источники, что позволяет выдвинуть предположение о том, что Вассиан Патрикеев и был автором полемического Слова на «Списание Иосифа». Некоторые исследователи уже предполагали, что должно было существовать не дошедшее до нас сочинение опального князя, в котором Иосиф Волоцкий обвинялся бы в наватрианстве⁸⁷. Здесь уместно вспомнить, что литературно-публицистическое наследие борющихся сторон дошло до нас далеко не в полном объеме. Полемические и обличительные сочинения победивших сторон сохранялись значительно полнее, чем произведения их потерпевших поражение противников, которые не включались в рукописную традицию⁸⁸. А. И. Плигузов считает, что к концу 20-х гг. XVI в. переписка и хранение вассиановских трактатов становится отчаянно смелым предприятием⁸⁹.

Когда же могло быть написано Слово на «Списание Иосифа»? В послании волоцкого игумена Василию Андреевичу Челяднину говорится: «Сказывал ми Тихан Возворыкин, что князь Васьян составляет писание, а пишет в нем, что Иосиф подобен Навату»⁹⁰. Есть все основания полагать, что полемическое Слово на Списание и является этим сочинением.

А. И. Плигузов совершенно справедливо считает, что Послание Челяднину не могло быть написано в 1511 г.: в нем упоминаются митрополит Варлаам, возведенный на митрополичий двор 27 июля (и хиротонисанный 3 авг.) 1511 г.,⁹¹ и Пятидесятница, приходившаяся в 1511 г. на период с 20 апр. по 8 июня. По его предположению, датировать послание следует не ранее второй-третьей недели июня 1512 г.

⁸³ Слово на Списание. Л. 228—228 об.

⁸⁴ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 274, 277.

⁸⁵ Там же. С. 96.

⁸⁶ Там же. С. 96—100, 285—298; Судные списки... С. 113.

⁸⁷ Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 73; Зимин А. А. Источниковедческие проблемы... С. 87—103.

⁸⁸ Синицына Н. В. Полемика в русской общественной мысли периода образования и укрепления русского централизованного госу-

дарства (конец XV — середина XVI веков) // Русское централизованное государство. Образование и эволюция. XV—XVIII века: Чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. Тез. докл. и сообщ. М., 1980. С. 56.

⁸⁹ Плигузов А. И. Памятники... Л. 38.

⁹⁰ Послания Иосифа Волоцкого. С. 227—228. Н. А. Казакова считает, что в Посланиях идет речь о Пренни с Иосифом (Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 153).

⁹¹ Плигузов А. И. Памятники... Л. 52—57.

(Пятидесятница 11 апр. — 30 мая); лишь после Пятидесятницы Иосиф узнал от Тихона Зворыкина, что Вассиан составляет «писания»⁹². При всей предпочтительности датировки послания 1512 г., в его тексте все же нет прямых или косвенных на то указаний. Поэтому следует остановиться на датировке нач. лета 1512—1514 г.⁹³ Примерно этим же периодом с небольшой поправкой (весна — начало лета) можно датировать первое известное Иосифу сочинение Вассиана. Вряд ли обвинения волоцкого игумена в наватрианстве были им не замечены. Даже несмотря на запрет выступать против Вассиана, он пытается постоять за себя: «...нам божественная писания повелевают тръпети всяка укоризна, аще... кто назовет еретиком или отступником, ино о том не велено молчати»⁹⁴.

В Слове на Списание митрополит упоминается дважды. Первый раз в форме прямого обращения к нему: «Да смотри же себе и отец митрополит...» Несколько ниже о нем уже говорится в третьем лице: «...так и Иосиф со своими епископы златом и пиры митрополита превели на свою волю»⁹⁵. Почему же Вассиан Патрикеев, как бы призывая митрополита обратить внимание на то, каким способом Иосиф добывает власть и как непотребно живет, тут же отзывается о главе московской митрополии как о подкупленном игуменом Пречистой лице? Неужели в тексте памятника содержится противоречие? Однако его не будет, если предположить, что в первом случае автор обращается к митрополиту Варлааму, как известно, покровителю Вассиана и заволжских старцев. А во втором имеется в виду митрополит Симон, при котором Иосиф действительно пользовался большим влиянием.

А. И. Плигузов, основываясь на текстах Послания к Челяднину и Прения с Иосифом, полагает, что Вассиан Патрикеев впервые вступил в письменную полемику с Иосифом Волоцким в период с июня 1511 по июнь 1512 г. Исследователь предложил опыт реконструкции первого сочинения Вассиана, названного условно «Тетрадка 1511—1512 гг.»⁹⁶. В содержании Тетрадки отмечаются два момента: волоцкий игумен в ней уподоблен еретик Навату; волоколамские монахи обвиняются в преступлении заповедей. Полемика, которой посвящена Тетрадка, идет по направлениям запрета на совместное проживание волоколамских и кирилло-белозерских постриженников; спора о содержании иноческого «обещания»; о монашестве; вопроса о прощении кающихся еретиков⁹⁷. Имея перед собой текст, отождествляемый с сочинением Вассиана, о котором говорилось в Послании к Челяднину,

⁹² Плигузов А. И. Памятники... Л. 53; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 132; ПСРЛ. Т. 4. Вып. 2, ч. 1. Л., 1925. С. 470; Там же. Вып. 3, ч. 1. Л., 1929. С. 538 (указан просто год и неправильно—7020 г.: 1 сент. 1511—1 сент. 1512); ПСРЛ. Т. 8. С. 252 (просто «июля»). Некоторые списки летописей указывают на 27 июня вместо 27 июля в неделю (ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 346; Список «А» Вологодско-Пермской летописи // ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 302). Но воскресенье в 1511 г. приходилось именно на 27 июля (ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 252; ПСРЛ. Т. 26. С. 302).

⁹³ Плигузов А. И. Памятники... Л. 43; Послания Иосифа Волоцкого. С. 227. Вряд ли Послание могло быть написано в 1515 г.,

поскольку в апреле этого года (вероятно, на пасху — 8 апр.) Василий III впервые посетил Волок (ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856. С. 256). Чтобы пожаловаться великому князю, не нужно было обращаться к посредничеству Челяднина (Послания Иосифа Волоцкого. С. 227).

⁹⁴ Послания Иосифа Волоцкого. С. 227.

⁹⁵ Слово на Списание. Л. 236, 236 об.

⁹⁶ Плигузов А. И. Памятники... С. 10. Автор публикации допускает, что Слово на Списание действительно могло быть написано в 1511 г., но распространять его стали наверняка незадолго до того, как Иосиф впервые узнал о нем: достаточно хорошо известно о связях волоцкого игумена в столице.

⁹⁷ Плигузов А. И. Памятники... Л. 56.

мы видим, что речь в нем идет в основном о еретиках. Что касается обвинений Иосифовых монахов в преступлении заповедей, то содержание Послания самого Иосифа не говорит, что подобные имелись в сочинении Вассиана. Фраза — «...Мене называет да и всех моих постриженников отступники Божиими, а в писании своем пишет, что яз подобен Навату еретик...» — как раз и отделяет сказанное устно (Изо-симе Ростопчину) от написанного в сочинении, которое Иосиф держал в своих руках. Другая фраза — «...а зовет всех преступники...» — передает слова Вассиана, известные Иосифу Санину по слухам: «А ведомо, господине, многим людям добрым, что весь святительский чин и иночский чин, архимандриты и игумены похулил, а зовет всех преступники, а на них, деи, смотрят вси люди развращаются, а иные въ ересь впадают, паче же от Осифа развращаются»⁹⁸. Слухи, дошедшие до Иосифа, вероятно, имели под собой основу. Вассиан мог обвинять монашество в преступлении заповедей, но в сочинении, направленном против волоцкого игумена и его друзей, эта тема не нашла еще должного отражения. Тут можно лишь пытаться проводить осторожные параллели со Словом на Списание: «Весь святительский чин и иночский чин... похулил» (имеется в виду игумен Иосиф с своими епископами и подчиненный им митрополит?): «А зовет всех преступники» (преступление «заповедей божьих»); «Не требе им держатис (я) по писанию жити»⁹⁹ (по Евангелию, Апостолу, преданиям святых отцов); нарушение монашеского обещания отречься от мира: «Не токмо яко мирстии человецы живут, но и грешн того»¹⁰⁰, «златом и пиры», «ешь душе, пей, веселися, имаши стяжания многы?»¹⁰¹. Это зачатки той собственно нестяжательской критики черного духовенства, которая столь ярко проявилась в последующих сочинениях Вассиана Патрикеева.

И наконец, еще один предполагаемый пункт, по которому должна была разворачиваться полемика в Тетрадке 1511—1512 гг.: запрет на совместное проживание волоколамских и кирилло-белозерских постриженников¹⁰².

Прежде всего нужно отметить, что в единственном надежном для этого случая источнике (Послании к Челяднину) ничего подобного нет. Весьма вероятные попытки Иосифа вернуть на Волок своих постриженников Нила Полева и Дионисия Звенигородского вполне оправданы, поскольку эти монахи содержались в Кириллове заточенными, «в велицей нужи многи скорби претерпеша»¹⁰³. Но эти возможные действия Иосифа Санина вряд ли можно рассматривать как проявление усилий по запрещению совместного проживания иосифлян и кирилло-белозерцев. Письмо о нелюбках свидетельствует, что причиной заточения постриженников стало то, что Дионисий обнаружил ересь у белозерских пустынников¹⁰⁴. Именно с этой загадочной ересью связывает А. И. Плигузов возникновение полемики между Вассианом Патрикеевым и Иосифом Волоцким — полемики о судьбах новоявленных кирилло-белозерских еретиков 1510—1511 гг.¹⁰⁵. Но в посланиях волоцкого игумена к Челяднину и Василию III (о еретиках) не говорится о разгромах новой ереси. В Послании к Челяднину Иосиф ссылается на свои заслуги в борьбе с новгородскими еретиками, упоминает об их каз-

⁹⁸ Послания Иосифа Волоцкого. С. 228.

⁹⁹ Слово на Списание. Л. 236 об.

¹⁰⁰ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 278.

¹⁰¹ Слово на Списание. Л. 236 об.

¹⁰² Плигузов А. И. Памятники... Л. 56.

¹⁰³ Послания Иосифа Волоцкого. С. 368.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Плигузов А. И. Памятники... С. 10; Он же. Вступление Вассиана... С. 48.

нях¹⁰⁶. В Послании Василию III он призывает великого князя разгромить новую ересь. Из его слов можно понять, что казни были всего один раз: «Ты сотворил еси з боговенчаным... своим отцем с великим князем Иваном Васильевичем... Да ныне аще ты, государь... не подвигнешися о сих... как в первом обыску все ты, государь, обыскал и управил»¹⁰⁷. Письмо о нелюбках определенно говорит не о разгроме новой ереси, а о том, что попытки выявить еретиков среди белозерских пустынников были расценены великим князем как проявление «нелюбки» между иосифлянами и кирилло-белозерцами. С какими же тогда еретиками Вассиан «встал» на Иосифа? О каких еретиках шла полемика в перв. пол. 10-х гг. XVI в.?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно разобрать крайне скупые, без точных указаний на хронологию, сообщения источников (в основном тенденциозных и поздних). Сторонникам крутых мер по отношению к еретикам нелегко далось согласие вел. кн. Ивана Васильевича на казни. Он долго колебался, «нет ли греха еретиков казнити». Иосиф Волоцкий свидетельствовал, что «Государь наш князь великий блюдетя греха казнити еретиков»¹⁰⁸ и что часть осужденных на смерть начала каяться, «устрашишася мук... страха ради, а не истинно»¹⁰⁹. Несмотря на это, многие еретики были преданы смерти, другие же подвергнуты торговой казни и брошены в темницы¹¹⁰. Некоторые из еретиков были разосланы по монастырям, что уже само по себе вызвало бурную реакцию Иосифа, в чей монастырь прислали Семена Кленова, вместо того чтобы заточить его в темнице¹¹¹. У тех, кто покаялся, нашлись заступники. В слове 16 «Просветителя» находим, что Иосиф замечает с укоризной: «...ныне, егда осудиша их [еретиков. — Ю. А.] на смерть, то христиане православнии скорбят и тужат и помощи руку подавают, и глаголют, яко подобает сих сподобити милости»¹¹². Послание о соблюдении соборного приговора упоминает о тех, кто выступал против казней московско-новгородских еретиков, основываясь на толкованиях Евангелия от Иоанна и Лествице Иоанна Лествичника¹¹³. Кто же встал на защиту еретиков?

Житие Иосифа Волоцкого, написанное Саввой Черным, сообщает, что кающиеся еретики «...коварством подходят князей и бояр и старцев честных... неции же от епископ подвигошася печаловати о лестном их покаянии»¹¹⁴. Вообще, в этом источнике хронология интересующего нас вопроса не ясна. Рассказ о борьбе Иосифа с защитниками кающихся еретиков помещен перед описанием событий, связанных с делом архиеп. Серапиона. Представляется, что Савва, написавший свое сочинение значительно позже смерти Иосифа, закономерно поместил воспоминания о полемике по поводу судьбы кающихся еретиков непосредственно после казней 1504—1505 гг. Тем самым он объединил выступления в защиту еретиков, имевшие место вскоре после собора 1504 г., и более позднюю полемику по этому же вопросу. Письмо о нелюбках связывает покаяние новгородских еретиков с выступлениями в их защиту Вассиана после смерти Нила Сорского (1508)¹¹⁵. Князь-инок печаловался за еретиков великому князю, «а с ним и от владык и от

¹⁰⁶ Послания Иосифа Волоцкого. С. 228.

¹⁰⁷ Там же. С. 230—231.

¹⁰⁸ Там же. С. 177.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ ПСРЛ. Т. 6. С. 244; Там же. Т. 28. С.

337.

¹¹¹ Послания Иосифа Волоцкого. С. 179.

¹¹² Просветитель. Казань, 1904. С. 533.

¹¹³ АФЕД. С. 508.

¹¹⁴ ВМЧ. Сент., дни 1—15. Стб. 474.

¹¹⁵ Послания Иосифа Волоцкого. С. 367.

старцов начаша печаловатися»¹¹⁶. Сообщение в Письме о нелюбках о выступлении части епископата в защиту кающихся еретиков следует сопоставить с подобным известием жития Иосифа: «...нецыи же от епископ подвигошяся печаловати о лестном их покаянии...»¹¹⁷. Если речь в обоих памятниках идет об одних и тех же событиях, то датировать их можно временем после 1508 г. К 1511 г. в темницах должны еще были находиться заточенные еретики. Архиеп. Серапион писал в послании к митрополиту Симону: «...в тех его лжах злых мнози от государя в темницах заключены, во мнозех муках продолжали, у многих имене восхищена...»¹¹⁸.

Со сменой митрополита в 1511 г., думается, можно связать новую волну покаяний заточенных еретиков. Этому способствовала кампания в их защиту, развернутая заволжскими старцами во главе с Вассианом, осуждавшими казни новгородско-московских еретиков. Очевидно, тогда оживленно дебатировался вопрос о прощении кающихся еретиков. О необходимости держать их в темницах писал Иосиф в послании к великому князю о еретиках (1510—1511 гг.)¹¹⁹. В этом же послании он призывает Василия III к искоренению новой ереси. Не лишенным оснований выглядит предположение Я. С. Лурье, считающего, что указанное послание связано с известиями об обнаружении Нилом Полевым и Дионисием Звенигородским ереси у белозерских пустынников¹²⁰. Возможно, что с этими событиями связано и сообщение Феодосия Иконника Иосифу Волоцкому о новых проявлениях ереси (один прощенный еретик, поставленный в попы, отслужив литургию, дома плеснул в печь из потира)¹²¹. Иосиф и его сторонники, пытаясь решить в свою пользу вопрос о кающихся еретиках, могли преследовать следующие цели: во-первых, доказать недействительность и неискренность покаяний заточенных, во-вторых, попытаться скомпрометировать их защитников, а заодно припугнуть великого князя и церковных иерархов призраком новой ереси. Отсюда явно инспирированные «находки» Феодосия Иконника, Нила и Дионисия, отсюда тревожный набат Иосифовых посланий Василию III. Эти акции были направлены и непосредственно против Вассиана Патрикеева, получившего прямой доступ к великому князю и в митрополичьи покои Варлаама. Узнав от Иосифа о появлении ереси у заволжских старцев, великий князь якобы спросил у Вассиана: «Добро ли чинят твои пустынники?»¹²² Но позиции фаворита оказались настолько прочными, что доносчики сами угодили в заточение в Кирилло-Белозерский монастырь. Характерна фраза Василия III, донесенная до нас источником: «Сами деи меж себя бранятца, а меня греха доставили»¹²³.

Если мы знаем, что Вассиан выиграл дело о «новой ереси» (которой, видимо, и не было), то о судьбе заточенных новгородско-московских еретиков можно только догадываться. Письмо о нелюбках и житие Саввы Черного говорят о том, что великий князь велел держать их в темницах «неисходны»¹²⁴. Возможно, что у Вассиана не хватило сил добиться нужного ему решения вопроса. Среди церковных иерархов он мог рассчитывать на поддержку митрополита, а основные перестанов-

¹¹⁶ Послания Иосифа Волоцкого. С. 367.

¹¹⁷ ВМЧ. Сент., дни 1—15. Стб. 474.

¹¹⁸ Послания Иосифа Волоцкого. С. 331.

¹¹⁹ Там же. С. 281.

¹²⁰ Послания Иосифа Волоцкого. С. 281.

¹²¹ ВМЧ. Сент., дни 1—15. Стб. 474; Волоколамский Патерик. С. 180.

¹²² Послания Иосифа Волоцкого. С. 368.

¹²³ Там же.

¹²⁴ ВМЧ. Сент., дни 1—15. Стб. 475; Послания Иосифа Волоцкого. С. 367.

ки среди епископата, как было отмечено выше, произошли несколько позднее. Великого князя, несшего вместе с Иосифом «грех» за казни еретиков, видимо, устраивало такое половинчатое решение. Нерешенность вопроса о еретиках, а также тактические соображения (Я. С. Лурье отмечает, что «...напомнить „ябеднику“ Иосифу и его ученикам их роль в организации массовых репрессий против еретиков было вполне естественно для любого оппонента...»¹²⁵) подстегивали дальнейшую полемику. Оба указанных выше иосифлянских источника зафиксировали, что владыки и старцы, защищавшие еретиков, «...начаша Иосифа многими хулами и поношенми укаряя, глаголаше, еже нелеть писанию предати»¹²⁶. Вассиан сам обвиняет Иосифа в ереси Навата и пишет полемическое слово, где развивает эту тему. В Послании Челяднину говорится также о рассылке князем-иноком посланий (списки их пока не обнаружены)¹²⁷. Объявление иосифлян еретиками и отступниками вело к их изоляции. Настоящему православному христианину подобало «бегати» от еретиков. Сам Патрикеев заявлял: «...На них... смотря вси люди развращаются, а иные въ ересь впадают, паче же от Осифа развращаются»¹²⁸, «...подобает христианом их еже не общатися с ними, имети их тако, яковы же суть»¹²⁹. Здесь можно вспомнить, что подобные настроения в определенных общественных кругах по отношению к иосифлянам получили распространение с того момента, когда архиеп. Новгородский Серапион отлучил Иосифа Волоцкого от церкви (1509).

В историографии существует мнение, что и вопрос о еретиках был снова поднят (после 1504—1505 гг.) в связи с делом опального новгородского архиепископа¹³⁰. В числе последствий этого дела было падение авторитета покровителей волоцкого игумена — митрополита Симона и архиеп. Ростовского Вассиана — брата Иосифа Волоцкого. («Архиепископ, деи, Серапион не благословил Симана митрополита, и он того ради не служит... архиепископа, деи, Ростовского Васияна Новгородской архиепископ Серапион не благословил, и он того ради не служит»¹³¹.) Иосиф именно в ту пору стал подвергаться многочисленным нападкам, в том числе и за жестокие меры наказания к «согрешающим». Отголоски этой полемики мы можем найти в Ответе неизвестного на послание Иосифа Волоцкого И. И. Третьякову¹³², в посланиях Нила Полева заволжскому старцу Герману Подольному¹³³. А. А. Зимин, опубликовавший Ответ неизвестного полностью, выдвинул гипотезу о его принадлежности перу Вассиана Патрикеева¹³⁴. Построения ученого были подробно рассмотрены и отвергнуты Н. А. Казаковой¹³⁵. Убедительность гипотезы А. А. Зимина подверг сомнению и Я. С. Лурье, считающий, что приведенных доказательств еще недостаточно для сколько-нибудь определенной атрибуции памятника. Исследователь полагает, что, хотя прямых данных об участии Вассиана в полемике по

¹²⁵ Лурье Я. С. Идеологическая борьба... С. 448.

¹²⁶ ВМЧ. Сент., дни 1—15. Стб. 474; Ср.: Послания Иосифа Волоцкого. С. 367.

¹²⁷ Послания Иосифа Волоцкого. С. 228.

¹²⁸ Послания Иосифа Волоцкого. С. 228.

¹²⁹ Слово на Списание. Л. 236.

¹³⁰ Лурье Я. С. Идеологическая борьба... С. 434, 447—448; Он же. [Рецензия] // История СССР. 1972. № 4. С. 166—167. Рец. на кн.: Казакова Н. А. Очерки...

¹³¹ Послания Иосифа Волоцкого. С. 207.

¹³² Там же. С. 356—361.

¹³³ Жмакин В. Нил Полев // Журн. М-ва нар. просвещения (ЖМНП). 1881. № 8. С. 194.

¹³⁴ Послания Иосифа Волоцкого. С. 272—276; Зимин А. А. Россия на пороге... С. 127—130; Он же. Крупная феодальная вотчина... С. 251—254.

¹³⁵ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 173—175.

делу Серапиона нет, косвенное участие князя-инока в событиях представляется весьма вероятным¹³⁶. Л. Е. Морозова, используя количественные методы анализа стиля Ответа неизвестного, также отводит авторство Вассиана и приписывает Ответ заволжскому старцу Герману Подольному¹³⁷.

Для нас интересно сопоставить Слово на Списание и Ответ неизвестного в той его части, где речь идет о наказании согрешающих. Можно увидеть, что в обоих памятниках существуют общие цитаты-аргументы. Это уже знакомая нам выписка из гл. 9 Евангелия от Луки, начинающаяся словами: «И той утверди лице свое ити во Иерусалим...»¹³⁸. Сразу вслед за этой цитатой — другая:

Ответ неизвестного

«...И во Ивановне благовествовании изъявляет: „Возложише руке на Иисуса и яша его“. Симан же Петр, имый нож, и извлече его и удари архиереова раба и уреза ему ухо десное, бе же имя рабу Малх. Рече Исус Петрови: „Возврати нож свой в место его, вси бо приемше нож, ножем погибнут“»

Слово на Списание

«И во время Христовы муки иудей же возложиша руке на Иисуса. Петр же извлеч нож и удари архиереова раба и уреза ему ухо. Исус же обращся, запрети Петрови и рече: „Вложи нож в место его, всяк приемый нож ножем погибнет“»¹³⁹

В последнем случае авторы двух памятников не просто цитируют евангельский текст. Это соединение чтений двух Евангелий: Мф. зач. 108, Ин. зач. 58. В Евангелии от Иоанна нет слов: «Возложише руке на Иисуса... возврати нож свой в место его, вси бо приемше нож, ножем погибнут». Это чтение есть в Евангелии от Матфея. Апостол же называется по имени Симон-Петр только в Евангелии от Иоанна:

Мф. зач. 108

«...То приступльше возложиша руке на Иисуса и яша ею. И се един от сухих со Иисусом простер руку, извлече нож свой и удари раба архиереова и уреза ему ухо. Тогда глагола ему Исус: „Возврати нож твой в место его, вси бо приемшии нож ножем погибнут“»

Ин. зач. 58

«Симон же Петр, имый нож, извлече его и удари архиереова раба и уреза ему ухо десное, бе же имя рабу Малх. Рече убо Исус Петрови: „Вонзи нож в ножницу, чашу юже даде мне отец, не имам пити ея“»

Сопоставим также следующие тексты:

Ответ неизвестного

«...И инде пишет: не приидо призвати праведных, но грешных на покаяние. И не требуют здравие врача, но болящий...»¹⁴⁰ «Тогда приступи к нему Петр, рече: „Господи, коль краты аще согрешит в мя брат мой и отпущу ему до седмь крат ли?“ Глаголя ему Исус: „Не глаголю тебе до седмь крат, но седмь десят крат седмерицею, 990...“»¹⁴²

Слово на Списание

«Евангелие. Яко не требуют здравия врача, но болящий, яко не приидо призвати праведники на покаяние, но грешных»¹⁴¹. «...Не праведники пришедшу призвати, но грешных на покаяние. Милости хошу паче, а не жрѣтвы. 70 седмицею оставляющу прегрешения...»¹⁴³

¹³⁶ Лурье Я. С. Идеологическая борьба... С. 434—436, 442—443. А. И. Плигузов в гл. 26 вассиановской Кормчей находит следы пристального внимания Вассиана к обстоятельствам ссоры Серапиона и Иосифа (Плигузов А. И. Противостояние... С. 31—32).

¹³⁷ Морозова Л. Е. Количественные методы и вопрос об авторстве Ответа на послание Иосифа Волоцкого И. И. Третьякову // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982. С. 5—14.

¹³⁸ Послания Иосифа Волоцкого. С. 356—357; Слово на Списание. Л. 230; Список Ответа кирилловских старцев ГПБ. Собр. Вяземского. О. XXIV; Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 253.

¹³⁹ Послания Иосифа Волоцкого. С. 357; Слово на Списание. Л. 229 об. — 230.

¹⁴⁰ Послания Иосифа Волоцкого. С. 358.

¹⁴¹ Слово на Списание. Л. 229—229 об.

¹⁴² Послания Иосифа Волоцкого. С. 358.

¹⁴³ Слово на Списание. Л. 233 об.

Нельзя не заметить, что аргументация Ответа неизвестного в той его части, где речь идет о преследованиях и казнях согрешающих или «насилующих на святые божии церкви», имеет аналогии и прямые совпадения с аргументацией против смертных казней еретиков в Слове на Списание. Еретики еще прямо не называются, но основные положения полемики с Иосифом уже нащупываются: новозаветная заповедь любви к ближнему; не смертные казни, а приведение согрешающих к покаянию; несовместимость духовного сана с жестокостью в отношении грешника или еретика, с участием в казнях («Яко кровь погибшаго от руки пастыря взыщу»¹⁴⁴; «...каково то будет служение с кровью смешено? Таково ли то добрый пастырь, и таково ли то полагает душу свою за овца, что... муками испытати и безсестноу смертию уморити, и в темницу затворити»¹⁴⁵. Ср. в Слове о еретиках: «Аще который пастырь единою ударит верна или неверна съгрешающе да извержется сана своего»¹⁴⁶).

Авторы обоих памятников вплели обвинения иосифлян в стяжательстве и нарушении иноческого образа жизни в евангельские слова, которые Нил Сорский в седьмой главе своего устава призывал никогда не забывать¹⁴⁷.

Слово на Списание

«...да к тому уже не тебе им держатися по писанию жити, но яж [ь] душе, пей, веселися, имаши стяжания многи и друзи многи и силнии. Но кто весть, егда в ночь истязуют душу неприготовлену»¹⁴⁸

Ответ неизвестного

«В коих, господине, книгах написано, что всякому велено расточити, а вам со всего света собирать и меньшее разорити, и большее созидати и готовити на многие лета, и с похвалами ясти и пити, и веселитися? И о сем не сам ли Господь учит нас: „Безумне, в сию ноц истязуют аггели мои душу твою от тебя, а яже уготова, кому будет?“»¹⁴⁹

Если прав А. А. Зимин, который датирует Ответ неизвестного дек. 1510 — апр. 1511 г.¹⁵⁰, тогда можно предположить, что отмеченные выше совпадения являются результатом заимствований автора Слова на Списание. В этом случае у нас из текста Ответа неизвестного появляется новый материал для развития гипотезы А. А. Зимина о принадлежности Ответа неизвестного перу Вассиана Патрикеева. Это подтверждает связь полемики в защиту еретиков в сочинениях Вассиана и нападков на Иосифа в связи с делом Серапиона.

Вполне естественно, что стойкость Серапиона, лишенного сана и отправленного в заточение, давала современникам повод для сравнения его судьбы с судьбой Иоанна Златоуста. Враг Иосифа Волоцкого — Серапион становился естественным союзником Вассиана Патрикеева. Падение митрополита Симона и потеря Иосифом влияния при дворе — события, связанные с приходом митрополита Варлаама, возвышением Вассиана Патрикеева, примирением великого князя с Серапионом. (Кроме того, среди причин охлаждения Василия III к Иосифу исследователи видят реальные политические интересы и противоречия: связи Иосифо-Волоколамского монастыря с удельными братьями велико-

¹⁴⁴ Послания Иосифа Волоцкого. С. 356.

¹⁴⁵ Там же. С. 359.

¹⁴⁶ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 274.

¹⁴⁷ Архангельский А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, их литературные труды и

идеи в Древней Руси. Ч. I. Спб., 1882. С. 114.

¹⁴⁸ Слово на Списание. Л. 236 об.

¹⁴⁹ Послания Иосифа Волоцкого. С. 352—353.

¹⁵⁰ Там же. С. 268.

го князя Юрием и Семеном¹⁵¹.) Не случайно адресат одного из посланий Иосифа — В. А. Челяднин, у которого волоцкий игумен искал заступничества от Вассиана Патрикеева, назван Новгородской II летописью вместе со своим братом И. А. Челяднинным в числе врагов опального архиепископа¹⁵². Феодосий-иконник, помогавший Иосифу «на еретики», держит его сторону и в деле Серапиона. Заволжский старец Герман, выступая против казней еретиков, считает, что Иосиф и его постриженники отлучены от церкви Серапионом¹⁵³. Раскол в обществе из-за дела Серапиона, вероятно, резко обозначил противоречия между отдельными слоями класса феодалов, церковью и светской властью, внутри самой церковной иерархии. События, связанные с делом Серапиона, нашли широкий отклик у многих, начиная от великокняжеского боярина и кончая старцем-отшельником в далеком заволжском скиту.

В заключительной части полемиического Слова коротко рассказывается о конфликте Иоанна Златоуста и александрийского патриарха Феофила, которому путем подкупа удалось не только избежать опалы за происки против Иоанна Златоуста, но и вторично лишить константинопольского патриарха его сана. «Тако и Иосиф, — заключает Вассиан Патрикеев, — со своими епископами златом и пиры митрополита превели на свою волю». Если этот сюжет показался автору удобным для проведения параллели между Феофилом и Иосифом, то с кем из лиц, враждебных Иосифу Волоцкому, можно тогда сравнить Иоанна Златоуста? В Слове на Списание содержится какой-то намек на дело Серапиона. В Послании Иосифа Волоцкого В. В. Кутузову говорилось, что кн. Федор Борисович Волоцкий и его люди называли Серапиона вторым Златоустом. В Ответе неизвестного Серапион сравнивается с Иоанном Златоустом как поборник справедливости, который «за правое дело нигде никоторому властелину, ни царю, ни князю не повиновался»¹⁵⁴.

Слово на Списание отражает один из ранних этапов развития взглядов Вассиана Патрикеева и его окружения на вопрос о еретиках. Но идейно-политические воззрения публициста еще не облеклись в четкие формы.

Не вызывает сомнения в целом готовность Вассиана бороться с ересями. Весь вопрос — какими способами? Заостренное на полемику с Иосифом Волоцким, Слово на Списание много внимания уделяет доказательству недопустимости смертных казней. В противовес выдвигается альтернативное решение — настойчивое и терпеливое разъяснение и убеждение. Такой метод возвращает церкви ее «заблудших овец» после покаяния. Такие еретики прощаются, или, по крайней мере, им сохраняется жизнь. Резко осуждается смертная казнь или заточение покаявшегося еретика, который в таком случае считается мучеником. Однако в Слове на Списание Вассиан не оговаривает, какие же все-таки карательные меры должны применяться к упорствующим в своей ереси. Из искаженной цитаты из апостольского послания, которую можно считать принадлежащей самому Вассиану, видно, что предполагались некоторые дисциплинарные меры: «Настой, обличи, запрети, а не бий»¹⁵⁵. Значение слова «бий» в контексте самого памятника, видимо, следует понимать как смертные казни. Более поздние Слово ответ-

¹⁵¹ Тихомиров М. Н. Российское государство в XV—XVII веках. М., 1973. С. 157—169; Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина... С. 91—93.

¹⁵² ПСРЛ. Т. 30. С. 176, 201.

¹⁵³ Жмакич В. Нил Полев... С. 189.

¹⁵⁴ Послания Иосифа Волоцкого. С. 344, 350.

¹⁵⁵ Слово на Списание. Л. 231 об.

но, а также Ответ кирилловских старцев — памятник, вероятно, вышедший из кругов, близких Вассиану, — подтверждают такое понимание позиции князя-инока в вопросе о наказании еретиков. Она выражена четко: кающихся прощать и принимать на покаяние, некающихся заточать, смертные казни еретиков недопустимы: «...казниться им, а не во главу... не убивати еретиков глаголем, но или в темници затворити их, или в заточение отсылати»¹⁵⁶. Принципиально иной подход к вопросу о смертных казнях еретиков имеют Слово о еретиках и Прение с Иосифом. Здесь уже допускаются, кроме заточения непокаяющихся еретиков, «казни насилующих на церкви божиа и на христиане...»¹⁵⁷ (это оговаривается как прерогатива светских властей). Если в Слове ответном Вассиан вопрошал: «Рците нам котораго от древних еретиков или мечем убиша, или огню предаша, или в глубину утопаша...», утверждая, что «христоролюбивии царие, священным отцем съглашающе, в заточение их отсылаху...»¹⁵⁸, — то в Слове о еретиках он уже по-иному отвечает на свой риторический вопрос, называя случаи казней еретиков «...великим царем Константином... и царем вавилонским Маввиною...»¹⁵⁹. Наряду с этим сохраняется положение более ранних сочинений Вассиана Патрикеева о приеме на покаяние еретиков, вносятся уточнения о том, что должны прощаться все кающиеся еретики, независимо от того, делают они это «волею или неволею». Митрополиты, епископы, архимандриты и игумены должны стремиться к обращению еретиков. Извержением из сана грозят Вассиан церковным пастырям, не обращающим еретиков «...леностью, нерадением, грубостью, или по коему любоковарству...», а также тем из них, кто «...ударит верна или неверна съгрешающе...»¹⁶⁰.

Итак, если в отношении к проблеме монастырского землевладения Вассиан проделал путь от сравнительно ортодоксальных взглядов его учителя Нила Сорского ко все более радикальной программе¹⁶¹, то его позиция в вопросе о наказаниях еретиков менялась в обратном направлении: от неприятия казней любого еретика или согрешающего к признанию их допустимости (хотя Вассиан до конца осуждал участие «церковных пастырей» в экзекуциях еретиков). Вассиан не нашел убедительных канонических доводов против владения монастырей селами¹⁶². Работа над Кормчей и изучение истории борьбы с ересями отцов восточной православной церкви и византийских императоров также не дали ему убедительных аргументов в защиту тезиса о недопустимости казней еретиков. Скорее наоборот, они в какой-то мере способствовали сближению с позицией иосифлян. Нужно было и оправдать вел. кн. Василья III, в свое время казнившего еретиков. Слово о еретиках позволяет сделать не только это, но и одновременно держать под обстрелом ту часть духовенства, которая «нерадением, или грубостью, или по кое-

¹⁵⁶ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 251, 270—271.

¹⁵⁷ Там же. С. 272, 276—277. В связи с этим очень показательна ссылка Вассиана Патрикеева в Слове о еретиках (наряду с зач. 52 Евангелия и словами 25 и 26 Пандектов Никона Черногорца) на 324 зач. Апостола (Послание ап. Павла к евреям). В нем мы находим уже знакомые по слову 13 «Просветителя» Иосифа Волоцкого слова: «Отверглся кто закона Моисеева без милосердия при

двоих или трех свидетелех, умирает. Колико мните горшия сподобится муки, иже сына божиа поправый...»

¹⁵⁸ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 270—271.

¹⁵⁹ Там же. С. 273.

¹⁶⁰ Там же. С. 273—274.

¹⁶¹ Плигузов А. И. Памятники... С. 20.

¹⁶² Плигузов А. И. Вступление Вассиана... С. 30, 31.

му любоковарству» не способствует принятию в лоно церкви новообращенных.

Слово о еретиках появилось в новой политической обстановке (А. И. Плигузов датирует его тушинский извод 1523—1526 гг.¹⁶³). Вместо покровителя заволжцев Варлаама митрополичий престол занял иосифлянин Даниил, были согнаны и заменены сторонниками нового митрополита многие епископы¹⁶⁴. В 1525 г. состоялся суд над соратником Вассиана — Максимом Греком, который, кстати, не разделял воззрений великокняжеского фаворита на еретиков.

Перечисленные факторы могли привести Вассиана Патрикеева к признанию допустимости смертных казней для еретиков, что, конечно, было шагом назад по сравнению с его прежними взглядами. Но несмотря на это, Слово о еретиках и соответствующие подборки вассиановской Кормчей были противовесом современной им Кормчей митрополита Даниила, созданной учениками и последователями волоцкого игумена¹⁶⁵. Уступки (скорее всего, вынужденные), сделанные Вассианом иосифлянской верхушке Московской митрополии, не смогли полностью заглушить голос в защиту инакомыслящих от «клютых казней».

Он был услышан представителями следующего поколения нестяжателей. Идея о недопустимости казней еретиков не чужда самому яркому мыслителю этой плеяды — старцу Артемию. Цитируя уже хорошо знакомую нам по сочинениям Вассиана притчу о насаении плевел, Артемий замечает: «От сего можем разумети, яко неподобно есть христианом убивати еретичествующих»¹⁶⁶. Его аргументы и цитаты во многом заимствованы у Вассиана Патрикеева¹⁶⁷. Артемий также, видимо, признавал казненных еретиков мучениками, упоминая Слово на крещение Григория Богослова¹⁶⁸. Отчетливо выражено стремление обращать еретиков к покаянию убеждением, «духом кротости, а не ранами и убийством, и темницами, и юзами»¹⁶⁹. Артемий выступает против тех «мирская мудрствующая», кто, подражая Илье и Финеесу, готов подвергнуть еретиков суровым казням, прибегнув к помощи «внешних князей». Противопоставляются запреты еретикам соответственно «Божьей» и «мучительской» властью (ссылки на ап. Павла¹⁷⁰). Артемий считает казни и ветхозаветную жестокость по отношению к еретикам несовместимыми с христианским вероучением¹⁷¹.

Существует зримая преемственность между ранним сочинением Вассиана — Словом на «Списание Иосифа» и взглядами, высказанными в посланиях старца Артемия, писавшего уже в иной исторической обстановке. Это было время подъема новой волны ересей Феодосия Косого и Матвея Башкина. Важно, что те, кто выступал против казней еретиков в сер. XVI в., имели за собой традицию обличения и отрицания иосифлянских методов борьбы с ересью. Poleмического запала Слова на Списание хватило не только на последователей волоцкого игумена, боровшихся с новыми еретиками, но и на то, чтобы потревожить память об Иосифе уже в период его канонизации¹⁷². Дошедший до нас список

¹⁶³ Плигузов А. И. Памятники... С. 9; Он же. Вступление Вассиана... С. 44.

¹⁶⁴ Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина... С. 284—285.

¹⁶⁵ Плигузов А. И. Памятники... Л. 43, 141.

¹⁶⁶ Русская историческая библиотека. Спб., 1878. Т. 4. Стб. 1213.

¹⁶⁷ Там же. Стб. 1214, 1367—1368, 1370, 1374, 1385.

¹⁶⁸ Там же. Стб. 1371.

¹⁶⁹ Там же. Стб. 1366.

¹⁷⁰ Русская историческая библиотека. Стб. 1366, 1374; Ср.: Слово на Списание. Л. 231—231 об.

¹⁷¹ Русская историческая библиотека. Стб. 1366, 1374.

¹⁷² См. об этом ниже.

памятника был сделан в тот период, когда завершалась подготовка к ней. В 1578 и 1589 гг. Иосифу Волоцкому было установлено и подтверждено местное празднование, а 1 июня 1591 г. — общецерковное¹⁷³. Е. Е. Голубинский предполагал, что уже второй освященный собор 1589 г. должен был установить общецерковное празднование, однако «в качестве чудотворца он [Иосиф. — Ю. А.] прославился недостаточно для того, чтобы быть причтенным к повсеместным святым»¹⁷⁴. Не споря с историком церкви о причинах задержки канонизации, нужно заметить, что времени у чудотворца для подтверждения своей святости было недостаточно (1515—1589 гг.). Вполне вероятно, что мысль о канонизации Иосифа встречала сопротивление даже в высшем руководстве русской церкви. Известно, например, о резко антииосифлянских настроениях еп. Ростовского и Ярославского Евфимия. В конце декабря 1585 г. на него была подана челобитная Рязанского владыки Леонида Протасьева, постриженника и одно время — игумена Иосифо-Волоколамского монастыря¹⁷⁵. Главное обвинение состояло в том, что Евфимий «...нас... осифовских постриженников называет всех не осифляны, но жидовляны»¹⁷⁶. На Рождество за царским столом Евфимий не дал Леониду есть с ним из одного блюда. После этого челобитья Евфимий, впрочем как и Леонид, потерял кафедру. Вместо него был поставлен Иов, будущий патриарх¹⁷⁷.

В связи с этими событиями можно объяснить причину возникновения нашего сборника (он был переписан примерно в сер. 80-х гг. XVI в., и составитель его был как-то связан с ростовской владычной кафедрой). Если учесть, что новый архиеп. Иов, покровительствовавший Иосифо-Волоколамскому монастырю и его постриженникам¹⁷⁸, вряд ли благожелательно взирал на распространение антииосифлянских сочинений Вассиана Патрикеева, то можно предположить, что сборник был создан в кругах, близких к архиеп. Евфимию, скорее всего, в период между 7 июня 1584 г. (датировка последнего известия в Кирилло-Белозерском летописчике) и концом декабря 1585 г. (изгнание Евфимия с кафедры). Но эта гипотеза, как и общий вопрос о причинах повышения интереса к антииосифлянам в период, предшествовавший канонизации Иосифа, несомненно, нуждается в дальнейшем исследовании.

Сборник с уникальным списком сочинения Вассиана Патрикеева, возможно, и не дожил бы до нашего времени, если бы не попал в собрания московских любителей древнерусской книжности Романовых-Ананиных, А. П. Гранкова. Этим людям мы во многом обязаны тем, что сейчас имеем возможность восстановить одно из утраченных звеньев в цепи полемических сочинений раннего нестяжательства. Хочется верить, что введение памятника в научный оборот и дальнейшее его изучение в комплексе с уже известными источниками поможет решению ряда спорных вопросов, связанных с изучением борьбы в русской общественно-политической мысли перв. трети XVI в.

Текст публикуется по правилам, принятым для Записок отдела рукописей: орфография подлинника сохраняется, вышедшие из упот-

¹⁷³ Голубинский Е. Е. История канонизации... С. 116.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. Спб., 1877. Стб. 182.

¹⁷⁶ Акты исторические (АИ). Спб., 1841. Т. 1. № 216.

¹⁷⁷ Строев П. Указ. соч. Стб. 332, 415.

¹⁷⁸ Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина... С. 315—317.

ребления буквы заменяются соответствующими знаками современного алфавита, буквенные обозначения цифр заменяются арабскими цифрами, «ер» в конце слов опускается, внутри слов — сохраняется. «Ерь» воспроизводится в любой позиции. Титла раскрываются. Выносные буквы вносятся в строку без оговорок, добавленные при этом буквы пишутся в круглых скобках. Выносная «ж» передается как «ж(е)», а «с» в окончаниях возвратных и притяжательных глаголов — как «с(я)». Разделение текста на слова и абзацы, а также пунктуация принадлежит публикатору. Конъектуральные вторжения в текст заключаются в квадратные скобки. Строки и инициалы, выделенные в оригинале киноварью, выделяются.

Пользуясь случаем, автор публикации приносит искреннюю благодарность Н. Б. Тихомирову, а также Л. В. Тигановой за помощь и советы при подготовке материала. Автор также весьма признателен А. И. Плигузову и Н. В. Синицыной за ряд ценных замечаний по предельным вариантам статьи.

Л. 227 об.

Списание Иосифа, игумена своего ему монастыря, иже на Волоце. «Едино ес(ть), еж(е) грешника или еретика молитвою убити и еж(е) рукою убити то ж(е) пред Богом, — Иосиф да глаголет, — Моисей скрижали разбил во время иже телцу поклонения¹, Финеес брата пробол с мадямлянынею², Илья 400 жрецъ валовых зарезал³, Павел апостол Еллиму волхва ослепил⁴, Леон епископ Катанский влѣхва // Леодора патрахилем связал среди церкви и вышел стал с ним сам на огонь, и доколе згорел Леодор, а епископ не ступил с огня⁵.

Л. 228

А ныне бы государь князь(ь) великий еретиков всех събрал на Москву, да обрубил бы струбом без дверей, да тамо их поморити голодом да студеном», — еж(е) и быс(ть).

«Три отроцы в пещи халдейстей спаслися⁶, Иона в ките спасен быс(ть)⁷. Которой хочет спастися и тамо спасется».

Мы же противу сему евангельская и апостол[ь]скаа глаголы предложим.

Моисей скрижали разбил, тако ес(ть) писано в книзе Левитской. Но после того ж(е) Моисей стал к Богу въпреки, глаголя: «Господи, аще до конца погубиши сих, то и мене с ними потреби»⁸. Илья 400 жрецъ валовых зарезал, занеже не покаялис(ь). Един же от пятидесятник покаялся к Богу, Илья его не убил. Тъй быс(ть) после пророк Авдей⁹. // Финеес брата пробол с женою, тако ес(ть) писано, но аще все законы ветхаго обычаа Иосиф велит нам держати, то уже яве и обрезание будет.

Л. 228 об.

Ко Илии Бог, беседея в горе Хоривъстей, глаголет о заклании 400 жрецъ валовых, жестосърда его нарек: «Не подобает ти, Илья, жити с человеки, зане жестосерд еси, возмует ты на небо, а сам съниду в кротости»¹⁰.

Павел апостол Еллиму влѣхва ослепи молитвою, а сам апостол Павел пишет в послании своем: «Два кратно молихся Богу за братию мою по плоти, иже есть иисраильты, сиречь жидове, анафема быти от господа Исуса, сиречь отлучену от Бога¹¹, — сам пишет Павел, — Посла Бог в мир сына своего спасти грешники, от них же прьвы[й] есмь аз, зане еврей».

и мѣсто мочѣтѣи мѣѣ, а нѣдѣ
 ло. тако жѣ и дѣлаи прѣдѣлаи каго
 то падѣнїи и нѣстїанїи. егѣ прїѣлѣ.
 нѣрѣшиши на папїанѣѣ покрѣсї
 нїи. нѣ вѣ поущенїи покаянїи мѣ.
 папїанѣѣ прїѣлѣтѣи жѣ вѣ корїнь фѣ
 егѣ грѣшиши шагѣ не прѣжѣ нѣрѣсї
 нїи а покрѣсїнїи. дѣцїи на папї
 не прїѣлѣтѣи жѣ вѣ плшнѣхѣи каго
 цнхѣа. нѣ вѣ томѣ нѣ плшнѣа.
 нїи жѣ законѣ прїѣмѣ на папїа.
 а нѣ хѣ мѣстѣ а нѣ оумѣчи. и по
 роїи додѣло служенїи папїанѣ на рї
 цаѣ. вѣ дѣнїи карѣ прѣдѣи стѣра.
 пїанѣ нѣ нїи зѣвнїи конѣи кой по
 лїи кой. и по лїи дѣнїи зѣлѣтѣи
 іѣ вѣ а нѣ на мѣдѣ еѣ а нѣ стѣ. прїѣ
 ѣ на гѣ вѣ нїи плшнѣ мѣ. сїацѣ а по
 вѣ нѣ стѣ. спїанѣ лїи вѣи фѣ оѣ
 плшнѣи нѣ егѣ прѣтїи а тѣа. іѣ жѣ еѣ
 на папїанѣ нѣ егѣ прѣтїи а тѣа. іѣ жѣ еѣ
 на папїанѣ нѣ егѣ прѣтїи а тѣа. іѣ жѣ еѣ

Слово на «Списание Иосифа»

Л. 229

От иеврей обрезанием осмодневым колена // Веньяминова. По закону фарисей, по рвению преизлиха гонях церковь божию», — сего Иосиф чему не написал, и Стефана первому ченика повинен убийству был, и многих святых мучил. Но после сам глаголет: «Но помилован бых»¹².

Леон епископ с Леодором на огни стал, то о чем сам Иосиф не поискусил своей святыни, стал бы с Касьяном с Юрьевским в клетке, а Феодосей бы Иконник с Волком с Курицыным.

Много разни межи Моисеом и Ильею, и Павлом апостолом, и самом Иосифом. Да слышит ухо благочестивых. Евангелие: «Что ес(ть) милости хочу, а не жрѣтве»¹³. Тол[кова-

ние]^а: «Хощет Бог покаания, а не истязания, милости датель, а не мучения, жрътве и приношения не въсхоте¹⁴, но шед прежде смиритис(я) с братом своим»¹⁵. Евангелие: «Яко не требуют здравии врача, но болящии, яко не приидох призвати // праведники на покаание, но грешных»¹⁶.

Л. 229 об.

Апостол Июда Иаковль: «Архангел^б Михаил препирашеся со диаволом на горе о Моисееве телеси и не сме на нь навести суда хулна, но рек: „Запретит ти Господь”»¹⁷.

Павел апостол: «Изнемогущаго брата в вере приемлите¹⁸, аще случится кому брату впасти в прегрешение, вы, духовнии, таковаго наказуйте духом кротости. Блюдиися, еда и ты и сам искушен будеши»¹⁹. То ж(е): «Всяк мняйся стояти да ся блюдет, да не падется»²⁰. То ж(е). Павел: «Ты кто еси судя чюжему рабу? Своему Богу господину стоит или падает. Станет же, силен бо ес(ть) Бог въставити его»²¹.

Апостол: «Немощнии с еретики не ядят, силнии же да на славу Божию сходятся»²².

Л. 230

«И во время Христовы муки иудей же возложиша руце // на Исуса, Петр же извлек нож и удари архиереова раба и уреза ему ухо. Исус же, обращься, запрети Петрови и реч(е): „Вложи нож в место его, всяк приемный нож ножем погибнет”»²³. Такожде и во время распятия Господь наш помолися отцю своему: «Отче! Остави им грех сей, не ведят бо, что творят»²⁴.

От Деаний апостольских: «Изведше ж(е) Стефана вон из сонмища, камением побиваху его. Стефан же, преклон(ь) колене, помолися: „Господи! Не постави им греха сего”, — и, сна рек, успе»²⁵.

Евангелие: «Исус же утверди лице свое итти во Иерусалим, посла вестники пред лицом своим. Исшед внидоша в весь самарянскую, яко да уготуют ему, и не приаша его. Реста ж(е) ученицы ег(о) Иаков и Иоанн: „Господи! Хощеши ли, да речева, да огонь с небесе снидет и потребит я”. Исус же запрети им // и реч(е): „Не веста, коего духа еста вы. Сын бо человеческий не прииде душъ человеческих погубити, но спасти”. Идоша во ину весь место»²⁶.

Л. 230 об.

Евангелие от Ма[т]ф[ея]: «Уподобися царство небесное человеку, сеавшу доброе семя в селе своем. Спящим же человеком, прииде враг его и всеа плевел посреде пшеница и отиде. Егда же прозябе трава и плод сътвори, тогда явишася плевелие. Приидоша ж(е) рабы господина, реша ему: „Господи! Не доброе ли семя сеял еси на селе-своем? Откуда убо имат плевелы?” Он же рече: „Враг се человек сътвори”. Раби же реша ему: „Господи! Хощеши ли шед да исплевим я?” Он же рече им: „Ни. Да некогда въстръгающе плевелы, въстръгнете купно с ними пшеницу. Оставьте расти обое купно до жатвы. И во время жатвы // реку жателем: Съберете первые плевелы и свяжете я в снопы, яко да сожещи а. И пшеницу съберете в житницу мою”»²⁷.

Л. 231

От Житиа Григориа Богослова. Во время Феодосиа царя Великаго въздвиже Бог дух святыи Григориа Богословца,

^а Испр., в рукописи: «Мол».^б Испр., в рукописи: «архаггел».

умрошу патриарху в Коньстантине граде, набдети церковь Коньстантина града и обрете ли ся множ(е)ство человеческих. Весь град отступил апостольския церкви, число приходит сказати языком. Святый ж(е) епископ Григорие во дни препираем молением, ласканием и слезами, в нощи же молитвою за них к Богу. И малыми леты весь град, бисчисленное множ(е)ство, вси приступили к апостольстей церкви.

К кориньфиом 2-е: «Помните пребывание наше у вас, яко два лета прехых у вас, по вся дни с слезами учах вас кождо отступити от идольския // службы»²⁸.

К Тимофею: «Настой, обличи, запрети, а не бий»²⁹.

От Жития Василиа Великаго. Великий же Василие имея друга у себе в Кесарии еврейна именем Иосифа и часто призываше его, и зело любляше его, и едва на своей кончине, Богу помогшу, приведе его в святое крещение³⁰. Такожде и Иоанн Златауст некоего друга себе Феодора именем, еретика, посланныи и моленьми приведе его ко Христу.

*От Жития святого отца Савы Священнаго(о)*³¹. Пovyше триех монастырей свят(а)го Савы, к вьстоку създанныи столп блаженною Ев[до]кеею царицею, приаша неции чрьнцы Диоскоровы ереси и еще друзии черьнцы Несториевы суца ереси того же столпа житие прияша, не исповедающе святых Богородица и Приснодевы Мариа, // ни Господа нашего Исуса Христа быти от святых троица. Сиа има великий отец наш Сава близ своих монастырей живуца, тужаше и скорбяше о них. Случи бо ся ему в тех днех видение видети во сне, яко в святем вьскресении суца литургии твориме, и сих чрьнцев некими страшными мужи вон изгоними, жезлы имущими в руках с великим прещением. И самому Саве моляшу страшныя оны мужи простити их, они ж(е) отвещаша ему ярым гласом, глаголюще: «Недостойно бо ес(ть) им zde быти, жидове бо, не исповедающе Господа нашего Исуса Христа истиннаго Бога, ни Богородицу святую Марию». Оттоле убо моля их святыи старец, уча их и показуа им правыя веры учения, и моляшес(я) о них Богу святыи Сава. И сие ово молитвами, ово учением, Богу помогшу, сътвори има учения Несто // риева прокляти и к апостольстей приобщитис(я) церкви и, поим я, предас(ть) блаженному Феодосию³².

И некогда святыи Сава пльв в корабли от Царяграда ко Иерусалиму, има с собою некоего игумена, Маму зовома, Севировы ереси, святыи же Сава молением умоли его прокляти Севира и Евтихиа и приобщитис(я) апостольстей церкви³³.

То бо государь княз(ь) велики[й] разсудил, что Иосиф ему от своего злоумиа и говорит, и пишет, и приказывает неправду³⁴. То ес(ть) Наватова ересь попа римского. Скажем ея по ряду.

*На крещение. Григориа Богослова перваго слова*³⁵: «Крести Моиси, но водою; и преж(е) сег(о) облаком и в мори. Вьобразно же бе се, яко и Павлу мнится: море — водному и облак — духовному, манна — животному хлебу, питие — божественному питию. Крести Иоанн // не убо жидовскы,

Л.231 об.

Л. 232

Л.232 об.

Л. 233

не водою точию, но и в покаяние, крещаем Иисус, но духом се съвершение. И како не Бог, яко нечто презрю мало, от него ж(е) ты бываеши Бог. Вем и четвертое крещение мучением и кровию, имже и сам Христос крестися, и большее ныне чистейше, елико вторыми нечистотами не сквернится. Вем и пятое крещение еж(е) слезами, но подвижнейше, яко ж(е) Давыд плачася».

Смотри же ми zde, како Иосиф «Мудрый» великому князю съветовал на еретики. Сии при концы каются и христиани исповедуются, а он не велел дати прощения, ни милости. Иных пожег, а иных велит в темницах поморити. Се же святыи Григорие Богослов мучение крещение от Бога вменится, еж(е) мучением и кровию, а огонь — та ж(е) мука.

Л. 233 об.

Б[огослов]^а. «Ты ж(е) что глаголеши, что закон полагаеши, о новый фарисею, и чисты званием, а не // волею, и дыша нам наватова тою ж(е) немощию? Не приемлещи покаяния? Не даеши плачу места? Не проливаеши ли слез? Да не и ты впадещи такому суду? Не стыдиши ли ся [е]же Иисусу человеколюбцю, немощи наша приемшу и недугы понесшу, не праведники пришедшу призвати, но грешных на покаяние. „Милости хочу пач(е), а не жр(ъ)твы“, 70 седмицею оставляющу прегрешения? Яко блажена ти ес(ть) высота, аще чистота бы была, а не гордос(ть), за[ко]ннуа выше человека и реша нечаянием исправление. Подобно бо ес(ть) зло и оставление нецеломудрено, а зазрение непростено; ово убо остави[ти] всю броду, ово ж(е) крепко задавлиати. Яви ми чистоту и приемлю ти дръзость. Ныне же боюся, да не точа ми гной внесещи неисцельнаа. Ни Давыда ли приемлещи кающася, емуж(е) пророче // ский дар покаяние съблюде? Ни ли и Петра великаго, пострадавша нечто человеческо при спасенней страсти? Но Иисус приемлет и, и трищи вопрошением трикратно отвержение исцели. Или ни скончавшагоса кровию приемлещи, — ес(ть) бо и се твоего неразумна, — ни ли в Коринфе беззаконновашаго? Павел бо и любовь утверди, имже исправление виде, и почто яко да не вещьцею^г печалию погрузится таковой, отяготев безчислием^а запрещений.

Л. 234

Не юнным ли вдовицам посягати възраста ради удобь пленимаг(о) Павел се дръзну, емуж(е) ты являешися учитель, яко на четвертое небо дошед и другой рай, и неведомых слышав, и болший круг прошед проповеданием! Но не по крещении сиа рече: Кое указание? Или покажи, или не осуждай. Аще ли отречено, // да удолеет человеколюбное, но Нават, рече, не прият в гонении падшаа. Что ж(е) се? Аще не обрящуся^е въправду, ни аз приемлю непреклоньшася или недостойне^ж вместо мерящаа злу исправление. И егда приму, достойно им въздаа место. Аще ли истаявшаася слезами, не уподобляюс(я). Кий ми закон Наватова человеконенавидство, иже лихоимство убо [н]е пресече^з, ж(е)

Л. 234 об.

^а Буква «б» обведена в кружок.

^г Испр., в рукописи: «вещию».

^а Испр., в рукописи: «бесчисленем».

^е Испр., в рукописи: «обращьшас(я)».

^ж Испр., в рукописи на конце «ер».

^з Испр., в рукописи вместо «ч» — «жица».

есть второе идолослужение, блуд же толико осуди, яко сам без тела и бесплотен?»

Л. 235

[Толкование]^н Никиты Ираклийскаго. Нават сей, о нем ж(е) глаголет Богослов, прозвितер бе римския церкви. И во время гонения лучис(я) неким верным, не терпящим муки, отпасти. Потом же възскаша покаания кождо о своем падении и моляху церковныа пастыря со слезами дати им время // покаания. Возвысив же ся, Нават не принимае. Потом же, во время беды, и сам священства достоинства и Христа отвергъся. Епископи же некиа отпадших подобными труды и временными к спасенному пути покаанием възведоша, Навата же от церкви изгнаша. Он же, в некое место неведомо пришед, три некиа епископы стары суща лестию обшед, привлече вслед себе. И тех прельстив, принудив руки възложити на себе. И тако сътворше, именоваше и епископом. Он ж(е) паче възвысися епископства саном, и, елико возможе несмысленых уловити своим злокозньством оболстив, чистыа нарече сущаа ему единоумныа. Таж(е) и вторый брак възбраниша. К наватяном же Богослов глаголет: «Приемлет и слезами крещение, покаанием, и мучением, и кровию и фарисеа именуе, // имя токмо чистоты имеа, а не дело. Тако же и Д[а]в[ы]да, и Петра великаго то падение и възстание сам Господь приемлет. Но речеши о наватяне, я[ко] по крещении нес(ть) отпущения покаанием. Павел бо приат, иже в Кориньфе съгрешившаго не преже крещения, но по крещении. Аще и Нават не приат иже отпадших и кающихся, но аз тому не подоблюся, ниже закона прииму Наватова: лихоимства не умучи, иж(е) второе идолослужение Павел нарицает».

Л. 235 об

Видение Карпа прозвитера, писано в книзе Никоньской в Великой, и толкование Златаустаг(о) Иоанна в Матфее евангелисте — притча о насеении плевел, сиа вся подобна и свята списана Иосифову велению съпротивятся, еже ес(ть) наватяньскаа ересь, рекомо чистаа, // и подобает христианом их еже не общатися с ними, имети их тако, яковы же суть.

Л. 236

Да смотри же себе и отець митрополит, како ес(ть). Сиче сътворил Феофил патриарх Александриа: Царь Аркадие послуша брата Анориа Римскаго, сжалиси о Иоанне Златаустем, еже сътворил ему Феофил многа зла помощию царциною. Посла по Феофила царь и повеле епарху Феофила скоро послати без всякоя чести яко злодея. Феофил же, дав епарху много злата, да из воли идет сам в Коньстянтин град и корабль великий наполни араматы индейския и всяко дароношение. И пришед в Царьград, вся старейшины царевы обшед златом и дары и сътвори Иоанну второе извержение.

Л. 236 об.

Тако Иосиф с своими епископы // златом и пиры митрополита превели на свою волю, да к тому уже не требе им держатис(я) по писанию жити, но яжь^к, душе, пий, веселися, имаши стяжания многа и друзи многы и силнии. Но кто весть, егда в ношь истяжут душу неприготовлену³⁶. Аминь.

^н Буква «т» обведена в кружок.

^к Испр., в рукописи: «яже».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исход 32 : 19.
² Ср.: Числ. 25 : 8.
³ Ср.: Царств 18 : 20.
⁴ Ср.: Деян. 13.
⁵ См. об этом выше.
⁶ Дан. 3.
⁷ Иона 2.
⁸ Ср.: Исход 32 : 11, 32.
⁹ В Ветхом завете этого нет. В Памяти проку Авдею, помещаемой в прологах под 19 ноября, можно найти нечто подобное: «...Ученик Илии пророка и многаа о нем претерпев, сохраняем срой быс(ть) трети(й) пятьдесятник, его же пощаде Илна пророк... по сем... пророчества и умер...» На эту статью стихного пролога автору публикации указал Н. Б. Тихомиров (ГБЛ, ф. 304, № 720, л. 62 об.). В простых прологах интересующий нас сюжет раскрыт подробнее: после того как Илья сжег двух пятидесятников, царь Ахав посылает к нему третьего, Авдия: «И пришед к нему, паде на ногу его, моляся дабы не согорел. И не согоре, и умолив, приведе Илью к царевн. И оттоле оставль царя Авдия и иде въслед Илы, и быв того ученик и пророчествовав многа...» (ГБЛ, ф. 256, № 320, л. 205—205 об.).
¹⁰ Среди сочинений, приписываемых Иоанну Златоусту, есть такие, где жестокость Илья противопоставляется человеколюбию Бога (Слово об ап. Петре и пр. Илье, Слово о пр. Илье). В Слово о пр. Илье можно увидеть прямую аналогию со Словом на «Списание Иосифа»: «О Илии, знаю твою ревность, признаю твои требования, но я милую и грешников, как скоро они наказываются сверх меры. Ты строгий судья благочестия, а род людской постоянно грешит. Остается, значит, различить вас друг с другом. Иди хотя на небо, раз не можешь выносить грешников, а я переселюсь на землю... переселяйся на небеса, а я поселюсь с грешниками...» (Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста. Спб., 1900. Т. 6. Кн. II. С. 948). В славяно-русской рукописной традиции эти сочинения отразились в Слове похвальном Илье Григория Цамбляка. Здесь Бог обращается к Илье на горе Хорив: «Елма ты, Илиа, человек жесток еси и Израилю съгрешающую, терпети не можеш, ниже человеческими страстями прекланяешися, прочее не ключитя тебе с человеки жити, но възды ты ко мне, да аз к человеку сиду... понеже человеколюбещ аз». В службе пророку Илии (20 июля) в каноне 2 в песне 9 есть тропарь (2-й), в котором находим следующие слова: «...Илиа человек жесток еси, согрешающую Израилю терпети не можеш, възды ты ко Мне,

да аз доле сиду» (Миняя. Июль. 11. Ч. 2. М., 1988. С. 431). Автор публикации благодарит М. В. Подмарькову и Н. Б. Тихомирова, которые помогли установить источник цитаты (ГБЛ, ф. 199, № 31, л. 211 об.—212).

¹¹ Ср.: Рим. 9 : 3, 4.
¹² Ср.: Кор. 1, 15 : 9, Флп. 3 : 5, 6, Тим. 1, 1 : 15, 16, Рим. 11 : 1.
¹³ Мф. 9 : 13, 12 : 17.
¹⁴ Ср.: Евр. 10 : 5, 8.
¹⁵ Ср.: Мф. 5 : 24.
¹⁶ Мф. 9 : 12, 13.
¹⁷ Иуд. 1 : 9.
¹⁸ Ср.: Рим. 14 : 1.
¹⁹ Ср.: Гал. 6 : 1.
²⁰ Ср.: Кор. 10 : 12.
²¹ Рим. 14 : 4.
²² Неточ. цит. из Лествицы Иоанна Лествичника (Слово к пастырю), ср.: ГБЛ. Ф. 304. № 162. Л. 182 об. В Новом завете такого текста нет.
²³ Ср.: Мф. 26 : 51, 52, Марк 14 : 46, 47, Лк. 22 : 49—51, Ин. 18 : 10, 11.
²⁴ Ср.: Лк. 23 : 34.
²⁵ Ср.: Деян. 7 : 58—60.
²⁶ Лк. 9 : 51—56.
²⁷ Мф. 13 : 24—30.
²⁸ Ср.: Деян. 20 : 31. Об идолослужении упоминается в посланиях ап. Павла к коринфянам.
²⁹ Ср.: Тим. 11, 4 : 2.
³⁰ Приведенный текст в основе своей имеет повествование об «Иосифе еврейне» Слова о Великом Василии и о чудесах его, написанного Амфилохием, еп. Иконийским (ВМЧ. 3 февр.).
³¹ Житие, составленное Кириллом Скифопольским, опубл. в изд.: Общество любителей древнерусской письменности (ОЛДП). Спб., 1890.
³² Ср.: Житие Саввы Освященного. С. 199—203 (ф. 304, № 684, л. 233—233 об.).
³³ Ср.: Там же. С. 297—299 (ф. 304, № 684, л. 247 об.—248).
³⁴ Ср.: Послания Иосифа великому князю о наказании еретиков. АФЕД. С. 513—520; Послания Иосифа Волоцкого. С. 229—232.
³⁵ Цитируется Слово 10 «На святое просвещение» или Слово 39 «На святые святыя явлений Господних». «Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиеп. Константинопольского» (М., 1889. Ч. 3. С. 208—223). Цитируемое местами неточно и с пропусками, ср., напр., с близким переводом списка: ГБЛ. Ф. 304. № 136. Л. 394 об.—396.
³⁶ Ср.: Лк. 12 : 19, 20.

Н. К. Гаврюшин

Исследование Т. И. Райнова о «Мемуарах»

Петербургской Академии наук (1809—1830)

Имя Тимофея Ивановича Райнова (1888—1958) хорошо знакомо историкам естествознания, литературоведам, библиографам. Ученый чрезвычайно широкого диапазона, Т. И. Райнов значительную часть своей жизни посвятил книге и библиотечному делу. Он стоял у истоков и оказал немало влияние на формирование Библиотеки Социалистической (позднее — Коммунистической) Академии, работал научным консультантом Научной библиотеки Московского университета, главным библиотекарем Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, а с 1948 г. заведовал сектором востоковедения в Фундаментальной Библиотеке по общественным наукам АН СССР¹.

В архиве Т. И. Райнова, хранящемся в ОР ГБЛ (ф. 441), имеется немало монографий и статей ученого, не опубликованных в свое время по разным причинам². Среди них надо прежде всего отметить фундаментальные исследования об Д. Н. Овсяннико-Куликовском и аль-Фараби, статьи о психологии творчества А. С. Пушкина и К. А. Тимирязева, курсы лекций по истории средневековой науки. В фонде Т. И. Райнова хранятся также письма к нему известных деятелей науки и культуры — Л. С. Берга, В. И. Вернадского, Г. А. Гуковского, Ф. Даннемана, В. Л. Комарова, Н. И. Конрада и др.

В последнее время некоторые материалы из его архива увидели свет. Это обширный доклад Райнова «О методах учета знаний по памятникам материальной культуры в Средней Азии» (1943)³, переписка с американским историком науки Дж. Сартоном и советским философом Г. Г. Шпетом⁴. Подготовлена к печати стенограмма одной из лекций Т. И. Райнова по истории западноевропейской науки, посвященная истокам экспериментального естествознания — главным образом Пьеру де Марикуру⁵.

Среди неопубликованных работ Т. И. Райнова имеется и книговедческое исследование о русской научной периодике начала XIX в. «Из истории русской книги в первой трети XIX века („Мемуары”

¹ Памяти Т. И. Райнова // Труды БАН СССР и ФБОН АН СССР. М.; Л., 1959. Т. IV. С. 384—387; ОР ГБЛ. Ф. 441. Карт. 1. Ед. хр. 4. Л. 5, 11, 13.

² См.: Гаврюшин Н. К. К изучению рукописного наследия Т. И. Райнова // Памятники науки и техники. 1986. М., 1987. С. 170—182.

³ Там же. С. 182—203.

⁴ Там же. С. 203—219.

⁵ Райнов Т. И. Из истории экспериментального естествознания: Пьер де Марикур и западноевропейская наука XIII—XIV вв./ Публ. Н. К. Гаврюшина // Вопр. истории естествознания и техники. 1988. № 4. С. 105—116.

Академии наук за 1809—1830 гг.)». В этой монографии, написанной и подготовленной к печати примерно в 1947—1948 гг. (ссылка на литературу, изданную после 1948 г., в тексте нет), Т. И. Райнов поставил перед собой задачу дать всесторонний анализ ведущего печатного органа Петербургской Академии наук. Он рассматривает, в частности, вопросы о языке «Мемуаров» (французском), соотношении публикаций русских и иностранных членов Академии, о месте «Мемуаров» в русской общественной жизни, отражении в них новейших исследований по истории и экономике России и т. д.

Скрупuleзный анализ, проведенный Т. И. Райновым, позволяет на примере «Мемуаров» Академии проследить особенности государственной политики в области науки, динамику научной продуктивности, изменения кадрового состава и смену приоритетных направлений. Широко применяя формальные, в первую очередь статистические, и содержательные (социально-экономические, историко-научные и др.) методы, Т. И. Райнов сделал свою монографию прекрасным образцом междисциплинарного исследования.

Вопросу о языке «Мемуаров» Т. И. Райнов придает очень большое, на первый взгляд даже преувеличенное значение. Но надо вспомнить, сколь важным был процесс формирования научной литературы на национальных языках для западноевропейских народов, опередивших в этом отношении Россию на несколько столетий⁶. И если латинский язык ряда трудов М. В. Ломоносова еще находит разумное объяснение, то французский «Мемуаров» — спустя полстолетия — вызывает законное недоумение.

Первые десятилетия XIX в. явились эпохой становления русского литературного языка. Однако именно в это время А. С. Пушкин с сожалением отмечает, что «ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись — метафизического языка у нас вовсе не существует»⁷. Причин тому было немало. Духовная школа еще не выбралась из-под власти латыни, дворянство с трудом преодолевало галломанию, гимназическое образование только обустроивалось, а так называемым народным училищам язык «метафизический», конечно, был не слишком нужен. Значение же университетов в те годы было неизмеримо скромнее, чем в конце столетия. Здесь бы и пойти Петербургской Академии навстречу растущей русской интеллигенции...

Выбор французского языка для «Мемуаров» был обусловлен не только классовыми позициями руководства Академии. Влияние иностранцев также было несомненным, и Т. И. Райнов совершенно уместно вспоминает наказ Петра I, «чтобы чрез 30 лет от заведения Академии все члены оной были из природных россиян». Объективная причина — стремление привлечь к трудам Академии внимание европейского научного сообщества — тоже должна быть принята во внимание.

На некоторых оценках и порой весьма категоричных выводах Т. И. Райнова сказались приемы прямолинейного социологизма 30-х гг. нашего столетия. Крайне односторонни, к примеру, его суждения об С. С. Уварове, несправедливо занижено значение работ Х. Д. Френа о хазарах и башкирах. Но было бы неправильным в подобных взглядах Т. И. Райнова усматривать влияние начавшейся в послевоенные

⁶ См.: Олышки Л. История научной литературы на новых языках. М.; Л., 1933—1934. Т. I—III.

⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. II. С. 21.

годы борьбы с космополитизмом. Он был убежденным и принципиальным исследователем, стремившимся сохранять свою научную позицию независимо от внешних обстоятельств.

В прилагаемой публикации основной части монографии Т. И. Райнова опущены гл. 7 и 8, которые могут представлять интерес лишь для немногих специалистов.

В гл. 7 «Общетеоретическая проблематика „Мемуаров“» Т. И. Райнов останавливается на экономических работах А. К. Шторха, вышедших в свое время и отдельными изданиями, а затем — на вопросах математики и теоретической механики.

В центре внимания Т. И. Райнова — статья Ф. И. Шуберта (1758—1825) «Размышления по теории дифференциального исчисления», в которой делается попытка исключить понятие о бесконечно малых величинах, и его «Размышления о принципах механики», напечатанные в 1825 г. В последней работе Ф. И. Шуберт рассматривает вопрос о возможности построения общей и небесной механики без использования понятия силы. «В изложении Шуберта, — пишет Т. И. Райнов, — закон тяготения без понятия силы выглядит так: „Скорости, сообщаемые планетам в каждое мгновение, имеют результирующую скорость, постоянно направленную к солнцу и обратно пропорциональную квадратам расстояния от солнца“» (с. 132).

Поиски мировоззренческих истоков методологической установки Ф. И. Шуберта приводят Т. И. Райнова к пространному экскурсу в обстоятельства творческой деятельности И. Ньютона. Этот экскурс выдержан в терминах классовой борьбы и социально-экономического анализа творчества, характерных для 1930-х гг. С таким же инструментом он переходит далее к работам Ж. Д'Аламбера и М. В. Ломоносова. Он считает «Размышления» Шуберта «продолжением антиидеалистических в принципе, в замысле — материалистических попыток Д'Аламбера и Ломоносова исключить из естествознания вообще и из механики в частности насыщенное мистическими опасностями понятие „силы“» (с. 140). По мнению Т. И. Райнова, Ф. И. Шуберт в этом отношении отчасти предвосхищает работу Г. Герца «Принципы механики» (1894).

В статье Ф. И. Шуберта «О точках поворотного движения», опубликованной в 1822 г., Т. И. Райнов усматривает отражение бессознательного протеста против «катастрофических» (революционных) изменений в обществе и природе, против понимания развития как серии катастроф. Именно этот стихийный протест, с точки зрения Т. И. Райнова, обусловил обращение Ф. И. Шуберта к принципу непрерывности при решении одной из проблем теоретической механики.

Гл. 8 «Некоторые специальные теоретические вопросы в „Мемуарах“» начинается с рассмотрения трудов трех поколений русских математиков. Т. И. Райнов подробно останавливается на работах ученика Л. Эйлера, воспитанника Петербургской Академии С. Я. Румовского, которого называет первым самостоятельным русским математиком; особенно он отмечает его вклад в развитие русской научной терминологии, астрономии и геодезии⁸. Затем Т. И. Райнов переходит к трудам С. Е. Гурьева и В. И. Висковатова, заостряя внимание, в частности, на попытке последнего сформулировать принцип виртуальных скоростей без использования понятия бесконечно малых.

⁸ См.: Павлова Г. Е. Степан Яковлевич Румовский (1734—1812). М., 1979. 200 с.

Из работ по астрономии Т. И. Райнов отмечает наблюдения над кометой 1807 г., проводившиеся В. Вишневым и Ф. И. Шубертом, а также попытки совершенствования птолемеевского метода эпициклов, принадлежащие И. И. Литтрову и Ф. И. Шуберту. Кроме того, Т. И. Райнов рассматривает напечатанные в «Мемуарах» работы по геофизике, в частности исследования Л. Ю. Крафта по определению формулы магнитного склонения, а также некоторые другие.

Ниже мы публикуем работу Т. И. Райнова по беловому машинописному экземпляру с авторской правкой (ф. 441, карт. 10, ед. хр. 10, л. 1—183). При подготовке к печати изменена система ссылок и примечаний, уточнен и отредактирован список литературы, правописание и сокращения приведены в соответствие с современными нормами.

Из истории русской книги в первой трети XIX века («Мемуары» Академии наук за 1809—1830 гг.)

1. Предварительные замечания

По сравнению с XVIII в. русская периодика первой трети XIX в. представляет картину весьма оживленного развития. По данным Н. М. Лисовского, который учитывал только периодику на русском языке, в течение всего XVIII в. возникло 119 изданий (разного типа). В течение 1801—1835 гг., которые интересуют нас здесь, т. е. в срок, приблизительно втрое более короткий, новых периодических изданий на русском языке возникло 242 — вдвое больше, чем за весь XVIII в.¹

Этот относительно ускоренный рост периодической литературы соответствовал общему развитию всей социально-политической и культурной жизни России от XVIII к первой трети XIX в.

В самом деле, за это время выросли прежде всего общие производительные силы страны. Об этом свидетельствует хотя бы рост населения. В 1762 г. (на тогдашней территории) оно составляло около 19 млн человек, в 1815 г. (на частично расширенной территории) поднялось до 45 млн, а в 1835 г. дошло до 60 млн. В это время происходила в разных направлениях и относительно быстрая дифференциация населения. Например, процент крепостного населения заметно уменьшился в отношении к населению в целом от середины XVIII в. к 30-м гг. XIX. В то же время возрастал соответственно процент свободного городского, отчасти ремесленного населения. Медленно происходивший во второй половине XVIII в. процесс классовой дифференциации значительно усилился в первой трети XIX в. Если уже к 70—80-м гг. XVIII в. буржуазия выступает как класс с заметной общественной ролью, то в первые десятилетия XIX в. ее численность и значение еще более возрастают. Это значение увеличивается за счет энергичного расслоения дворянства, часть которого все более связывает свои интересы с интересами буржуазии: «дворянские революционеры» — декабристы выступали в 20-х гг. XIX в. в ряде отношений как представители буржуазно-капиталистической программы. Бесспорно, растет и численность рабочего класса, как ни трудно судить о точных темпах этого роста по имеющимся в литературе данным. Если по одним данным в 1804 г. в России работало в мануфактурах и фабриках около 95,2 тыс. рабочих, а по другим общая численность рабочего населения достигла тогда же почти 225 тыс., то все же заметный относительный рост рабочего населения констатируется к 1825 г. почти одинаково по всем данным: по первым данным, число рабочих поднялось к этой дате до 210,6 тыс., а по вторым — до 340,5 тыс. Нужно притом

принять во внимание в особенности то, что среди рабочих все время увеличивался процент наемного элемента².

Выдвижение и увеличение численности буржуазии и рабочего населения являлись результатом и выражением развития капиталистических отношений, которые все определеннее складывались в рамках крепостного хозяйства, частью к ним приспособляясь, а частью их постепенно раздвигая и местами ломая. Уже начиная с конца XVIII в. в промышленности все более возрастает значение централизованной капиталистической мануфактуры, а в первые десятилетия XIX в. она становится господствующей формой организации промышленности. В последней в это время нередки предприятия, обслуживаемые 1000 и гораздо более рабочих [5, с. 264]*. В некоторых отраслях русской промышленности мануфактурное производство начало уже, хотя и медленно, вытесняться машинным, причем возникало и собственное производство паровых машин [3, с. 524—525]. Все это, конечно, еще не заслуживало полностью имени «промышленного переворота» [3, с. 523 и след.; 6], — он был невозможен при продолжающемся господстве крепостных отношений в стране; но все же эти отношения, благодаря развитию промышленности, а отчасти и вследствие некоторых изменений в сельском хозяйстве, все более подтачивались изнутри.

Все это создало условия для усиления, углубления и обострения проявлений и форм классовой борьбы в стране (одна из их вершин — декабристское восстание). Этому содействовали, со своей стороны, и некоторые международные отношения, в первую очередь Отечественная война 1812—1814 гг. и последующие события, в которых Россия играла крупнейшую роль. Развитие классовой борьбы вызвало, в частности, и активизацию всех проявлений общественной мысли, и необходимость ее реакции в хронологически более гибкие формы. Отсюда — рост периодики в первой трети XIX в., который мы отметили выше, отсюда также ее дифференциация, профессиональная и классовая, показателями которой явилось возникновение особых органов для отражения усложнившейся жизни в области хозяйства, политики, военного дела, науки, литературы, театра и быта и усвоение этими изданиями более отчетливых и разнообразных классовых установок и программ.

В некоторых видах периодики отмеченный общий ее рост происходил в первой трети XIX в. внешне и количественно менее заметно, чем в других. Это относится, в частности, к научной периодике. Отправная точка ее развития в первые десятилетия XIX в. стояла в некоторых областях выше, чем в других видах периодических изданий. Многое в области науки было для XIX в. подготовлено еще восемнадцатым, и потому дальнейшее развитие научной прессы могло исходить из позиций, завоеванных ранее.

В свое время А. А. Куник произвел учет и регистрацию «ученых сборников и периодических изданий Императорской Академии наук с 1726 до 1852 г.» [7]³. «Ученые сборники», которые он имел в виду при этом, далеко не обладают всеми признаками собственно «периодических изданий». До некоторой степени они приближаются к более расплывчатой категории «повременных изданий», а еще больше им соответствует рубрика изданий «серийных», т. е. хотя и не обязательно приуроченных к выходу в определенные устойчивые сроки, но все же не однократных, а рассчитанных на продолжение во времени, с сохранением

* Здесь и далее цифры в квадратных скобках отсылают к списку литературы.

некоторых относительно постоянных задач и более или менее фиксированной формы. Вследствие хотя бы такого отношения к «повременности» «ученые сборники» Академии наук могут ставиться до известной степени в один ряд с собственно периодическими ее изданиями. И в этом смысле они подлежат и количественному учету сообща с последними, что и оправдывает в принципе попытку такого учета, сделанную А. А. Куником почти 100 лет назад.

Судя по данным Куника, в течение трех четвертей XVIII в., т. е. с 1726 по 1800 г., количество впервые возникших повременных (в широком, условленном выше смысле) изданий Академии наук на разных языках выражается цифрой 34. За первую треть XIX в., т. е. за время вдвое меньшее, их возникло всего около 13⁴. Иначе говоря, средний годовой темп возникновения новых повременных изданий в первой трети XIX в. остался приблизительно на том же уровне, на каком он был в XVIII в., если последний брать в целом (точнее, за 75 приблизительно лет). Такой результат получается и в том случае, если вместо учета академической продукции за целых 75 лет XVIII в. мы воспользуемся, в интересах большей сопоставимости с первой третью XIX в., учетом этой продукции за последнюю только *треть* XVIII в. (приблизительно с 1767 г.). В этот последний период в Академии наук возникло 14 новых «повременного» типа изданий, против 13, появившихся в первой трети XIX в.⁵ Наконец, о такой же относительной стационарности в ходе возникновения академических изданий повременного типа свидетельствует и сравнение их выпуска в те же периоды на одном только русском языке. В последнюю треть XVIII в. таких изданий появилось 9, и почти столько же (10) новых изданий зарегистрировано у А. А. Куника за первую треть XIX в.

Прежде чем из этой количественной стационарности в выпуске новых изданий академической «периодики» в первые десятилетия XIX в. мы захотели бы сделать вывод, что она свидетельствует о резком отставании темпов развития академической периодики от соответствующих, отмеченных выше темпов развития всей русской (на русском языке) периодики того же времени, нужно будет обратить сперва внимание на общий характер академической периодики в XVIII в. и в первую треть XIX в. Только при учете этого важного *качественного* показателя правильное освещение получат и показатели чисто количественные.

В этой связи существенно отметить прежде всего то, что в течение XVIII в. повременные издания Академии наук нередко носили учебный характер весьма условно. Относительная бедность тогдашней русской литературы часто побуждала Академию браться за издания, по существу носившие характер научной популяризации, иногда довольно элементарной даже и для своего времени. К числу подобных повременных изданий XVIII в. относятся, например, ранние «Исторические, Генеалогические и Географические Примечания» с их двукратными продолжениями (все это выходило в 1729—1787 гг.). Позднее в повременной печати Академии наук в XVIII в. начинают фигурировать неоднократно и более общие научно-популярные журналы типа «Ежемесячных сочинений к пользе и увеселению служащих» с их продолжениями в разные годы, «Академических Известий» и т. п.

Мало этого. Вследствие той же относительной бедности русской литературы XVIII в. Академия наук должна была выступить тогда и как организатор и издатель *общих* научно-общественных и литератур-

ных журналов. К их разряду относились, например, «Собеседник Любителей Российского Слова» или «Новые ежемесячные сочинения», в которых, наряду с научно-популярным материалом, читатель встречал и материал беллетристический.

Если сравнить *этого типа* повременную продукцию Академии наук в XVIII в. с ее продукцией в первую треть XIX в., оказывается, что в последний период она целиком или почти целиком выпадает из задач Академии. Правда, Академия и в XIX в. не вовсе отказывается от популяризации научных знаний, особенно на русском языке. Этой цели продолжает и теперь служить ряд академических повременных изданий. Но тип этих изданий в первые десятилетия XIX в. иной, чем в XVIII в. Они более серьезные и специальные и рассчитаны на более квалифицированного читателя. Таковы, например, «Умозрительные исследования» (1808—1819, в 5 т.), таковы «Труды Академии наук» [1821—1823]. В сущности, это не популяризация ученых трудов Академии, а первичная публикация некоторых из них на русском языке, для более широкого круга русских потребителей. Даже издания типа «Технологического Журнала» (1804—1815, с продолжениями) не были *чисто* популярными, содержа рядом с общедоступными статьями и более специальные (по тому времени) научные материалы. И уже совершенно исчезли *чисто* популярные журналы, тем более — литературно-общественные. Издания этого типа продолжали существовать и в первые десятилетия XIX в., но уже *вне* Академии, в составе той как бы «общегражданской» периодики, которая так умножается в это время, идя навстречу расширившемуся общественному спросу и не нуждаясь для этого обязательно в использовании сил специального и притом высшего научного учреждения страны.

Если принять все это во внимание, если учесть факт дифференциации и специализации собственно научной и даже научно-популярной академической периодики в первой трети XIX в., то относительно стационарные цифры ее выпуска в это время по сравнению с XVIII в. приобретут иной характер, чем кажется на первый, поверхностный взгляд, полагающийся на одни только количественные данные. Число новых повременных изданий Академии, может быть, абсолютно и не растет или растет весьма слабо в первые 25—35 лет XIX в., но почти каждое из входящих в это число изданий *приобретает более высокий, чем обычно в XVIII в., научный уровень*. Перед нами факт *постепенного качественного перерождения* всей академической периодики в направлении более специального типа научной или научно-популярной литературы, типа, встречавшегося в XVIII в. только в наиболее серьезных изданиях Академии (вроде *Commentarii, Novi Commentarii* и т. д.), а теперь становящегося более распространенным.

Дальнейшее изучение этого типа в первые десятилетия XIX в. покажет, как мы увидим, что в *некоторых* отношениях (в аспекте общественных наук) он стоял тогда на гораздо более высокой *ступени*, чем в подобных же самых специальных повременных изданиях Академии в XVIII в. В свете этого мы будем в полном праве заключить, что тот общий количественный подъем, какой вся русская периодика в целом испытывает в первую треть XIX в., *по-своему* отражается и в академической периодике этого времени. Оживление социально-экономической, политической и специально культурной жизни России, отмечающее эти десятилетия, не прошло и мимо академической периодики, выразив-

шись лишь в ней в основном качественно, не без влияния и того существенного обстоятельства, что академическая периодика развивалась в это время в составе давно существовавшего учреждения с преимущественно развивавшимися кадрами, с давними научными средствами и с традициями, которые формировались уже почти целый век.

Для конкретизации и доказательства этого общего положения мы остановимся в настоящем очерке на руководящем периодическом издании Академии наук в первые 30 лет XIX в. — «Memoires de l'Académie Imperiale des sciences de St.-Petersbourg».

В ряду основных научно-повременных изданий Академии «Мемуары» 1809—1830 гг. представляют так называемую пятую серию — после таких серий, какими до сих пор являлись: 1) «Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae» (т. 1—14, 1727—1751); 2) «Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae» (т. 1—20, 1750—1776); 3) «Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae» (т. 1—6, 1778—1786); 4) «Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae» (т. 1—15, 1787—1806).

«Мемуары» вышли в количестве 11-ти т. между 1809 и 1830 гг. Эта новая серия основных периодических изданий Академии была начата, главным образом, в связи с изданием в 1803 г. нового устава Академии. Мотивируя в предисловии к I т. (1809) возникновение этой серии, редакция указывала, что при этом имелось в виду, во-первых, «облегчить любителям собрания академических трудов их приобретение, часто обременительное и невозможное, когда число томов вырастает сверх меры». В качестве «более существенного мотива» редакция выставляла желание «датировать эту серию счастливым и всегда памятным годом, который дал Академии новое бытие благодаря новому уставу [1803], и облегчить этим способом введение в новую форму собрания тех изменений, которые установлены новым порядком и предписаны уставом».

Фактически «Мемуары» начали выходить не в 1803, а в 1809 г. И хотя на титульном листе I т. было указано, что этот том содержит труды «за 1803—1806 гг.», на деле это было не совсем точно. Начать с того, что уже с первого, а затем и во всех остальных томах «Мемуаров» продолжали публиковаться посмертно многочисленные труды академика Л. Эйлера, умершего в 1783 г. и выразившего желание, чтобы не изданные им еще тогда труды его продолжали выходить в собраниях Академии. Это завещание Академия начала охотно выполнять еще с последних трудов «Acta» и продолжала это делать в «Nova Acta», а затем и в «Мемуарах».

Независимо от этого, в I т. «Мемуаров» (и даже во II т.) встречаются отчасти работы здравствующих сотрудников, доложенные Академии еще до 1803 г. (с 1799 г.).

Пятая серия периодического собрания трудов Академии прекратилась на XI т., вышедшем в 1830 г. В предисловии к этому тому указано, что серия завершается им в связи с наступившим в 1826 г. столетием существования Академии и для помещения на страницах заключительного тома некоторых неизданных трудов Л. Эйлера и трудов двух других сочленов Академии, недавно умерших, — Н. Фусса и Ф. Шуберга.

Если I т. «Мемуаров» пятой серии фактически включал работы сотрудников Академии не с 1803, а с 1799—1800 гг., то и последний, XI т. не был доведен на деле до 1830 г., в течение которого он вышел:

последние из работ академиков Ф. Шуберта и Н. Фусса, напечатанные здесь, падают на 1825—1826 гг. Не позднее 1825 г. и наиболее свежие работы, опубликованные в X т. «Мемуаров» (1826). Таким образом, вся пятая серия академической коллекции охватывает в основном преобладающую часть продукции Академии за *первую четверть XIX в.* Повторяем — некоторая доля этой продукции отразилась и в других повременных изданиях Академии за это время, но — в относительно меньшей части.

Пятая серия периодического собрания трудов Академии была последней серией универсального охвата. С 1831 г. началась новая, шестая серия, в которой разраставшаяся количественно и все более специализировавшаяся продукция Академии получила распределение соответственно крупным группам наук, входившим в программу работ Академии.

2. Как и почему «Мемуары» сделались основным органом Академии наук

Как и аналогичные специально-научные издания Академии в XVIII в., «Мемуары» 1809—1830 гг. выходили только на иностранных языках⁶. Наряду с «Мемуарами» Академия издавала в те же годы еще ряд повременного типа изданий на иностранных же языках, а еще больше — на русском языке. К числу последних относятся в особенности «Умозрительные исследования», продолжающие их «Труды Академии наук» (1821—1823) и «Чтения Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге за 1829 и 1830 годы» — издания относительно широкого научного содержания. Кроме них, Академия выпускала иногда и более специальные научные органы, вроде «Технологического Журнала» с его «Прибавлением» (1806) и «Продолжением» (1816—1826) или «Статистического Журнала» (1806—1808). Однако ни одно из периодических изданий Академии не охватывало в первой трети XIX в. такого *широкого* круга наук, как «Мемуары». «Умозрительные исследования» почти не содержали материалов по общественным наукам и далеко не охватывали даже сообща математики и естествознания в работе Академии. В «Трудах АН» и в «Чтениях» были представлены почти только науки общественные. Остальные издания были еще уже по специальности. К тому же только «Мемуары», обнимая большинство областей знания, разрабатывавшихся Академией, издавались более или менее длительно, от 1809 до 1830 г. Остальные органы Академии были краткосрочнее, за вычетом одного только «Технологического Журнала» (1804—1826), по охвату дисциплин, однако, несравненно более узкого, чем «Мемуары».

К сожалению, с точки зрения полноты отражения научной жизни Академии в первой трети XIX в. и «Мемуары» не являются *вполне* представительным органом. Во-первых, из них был изъят прикладной, в основном техно-экономический материал, публиковавшийся в «Технологическом Журнале». Даже не все физико-математические и естественнонаучные работы Академии помещались на страницах «Мемуаров»: небольшая их часть печаталась только на русском языке, главным образом в «Умозрительных исследованиях» (хотя иногда материал последних дублировался в «Мемуарах»).

Особенно печально с исторической точки зрения то обстоятельство,

что в «Мемуарах» почти не отражена научная деятельность некоторых выдающихся русских академиков первых десятилетий XIX в. Таковы преимущественно В. В. Петров и С. Е. Гурьев. Они печатали свои физико-химические (Петров) и математические (Гурьев) труды главным образом только на русском языке — в «Умозрительных исследованиях» и в «Трудах Академии наук». Лишь немногие из их работ попадали (в переводе с русского) на страницы «Мемуаров», и как правило — не самые важные.

Если, таким образом, деятельность некоторых значительнейших русских академиков не отражена в «Мемуарах», то, с другой стороны, в последних фигурируют иногда имена лиц, мало или недолго связанных с Академией и вообще с Россией. Их не следует смешивать с нерусскими академиками иного типа. Среди сотрудников Академии в первые десятилетия XIX в. было значительное число лиц нерусского происхождения, родившихся, однако, в России или сложившихся в ней и проводивших там большую часть своей активной ученой жизни. Их научная работа, как мы отчасти убедимся в дальнейшем, была многими и тесными нитями связана с Россией, и они должны быть признаны вполне русскими учеными в широком смысле слова (таковы академики Шуберт, Вишнеvский, Френ и др.). Но небольшая часть тогдашних работников Академии была в ней (и вообще в России) случайными фигурами, временными служащими и попутчиками. Сложившись обыкновенно вне России и проработав в Академии несколько лет, они затем удалялись за границу. И если все-таки их научная деятельность не была совсем чуждой Академии, все же она мало характерна для последней.

Наконец, едва ли не самым крупным недостатком «Мемуаров» 1809—1830 гг. с точки зрения истории являлся их нерусский язык. Уже в те времена это было несомненно аномалией.

Иностранные языки в качестве языков основного периодического издания Академии наук были аномалией прежде всего потому, что это издание было органом русского *по существу* научного учреждения. Хотя, начиная с основания Академии в 1725 г., в ее составе бывало немалое число иностранцев и русских подданных, для которых, однако, русский язык не был языком мышления, тем не менее Академия чем дальше, тем больше становилась русским учреждением не по одним финансово-административным признакам, а прежде всего по направлению научных интересов, в основном отвечавших нуждам России, по огромному месту, которое занимала в ее проблематике Россия, по темпам разработки как этой, так и всей вообще тематики работ Академии, — темпам, согласовавшимся с общим ходом и ритмом истории России, и в частности — русской культуры. Все это все более становилось фактом даже в первой половине XVIII в. и окончательно завершилось во второй его половине. В первые же десятилетия XIX в., как мы отчасти убедимся дальше и в настоящем очерке, этого факта не могли отменить уже никакие трудности и препятствия. И вот, прежде всего при сопоставлении *нерусского* языка «Мемуаров», основного органа Академии, с русским по существу характером и направлением научной деятельности той же Академии, особенно за последние 60—70 лет XVIII—XIX вв., и приобретает значение исторической аномалии язык «Мемуаров».

Эта аномалия становится в глазах историка еще более разительной, если принять во внимание, что она продолжала еще иметь место

даже в первые десятилетия XIX в., в эпоху сильнейшего подъема прогрессивного русского национального самосознания и величайшего торжества русской национальной культуры, облеченной в форму русского слова. Ведь эти десятилетия были временем Отечественной войны и «пушкинским временем», исторической полосой, когда Россия выдвинула во всех областях культуры плеяду замечательных деятелей, для которых русская мысль была, в соответствующем аспекте, и русским словом. И в такое-то время русская Академия наук публиковалась в своем основном научном органе не по-русски!

Нельзя сказать, чтобы русское правительство того времени и сама Академия не ощущали известной неловкости в пользовании только *иностранными* языками при публикации трудов *русской* Академии. Больше того — эта неловкость начала чувствоваться очень давно. И, стремясь хотя бы частично к ее ослаблению, правительство и Академия еще с первых лет существования последней предприняли ряд изданий на русском языке. Одно из них, «Краткое описание комментарий Академии наук» (1728), должно было играть роль популярного резюме и разъяснения содержания основного тогда повременного издания Академии — «Commentarii». Впрочем, эта первая попытка получила продолжение только через 20 лет (1748), когда было издано «Содержание ученых рассуждений Имп. Академии наук», популярно разъяснявшее и дававшее итог статей I т. другой серии основного повременного органа Академии — «Novi Commentarii». Намерение доводить до русского читателя в более или менее доступной форме содержание *основной* работы Академии угасло затем на более чем полвека. Только в 1801 г., когда Академия заканчивала уже четвертую серию своих иностранных публикаций — «Nova Acta», руководство Академии вновь вернулось к мысли отразить ее и в русской языковой форме. С этой целью в названном году был издан один том «Академических сочинений», воспроизводивший с большим (14-летним) запозданием основной материал I т. серии «Nova Acta» (1787). Этим и закончились к началу XIX в. не очень усердные усилия Академии дать русскому читателю хотя бы *популярное* отражение содержания *основных* серий ее повременных трудов, выходивших на иностранных языках. О том, чтобы русский язык сделался официально признанным языком *первичной* публикации оригинальных трудов Академии в ее *основном повременном органе*, еще не было речи. Немногие русские ученые XVIII в., вопреки этой тенденции и практике Академии, правда, начали с успехом употреблять русский язык в качестве языка *творческой* научной мысли, а не одной популяризации. Среди них на первом месте должен быть назван, конечно, величайший русский ученый XVIII в. М. В. Ломоносов. Но уже его преемники во второй половине XVIII в., даже русские по происхождению, следовали его примеру гораздо менее активно, хотя и не покинули открытого им пути.

В XIX в. Академия вступила в обстановку, когда упомянутое выше ощущение неловкости того, что русский язык *исключался* из ее основных научно-повременных изданий, начало заметно нарастать. Через 75 лет существования Академии наук, через полвека существования Московского университета и перед лицом существования научной и научно-популярной литературы на русском языке было бы странно отрицать тогда, что в России есть лица, способные интересоваться серьезной ученой литературой именно на русском языке. Правда, почти полное незнание ученых Запада с этим языком продолжало слу-

жить в глазах некоторых внешним оправданием для исключения русского языка из основного повременного органа Академии из желания, чтобы этот орган в целом читался и на Западе. Знаменитое и долгое время спустя летучее слово — «по-русски никто не читает» (*Rossica pop leguntur*) — уже в начале XIX в. казалось бесспорным тем, кто хотел бы сохранить запрещение доступа русского языка в основной ученый орган Академии. Но, повторяем, эту позицию было уже труднее защищать в начале XIX в., тем более что и колоссально возросшее к тому времени общее международное значение России стояло бы в противоречии с этой позицией.

В уставе Академии наук, утвержденном в 1803 г., в вопросе о месте русского языка в периодических публикациях Академии был сделан принципиально новый шаг вперед⁷. В девятом параграфе устава было указано, что отныне Академия должна будет издавать ежегодно один том своих теоретических (тогда писали — «умозрительных») сочинений «как на Российском, так и на Латинском или другом из известнейших Европейских языков». Кроме того, согласно уставу, научно-прикладные работы Академии, преимущественно техно-экономического содержания, должны были публиковаться именно по-русски, в особом «Технологическом Журнале». Совершенно ясно, что впредь русский язык, в силу этих директив устава, должен был получить полное право научного гражданства в специальных периодических изданиях Академии, а в одном случае (именно для вопросов научно-прикладного значения) он объявлялся даже единственным признанным языком.

Не успела Академия получить новый устав 1803 г., относительно прогрессивный в вопросе о роли русского языка в трудах Академии, как в ее собственной среде и, очевидно, в каких-то влиятельных сферах вне ее началась борьба за фактическую отмену директив устава в отношении русского языка. Весьма характерно, как мы попытаемся разъяснить в дальнейшем, что эта борьба велась различно в разных направлениях.

В одном из этих направлений установка устава 1803 г. была принята без значительного сопротивления, хотя и не без искажения. Дело здесь шло именно о публикации научно-прикладных работ, для чего в уставе прямо назначалась организация «Технологического Журнала». Он и был основан в 1804 г. и в разных видах продолжал выходить вплоть до 1826 г. Правда, по своему характеру это издание оказалось несколько иным, чем намечалось в уставе. Там «Технологический Журнал» трактовался как периодическое издание для публикации оригинальных научно-прикладных работ Академии. Фактически таких работ оказалось не так много, и «Журнал» стал пополняться в значительной степени переводами и компиляциями и приобретал во многих отношениях значение не научно-исследовательского, а научно-популярного органа. В этом была вина не столько журнала, сколько руководства Академии, которое не принимало достаточно эффективных мер для развития в Академии исследовательской работы по научно-прикладным вопросам. В этом и выразилось некоторое — еще косвенное только — сопротивление Академии директиве устава о «Технологическом Журнале».

Наряду с последним, несколько позднее, Академия начала издавать еще один периодический орган на русском языке, отчасти тоже научно-прикладного содержания. Это был «Статистический Журнал», вышедший в течение 1806—1808 гг. и помещавший на своих страни-

цах, в частности, большое количество материалов по статистике современной хозяйственной жизни страны. То обстоятельство, что этот специальный русский журнал Академии прекратился уже через три года, не было случайностью: несомненно, его прекращение с 1809 г. стояло в связи с тем, что значительная часть его функций, как увидим сейчас, была с этого года передана «Мемуарам», выходявшим только на иностранных языках.

Гораздо более сильное, хотя внешне и замаскированное сопротивление вызвало в Академии осуществление указа 1803 г. об издании ежегодного тома теоретических («умозрительных») трудов Академии. Согласно этому указанию требовалось, чтобы такие труды публиковались «как на Российском, так и» на иностранных языках. Смысл директивы был ясным: в одном и том же органе могли печататься рядом работы как на русском, так и на иностранных языках. В том, что работы на русском языке могли вообще появляться, устав нисколько не сомневался, да и не мог бы сомневаться, хотя бы потому, что в составе Академии был ряд ученых, для которых русский язык был языком мысли. Если бы установка устава получила реализацию, теоретический повременный орган Академии выходил бы на русском и иностранных языках по усмотрению авторов работ и ученый мир привык бы через некоторое время к тому, что, желая следить за работою Академии, нужно знать и русский язык.

Однако руководство Академии и вышестоящие инстанции, без ведома и согласия которых оно не могло бы нарушить ясную директиву устава, — по каким-то соображениям, молчаливо и внешне делая даже вид согласия с уставом, выступили против последнего.

Было принято ряд мер к тому, чтобы не допустить русский язык к равноправному с другими языками участию в теоретическом органе Академии. Мер этих было три.

Первая заключалась в том, что вместо одного ежегодного тома, в котором работы на русском и иностранных языках печатались бы *рядом*, Академия решила издавать два тома, один *только* на русском, другой — *только* на иностранных языках: «Умозрительные исследования» и «Мемуары». Уже это было решительным нарушением соответствующего постановления устава 1803 г. Нарушение это было прикрито как бы техническим удобством. На самом деле прикрытие оказалось совершенно прозрачным и вовсе не техническим. Было совершенно ясно, что благодаря разделению по языкам русский язык оказался изъятым из органа, предназначавшегося для международного оборота. Конечно, иностранцы могли обращаться и к русской параллели этого органа, но, как увидим сейчас, были приняты меры к тому, чтобы эта параллель («Умозрительные исследования») сделалась для них в значительной мере бесполезной. Было ясно и другое: благодаря разделению изданий по языкам русские читатели, не владевшие иностранными языками (а таких было, конечно, больше, чем знавших эти языки, и незнавшие принадлежали к более демократическому кругу), — русские читатели указанного рода были отрезаны от иностранного органа Академии («Мемуаров»). В силу другой меры, принятой руководством Академии (о ней сейчас пойдет речь специально), русский читатель не мог следить в русском органе теоретических работ Академии («Умозрительные исследования») даже за всеми соответствующими трудами ученых, для которых русский язык являлся родным и был языком мысли и творчества.

Вторую из мер, принятых Академией якобы в соответствии с уставом 1803 г., а на деле — в его отмену в части, касающейся роли русского языка в теоретическом органе Академии, было усвоение и проведение на практике особого порядка для печатания на русском языке ограниченного числа теоретических работ Академии. Во-первых, руководство Академии, делая вид, что оно выполняет директиву устава о русском языке в теоретическом органе Академии, провело следующий принцип, сформулированный в предисловии к I т. «Умозрительных исследований» (1808): «Во исполнение сей Высочайшей Его Имп. Величества воли, Академия, из представленных ей членами ее сочинений избрав паче поучительные или любопытства достойные, составила из оных первый том таковых умозрительных своих исследований на Российском языке, который и издает ныне в свет». Оказалось таким образом, что русский язык был сохранен в русском издании Академии, в ее «Умозрительных исследованиях», *не для всех* соответствующих работ Академии, а только для их части *по выбору самой Академии*. Критерий отбора был сформулирован в приведенной декларации Академии совершенно необязывающим образом. Что значила в этой декларации ссылка на «поучительность» и на «любопытства достойное»?!. Ясно, что Академия сохраняла за собою право регулировать по своему усмотрению и произволу допуск в «Умозрительные исследования» материалов на русском языке о теоретической работе Академии. Этим «правом» Академия и воспользовалась широко и недвусмысленно. Она ограничила «Умозрительные исследования» почти только вопросами математики и естествознания (исключения были так редки и мелки, что о них не стоит и говорить). Общественно-экономические, политические и историко-филологические темы были, как правило, изъяты из «умозрений» на русском языке, т. е. сделались недоступными для более или менее широкого круга лиц, не знавших иностранных языков. Об экономических вопросах такие русские читатели еще могли кое-что читать в «Технологическом Журнале» (содержание его было главным образом техническое). Больше могли бы они черпать из «Статистического Журнала» Академии, но с 1809 г. он был ликвидирован и тематика его, как отмечено выше, была передана иноязычным «Мемуарам» Академии. Экономика, политика и история, насколько они разрабатывались в Академии, оказались *недоступными* более или менее широкому и демократическому кругу *русских* читателей, не знавших иностранных языков. Руководство Академии делало вид, будто этот материал для них недостаточно «поучителен» и не «достойн любопытства». «Поучительность» и «любопытство» были в «Умозрительных исследованиях» закреплены только за работами по математике и естествознанию! Правда, в 1821—1823 и 1831 гг. Академия издала три тома работ на русском языке — в «Трудах» и в «Чтениях». Но туда попала лишь небольшая часть работ Академии по вопросам общественнознания, притом — часто отчетно-обзорного, более или менее официального характера. Очень многое, напечатанное в этой области в «Мемуарах», *не получило доступа ни в «Труды», ни в «Чтения»* — и как раз *наиболее актуальное* в общественном смысле (многие статьи Шторха и Германа).

Проводя на практике свою произвольную и тенденциозную меру по ограничению содержания русских органов теоретической работы Академии, руководство последней распространяло ее не только на

общественные науки, но также и на науки математические и естественные. В «Умозрительные исследования» проникли, например, далеко не все статьи «Мемуаров», представлявшие более или менее общий интерес (например, ряд статей акад. Шуберта, статья о волжском рыболовстве акад. Озерецковского и др.), — точно бы руководство Академии стремилось стеснить интерес русских читателей и к этим вопросам и приковать его только к вопросам специальным, т. е. *малодоступным*.

Наконец, при проведении той же ограничительной меры руководство Академии стало на особую точку зрения и в вопросе о публикациях работ академических ученых, для которых русский язык был языком мышления. Они обычно не только учились на нем, но и научно творили по-русски, содействуя этим повышению значения русского языка в созидании русской культуры. В Академии не было принято за правило печатать по-русски *все* работы, вышедшие из-под пера подобных сотрудников Академии. Одни из них публиковались, например, в «Умозрительных исследованиях», но другие туда *не попадали*, печатаясь *только* в «Мемуарах». Поэтому русский читатель никогда не мог знать полностью, что же сделано в академической науке авторами, для которых русский был родным и рабочим языком. С другой стороны, иностранцы, видя в «Мемуарах» ряд работ авторов, носивших русские фамилии, должны были приходиться к заключению, что «Мемуары» отражают *всю* работу коренных русских ученых, чего, однако, не было, так как в «Мемуарах» публиковалось на иностранных языках *не все*, издававшееся по-русски в «Умозрительных исследованиях». Благодаря этому за границей складывалась неверная картина объема и уровня работы многих коренных русских ученых, входивших в состав Академии.

Третья мера, принятая Академией по отношению к директиве устава о роли русского языка в теоретическом органе Академии, носила особенно и открыто враждебный характер. Мало того, что, вопреки прямому смыслу устава, руководство Академии выделило в особые издания теоретические работы Академии на русском языке, — оно затем вовсе или почти вовсе прекратило эти издания. «Статистический Журнал» был закрыт с 1809 г. «Умозрительные исследования» перестали выходить после 1819 г. и взамен их не было создано ничего равносильного в течение всего интересующего нас периода трех первых десятилетий XIX в. Таким образом, даже относительно небольшая часть оригинальных академических работ по экономической статистике, математике и естествознанию, еще доходившая до русского читателя на русском языке в период 1806—1819 гг., ушла отныне из поля его зрения. Правда, в 1821—1823 и 1831 гг. Академия, как мы знаем, выпустила еще три тома своих «Трудов» и «Чтений», но математика и естествознание в них почти не отразились, да и вопросы естествознания оказались представленными в них весьма и весьма неполно — хотя бы уже потому, что упомянутые издания Академии на русском языке выходили нерегулярно, лишь эпизодически.

Таким образом, то обстоятельство, что «Мемуары», издававшиеся только на иностранных языках, сделались в первой трети XIX в. основным повременным органом Академии наук, оказывается не просто непреднамеренной аномалией в стенах русской по существу Академии и в период великого подъема русской национальной культуры и русского языка, а результатом прямой борьбы против интересов этой

культуры и ее языка. И если все-таки «Мемуары» 1809—1830 гг. отражают определенный участок развития русской культуры, они играют эту роль, во-первых, весьма *неполно*, и во-вторых — *вопреки* тем силам, которые, мы видели, весьма активно стремились в это время ослабить вклад Академии в русскую культуру.

Что это были за силы? Дело, конечно, не в их голом персональном определении, а в их социально-политической природе. В период, когда руководство Академии старалось сделать все от него зависящее для того, чтобы ее основным органом осталось издание на одних иностранных языках, а русский язык получил бы сперва ограниченное и второстепенное значение, а затем был бы и почти вовсе изгнан из употребления в русской Академии, — во главе ее стояли вовсе не только иностранцы по происхождению. Президентом ее в течение 1803—1810 гг. был Н. Н. Новосильцев, известный ближайший сотрудник, друг и единомышленник Александра I. Правда, его президентство обычно носило номинальный характер, так как его отвлекали от Академии разные другие государственные дела. Но эта номинальность вряд ли распространялась на все управление жизнью и деятельностью Академии. Не входя в ее текущие подробности, Новосильцев, конечно, все-таки нес ответственность за ее общее направление. А это направление в интересующем нас аспекте как раз и было усвоено в годы президентства Новосильцева. «Мемуары» именно при нем получили с 1809 г. значение основного повременного органа Академии. Есть все основания считать, что благодаря влиятельности Новосильцева это обстоятельство, как и весь курс Академии в это время, явились отражением соответствующих правительственных установок.

Нельзя сомневаться, правда, что в проведении последних убежденную и крупную роль играл ближайший помощник Новосильцева, непреходящий секретарь Академии с 1801 по 1825 г. акад. Н. Фусс. После ухода с президентского поста Н. Н. Новосильцева Академия оставалась без официального главы целых семь лет. В это время (1811—1817) ею фактически управлял Н. Фусс.

В 1818 г. Академия получила, наконец, президента в лице С. С. Уварова, при котором Н. Фусс долгое время сохранял свой пост и свое влияние; они перешли затем к его сыну П. Фуссу. Именно при Уварове, долго возглавлявшем Академию, были закрыты после 1819 г. «Умозрительные исследования», а «Мемуары» остались почти безраздельно повременным органом научной деятельности Академии. Уваров и Фусс, как раньше Новосильцев, и в этом случае проводили, конечно, не просто свой личный курс, а курс, который получил поддержку в каких-то влиятельных кругах.

Кто же предписывал руководителям Академии этот курс? Кто позволил им ломать Высочайше утвержденный устав 1803 г.?

Линия, которую руководство Академии проводило в отношении академической русской периодики в первые три десятилетия XIX в., не являлась *просто* линией нерадивого исполнения императорского указа и устава. В действительности и последние вовсе не были личным делом Александра I и его приближенных (в том числе и Н. Н. Новосильцева). Правительство издало устав 1803 г. под общественным давлением.

История этого события давно написана М. И. Сухомлиновым⁸. В последние годы XVIII в. Академия по разным причинам переживала большой упадок. Это возбудило скорбное недовольство среди русских

членов Академии. Известны две записки об этом выдающегося академика-зоолога конца XVIII и начала XIX в. Н. Я. Озерецковского. В одной из них, направленной Александру I в начале его царствования, Озерецковский (вместе с другими русскими академиками, Севастьяновым и Гурьевым) констатировал, что «академия... истаеает все-совершенно» вследствие смерти некоторых академиков и ухода других, а также и вследствие заполнения Академии преимущественно иностранцами. Озерецковский напоминал о давнем еще указании Петра I, «чтобы чрез 30 лет от заведения Академии все члены оной были из природных россиян». Эта директива не выполнялась. Озерецковский добавлял: «Чужестранные оной (т. е. Академии) члены для России совсем бесполезны. Ибо, — пояснял он, — всякий чужестранец, пища не на русском языке, сообщает свои труды не России собственно». Хотя в этих словах Озерецковского содержалось известное преувеличение, потому что некоторые иностранцы, работавшие в Академии, далеко не были «совсем бесполезны» для России, все же он был прав в указании на то, что ученые (не только из иностранцев, но и из русских), не издававшиеся по-русски, сообщали «свои труды не России собственно». Озерецковский требовал предоставить русскому языку широкие права в публикациях Академии наук. «По сие время, — писал он, — в Российской академии наук не токмо труды академиков, но и самые даже записки ее заседаний пишутся на иностранных языках, как будто бы академия для иностранцев была основана. Очевидная польза требует, чтобы сие отменено было».

За Озерецковским, Гурьевым и Севастьяновым стояли в этом случае все, кому были дороги интересы более или менее широких кругов русских людей, способных следить за успехами отечественной науки, — особенно тех лиц, кто не знал иностранных языков. Поскольку Озерецковский представлял эти интересы, его настояния носили прогрессивный характер. Правительство, которое не могло не видеть, что Академия действительно «истаеает» (чего оно, конечно, сознательно не хотело), и которое не могло не внять голосу авторитетных русских ученых, пошло навстречу очевидной и прогрессивной общественной потребности.

Известно, однако, что не Озерецковскому было поручено составить новый устав для Академии, способный воскресить ее. Это дело попало в руки особой комиссии из четырех лиц, среди которых один только М. Н. Муравьев (отец будущих декабристов Александра и Никиты Муравьевых) был русским [9]. Подготовленный комиссией устав 1803 г. если и не во всем отразил пожелания группы Озерецковского, то все же пошел им навстречу, по крайней мере, в признании необходимости 1) усилить научные труды, научные средства и оборудование Академии и 2) сделать русский язык одним из законных (хотя и не единственным) официальных языков Академии.

Оба эти требования вытекали из сложившейся общественно-политической ситуации в стране. Ее феодально-крепостнический уклад — мы знаем — уже подкапывался силами народившегося, хотя и сравнительно слабого еще капитализма. Нужды обороны, потребности подъема сельского хозяйства и особенно — интересы развивавшейся промышленности настоятельно требовали усиления общественного веса и расширения практических функций науки в России. С другой стороны, рост национального самосознания наиболее прогрессивной части дворянства и формировавшейся буржуазии наряду с численным увеличе-

нием «разночинной» прослойки — все это делало возможным усиление количества и роли коренного русского элемента в науке, тогда как всякого происхождения иностранцы, особенно немцы, занимавшие в науке XVIII в. командные посты, успели к этому времени изрядно скомпрометировать себя прислуживанием интересам и взглядам крепостнических хозяев России и в глазах русских ученых становились тем самым тормозом дальнейшего развития русской науки. Отсюда и выросли требования группы Озерецковского, вольно или невольно ученные правительством, отсюда в конце концов произошли и основные прогрессивные установки академического устава 1803 г.

Мы видели выше, что в вопросе о роли русского языка в новой, реорганизованной Академии тогдашняя новая Россия потерпела в Академии сильное поражение. Язык представлял в данном случае интересы всей передовой русской культуры. Оба они (язык и культура) были побеждены соединенными усилиями крепостнической верхушки и верных ей немецких ее помощников, чуждых прогрессивно-национальным русским интересам. Новосильцев (побочный сын графа Строганова) и Уваров, оба — знатные представители правящих феодально-дворянских сил, и их ближайшие сотрудники, немецкие по происхождению и антирусские по симпатиям, акад. Николай и Павел Фуссы подали друг другу руки, чтобы не дать развернуться в Академии тем тенденциям, за которые стояли Озерецковский и его единомышленники и которые отражали и выражали прогрессивные общественно-политические интересы страны в области науки.

Перечисляя выше конкретные меры, с помощью которых руководство Академии в значительной мере парализовало реализацию устава 1803 г. через посредство политики, усвоенной по отношению к русскому языку, мы привели материал, легко поддающийся социально-политической расшифровке. Выделяя работы на русском языке из общего теоретического органа Академии и ограничивая их преимущественно математикой и естествознанием, руководство Академии старалось не допустить русского прогрессивного, тогда в основном буржуазно-демократического читателя до ознакомления с обсуждением серьезных общественно-экономических и политических вопросов в Академии. Оставив за руководством Академии право произвольного определения того, что может быть «поучительного» и «любопытного» в теоретических трудах Академии, крепостники и немецкие их союзники стремились навсегда закрепить за собою контроль над научными интересами и любознательностью прогрессивных общественных сил России. Они «охраняли» последних даже от соприкосновения с общими вопросами математики и теоретического естествознания. Совсем закрывая в период наибольшей реакции после 1819 г. даже математический и естественнонаучный русский орган «Умозрительные исследования», те же социальные силы в лице их представителей в руководстве Академии действовали одновременно в том же духе и направлении, что их же представители в Министерстве народного просвещения, князь Голицын, Рунич, Магницкий и др., когда те стремились превратить даже и самую математику только в идеологическое средство укрепления феодально-дворянской России.

Сосредоточив большую часть повременных публикаций Академии в иноязычных, иностранных по языку «Мемуарах», крепостническо-немецкое руководство Академии сохранило вплоть до декабристского восстания только один периодический орган на русском языке — «Тех-

нологический Журнал». По отношению к нему опасения охранителей основ существовавшего тогда социально-политического режима были наименьшими. Во-первых, и крепостническая Россия нуждалась в известном уровне технических знаний, притом так, чтобы знания получали по возможности широкое распространение и обеспечивали достаточным количеством технически подготовленных людей обслуживание техно-экономических нужд страны, — отсюда русский язык «Технологического Журнала». Во-вторых же, русские реакционеры первых десятилетий XIX в. — как всегда бывало с реакционерами — полагали, очевидно, что техника, технология представляют наименьшие опасности с точки зрения разработки и пропаганды общественных идей, враждебных феодально-дворянскому укладу страны, — отсюда терпимое отношение к «Технологическому Журналу» даже и после того, как были закрыты другие русские органы Академии — «Статистический Журнал» и «Умозрительные исследования». Если после 1825 г. «Технологический Журнал» Академии все же прекратился, то вряд ли в этом значительную роль сыграли политические опасения, потому что сейчас же за стенами Академии начали возникать другие, более специальные технические журналы на русском языке.

Естественно и вполне законно задаться вопросом, почему движение за реорганизацию Академии и ее периодических изданий, принятое передовой группой русских ученых и проводившееся через академический устав 1803 г., оказалось бессильным преодолеть феодально-крепостническое сопротивление, организованное руководством Академии? Иными словами — почему в конце концов не удалось сделать русскую Академию первых десятилетий XIX в. *вполне русской* — по уровню прогрессивного тогда общественного движения и по языку? Почему ее «Мемуары» остались иноязычными? Мы увидим ниже, что, несмотря на сопротивление руководства Академии и на нерусскую языковую форму, «Мемуары» 1809—1830 гг. во многом все-таки проводили в области науки линию, отвечавшую интересам тогдашней прогрессивной, в основном буржуазно-капиталистической России. Мало того, мы обнаружим, что на страницах «Мемуаров» открыто нашла себе место и умеренная, правда, но все же вполне определенная и отчетливая пропаганда этих интересов. К этой пропаганде, однако, руководством Академии были допущены только сотрудники Академии, иностранные по происхождению и для которых русский язык, язык русской общественной среды, не был ни родным, ни даже хорошо знакомым. Это были в основном Шторх и К. Герман. Они, правда, жили с Россией и стали русскими учеными в широком смысле слова, проводя посильно свою работу в соответствии с нуждами и потребностями прогрессивных тогда русских кругов. Но тесной, всесторонней, повседневной и инстинктивной связи с этими кругами у них не было, они все-таки оставались в России до некоторой степени инородным телом и вследствие этого не могли оказывать феодально-крепостническому руководству все то сопротивление и соблюдать всю ту последовательность и упорство, какую могли бы обнаруживать люди, более органически связанные с тогдашней русской жизнью и ее передовыми тенденциями. Этим в конце концов объясняется то, что руководство Академии долго смотрело сквозь пальцы на пропаганду буржуазно-капиталистических интересов и идей, проводившуюся Шторхом и Германом на страницах «Мемуаров». Но где же были те русские деятели того времени, шире и крепче связанные с родной средой, кото-

рыми феодально-крепостнические руководители Академии не могли бы поэтому распоряжаться так свободно, как иностранцами по происхождению Шторхом и Германом? Каково было отношение таких людей к Академии и почему они не взяли в свои руки «Мемуары»?

Некоторое — и относительно немалое — число русских ученых, более разносторонне и тесно связанных со своей средой, между прочим и по языку, тогда уже существовало и продолжало умножаться. Не все они были «цеховыми» учеными, но и те из них, для кого занятие наукою не сделалось основной профессией, вели свою работу на относительно (исторически) высоком уровне. Достаточно напомнить, что еще в начале XIX в. выступил в качестве политического мыслителя продолжатель традиций Радищева, автор «Опыта о просвещении относительно к России» — Пнин. Недолго спустя был написан и опубликован ряд выдающихся экономических работ карпаторусса Балугьянского. Затем Сперанский в своей русской записке о плане преобразования России изложил целую систему политических и отчасти экономических идей. Популярный политик и экономист адмирал Мордвинов реагировал в многочисленных русских работах, рукописных и печатных, на все основные вопросы политической и экономической жизни страны. Зябловский и Арсеньев разрабатывали тогда экономическую географию и статистику России. Многие из вопросов текущей экономики России получили серьезное освещение также в книге Н. Тургенева о финансово-налоговой политике и в русских работах П. Кеппена. Ряд декабристов, и среди них особенно Пестель в работах над своей «Русской Правдой», затронули в наиболее тогда прогрессивном направлении большой комплекс жгучих политических и экономических вопросов, касавшихся и будущего России. По вопросам права и политики писали Горюшкин и Куницын. В области исторических знаний Карамзин, Е. Болховитинов, Каченовский, также деятели круга Н. П. Румянцева — Строев, К. Калайдович, А. Малиновский и др., а позднее Пушкин-историк широко разрабатывали вопросы русской истории. Востоков и Кеппен печатали на русском языке работы по истории русского и славянского языков. А. Болдырев, Сенковский и И. Бичурин закладывали на русском языке основы русского востоковедения. Такими крупными силами располагала в первой трети XIX в. русская наука на русском языке только в области общественного вознания. В области математики и естествознания в то же время продолжали действовать или впервые выдвигались математики Гурьев и Висковатов, а позднее Остроградский, Буняковский и великий Лобачевский (с 20-х гг.), астроном Симонов, физики Петров и Щеглов, минералог Севергин, биологи Озерецковский, П. Загорский, Смеловский, Филомафитский и др. Относительно к ресурсам и нуждам эпохи все это были довольно значительные силы, и они активно участвовали в разработке науки на базе *русского* языка.

Когда перед изданием академического устава 1803 г. академик Озерецковский и его единомышленники настаивали на расширении в Академии кадров коренных русских ученых, многие из названных лиц еще только начинали свою деятельность или даже едва приступали к ней готовиться. Они развернулись в течение первых двух десятилетий, и руководству Академии было за это время из чего черпать для русификации этого высшего научного центра страны. Однако руководство Академии и поддерживавшие его линию общественно-политические силы вовсе не собирались проводить эту линию систематически. Пред-

принимались только некоторые, сдержанные, половинчатые и в конце концов малоэффективные шаги в этом направлении.

В проведении этой политики надо различать три этапа. Первый из них относится к 1802—1807 гг. и соответствует «дней Александровых прекрасному началу», когда правительство и Академия еще старались хотя бы несколько считаться с тем движением, которое привело к изданию академического устава 1803 г. В этот период в Академию из фонда вышеназванных русских ученых⁹ на должности младших академических работников (адъюнктов) были приглашены выдающийся ботаник Смеловский (1802), математик Висковатов (1803) — ученик Гурьева, который и сам не без борьбы вступил в Академию лишь незадолго перед тем, анатом и физиолог П. Загорский (1805), наконец — превосходный физик В. Петров (1807). Вместе с немногими русскими академиками, перешедшими из XVIII в., эта ученая молодежь до некоторой хотя бы степени пополнила Академию способными учеными, связанными с Россией, между прочим, и в отношении языка.

Однако затем (1807—1817), в период президентства Новосильцева и неофициального президентства Н. Фусса, вплоть до назначения в 1818 г. С. Уварова главой Академии, эта политика русификации Академии была сломана и прервана. Ни один русский ученый не вошел тогда в Академию, но принят был ряд иностранцев. В этот период, в том же антирусском, тогда антипрогрессивном духе, была создана и та система повременных органов Академии, о которой мы говорили выше. Даже огромный национальный подъем 1812 г. ничего не изменил в этом отношении.

Новыми веяниями повеяло как будто с приходом к власти С. С. Уварова (1818). Веяния эти, однако, были очень своеобразны. При Уварове была усвоена очень характерная установка. Вплоть до 1830 г. в штатный состав Академии из числа ученых русского происхождения вводился минимум новых лиц, притом в основном из представителей физико-математических наук. Так, в 1822 г. в Академию вступил астроном Тарханов, а в 1828 г. математики Буняковский и Остроградский. Исключение было сделано отсюда только для востоковеда Ярцева в 1818 г. — совершенно случайное исключение. Зато в тот же период 1818—1830 гг. Академия пополнилась значительным числом русских ученых нерусского происхождения, а также ученых иностранцев.

Академия, однако, чувствовала себя обязанной сделать некоторые уступки по отношению к ученым, для которых русский язык был языком творчества, приняв, впрочем, меры к тому, чтобы эти уступки не привели к реальному изменению физиономии Академии. В этих видах был использован институт членов-корреспондентов и почетных членов. Ни те, ни другие *по тогдашней структуре Академии* не могли влиять на внутреннюю жизнь последней. Избрание членом-корреспондентом или почетным членом носило чисто почетный характер. Такой почет широко оказывался в Академии и ранее, и в данное время по отношению ко многим представителям русской высшей администрации и знати. Сам президент Академии Уваров был избран ее почетным членом еще в 1811 г. Именно после назначения президентом Уварова усилился приток в Академию членов-корреспондентов и почетных членов из русских людей. При этом явно и дифференцированно учитывалось социальное происхождение и общественное положение кандидатов. Наиболее знатные или влиятельные лица присводились в почетные члены. В 1818 г. был избран Карамзин; в 1819 г. — Сперанский, в

1826 г. — митрополит Е. Болховитинов и адмирал Мордвинов. В члены-корреспонденты избирались почти исключительно ученые «разночинного» происхождения — из духовенства, мелкого чиновничества и т. п. «состояний». Притом эта мера проводилась более или менее одновременно, в явной связи с декабристским восстанием 1825 г. и, по-видимому, с умыслом привлечь на сторону правительства мало обязывающим последнее способом — представителей более или менее прогрессивной части коренных русских ученых. На сей раз дело коснулось преимущественно представителей общественных наук: К. Калайдовича (1825), Арсеньева (1826), Греча (1827), И. Бичурина (1828), Сенковского (1828), наконец, Н. Полевого (1831). Из математиков и натуралистов корреспондентство было предоставлено химику Соловьеву (1826), физику Н. Щеглову и астроному Симонову (1829).

Описанная политика Уварова не привела и не могла привести к проникновению в Академию значительных кадров наиболее способных ученых, которыми располагала тогда страна. Вся эта политика была направлена, наоборот, к предотвращению этой перспективы, к сохранению такого положения в Академии, при котором ее руководство могло бы проводить в основном классовую феодально-крепостническую политику, лишь осторожно и ограничительно допуская в Академии буржуазно-капиталистические веяния, предоставляя их проведение по возможности мало связанным с прогрессивными русскими кругами ученым иностранного происхождения и в то же время сводя число русских ученых в Академии к минимуму или допуская их в нее лишь ради формы, без возможности действительно влиять серьезно и длительно на ход дел в Академии. Вот почему, в конце концов, издававшийся на иностранных языках «Мемуары» сделались основным периодическим органом Академии в первые десятилетия XIX в., а ее русские органы стеснялись или вовсе ликвидировались.

3. Тенденции и колебания в ходе издания «Мемуаров»

Обращаясь теперь к более специальному рассмотрению «Мемуаров» 1809—1830 гг., мы начнем его с характеристики некоторых общих тенденций в их издании, разумея в данном случае под «тенденцией» некоторое основное направление, пролагавшее себе путь в период первой трети XIX в. среди более или менее частных и временных колебаний или отклонений. Эти колебания мы рассмотрим уже во вторую очередь, после того как уясним себе основной уровень, к которому их нужно относить.

Обратим внимание прежде всего на то, что отдельные тома «Мемуаров» выходили во времени неравномерно. Следующая таблица демонстрирует это наглядно:

т. I — 1809 г.	т. VII — 1820 г.
т. II — 1810 г.	т. VIII — 1822 г.
т. III — 1811 г.	т. IX — 1824 г.
т. IV — 1813 г.	т. X — 1826 г.
т. V — 1815 г.	т. XI — 1830 г.
т. VI — 1818 г.	

Отвлекаясь от отдельных дат, мы видим, что в общем первые тома серии выходили чаще, чем ее последние тома: сперва они появлялись ежегодно, затем чаще — всего через 2 года, а последний том вышел через 4 года после предыдущего. Первые пять томов серии выш-

ли в течение 6-ти лет, последние шесть томов — в течение 12-ти лет. Все это свидетельствует о тенденции к замедлению издательской активности Академии в отношении ее «Мемуаров».

Это становится еще заметнее, если от хронологии выхода отдельных томов «Мемуаров» перейти к изменению объема этих работ на протяжении всей серии. Оно таково:

т. I — 730 с.	т. VII — 559 с.
т. II — 562 с.	т. VIII — 708 с.
т. III — 462 с.	т. IX — 692 с.
т. IV — 568 с.	т. X — 820 с.
т. V — 742 с.	т. XI — 326 с.
т. VI — 836 с.	

На первый взгляд кажется, что объем томов сперва уменьшается (до III т.), затем он растет до VI т., снова уменьшается в т. VII, снова увеличивается в т. VIII—X и опять падает в т. XI. Если при этом отвлекаться от частных колебаний, можно сказать, что в общем, в среднем объем отдельных томов колеблется вокруг некоторого почти неизменного уровня. От I т. до V т. этот уровень (арифметическая средняя) определяется цифрой около 600 с. От VI т. до XI т. соответствующая цифра (арифметическая средняя) составляет около 650 с.

Уже это говорит, что в объеме продукции Академии, отражавшейся в «Мемуарах», почти не было движения вперед, если идти от начала серии к ее концу: объем в среднем оставался почти стационарным. В действительности, однако, дело обстояло гораздо хуже. Только первые три тома «Мемуаров» выходили ежегодно. Начиная с IV т. они стали появляться раз в два года, реже — раз в три и один раз в четыре года. Если учесть это, придется признать, что *отнесенная к единичному году* продукция Академии в «Мемуарах» после III т. уменьшилась в объеме. Ни один их том после III т. не доходит, в годовом выражении, до объема трех первых томов, а многие — значительно меньше по объему, чем даже самый малый из первых трех томов¹⁰. Мы имеем, следовательно, не стационарность, а абсолютное падение объема печатной продукции Академии в «Мемуарах» от начала к концу серии.

Оба показателя издания «Мемуаров», учтенные нами до сих пор, а именно: 1) частота выхода томов серии, 2) изменение их объема во времени — имеют общую тенденцию. Смысл ее тот, что, судя по всем названным показателям, научно-литературная продуктивность Академии наук, отраженная в первой серии ее основных публикаций, обнаруживала от начала 1800-х гг. к 1830 г. склонность к застою и даже к упадку.

Формулируя это заключение, мы имеем в виду не оценку научно-достоинства или качества трудов Академии, опубликованных в «Мемуарах». Мы совсем не хотим сказать, что в начале нашего периода «Мемуары» содержали большее число ценных работ или работ более высокого научного достоинства, чем в конце периода. Привлеченные и рассмотренные нами до сих пор показатели сами по себе совсем не содержат материала для суждения об этой стороне дела. Они характеризуют научную деятельность Академии в ее литературно-издательском аспекте. И хотя этот аспект вовсе не является внешним по отношению к науке, которую Академия разрабатывала и отражала в «Мемуарах», все же это — аспект *sui generis* [своего рода. — лат.]. А именно, он касается существа науки, но не со стороны ее объективно-по-

знавательской ценности, а преимущественно со стороны связей разработки науки с ее общественной средой, с общим ходом выработки и развития культуры.

В этом аспекте не будет неуместным спросить, стоит ли указанная выше тенденция в издании «Мемуаров» особняком в развитии культуры тогдашней России или имеет связь с нею и является ее более или менее специализированным выражением?

Для ответа на этот вопрос мы привлечем, прежде всего, некоторые данные об общих тенденциях в ходе развития русской книжной продукции в первой трети XIX в.

«Мемуары» являлись повременным изданием. Каково отношение хода издания этого повременного издания к общему движению русской повременной печати?

Мы располагаем наиболее ценными данными Н. М. Лисовского только о той части последней, которая выходила на русском языке. В 1806 г. на этом языке издавалось 30 органов, в 1814—20, в 1817—36, в 1820—26, в 1825—42, а в последующее десятилетие (1826—1835) общее число изданий почти не изменилось (в одних областях число изданий несколько возросло, в других—слегка понизилось)¹¹. Очень заметной тенденции к росту числа периодических изданий от начала периода к концу нет.

Еще определеннее можно будет судить об этом, приняв во внимание численность населения, которое обслуживалось в первой трети XIX в. русской повременной печатью. Точных данных о размерах населения России в 1806 г. нет, но можно думать, что его численность не очень сильно отличалась от численности населения в 1796 г. (19 млн), ввиду того что значительного расширения русской территории от 1796 до 1806 г. не произошло; численность населения в 1806 г., напротив, очень отличалась от численности населения в 1815 г. (45 млн), возросшей не только за счет «естественного» прироста, но и за счет большего расширения территории. Вряд ли в 1806 г. *чисто русское* население существенно превосходило *все* население России в 1796 г.: вероятно, оно колебалось около 20 млн. В конце нашего периода, в 1835 г. общее население России поднялось до 60 млн, и в этом числе *чисто русское* население достигало, вероятно, не менее 70—75%, т. е. составляло не менее 42—45 млн¹². Оно превосходило русское население 1806 г. приблизительно вдвое (если не больше). И вот оказывается, что вся эта колоссально возросшая масса обслуживалась (если даже считать процент грамотности в 1835 г. равным такому же проценту в 1806 г.) количеством изданий, лишь на 30—40% большим, чем в 1806 г. Это значит, что относительная насыщенность страны русской периодикой в конце первой трети XIX в. даже понизилась по сравнению с началом этого периода. Картина движения литературно-издательской продуктивности в области всей русской периодики в первой трети XIX в. получается, в общем, такую же, как картина ее движения в «Мемуарах» Академии.

Не одна периодика развивалась таким образом в рассматриваемое время. Аналогичный ход вещей обнаруживается и в движении тогдашней русской книжной (непериодической) продукции. Ее статистика очень дефектна, главным образом вследствие несопоставимости ее источников за разные отрезки времени. Недавно С. А. Рейсером была сделана попытка привлечь новый и, по возможности, более или менее однородный источник. Это именно учет русских книжных поступле-

ний в Публичную библиотеку (ныне имени Салтыкова-Щедрина, в Ленинграде). Их регистрация велась там с 1810 г., отражаясь как в печатных, так и в архивных отчетных материалах. К сожалению, оставая нас беспомощными за время 1801—1809 гг., этот источник не лишен довольно существенных дефектов и по отношению к периоду с 1810 г. Но, кажется, несмотря на это, он все же представляет известную ценность¹³. Для уловления интересующих нас общих тенденций в движении книжной продукции мы просуммировали имеющиеся погодные данные Публичной библиотеки в пятилетние сводки:

Пятилетия	Число русских книг, поступивших в Имп. Публ. б-ку
1811—1815	2764
1816—1820	3795
1821—1825	3127
1826—1830	3552

Мы видим, что от 1811—1815 гг. к 1826—1830 гг. число новых вышедших русских книг, взятое в абсолютном выражении, несколько поднялось (процентов на 25—30). Но этот подъем не дал высшей точки за весь период именно к 1826—1830 гг., потому что в прошлом было пятилетие с большей продукцией (1816—1820). А кроме того, если и здесь сопоставить рост продукции с одновременным ростом населения, окажется, что производство книг росло в более медленной пропорции, чем увеличение населения, и в конце концов вместо возрастания насыщения новой книгой происходило его понижение: это — та же тенденция, какую мы наблюдали на материале публикации «Мемуаров» и в ходе развития всей русской периодики.

Тенденцию эту можно определить как застой и часто упадок. Она выражена настолько отчетливо и ясно, что заставляет предполагать более общее движение в стране в том же направлении. И в самом деле — не одно производство журналов и книг, но и все вообще существенные показатели производства подчинялись в тогдашней России той же тенденции.

Основную отрасль производства было тогда земледелие. Его динамика не может быть отражена в статистических цифрах всесторонне, за отсутствием таких цифр в источниках. Но есть выразительные частичные показатели. Как известно, урожайность, т. е. одно из основных проявлений производительности земледелия, зависит не только от климатических условий: даже и частично оно зависит от них не прямо, а через организацию и технику производства, позволяющую лучше или хуже утилизировать и регулировать природные условия. Поэтому урожайность является до известной степени зеркалом общей производительности земледелия. В период 1801—1830 гг. она не испытала в России ни малейшего движения вперед, как видно из следующих сводных цифр о среднем урожае, относящихся к 50 губерниям Европейской России (по десятилетиям)¹⁴:

Годы	Урожай, сам
1801—1810	3,5
1811—1820	3,5
1821—1830	3,4

У нас нет столь же выразительных показателей по всему сельскохозяйственному производству в России того времени, но до некоторой

степени о нем можно судить по вывозу полотняных изделий, одной из главных тогда отраслей этого производства. Вывоз этот составлял в 1812—1814 гг. 217 тыс. кусков полотна. В дальнейшем он почти не обнаружил тенденции к росту. Об этом можно заключить по данным о вывозе того же объекта в 1836—1840 гг.: даже и через 25 (приблизительно) лет он едва поднялся до 223 тыс. кусков [3, с. 529].

Та же картина производственного застоя от начала нашего периода по направлению к его концу открывается перед нами, когда мы обращаемся к состоянию промышленности. Основную ее отрасль в первой трети XIX в. была, конечно, металлургия, а в ней — металлургия железа. О динамике последней можно судить по выплавке чугуна. Статистика этой последней неполна и весьма приблизительна, но для наших целей более или менее достаточна. В начале нашего периода, в 1801 г. общий годовой объем выплавки чугуна определялся цифрой около 9 млн пудов. Ряд дальнейших лет итоговой статистики не представлен. Мы располагаем цифрами только начиная с 1822—1824 гг. Средняя годовая выплавка чугуна за этот период составляла 8,96 млн пудов. В течение 1825—1827 гг. она (в годовом же выражении) слегка поднялась — до 9,06 млн пудов. В период 1828—1830 гг. рост продукции продолжался даже несколько интенсивнее, составив в среднем годовом выражении 11,09 млн пудов. Однако начиная с 1831 по 1833 г. рост снова приостановился, и до самого конца 30-х гг. цифра годовой выплавки все время оставалась ниже 11 млн пудов [15, с. 200—201]. Таким образом, от 1801 г. к 1837—1839 гг. имеем сдвиг всего только от 9 к 11 млн пудов. Если соотнести это слабое повышательное движение с ростом населения, несравненно более быстрым, окажется, что и здесь мы имеем не подъем, а, скорее, тенденцию к упадку. Если проследить за развитием производства чугуна по какому-либо из характерных для того времени отдельных заводов, сохранившему для будущего отчетные данные, можно убедиться, что и здесь не было никакого движения вперед. Например, в Иргинском доменном заводе (на Урале, близ Перми) между 1802—1806 и 1822—1826 гг. среднесуточная выплавка чугуна во всех наличных тогда домнах все время оставалась (в тоннах чугуна) в среднем выше 6 и ниже 7, причем в конце периода она стояла даже несколько ниже, чем в его начале. В отдельных домнах, правда, выплавка шла неравномерно, в некоторых даже увеличиваясь; но по заводу в целом эти успехи компенсировались низкой производительностью других домен [15, с. 192—194].

Есть некоторые общие, хотя косвенные показатели движения в наш период производительности всего русского народного хозяйства в целом. Например, до известной степени таким показателем может служить объем всего русского вывоза. В первую четверть XIX в. он почти не изменился (особенно, если отнести его к численности населения): в 1801—1805 гг. среднегодовой размер вывоза измерялся 75,1 млн р., а такой же вывоз в 1821—1825 гг. дал едва 81,4 млн р. [3, с. 493].

Нужно оговорить, что при таком застойном или даже упадочном движении всего производства в целом в *некоторых* отраслях последнего происходили и процессы обратного характера. К их числу относится, например, хлопчатобумажная промышленность [5, с. 600—632]. Но явления подобного рода имели характер исключений, и об общем подъеме народнохозяйственного производства они не свидетельствуют.

Мы видим, таким образом, что застой и упадок, постигший издание «Мемуаров» от начала к концу периода, не составляет их особенности. Это общая черта русской жизни того времени. Она и коренилась в общих условиях: стремление производства к росту и расширению тормозилось в основном рамками феодально-крепостного хозяйства. Это торможение, имевшее место на протяжении всего периода и в производстве, и в других областях народной жизни, приобрело особенно угнетающий характер по направлению к концу первой трети XIX в. Все элементы и силы крепостного режима поднялись на его защиту и провозгласили ее со все возраставшей агрессивностью — в ответ на рост капиталистического наступления, на усиление недовольства и волнений народных масс, особенно крестьянских, на подъем активных политических движений (вершина — 14 декабря), на повышение антифеодальной идеологической активности (во всех областях русской культуры, особенно в литературе).

Если внимательное рассмотрение общей тенденции издания «Мемуаров» обнаруживает, как видим, их вполне русский характер, глубоко укорененность в тех же условиях русской науки, которыми определялось столько других проявлений последней, то к тому же заключению приводит изучение и другой стороны дела в публикации «Мемуаров» — той именно, которая выражалась в определенных колебаниях издания «Мемуаров» около основной оси их истории в продолжение первой трети XIX в. Если за такую ось принять общую тенденцию, которую мы констатировали выше, то колебания, которые мы имеем в виду, будут заключаться то в ускорении, в активизации выпуска «Мемуаров», то в его замедлении, в ослаблении темпов издания.

Говоря выше о хронологии выхода разных томов «Мемуаров», мы отметили, между прочим, что если первые пять работ были изданы в течение 6 лет, то шесть последних томов потребовали 12 лет. Тогда мы оценили этот факт как выражение некоторой общей тенденции. Сейчас мы должны обратить внимание на то, что между V и VI т. «Мемуаров» прошло 3 года (1815—1818). До 1815 г. издание их шло относительно быстро, потом наступила пауза, и, когда она прошла, издание возобновилось в гораздо более медленных темпах, которые удержались (с дальнейшим замедлением) до конца серии. Период между 1815 и 1818 гг. необходимо, по-видимому, рассматривать как переломный в издании «Мемуаров».

Попытаемся проверить это наблюдение, обратившись к другому показателю, именно — к колебанию объема отдельных томов «Мемуаров».

Мы уже пользовались этим показателем выше для анализа тенденции хода их издания. Обратим теперь внимание на то, как менялся объем томов конкретно от тома к тому. Учтем, что только три первые тома «Мемуаров» выходили ежегодно, а все последующие появлялись через 2, 3 и 4 года друг после друга. Приведем объемы томов к одногодичной норме, т. е. тома, вышедшие через 2 года, разложим искусственно на два годичные тома половинного объема, тома, вышедшие через 3 года, — на три тома с объемом в $1/3$ действительного и т. д. Тогда мы получим ряд, в котором искусственные тома снабжены показателем их происхождения путем деления действительного тома на соответствующее число частей:

Том	Год	Объем, с.	
I	1809	730	
II	1810	562	
III	1811	462	
IV ₁	1812	284	реально т. IV, 1813, 568 с.
IV ₂	1813	284	
V ₁	1814	371	реально т. V, 1815, 742 с.
V ₂	1815	371	
VI ₁	1816	279	реально т. VI, 1818, 836 с.
VI ₂	1817	279	
VI ₃	1818	279	
VII ₁	1819	279	реально т. VII, 1820, 559 с.
VII ₂	1820	279	
VIII ₁	1821	354	реально т. VIII, 1822, 708 с.
VIII ₂	1822	354	
IX ₁	1823	346	реально т. IX, 1824, 692 с.
IX ₂	1824	346	
X ₁	1825	410	реально т. X, 1826, 820 с.
X ₂	1826	410	
XI ₁	1827	81	реально т. XI, 1830, 326 с.
XI ₂	1828	81	
XI ₃	1829	81	
XI ₄	1830	81	

В этих изменениях объема «Мемуаров», приведенного к одногодичной норме, бросается в глаза несколько минимумов, падающих на 1812—1813, на 1816—1820 и на 1827—1830 гг. По-видимому, первый из этих минимумов связан, естественно, с годами Отечественной войны 1812—1814 гг. Третий минимум приурочен к решению Академии сделать XI т. «Мемуаров» последним томом серии в связи со столетием Академии и посвятить его только посмертным трудам. Средний минимум 1816—1820 гг. в основном совпадает с минимумом, который мы только что отметили выше, говоря о колебаниях в хронологии выхода томов.

Какая-то значительная депрессия имела место между 1815 и 1820 гг. не только в ходе издания «Мемуаров». Например, если судить по диаграмме движения русской периодической печати в XIX в., составленной Н. М. Лисовским¹⁵, число русских периодических изданий, посвященных социально-политическим и литературным вопросам, начиная с 1800 г. медленно росло вплоть до 1806 г.; затем оно начало уменьшаться с резкими колебаниями, и это продолжалось до 1814 г. С этого года начался новый подъем, который продолжался с колебаниями приблизительно до 1818 г. *Между 1818 и 1820 гг. происходило понижение числа периодических изданий указанной выше категории.* После 1820 г. возобновился подъем с короткими резкими колебаниями (особенно сильно упало число изданий в 1827—1828 гг.), что продолжалось до начала 30-х гг. Отмеченная нами депрессия между 1817—

1818 и 1820 гг. заметна на диаграмме Лисовского и по отношению к динамике издания научных и вообще специальных произведений периодической печати. Об *общем* характере движения русской периодической прессы можно судить также по следующим сводным цифрам Лисовского [13]:

Год	Общее число период. изд.
1806	30
1814	20
1817	36
1820	26
1825	36

Упадок между 1817 и 1820 гг. очевиден.

Аналогичную полосу депрессивных годов можно обнаружить и в выпуске русских книг, если обратиться к использованной уже нами в другой связи статистике С. А. Рейсера, отражающей число русских книг, поступавших в Публичную библиотеку в Петербурге. На сей раз мы приведем погодный ряд этих поступлений (с 1810 г.):

Год	Число поступавших рус. кн.
1810	500
1811	535
1812	549
1813	700
1814	662
1815	318
1816	476
1817	417
1818	521
1819	625
1820	1756
1821	913
1822	550
1823	557
1824	511
1825	596
1826	650
1827	700
1828	735
1829	875
1830	692

Особенно резкое уменьшение числа вышедших русских книг падает на период 1815—1817 гг.: до такого низкого уровня их число не падало никогда ни до, ни после того.

Нужно полагать, что период между 1815 и 1820 гг., отмеченный *где раньше, где позже* депрессией как в издании общей, так и в издании специальной научной печати, носил в России какой-то особенный характер не только в области публикации книг и периодической печати. Так это и было в действительности.

Недавно это было отмечено, например, Н. М. Дружининым: «Период 1814—1818 годов проходил под знаком тяжелого послевоенного кризиса: ряд губерний был разорен, финансы были истощены, раскрылись крупные злоупотребления высших чиновников, дворянство находилось в состоянии оппозиции, а главное, половина Европейской России была охвачена массовыми крестьянскими волнениями. *Феодально-крепостническая система, разьедаемая внутренними противоречиями, едва справлялась с последствиями затяжной и дорого стоившей войны*» [16, с. 153].

Нужно, однако, заметить, что этот кризис 1814—1818 гг., в области культуры давший себя почувствовать с естественным запозданием в 2—3 года, вовсе еще не влек за собою сам по себе и автоматически *упадка во всех* проявлениях общественной активности.

Это ясно из самого характера тогдашнего кризиса. Под итоговой формой кризиса скрывалась ожесточенная классовая борьба¹⁶. О сильнейшем разгорании массовых крестьянских волнений уже упомянуто в приведенном замечании Н. М. Дружинина. Он же указывает на «оппозицию дворянства», и действительно, как раз в данное время эта оппозиция начала особенно активизироваться и принимать организованную форму. Период 1815—1818 гг. был временем возникновения первых декабристских организаций — «Союза Спасения», «Военного общества» и «Союза Благоденствия». Правительство и тесно к нему примыкавшие круги высшей дворянской знати тоже не держались в это время пассивно. Еще В. И. Семевский отметил в своей книге о «Крестьянском вопросе в России в XVIII и первой половине XIX века», что между 1816 и 1820 гг. в этих кругах происходило большое волнение и разрабатывались многочисленные проекты крестьянской «реформы» [18, гл. 22—26]. Дошло до того, что даже Аракчеев занялся в 1818 г. по поручению Александра I составлением проекта освобождения помещичьих крестьян, однако — без «мер стеснительных для помещиков». Выражая беспокойство, овладевшее земельной аристократией и им самим, Александр I не ограничился в 1818 г. мерами по крестьянскому вопросу. «Одновременно он дал ряд ответственных поручений: Новосильцеву — составить проект конституции... Сперанскому — подготовить гражданское уложение» [16, с. 153]. Наконец, правительство проявило в это время большую активность и в проведении разного рода репрессий, в том числе цензурных¹⁷.

Под несомненным влиянием этих репрессий особенно гнетущая обстановка сложилась и для печати, в частности — периодической, и для науки. К тем же кризисным годам относятся известные гонения на Петербургский и Казанский университеты, возглавляемые А. Голицыным, Магницким и Руничем¹⁸. От этих гонений сильно пострадал, между прочим, и К. Герман, профессор Педагогического института (позднее университета), экстраординарный член Академии наук с 1810 г. и активнейший сотрудник «Мемуаров». Изгнанный из университета, Герман, однако, остался в Академии. В VII и VIII т. «Мемуаров» продолжали появляться его работы 1816—1820 гг., написанные в

том же духе, что и другие его работы периода, предшествовавшего гонениям.

Если некоторые сотрудники Академии (Герман был только одним из них) пытались таким образом сопротивляться нараставшей реакции, руководство Академии отнеслось к кризисной обстановке иначе. Как раз в 1815—1820 гг. оно резко ослабило издание «Мемуаров», в чем мы убедились выше по хронологии выхода и колебаниям объема их томов. Едва ли можно думать, что, сжимая объем и замедляя темп выпуска основного своего издания, руководство Академии подчинялось, скажем, только возросшему цензурному гнету. Если бы этот последний сыграл здесь существенную роль, гонимый Герман, например, не мог бы в эти годы продолжать в прежнем роде свою научно-литературную деятельность в «Мемуарах». А он, как отмечено выше, продолжал ее. Академия вообще не нашла нужным присоединиться к политике Министерства народного просвещения в отношении Германа и оставила его в своем составе и в разгар преследований, и после того. Трудно сказать, чем объясняется это исключение. Вероятно, известную роль сыграло здесь то, что Герман писал и печатался в «Мемуарах» по-французски, что делало его труды достоинством сравнительно узкого круга, не опасного для правительства; кроме того, оставлению Германа в Академии могли содействовать и некоторые его личные связи. В чем бы тут ни заключалась истина, она, конечно, не изменяла общих установок Академии, — нельзя думать, что, оставляя в своей среде Германа, она тем самым присоединялась к нему.

Действительная позиция Академии *в целом* выражала, конечно, позицию ее руководства, а эта последняя в 1818 г. нам хорошо известна. В 1818 г. Академия получила президента, которого она была долго лишена, — им был назначен С. С. Уваров. Хотя в то время он еще сохранял налет некоторого показного ученого либерализма, от которого, впрочем, скоро отделался, — уже и в 1818—1820 гг. он и другие руководители Академии (прежде всего непременный секретарь Н. Фусс) ясно демонстрировали, на чьей стороне они стоят в период «кризисного» разгорания классово-политической борьбы. Во-первых, как мы увидим ниже, руководство Академии взяло именно с прихода Уварова к власти определенный курс на всяческое сокращение объема материала по социально-экономическим и политическим вопросам в «Мемуарах». Этот курс на вытеснение актуальной социально-политической проблематики начал проводиться последовательно уже с т. I «Мемуаров», полностью подготовленного при Уварове (т. VII). И с этого же тома стала осуществляться и другая мера: захват «освобождавшегося» в «Мемуарах» места материалом историко-филологическим, причем история и филология получили здесь характер подчеркнуто архаизирующий. Другим столь же выразительным проявлением установок руководства Академии с момента прихода Уварова к власти явилось прекращение (с 1820 г.) главного ученого органа Академии, выходившего на русском языке, — ее «Умозрительных исследований». О реакционно-классовом смысле этого акта мы уже говорили выше в другой связи. Там же упомянуто то, что означало в это время сохранение издания «Технологического Журнала».

Таким образом, если в период между 1815 и 1820 гг. руководство Академии сильно сократило объем своего основного научного органа и стало выпускать его реже прежнего, это надо рассматривать не как невольное подчинение руководства Академии внешнему гнету. Это

было одним из определенных проявлений активно реакционного курса самого руководства. Сжимаемая «Мемуары» и выпуская их реже, т. е. ущемляя возможности научной работы в стране, руководители Академии действовали в ее стенах по существу в том же направлении, что А. Голицын, Магницкий и Рунич за ее стенами. Это было направление активной феодально-крепостнической реакции, и показателем ее действительности и явилась та депрессия в издании «Мемуаров», о которой мы выше судили по статистическим данным. Принимая это во внимание, не следовало бы классифицировать эту активно произведенную депрессию под одной рубрикой с той невольной, страдательной депрессией, которой одновременно подвергалась в целом русская книжная и периодическая литература между 1815 и 1820 гг. Статистически однородные, — по существу, социально-политически, это — явления разного смысла и порядка.

4. Распределение содержания «Мемуаров» между группами наук

От характеристики хода издания «Мемуаров» мы перейдем теперь к изучению их содержания. Остановимся, прежде всего, на вопросе о разделении этого содержания между основными областями знания.

Согласно уставу 1803 г. и по его номенклатуре (§ 3), такими основными областями для Академии являлись: чистая математика и физико-математические науки; механика твердых и жидких тел; астрономия; химия; минералогия; ботаника; зоология; анатомия и физиология; технология; история; статистика и политическая экономия. Все эти науки получили свое отражение в отдельных томах «Мемуаров» в разной мере.

Там они группировались в крупные разделы или отделения. В томах от I до VI включительно (1809—1818) таких более или менее устойчивых разделов было три: *I раздел* — математических наук (включая собственно математику, астрономию, механику и долгое время метеорологию, которая, однако, в последних томах, IX и X, была перенесена, и то не во всех отношениях, в раздел II); *II раздел* — науки естественные в широком смысле слова, куда входили физика, химия, минералогия, физическая география, геология с палеонтологией и науки биологические; *III раздел* — экономика, статистика, экономическая география, некоторые вопросы политики. Начиная с т. VII и до т. X (т. XI был на особом положении, включая только раздел физико-математических наук в посмертно изданных работах академиков Эйлера, Шуберта и Н. Фусса) в «Мемуарах» появилась новая общая рубрика — *IV раздел*, обнимавший до известной степени исторические и филологические науки. В дальнейшем мы сохраним эту нумерацию разделов.

Разные области знаний пользовались в «Мемуарах» в разное время не одинаковым вниманием. Об этом можно судить в основном по числу страниц, предоставлявшихся в каждом из томов отдельным группам или разделам наук. В нижеследующей таблице распределение объема томов между основными разделами дано в абсолютном числе страниц, а в скобках указан процент раздела по отношению к общему объему каждого тома¹⁹.

Раздел	Том (объем, с., %) год										
	T. I 1809	T. II 1810	T. III 1811	T. IV 1813	T. V 1815	T. VI 1818	T. VII 1820	T. VIII 1822	T. IX 1824	T. X 1826	T. XI 1830
I Физ.-мат. науки	310 (42)	309 (54)	156 (34)	336 (61)	208 (29)	294 (41)	338 (53)	246 (35)	282 (41)	260 (32)	320 (100)
II Естеств. науки	176 (24)	134 (24)	190 (41)	154 (25)	364 (49)	344 (41)	114 (20)	82 (12)	202 (30)	88 (11)	0
III Соц.-экон. науки	244 (34)	119 (22)	116 (25)	78 (14)	160 (22)	154 (18)	48 (8)	166 (23)	66 (9)	46 (6)	0
IV Ист.-филол. науки	0	0	0	0	0	0	103 (19)	214 (30)	142 (20)	426 (51)	0
Объем всего тома	730 (100)	562 (100)	462 (100)	508 (100)	742 (100)	836 (100)	559 (100)	708 (100)	692 (100)	820 (100)	326 (100)

Анализируя эту таблицу, мы можем сделать ряд существенных наблюдений.

1. Бросается в глаза, прежде всего, что в каждом томе — иное распределение объема между разделами, чем в других. Выраженное в процентах к общему объему данного тома, оно всегда характеризуется меняющимися цифрами.

2. Если попытаться обозначить место каждого раздела в томе соответственно проценту занимаемого им в томе объема, оказывается, что раздел I (математика и ряд физико-математических наук) сперва (в т. I—II) занимал первое место, потом (в т. III) он перешел на второе место, затем (в т. IV) опять возвратил себе первое, которого, однако, не удержал в следующем (V) томе, где этому разделу принадлежит второе место. В дальнейшем I раздел сперва (в т. VI) делит первое место с разделом II, но затем на протяжении трех томов (VII—IX) это место остается за I разделом, и только в последнем из обычных томов (X) этот раздел снова переходит на второе место. Иначе говоря (если оставить в стороне исключительный т. XI), во всех томах «Мемуаров» раздел I либо занимает первое место, либо отступает не далее второго.

3. Раздел II (науки естественные) имеет менее устойчивую судьбу. Сперва (точнее, со II т. и до т. VII) этот раздел стоит на втором месте после раздела I, но затем он чаще уступает место то III, то IV разделу (разные группы общественных наук).

4. Раздел III (социально-экономические и политические науки), занимавший сперва часто от 1/3 до 1/4 объема соответствующих томов и порою конкурировавший за второе место с разделом II (наук естественных), затем (с т. VI и до т. X с небольшим отклонением в т. V и VIII) все более теряет в относительном весе, спускаясь на третье и даже на последнее, четвертое место.

5. Наконец, раздел IV (науки исторические и филологические), появившись в «Мемуарах» позже других, обнаруживает тенденцию вытеснить со второго или третьего места науки естественные и науки политико-экономические, а в X т. выдвигается на первое место даже по сравнению с излюбленным Академией разделом математики и физико-математических наук.

6. Если объединить все науки общественные (т. е. разделы III и IV) и сравнивать их с физико-математическими и естественными, взятыми тоже вместе, можно заметить, что начиная с т. VII общественные науки, занимавшие прежде от 14 до 34% объема каждого тома, получают от 27 до 56% всего листажа. Но в этом росте количественного значения общественных наук ведущую роль играют не статистико-экономические и политические науки, роль которых более или менее резко падает с 1820 г., а науки историко-филологические.

Вышеприведенные наблюдения требуют некоторых объяснений. Прежде всего нужно отметить, что только что констатированное место, занятое в основном органе Академии в период 1809—1830 гг. общественными науками по сравнению с физико-математическими и естественными, было явлением новым в истории специальной академической периодики. Все предыдущие четыре серии основного органа Академии в XVIII в. либо целиком, либо в преобладающей мере посвящались физико-математическим и естественным наукам. Общественные науки играли в них ничтожную роль, хотя роль эта несколько усилилась во второй половине XVIII в. по сравнению с первой. Никогда в XVIII в. не случалось, чтобы общественным наукам отводилось в центральном органе Академии даже 14% всего объема. А в первой трети XIX в. цифра в 14% объема была для общественных наук еще меньшей. В огромном большинстве томов «Мемуаров» эта цифра превосходилась вдвое, втрое и даже больше.

Основную причину этого было, конечно, усиление внимания самой Академии к общественным наукам. Она же подняла свой интерес к ним, несомненно, не вследствие чисто внутреннего и спонтанного расширения круга научных интересов. В сторону именно общественных наук они развились в первой трети XIX в. под влиянием новой ситуации, в какой оказалась вся Россия в это время. Хотя в течение всего XVIII в., а особенно со второй половины этого века, феодально-крепостной режим уже испытывал удары со стороны зарождавшихся капиталистических порядков, однако особенно чувствительными и угрожающими эти удары начали становиться с конца XVIII и начала XIX в. Крепостное сельское хозяйство России, как прочно установлено в истории русского хозяйства, пришло к этому времени «к внутреннему разложению» [3, с. 501 и след.]. В то же время новые капиталистические интересы приобретали все больший вес в народном хозяйстве, становясь в обостряющееся противоречие с интересами крепостного хозяйства. Это противоречие в небывалой степени стимулировало общественную мысль. В течение первой трети XIX в. в литературе усилились нападки на крепостные порядки, участились проекты их реорганизации или существенного изменения, стали все активнее пропагандироваться в том или ином виде выгоды и преимущества капиталистического хозяйства. Все это не могло, конечно, остаться безразличным и для Академии наук. Она не могла не реагировать так или иначе на складывавшуюся кризисную общественную ситуацию. И отсюда, конечно, усиление внимания к общественным наукам в ее основном тогда научном органе.

Особенно ярким выражением именно такого источника возросшего интереса Академии и «Мемуаров» к общественным наукам служит место, занятое теперь в «Мемуарах» общественно-политическими науками — экономикой, статистикой, политикой. В специальных органах Академии, выходявших в XVIII в. на иностранных языках, эти области

знания не пользовались никаким вниманием. В более популярных периодических изданиях Академии, выходивших в XVIII в. на русском языке, положение было несколько иное. В них не очень часто, но все же не в исчезающе малой пропорции печатались и статьи на статистико-экономические темы. Среди таких статей изредка попадаются статьи по вопросам теоретической экономики. Но основное место занимают там описательно-экономические материалы более или менее прикладного характера²⁰. В «Мемуарах» 1809—1830 гг. доля работ последнего рода тоже весьма значительна. Но наряду с ними видим много работ по вопросам теоретической экономики, притом — вопросам острым и боевым, несмотря на абстрактную форму, в какую они обычно облекались. «Мемуары» не составляют в этом отношении исключения среди других органов русской периодической литературы первой трети XIX в. Вся она усиленно занимается в это время общественно-политическими проблемами, в первую очередь — экономическими.

Напрасно было бы искать корни этого интереса к проблемам политической экономики в иностранных влияниях. Для таких влияний еще больше места могло быть у нас в XVIII в., но и тогда дело было не в них. Как мы только что отметили, в основных периодических органах Академии наук, выходивших тогда на иностранных языках, совсем не встречается статей по вопросам теоретической экономики, между тем как раз в этих изданиях была особенно значительна роль иностранцев и, следовательно, возможности и поводы переносить к нам иностранные влияния. Если вообще в XVIII в. где-либо и попадались у нас такие статьи, то, как отмечено выше, именно в журналах на русском языке. Среди таких статей встречались и переводы, но наиболее значительна доля оригинальных русских работ. В XIX в. это становится правилом с первых десятилетий. Даже нерусские по происхождению ученые, писавшие тогда в «Мемуарах» на экономические темы, как Шторх и Герман, вовсе не были простыми передатчиками иностранной экономической мысли. Еще более справедливо это по отношению к коренным русским экономистам той же эпохи, какими были Мордвинов, Н. Тургенев, ряд декабристов и др.

Действительным корнем, из которого выросло в первые десятилетия XIX в. усиление интереса к экономическим вопросам как за пределами Академии, так и в Академии, была упомянутая общая социально-экономическая ситуация, в условиях которой повышенное значение приобрели вообще вопросы общественных наук. Конечно, ведущей областью этой ситуации была та, в которой интересы феодально-крепостного и капиталистического режимов сталкивались уже «чисто» экономически. С другой стороны, эта область могла послужить ареною наиболее острой и открытой литературной борьбы и потому, что внешне она могла казаться и нередко казалась представителям власти, и в частности цензуре, политически более или менее нейтральной и потому допустимой в печати. У Академии наук была своя особая цензура для издававшейся ею литературы, и, хотя эта цензура была формально независимой от общей цензуры, она руководилась теми же общими мотивами, что и последняя. Поэтому на страницах «Мемуаров» довольно широко обсуждались общие экономические вопросы, а также и вопросы, касавшиеся специально современного русского хозяйства.

Впрочем, этой широте и относительной терпимости наступил конец начиная с 1818—1820 гг. Конфликт между основами крепостного хозяйства и новыми капиталистическими интересами, особенно обост-

рившийся к этому времени и заставивший правительство и крепостнические круги, которые оно в основном представляло, поистине метаться в поисках выхода из положения, привел и к переоценке официального отношения к политико-экономическим вопросам, особенно — к их трактовке в духе некоторого хотя бы (буржуазного) либерализма и терпимости к буржуазно-капиталистической критике крепостничества. Крепостная Россия продолжала думать о своих болезнях и нуждах в тиши правительственных канцелярий. Но открытого их обсуждения она уже не выносила. Когда в 1819—1820 гг. ставленник крепостников Рунич поднял свирепое и дикое гонение на ряд профессоров только что открытого (или реорганизованного) Петербургского университета, главная его атака была направлена против политической экономии и статистики, представленной профессорами Германом и Арсеньевым [19]. После 1820 г. активная творческая работа русских экономистов должна была либо прекратиться, либо облекаться (как у Мордвинова, например) преимущественно в форму рукописной литературы, либо, наконец, уйти в политическое подполье (как было у декабристов).

В Академии к экономистам Герману и Шторху была при этом проявлена относительная терпимость (мы уже касались этого выше). Им даже не было запрещено печататься в «Мемуарах». Но страницы последних после VI т. стали разительно меньше открываться для обсуждения экономических и, тем более, политических тем, в пользу материала иного рода.

Изгоняя из «Мемуаров» экономику и политику, крепостническая реакция, в лице ее академических проводников, попыталась насадить в Академии, начиная с 1818—1820 гг., культуру архаизирующих областей общественности. Вероятно, не совсем случайностью истории было то обстоятельство, что президент Академии С. С. Уваров оказался по специальности именно филологом-античником: трудно себе представить тогдашнего русского знатного барина, например, в роли математика или астронома, что больше отвечало бы традиционному физико-математическому профилю Академии, но требовало бы подготовки, едва ли возможной у русских вельмож-крепостников того времени. Но уже наверное не было случайностью то, что выбор правительства, задумавшего «подтянуть» Академию и ослабить в ней ориентацию на капиталистическую проблематику, пал при назначении президента Академии именно на «классика».

Классицизм не первый и не последний раз в истории привлекался при этом в качестве орудия и средства общественно-политической борьбы. Греческие и римские авторы, в соответствующей интерпретации, служили на протяжении многих веков средневековой и новой истории знаменами то прогрессивных, то реакционных общественных движений. Так было и в России, по крайней мере с XI в.

Особенно повышенный общественный интерес привлекли в России античные поэты, ораторы, историки и философы в 70—90-х гг. XVIII в. В это время на русский язык были переведены многочисленные произведения древнегреческой и римской литературы — не только «классики», но часто и весьма второстепенные авторы. В этой переводной работе крупное участие приняла и Академия наук, публикуя античных авторов как отдельными изданиями, так и в журналах. Использование греко-римской литературы как в переводах, так иногда и в подлинниках шло у нас уже тогда по разным линиям. Сравнительно невелика была при этом доля чисто филологического и исторического

изучения этой литературы, хотя совсем незначительной считать ее нельзя. Гораздо важнее и распространеннее было восприятие и осмысление античных авторов с точки зрения определенных общественно-политических интересов.

Уже в конце XVIII в. наметились два основных направления в этом процессе, сперва еще близкие и сильнее разошедшиеся лишь позднее. Одно из них использовало античных писателей как источник и материал для сентиментальной идеализации греко-римской древности, которая изображалась как школа всяческих мирных добродетелей, гармония и красоты. Примером такого использования классической литературного наследия являются некоторые рассуждения Михаила Никитича Муравьева (1757—1807), в первые годы царствования Александра I ставшего попечителем Московского университета и товарищем министра народного просвещения.

Муравьев писал, например: «Каким чудным образом соединились в Греции суверен, мудрость, искусства, телесные упражнения, игры и государственные учреждения! Чувствительное и нежное воображение Греков украшало все, к чему ни прикасалось... Греки, обитатели Малой Азии и роскошной Ионии, сносили терпеливо рабство иноплеменников и утешались необузданною любовию искусств...» и т. д. («Греческие установления») ²¹. Поавда, люди типа благодушного помещика и вслможи, каким был М. Муравьев, были способны восхвалять Гракхов и осуждать «вельмож римских» за то, что после Гракхов «...чернь Римская, без пропитания, без пристанища и именем одним владычица вселенной, видела себя рабствующею вельможам, которые были сильнее Царей». Но при этом Муравьев и его единомышленники не собирались призывать современную им «чернь» восставать против «вельмож» и подражать Гракхам. Совсем нет! Их античные симпатии оставались созерцательными и сентиментально-гуманистическими.

Среди сверстников Муравьева в последние десятилетия XVIII в. наметилось и другое отношение к античной литературе, представленное людьми вроде А. Н. Радищева. В молодости они мало отличались от Муравьева. Как рассказывает Радищев в своем «Житии Ф. В. Ушакова» (1789), этот его сверстник и друг в университетские годы «...отменно прилежал к латинскому языку... Солнце, восходя на освещение трудов земнородных, нередко заставляло его беседующего с римлянами. Наиболее всего привлекала его в латинском языке сила выражений» [23, с. 124—125]. Но уже в этом любовании красотами языка римлян Ушаков и Радищев обнаруживали уклон к иному направлению мысли: «Не льстец Августов и не лизорук Меценатов прельщали его, — рассказывал Радищев об Ушакове, — но Цицерон, гремящий против Катилины, и колкий Сатирик, не щадящий Нерона» [23, с. 125]. В это уже время для Ушакова и Радищева на одной доске по степени интереса стояли «...Нерон и Марк Аврелий, Калигула и Тит, Аристид и Шемяка, Картуш, Александр, Катилина и Стенька Разин» [23, с. 123]: античные симпатии начинали проникаться и окрашиваться в цвет русских общественных проблем, переходя тем самым из стиля к стилю более или менее активной реакции.

Позднее, в знаменитом «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790) Радищев делал дальнейший шаг вперед в этом направлении. Он не довольствуется осуждением таких античных деятелей, как Александр Македонский, и преклонением перед античными борцами за свободу [23, с. 272]. Он не только восхищается Ломоносовым за при-

лежное изучение античных языков, давшее ему возможность «пожирать красоты древних витий и стихотворцев» и «научаться познавать все уловки искусства» [23, с. 364—365]. Радищев начинает осуждать занятия классическими языками и литературами, дурно направленное. Он вкладывает в уста анонимного семинариста такие критические речи: «Одно сведение латинского языка не может удовлетворить разума, алчущего науки. Виргилля, Горация, Тита Ливия, даже Тацита почти знаю наизусть, но когда сравню знания семинаристов с тем, что я имел случай по счастью моему узнать, то почитаю училище наше принадлежащим к прошедшим столетиям. Классические авторы нам все известны, но мы лучше знаем критические объяснения текстов, нежели то, что их дондесь делает приятными», что вечность для них уготовала... Чему дивиться: Аристотель и схоластика донныне царствуют в семинариях!» [23, с. 186.] В духе требования изучать у древних то, что их делает важными для современности, Радищев пересмотрел всю историю греко-римской древности в своей «Песни исторической», осудив деспотизм и восхвалив свободолюбие и демократичность [23, с. 406 и след.]. Но наряду с этим Радищев выдвигает еще более радикальное пожелание, сформулированное в словах того же «семинариста»: «Для чего не заведут у нас высших училищ, в которых бы преподавались науки на языке общественном, на языке российском? Учение всем бы было внятнее,—просвещение доходило бы до всех поспешнее, и, одним поколением позже, за одного латинщика нашлось бы двести человек просвещенных; по крайней мере в каждом суде был бы хотя бы один член, понимающий, что есть юриспруденция или законоучение...» [23, с. 186—187]. От классицизма к вопросам современного обществоведения — такова тенденция, звучащая в этих словах Радищева.

В первые десятилетия XIX в. сохранились и отчасти получили дальнейшее развитие все основные направления интереса к античности, наметившиеся в последние десятилетия XVIII в. То, которое было представлено М. Н. Муравьевым, а равно и то, глашатаем которого выступил Радищев, сделали свой вклад в воспитание деятелей 10—30-х гг.²² Декабрист А. О. Корнилович свидетельствует, что его поколение училось древней истории по Плутарху, Тациту и другим античным авторам, которые «...имели в виду исторгнуть своих сограждан от их нравственного унижения и пробудить в них гражданские доблести»²³. Декабрист И. Д. Якушкин говорит в своих воспоминаниях о своем поколении: «Мы страстно любим древних: Плутарх, Тит Ливий, Тацит и другие были у каждого из нас почти настольными книгами» [26, с. 19].

Мы можем обнаружить следы этого в идеологии разных течений декабризма. Мы найдем эти следы в социально-политических воззрениях такого характерного представителя буржуазно-помещичьего декабризма, каким был Никита М. Муравьев, сын М. Н. Муравьева. В духе наставлений своего отца Н. Муравьев основательно изучал греческий и латинский языки и читал античных классиков в подлинниках. При этом он извлекал из них уроки для осмысления своей общественно-государственной современности. Еще в молодости М. Муравьев писал: «Можно будет со временем сказать нашему дворянству, что Тиверий Гракх говорил патрициям: „Что лучше: гражданин или

* Здесь и ниже курсив Т. И. Райнова.

раб вечный, ратник или бесполезный на войне человек?»». Полемизируя с Карамзиным, утверждавшим, что на деле в Древней Греции не было ничего возвышенного, ибо там «полутигры изъяснялись языком Гомера, имели Софокловы трагедии и статуи Фидиасовы», Н. Муравьев подчеркивал, что «полутигры Греции наслаждались всеми благами земли, свободою и славою просвещения». Н. Муравьев призывал и свою эпоху подражать этому образцу, истолковывая последний в духе своих буржуазно-помещичьих симпатий: апеллируя, например, к Тиберию Гракху, он имел в виду восхвалить в нем идеал «независимого, свободного собственника», идеал, который Муравьев мечтал воплотить и в реформированной русской современности, все-таки приближаясь тем самым к умеренным идеям своего отца²⁴. После крушения восстания 14 декабря Н. Муравьев взял с собою в Сибирь Саллюстия! [26, с. 122.]

В мировоззрении представителей более левого, революционно-демократического крыла декабризма уроки античности служили одной из основ для формирования более радикальной программы. Такую роль сыграли эти уроки, например, у Рылеева. В своем поэтическом обращении «К временщику» (1820) он восхвалял Цицерона, Катона и других, по его мнению, прогрессивных деятелей античности. «И в Цицероне мной не консул, сам он чтим, за то, что им спасен от Катилины Рим». «Тиран, вострепещи! Родиться может он! Иль Кассий, или Брут, иль враг царей, Катон!» В оде «Гражданское мужество» (1823) Рылеев уверял, что взамен двух Брутов и двух Катонов современная Россия имеет в лице известного адмирала Мордвинова человека, который «уже полвека России гражданским мужеством дивит»²⁵. Более выдержанный и последовательный в своей революционно-демократической программе Пестель указывал в своей автобиографии, написанной для следственной комиссии после поражения восстания, что его республиканский образ мыслей складывался, между прочим, и под влиянием античных образцов: «Я вспоминал блаженные времена Греции, когда она состояла из республик, и жалостное ее положение потом. Я сравнивал величественную славу Рима во дни республики с плачевным ее уделом под управлением императоров»²⁶. В этой тенденции Пестель продолжал направление идей Радищева, как Н. Муравьев двигался в общем направлении, намеченном в XVIII в. его отцом.

Наряду с таким, в общем прогрессивно-общественным, отношением к античному культурно-политическому наследию среди людей 10—30-х гг. XIX в. еще до 1818—1820 гг. находились продолжатели того «чисто» филологического, по преимуществу — эстетического отношения к античности, какое у нас существовало уже в конце XVIII в. Но тогда, в XVIII в., это течение не имело еще того характера сознательного воздержания от интереса к социально-политическим проблемам античности и ограничения науки одним эстетическим любованием античными красотоми, какое стало тенденциозно проводиться некоторыми в первые десятилетия XIX в. еще до назначения С. С. Уварова президентом Академии наук. Главным и наиболее последовательным представителем этого направления был, впрочем, сам Уваров, имевший в некоторых отношениях единомышленников в лице поэта и переводчика Гомера Гнедича, писателя Капниста и др.

Между 1812 и 1816 гг. Уваров выступил с рядом работ на французском и немецком языках, посвященных античной древности. В 1812 г. Уваров исследовал элевсинские мистерии в своем «Essai sur les

mystères d'Eleusis», переизданном в 1816 г., уделяя основное внимание восточноиндийскому происхождению этих мистерий и совершенно отрывая их от греческой религиозной и общественной почвы. В 1817 г. в своем «*Nonnos von Panopolis, der Dichter*» Уваров подверг изучению одного из второстепенных поздних (V в. н. э.) древнегреческих поэтов, трактуя его чисто эстетически²⁷. В 1813 г. Уваров обратился на русском языке с открытым письмом к Гнедичу, обсуждая наиболее подходящий русский размер для переводов произведений греческой поэзии, особенно написанных гекзаметром. В завязавшейся по этому вопросу литературной полемике приняли участие Гнедич и другие писатели того времени²⁸. Уваров был одно время членом литературного (и отчасти политического) кружка «Арзамас», где за ним — как там водилось — была закреплена кличка «Старушка». Она довольно метко фиксировала резко архаизирующие тенденции античных интересов Уварова. Эта тенденция была архаизирующей не потому, что интересы Уварова были обращены к античности, а потому, что, занимаясь ею, он оставлял в стороне большие вопросы общественной истории античности, а вопросы культуры брал в отрыве от последних, как нечто самодовлеющее. И потому изучение античности не могло быть для Уварова, в частности, и тем, чем оно было для декабристов, — одним из способов освещать с помощью уроков античности вопросы русской современности. Классицизм Уварова являлся выражением стремления уйти от жгучих вопросов современной жизни и замкнуться в то, что несколько позднее реакционными французскими романтиками было названо «башней из слоновой кости», башней эстетизма. Вот с какою программой пришел в Академию С. С. Уваров и в каком направлении он собрался насаждать в ней классическую филологию.

В последних томах «Мемуаров» он представил две собственные работы в этом духе. Одна была помещена в VII т. — «Критический просмотр сказания о Геракле в освещении Дююи» (с. 459—480; она доложена в Академии 17 нояб. 1819 г.). Речь идет о взглядах известного французского деятеля эпохи революции, пытавшегося (в многотомном труде «*L'Origine de tous les cultes ou la religion universelle*») доказать так называемую солярную теорию происхождения религии. В частности, и древнегреческие сказания о Геракле Дююи толковал в смысле этой теории, утверждая, что Геракл — одно из мифических олицетворений Солнца. Уваров оспаривал эту теорию, доказывая, что она не имеет под собою почвы в источниках. Правда, в поздней античности защитники язычества, борясь с христианством, отождествляли Геракла с Солнцем, но в более ранней древности это не имело места. Собственный взгляд Уварова на происхождение мифа о Геракле в статье почти не высказан. Лишь в одном из примечаний (№ 13) к статье Уваров, полемизируя с немецким филологом Германом, объявлял аллегорические мифы, подобные геракловскому, поздним продуктом религиозного развития. Дююи, Герман и их сторонники «...предполагают, что дело шло от сложного к простому, тогда как я, — пишет Уваров, — считаю более вероятным обратный ход. Трудно верить... что народное верование... имело в своем составе столь высокую метафизику. Геракл вначале был общественным героем; он кончил тем, что стал богом-солнцем». Высказав эту догадку, Уваров, однако, и не подумал остановиться на ее развитии и мотивировке. В этом, как и в общем характере всей статьи, обнаружилось совершенное нерасположение Уварова к углуб-

лению вопросов античности путем действительного освещения их социального смысла и генезиса.

Еще ярче отразились установки Уварова во второй его работе, напечатанной в X т. «Мемуаров», — «Исследование о греческих трагиках» (с. 429—444; доложено в Академии 24 нояб. 1824 г.). Статья представляла своего рода теоретическую декларацию президента Академии, более широкую по охвату, чем тема о греческих трагиках.

Уваров отмечает, что «...в успехах наук, называемых точными, без труда вскрывается... непрерывная последовательность идей, которая беспрестанно обогащает их новыми исследованиями и наблюдениями, превосходящими последующие». «Человеческий разум, привыкший к постоянному и чувственно-осязаемому порядку, управляющему физическим миром, естественно стремится применить и к духовному миру этот закон совершенствования (de progression), который подчиняет все зародыши видимому и постепенному развитию». Но в применении к духовному миру (l'Esprit) этот закон не имеет силы. Уваров развивает эту мысль специально на примере развития «искусства воображения», т. е. поэзии. «Легкие и блестящие метеоры, наиболее яркие эпохи [поэзии] не поддаются никакому определенному расчету (calcul). Их фазы не связаны друг с другом и не обнаруживают периодического выражения. В истории искусств, взятых в самом широком значении этого слова, все неожиданно; их шедевры — нечто феноменальное, их триумфы вызывают удивление. Нельзя обнаружить их развитие, можно разве только угадать их успехи. Часто, едва зародившись, они уже достигают совершенства. Они не подвигаются с трудом к вершине своего развития, — они летят к ней. Особенно история искусств доказывает с очевидностью, что обычный расчет времен не применим к духовной жизни, к жизни чувства и мысли, которая то приостанавливает течение времени, неопределенно увеличивая его продолжительность, то его ускоряет, навязывая ему усиленную и новую быстроту. В истории искусств всякое правило последовательности нарушается, и как современная живопись начинается с Рафаэля, так поэзия древних открывается Гомером» (с. 429—430).

На базе этого полного отрицания какой бы то ни было закономерности и причинных связей в развитии духовной жизни, в свете понимания этой жизни в виде совершенно отрешенного от времени и пространства мира, Уваров пытается истолковать, в частности, историю греческой трагедии. С его точки зрения, она, собственно, не имеет никакой истории, и всякая попытка усмотреть здесь какое-либо развитие объясняется Уваровым «странной манерой рассуждения», одним из «паралогизмов». Греческая трагедия не имела истории во времени, так как ее величайшие представители — Эсхил, Софокл и Еврипид — современники. Уваров подчеркивает исключительную кратковременность «золотого века греческой трагедии». История, по его мнению, в данном случае сблизилась «начало, возраст зрелости и конец» (с. 432). Названных греческих трагиков «...нужно рассматривать не как представляющих три различные и отделенные друг от друга эпохи, а как представителей трех сопричастующих жанров». Лишь такой взгляд, по Уварову, «...бросает исторический свет на различия в их бессмертной продукции и устанавливает между ними связь и, так сказать, духовную солидарность, находящуюся в согласии с очень кратким временем расцвета афинского театра» (с. 434). Хотя Уваров, вопреки этим своим установкам, вынужден был привести некоторые общеизвестные

данные, свидетельствующие о том, что даже в плоскости чисто литературной истории греческая трагедия родилась не из ничего, — он тем не менее повторяет вслед за этим: «Начатки драматического искусства покрыты густым мраком... До Эсхила все загадочно». «История греческой трагедии доказывает, что ее создание было, так сказать, спонтанным... драматическое искусство выбросило свои первые побег с мощью и силою, которые совершенно не согласуются с последовательным развитием, уготованным ему в наших учебниках». В заключение автор дает параллельные суммарные характеристики Эсхила, Софокла и Еврипида и делает важное (как увидим дальше) признание, что «материалы, изложенные в данном рассуждении, уже несколько лет хранились в его портфеле» (с. 443). По-видимому, он формулировал их около времени его назначения президентом Академии, т. е. около 1818 г.

Трудно было бы отредактировать эти формулировки с большею ясностью, откровенностью и вызывающей категоричностью, чем это сделано в декларации Уварова. Это было знамя воинствующей реакции, объявление похода против действительно научной разработки «наук о духе», заявление своего совершенно нигилистического курса в этой области.

Нет ничего удивительного, что покровительствуемый Уваровым раздел «историко-филологических наук» должен был возможно скорее вытеснить и действительно вытеснил из «Мемуаров» науки общественно-политические. Неудивительно также, что работы в области истории, которым мог сочувствовать Уваров, должны были в Академии и «Мемуарах» оторваться от всякой связи с общественно-политическими вопросами и трактовать прошлое как клочки, оторванные от питающей их связи с общественной почвой и лишенные всякой реальной связи друг с другом.

Но что *застал* Уваров в этой области в Академии и в «Мемуарах»?

В XVIII в. Академия немало занималась вопросами истории, особенно русской. Это нашло соответствующее отражение и в книжной продукции Академии, и в ее повременных изданиях (хотя и не во всех одинаково). При реорганизации Академии в 1803 г. занятия историей были включены в ее основную исследовательскую тематику и потому должны были завершиться соответствующей литературной продукцией. Одним из поразительнейших фактов истории Академии в первые 15 лет действия устава 1803 г. является, однако, почти полное выпадение истории вообще и истории России в особенности из периодических изданий Академии²⁹. В главном ее органе — «Мемуарах» — исторические темы появлялись все это время только украдкой, контрабандно, главным образом в статистико-экономических статьях К. Германа, в качестве более или менее оправданных экскурсов в прошлое русского хозяйства, необходимых для освещения вопросов современной экономики России.

Весьма нелегко понять этот странный факт. Случайным он быть не мог — отстранение истории из «Мемуаров» и вообще из периодических изданий Академии носило долгое время слишком правильный характер, чтобы его можно было объяснить забвением, недосмотром и т. п. факторами.

Нельзя сказать, чтобы между 1803 и 1818 гг. в Академии и некому было заниматься вопросами истории. В ее штате с 1805 г. числился Ф. И. Круг, а с 1807 г. был добавлен адъюнкт А. Х. Лерберг. Хотя и

не русские по происхождению, но русские подданные, оба эти ученые вели довольно активную научную работу, главным образом по истории России. Отчасти она находила себе выражение в книгах, преимущественно на иностранных языках, но в периодических изданиях Академии (указанного времени) не отражалась. Возможно, что роль в этом сыграла отчасти некоторая неохота Круга к публичным выступлениям, а также то обстоятельство, что Лерберг рано умер (в 1813 г.). Если бы мы даже согласились с таким объяснением воздержания двух названных ученых от выступлений в периодической печати, то, во-первых, это дало бы нам только частичное объяснение, потому что Круг все-таки напечатал две книги на немецком языке, а Лерберг успел написать до 1813 г. ряд работ, опубликованных позднее. Но дело не только в этом. Оно еще в том, что за стенами Академии до 1818 г. в России происходило особенное оживление в области истории, но что-то мешало ему перекинуться в Академию. Достаточно напомнить, что в 1816 г. Н. М. Карамзин сразу выпустил первые восемь томов своей «Истории государства российского», которые писались в течение ряда предшествующих лет. Можно вспомнить еще, что опять-таки еще до 1818 г. возник и действовал исторический кружок графа Н. П. Румянцева, сыгравший такую крупную и положительную роль в развитии русской исторической науки. И хотя лично академические историки, Круг и Лерберг, находились в тесных сношениях с Н. П. Румянцевым и до некоторой степени являлись даже его консультантами и сотрудниками, все-таки ни другие деятели кружка Румянцева, ни Карамзин не получили доступа в Академию (Карамзин, мы помним, был избран только в почетные члены, и то лишь в 1818 г.). Что же мешало этому? И почему в Академии русская история была представлена только учеными, которым для занятий ею пришлось сперва учиться русскому и церковнославянскому языкам, а русские по происхождению ученые не были призваны работать в Академии? Почему ценный труд Круга, изданный Академией, его «*Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands*» (1810) остался долгое время неизданным по-русски, и почему автор отказался дать свое согласие на современное издание перевода, при наличии двух готовых рукописей последнего? Не оказывается ли совокупность всех этих фактов в «хорошем» согласии с тем, что ни в «Мемуарах», ни в других периодических изданиях Академии между 1803 и 1817 гг. не появилось ни одной работы по истории, в особенности по русской истории? Появись они в академической периодической печати, это свидетельствовало бы о том, что какой-то барьер на фронте русской истории между Академией и русской общественной средой того времени прорван, что русская Академия решилась заговорить о русской истории в своих относительно часто выходивших повременных изданиях — со своей непосредственной средой, — хотя бы на иностранных языках! Но такого «свидетельства» не было. Барьер сохранялся. Что это был за барьер? И не сокрушил ли его новый руководитель Академии, С. С. Уваров, назначенный в январе 1818 г.?

Мы уже знаем, что одним из первых действий Уварова на посту президента явилась ликвидация единственного тогда не технологического периодического органа Академии на русском языке — «Умозрительных исследований». Говорить по-русски в журналах Академии даже о вопросах русской истории стало невозможно. Оставались, однако, «Мемуары», в которых резкое сокращение раздела политико-эко-

номических наук в пользу раздела наук историко-филологических открывало, казалось бы, возможность писать не только на филологические, но и на исторические темы. В VII т. «Мемуаров» на долю этого нового раздела пришлось около 19% объема тома, в VIII т. этот процент вырос до 30, в IX несколько упал, но все же остался на уровне 20, а в X т. чудовищно вырос до 51. Казалось бы, что уже теперь, при «коренном» русском президенте и при таком расширении листажу под науки историко-филологические, наконец-то русская история (хоть и не по-русски!) могла бы развернуться в объеме, соответствующем значению России для *русской Академии наук*.

Этого можно было бы ожидать тем более, что около времени назначения С. С. Уварова Академия получила возможность увеличить штат историков, соответственно чему в Академию были введены Келер (1817) и Френ (1817). Впрочем, это было единственное расширение штатов по исторической специальности вплоть до 1830 г. Кроме того, Академии теперь, как и прежде, не возбранялось печатать в своих повременных изданиях и труды лиц сторонних. Например, на этом основании среди историков, писавших в «Мемуарах» после 1818 г., появился иностранный церковник, епископ зelandский Мюнтер, поделившийся с читателями «Мемуаров» (т. IX) своими наблюдениями и соображениями о монетах древних азиатских властителей — царицы Зенобии и Энея пальмирского.

При таком внимании Академии к истории со времен назначения С. С. Уварова президентом, мы, к удивлению, все-таки не встречаем специальных статей по русской истории на страницах «Мемуаров» вплоть до самого конца их пятой серии (1830). Правда, выдающийся востоковед Френ не упустил случая учесть, собрать, привести, перевести и комментировать важные известия ряда арабоязычных авторов Средневековья о старинных, давно вымерших хазарах, живших на юге Европейской России в первые века существования русского государства (т. VIII). Тот же Френ привел подобные же материалы о башкирах (тот же том). И всем этим Френ оказал немалое содействие разработке относительно второстепенных, но нужных вопросов истории России. Но для истории русского народа, русского государства даже и Френ не собрался до 1830 г. сделать что-либо подобное. Академик Круг, занимавший в Академии кафедру русской истории, упорно продолжал воздерживаться от помещения в «Мемуарах» каких-либо работ по своей специальности или хотя бы по смежным вопросам — даже и после прихода к власти С. С. Уварова, как он делал и до того. В отношении русской истории удивительная политика Академии, начатая в 1803 г., сохраняла всю свою силу и при Уварове, до самого 1830 г.

Насколько эта политика, выдержанная и последовательная вообще и особенно красноречивая при С. С. Уварове, была исключительной не только с точки зрения потомства, но и с точки зрения современников, можно судить не только по русским (на русском языке) журналам первой трети XIX в., относительно богатым материалами по русской истории, но и по одному повременному изданию, издававшемуся в России между 1804 и 1810 гг. на немецком языке. Это — журнал, выходивший под редакцией акад. Шторха: «*Russland unter Alexander dem Ersten. Eine historische Zeitschrift...*» (т. I—IX). Регистратор академической периодики акад. Куник причислял этот орган к изданиям Академии наук, но он сильно ошибался в этом случае [7, с.

СVII]. Впрочем, он признавал это отчасти и сам, говоря, что Академия не участвовала в расходах по этому журналу. Это было предприятие, пользовавшееся несомненной общей и финансовой поддержкой правительства, но акад. Шторх редактировал его не по поручению и за ответственностью Академии, а от собственного лица. От собственного лица говорил он и в редакционной предисловии к I т. И вот, любопытно отметить прежде всего, что, назначив свой журнал служить отражением современной России в царствование здравствовавшего Александра I, при «прекрасном начале» его дней, Шторх все-таки нашел нужным подчеркнуть, что это «исторический журнал», относя это определение прежде всего к освещению той современности, которую должен был отобразить журнал. Мало того, вопреки названию журнала («Россия при Александре I») Шторх вводил в него русскую (и никакую другую!) историю и в смысле интереса к давно отошедшему прошлому России. Мы встречаем здесь и материалы по истории Русско-американской кампании, и статьи по истории народного просвещения в России, по истории сношений России с Японией, по истории русской армии, по истории лесного дела и охотничьего промысла в России, по истории крепостных отношений в Лифляндии и по военно-морской истории России. Иностранец по происхождению, хотя потом и натурализованный, Шторх с сотрудниками видел и понимал, что даже в неисторическом по преимуществу журнале о России нельзя обходиться без освещения ее истории. А руководители Академии в первые 30 лет XIX в., были ли они русскими (Новосильцев и Уваров) или немцами (Н. Фусс), не видели и не понимали того, что, занимаясь вообще историей по букве и духу устава 1803 г., Академия не может пренебрегать и историей России. Конечно, они не могли не понимать этого и, очевидно, оказывали такое пренебрежение к ней совершенно сознательно.

До *некоторой* степени ключом при расшифровке этого поведения может служить осмысление того, какую историю *допускал* в «Мемуарах» С. С. Уваров после 1818 г., — ведь он ее все-таки допускал.

В основном, исторические работы, напечатанные в т. VII—X «Мемуаров», принадлежат двум авторам. Один из них был упомянутый выше арабист Френ, другой — эллинист Келер.

Френ выступил с рядом работ, посвященных арабской нумизматике, арабской эпиграфике и известиям арабозычных авторов о казарах и башкирах. Например, в IX т. «Мемуаров» в двух статьях Френа (с. 563—648), доложенных Академии в 1823 г., описаны куфические монеты русских собраний (Эрмитажа, частной казанской коллекции Д. И. Неелова и др.). Среди этих монет, кроме принадлежащих разным эпохам омейядского и аббасидского халифатов и представителям более мелких азиатско-мусульманских государств средневековья, встречаются и монеты некоторых государств, территории которых вошли затем в территорию России, — таковы монеты саманидов, джуджидов, хана Гирея и др., представляющие интерес для истории народов СССР. Френ вполне сознавал особое основание интересоваться в «нашей России» не только подобными нумизматическими материалами, но и монетами соседних восточных стран, с которыми Россия находилась в разное время в тех или других сношениях. Он разъяснял это в предисловии к одной из своих более поздних нумизматических статей (т. X, с. 397—428; доложена в 1824 г.). Среди эпиграфических работ Френа нужно особенно отметить две его статьи в VIII т. «Мемуаров» (с. 497—576), содержащие между прочим надписи волжско-булгарские

(из Биляра) и касимовские, т. е. опять-таки дающие материал для истории народов СССР. Наконец, к той же категории относятся упомянутые выше статьи Френа в VIII т. «Мемуаров» об арабоязычных известиях, касающихся хазар и башкиров. Все работы Френа стояли на обычном для него высоком уровне и, помимо своего значения для арабистики, содержали ценный материал для истории некоторых, преимущественно восточных и юго-восточных, районов России в эпоху средних веков. Однако, при всем том, необходимо подчеркнуть, во-первых, сырой характер этих материалов, во-вторых, то, что они относились только к средневековью, а в-третьих, то, что и это средневековье только *имело отношение* к истории *русского* народа, но непосредственно в эту историю не входило. Все это было в профиле специальности Френа, арабиста-медиевиста. Если бы работы Френа появились в «Мемуарах» в обстановке интереса к большим вопросам истории вообще и русской истории в частности, они могли бы рассматриваться как подготовительный материал для разработки таких вопросов. Но такого интереса в «Мемуарах» никем проявлено не было, и потому и статьи Френа прозвучали как род ухода от общественно более значащих вопросов под сень специальных вспомогательно-исторических исследований.

Однако, при основательности этих исследований и при наличии в них некоторых касаний к истории России, они все-таки имеют большее отношение к «настоящей истории», чем напечатанные в «Мемуарах» две работы эллиниста Келера. Член-корреспондент Академии с 1803 г. и ординарный академик с 1817 г., Келер, правда, старался разрабатывать вопросы, имеющие хотя бы некоторое отношение к России. Но он выбирал для этого темы и способы их трактовки, не позволявшие ему действительно приблизиться со стороны его специальности к истории России. Темой одного из исследований Келера был «Царский замок Боспора и города Гаргазы в Херсонесе Таврическом» (т. IX, с. 649—692; доложено в 1823 г.). Касаясь истории Боспора Киммерийского в IV—III вв. до н. э., главным образом по данным Диодора Сицилийского, Келер старался выяснить без раскопок не только расположение различных укреплений и сооружений этого района, но и их назначение в борьбе с таврами. При этом не обнаруживалось ни малейшего интереса к внутренней истории области и к роли Боспора в дальнейшей истории древнеэллинских колоний в Крыму.

Совсем уже отрешенной от атмосферы подлинного историзма была вторая, гораздо более подробная работа Келера: «Исследование об островах и беге, посвященных в Эвксинском Понте Ахиллу, с разъяснениями о древностях побережья Сарматии, и исследования о почестях, которые греки воздавали Ахиллу и другим героям Троянской войны» (т. X, с. 531—820). Этот труд был доложен Академии 31 авг. 1825 г., за три с половиной месяца до декабристского восстания. Для характеристики его содержания приведем хотя бы авторское оглавление.

Раздел I. «Об апофеозе героев Троянской войны. Предполагаемые места обитания Ахилла после его смерти. Эвксинский Понт есть район таинственных и чудесных традиций. Общие замечания о беге в честь Ахилла и о двух островах, посвященных этому герою» (с. 531—542).

Раздел II. «Географические наблюдения по вопросу о беге в честь Ахилла и островах Ахилла» (с. 542—556).

Раздел III. «Описание островов Лейке и Бористенис и бега в честь Ахилла, с мифологическими и историческими подробностями. Связь Ахилла с Медеей, Еленой, Ифигенией и другими знаменитыми женщинами. Источник традиций относительно острова Лейке, Херсонеса Фракийского и равнины древнего Илиона» (с. 556—599).

Раздел IV. «Топография о. Лейке, о. Бористенис и дрома Ахилла, в соответствии с историческими исследованиями этих мест, о городе Ольвии и его окрестностях и о побережье Сарматии» (с. 599—662).

Раздел V. «Почести героям Троянской войны и их обожествления. О могиле и других местах, посвященных Ахиллу. О гробнице Патрокла и Антноха, Протезилая, Полидора и Гекубы. Почести Агамемнону, Кассандре, Филоктету, Неоптолему, Аяксу Теламониду, Еврисану, Аяксу Оилиду, Диомеду, Еврифиллу, Тлеполему [и др.]...» (с. 662—716).

Раздел VI. Примечания и ссылки.

Автор не хотел ограничиться детальной разработкой этой мифологической тематики и собирался посвятить второй том своего труда соответствующим мифам времени до Троянской войны, а также и времени после нее, вплоть до утраты греками свободы, — по-видимому, в эпоху римского завоевания. Однако в действительности этот том не был никогда издан Академией (если был написан).

В руках Келера, которому особенно покровительствовал С. С. Уваров, история окончательно превратилась в мифологию — дальше идти было некуда.

Итак, на протяжении всей пятой серии «Мемуаров» руководство Академии либо вовсе не допускало в них истории, либо допускало ее в форме, уводящей от больших и серьезных вопросов развития общества, государства и культуры к созерцанию обескровленных и обездушенных древностей или, самое большее, к собиранию сырых вспомогательно-исторических материалов. Всякая настоящая история могла вести к сближению прошлого с настоящим, к обоснованию нежелательных тенденций современности путем отыскания их корней в минувшем. Реакционным руководителям Академии было, по-видимому, ясно, что настоящая история, даже древняя, могла действительно служить школой политического радикализма для кругов, недовольных существующим строем.

Насколько это верно, видно из вышеприведенных данных о роли изучения исторических и политических писателей древности в формировании идеологии молодого поколения 10—30-х гг. Как легко и естественно представители этого поколения применяли уроки такого изучения античной древности к повседневной жизни в русской современности, свидетельствует хотя бы следующий эпизод, записанный в мемуарах декабриста Якушкина. Однажды, в 1818 г., к последнему зашел видный офицер, полковник Граббе. Это была первая их встреча. При этом «разговор попал на древних историков», которыми интересовались оба собеседника. Граббе сообщил Якушкину, что он, Граббе, должен сейчас отправляться к графу Аракчееву. «На столе, — рассказывает Якушкин, — у меня лежала книга, из которой я прочел Граббе несколько писем Брута к Цицерону, в которых первый, решившийся действовать против Октавия, упрекает последнего в малодушии. При этом чтении Граббе, видимо, воспламенился и сказал своему человеку, что он не поедет со двора... потом он уже никогда не бывал у Аракче-

ева, несмотря на то, что до него доходили слухи чрез приближенных Аракчеева, что граф на него сердится...» [26, с. 19].

Если даже древняя история могла давать повод к подобным «применениям», насколько больше была бы опасность этого, если бы речь шла о вопросах русской истории! В этих вопросах противоядием против возбуждающих мысль и страсти фактов прошлого не могло бы служить даже ограничение этих фактов областью антикварного или вытравление из них даже следов былой живой жизни. В русской среде всякий факт русского прошлого мог наводить на настоящее и вести к нежелательной фиксации внимания на последнем. Вероятно, ввиду именно этого руководство Академией еще до Уварова предпочло вовсе отказать от включения тем по русской истории в «Мемуары».

В период же правления Уварова к тому прибавились и другие «основания» для недопущения русской истории и в «Мемуары», а по возможности, и в Академию. Как раз в 1818 г., после того как Уваров получил в январе назначение президентом Академии, ему довелось выступить (в марте) в «Главном педагогическом институте» (будущем университете) с речью «О пользе изучения восточной словесности и всеобщей истории». Эта речь была отчасти стимулирована только что состоявшимся (в марте же) выступлением Александра I в варшавском сейме со знаменитой декларацией о том, что после Польши и другие части России могут получить конституцию. Уваров счел своевременным и удобным откликнуться на это высочайшее волеизъявление и в своей речи³⁰.

Рассуждая с высоты птичьего полета о ходе всемирной истории, он постепенно от истории, где в прошлом начала брезжить «свобода», дошел до современности и до вопроса о том, «когда и для кого прилична и спасительна свобода» теперь. Предупредив своих слушателей, что «должно освободить прежде душу, а там уже помышлять об освобождении тела», Уваров со всяческими оговорками и предосторожностями намекал на то, что право народа на свободу зависит от его «возраста». «Возвратить народ, возмужавший опытами, в состояние детства, — спрашивал Уваров, — не значит ли то же, что взрослого юношу положить в колыбель? Азиатские деспоты, — продолжал развивать свою мысль Уваров, — поступают с подвластными, как древний Прокруст со своими жертвами: отсекают им ноги, когда они выходят из меры, желая чрез то удержать вечно народы свои в колыбели! — Дело невозможное, ибо ум и дух человеческий стремятся непрерывно от ничтожества к цели совершенства. Правители мудрые смотрят на силы и зрелость народа и с отеческою нежностью способствуют ему к переходу из одного возраста в другой». В последних словах заключался как комплимент «мудрости» Александра I, так и намек на то, что русский народ «созрел» и, согласно варшавской декларации императора, удостоится конституции, отвечающей его «возрасту». В увлечении этой декларацией, Уваров позволил себе сказать в дальнейшем, что «правители мудрые предупреждают даже будущие желания народов, не допуская, чтобы желания сии обратились в требования», и что, поскольку управляемое «Промыслом» «всякое время имеет свой дух и свое действие на порядок вселенной», — «горе противоборствующим духу времени!» Вероятно, Уваров обращался столь грозно не к Александру I, воля которого, созвучная с «духом времени», Уварову казалась известной, а к тем консервативным русским кругам, которые были

немало удивлены неожиданным словесно-политическим зигзагом Александра, принятым Уваровым за чистую монету.

Эта речь Уварова, вовсе не отражавшая его убежденного либерализма, а свидетельствовавшая только об его плохо рассчитанной угодливости, весьма скоро оказалась совершенно неуместной. Во-первых, никто серьезно не поверил либеральным фразам Александра I, — Пушкин, как известно, приветствовал их своим популярным «Нозлем», который кончался словами о «сказках» «царя-отца». Во-вторых же, почти тотчас же после речей Александра I и Уварова усилилась правительственная и общая феодально-общественная реакция, начались знаменитые гонения на «либеральную» науку со стороны Рунича и Магницкого, и тот самый профессор Петербургского педагогического института Раупах, вместе с которым говорил свою речь в марте 1818 г. Уваров, оказался одним из объектов нападений со стороны Рунича и его приспешников [19]. Уварову пришлось выступить в этом деле в роли попечителя округа, которому был подведомствен и названный институт, и кое-как оправдывать его профессоров, в том числе и Раупаха, и в то же время защищать себя. Последнее ему не удалось — с поста попечителя ему пришлось уйти. В этой нелегкой ситуации Уваров пережил, вероятно, немало дурных дней, которые заставили его, в стремлении реабилитировать себя, окончательно сбросить с себя маску либерализма, по существу всегда ему чуждую, и полностью перейти в лагерь открытых феодально-крепостнических реакционеров. При этом Уварову пришлось с большою, вероятно, неловкостью не раз вспомнить о том, как в своей мартовской речи 1818 г. он подвел род исторической базы под обещанное Александром дарование конституции. Уваров старался показать в этой речи, как история, руководимая «Промыслом», постепенно и последовательно от древности до современности довела европейские народы до возраста, достойного свободы. В новой ситуации Уварову надо было покончить и с этими притязаниями на историзм. Он и покончил с ними — через несколько лет. В другой речи, которая была произнесена уже в 1824 г. и которую мы уже цитировали выше, Уваров развил по поводу древнегреческих трагиков свою нигилистическую концепцию, отрицавшую в истории всякий порядок, последовательность, непрерывность и закономерность. Мы помним — он заявил тогда, что эта речь уже несколько лет лежала в его портфеле: по-видимому, она была написана, а может быть, и продемонстрирована «в сферах» вскоре после 1818 г., в качестве самоопровержения автора и доказательства полной благонадежности исправившегося оратора 1818 г. Совершенно понятно, что на базе столь «убедительно» пережитой теории, отрицавшей всякую вообще историю, Уваров не мог после 1818 г. поощрять в Академии настоящую историю, тем более — русскую. Академик Круг мог теперь продолжать свое молчание еще «благонадежнее», чем прежде. Понятно также, что в «Мемуарах» Уваров мог тем более допускать только работы, сводившие историю к рассуждениям на мифологические темы или содержавшие совершенно сырой, специальный и политически безопасный материал эпиграфического и нумизматического характера.

И это делалось как раз около времени, когда выход первых восьми томов «Истории» Карамзина (1816; 2-е изд. 1818—1819) привлек всеобщее внимание к проблемам истории вообще и русской в особенности, около того времени, когда и на историческом фронте усилилась у нас классово-идеологическая борьба и когда Карамзину, апологету

старой России, феодально-монархической, начинали противостоять представители новой, буржуазно-капиталистической, — из среды будущих декабристов и людей близких к ним кругов³¹. Судьба, истории в «Мемуарах» 1809—1830 гг. оказалась частным, но закономерным следствием происходивших все это время перипетий борьбы этих двух Рос-сий.

5. Вопросы русской экономической политики в «Мемуарах»

Несмотря на то, что феодально-крепостническая реакция усиливалась в стране от начала нашего периода к его концу, и несмотря на то, что и в Академии эта реакция находила поддержку и даже известное усиление со стороны руководства, особенно с 1818 г., все же наиболее значительные и активные научные силы, скупые, с ограничениями допущенные в Академию и вдохновляемые прогрессивно-общественными интересами того времени, старались поддерживать в ней научную жизнь. Работа их до известной степени отразилась в «Мемуарах» — с теми изъятиями, о которых мы говорили выше и которые делают «Мемуары» зеркалом лишь части научной работы Академии.

В уставе 1803 г. (§ 1) одной из важнейших задач Академии, наряду с общим расширением знаний, объявлялась разработка проблем, непосредственно полезных для России. В их числе стояло изучение естественных производительных ресурсов страны, изыскание способов умножения тех из них в особенности, которые могли бы получить промышленное и торговое употребление, наконец — усовершенствование «фабрик, мануфактур, полезных искусств и ремесел». Вся эта программа соответствовала прежде всего интересам буржуазно-капиталистической России, в те времена являвшейся прогрессивным фактором на фоне разлагавшейся феодально-крепостнической системы. Вследствие этого программа была и вообще общественно прогрессивной. Разрабатывая ее в отмеченных выше угнетающих условиях, часть ученых сил Академии тем самым по-своему работала против сил феодализма и содействовала развитию страны в направлении интересов молодого капитализма.

Мало того, некоторые из академических ученых прямо включились в дело обоснования задач и пропаганды целей тогдашнего русского капитализма. Речь идет об экономистах А. К. Шторхе и К. Ф. Германе. С их работ по вопросам экономической политики России, появившихся на страницах «Мемуаров», мы и начнем характеристику разработки вышеуказанной буржуазно-капиталистической программы в «Мемуарах».

Шторх был избран членом-корреспондентом Академии еще в 1796 г., а ординарным академиком — в 1804 г. Статистик и экономист, Герман стал адъюнктом Академии в 1805 г., а с 1810 по 1830 г. состоял экстраординарным академиком. Оба эти ученые, нерусские по происхождению, в значительной степени втянулись в русскую жизнь и сделались в науке представителями одного из умеренно прогрессивных течений русской общественной мысли своего времени. В Академии, руководство которой было реакционным, они могли играть эту роль отчасти как иностранцы, именно своим происхождением не внушавшие руководству Академии опасений на счет их слишком тесных связей с русской прогрессивной средой; отчасти же — ввиду покровительства, которое оказывалось им в правительственных сферах: Шторху — как

наставнику по общественным наукам некоторых членов царской фамилии, Герману — как хорошему знатоку практической статистики, во главе управления которой в России он одно время стоял вне Академии³².

О направлении социально-экономической программы Шторха и Германа довольно ясное представление дают прежде всего три работы Шторха, доложенные в Академии в 1806—1807 гг. и напечатанные в I т. «Мемуаров». Одна из них посвящена «Конститутивному принципу политической науки» (с. 489—515). Две другие представляют две части одной общей работы, озаглавленной «Развитие принципа естественной свободы, или Общее изложение учения А. Смита о предмете (l'objet) правительства» (с. 516—559, 560—592).

В статье о принципе политической науки Шторх одинаково вооружается и против «принуждения» как основы государства, и против «договора» как основоположного начала государства. Однако при этом остается неясным, как с точки зрения Шторха возникает государство. Шторх сосредоточивается не на этом вопросе, а на вопросе о цели и задачах существования государства. Шторх заявляет себя сторонником «принципа естественной свободы», утверждая, что открытием этого принципа человечество обязано А. Смиту. Согласно принципу естественной свободы «единственная цель правительства состоит в поддержании естественных усилий человека к своему развитию» (с. 512). На пути к этой цели, по Шторху, «не может возникать непреодолимых конфликтов между частным и общим, публичным интересом, — между ними существует только кажущаяся противоположность» (с. 490—491). Одною из основных задач государства является, по Шторху, забота о росте населения, но не путем принятия каких-либо положительных мер, а только путем устранения препятствий к естественному стремлению человека размножаться (с. 507). Среди других основных задач государства важнейшее место занимает у Шторха стимулирование труда, на том основании, что «труд обеспечивает изобилие» (с. 486). Государство должно поощрять труд в «промышленности» — термин, который Шторх понимает широко, включая в промышленность сельское хозяйство, ремесла и торговлю. Государство должно доставить «гарантию использования всех производительных способностей и давать капиталу и труду только такое употребление, какое они сами выбирают» (с. 506). Шторх подчеркивает при этом положительное значение общественного разделения труда как пути к преодолению бедности (с. 498).

Этот кодекс буржуазно-капиталистической экономии приближает Шторха к А. Смиту. Указывая, что у Смита не все пункты этого кодекса одинаково обоснованы, а иные требуют и заслуживают критики, Шторх поставил себе в двух других статьях I т. «Мемуаров», названных выше, задачу дать критическое изложение учения Смита. Чаще всего это изложение ведется в них не словами Смита, а как бы от лица самого Шторха. Он не возражает против обычного принципа буржуазной (вульгарной) политической экономии, будто основной источник накопления капиталов — экономия, бережливость. Он подчеркивает, что капитал и вообще частная собственность, нуждаясь в охране и обеспечении, обуславливают и оправдывают существование государства (с. 543). В государстве узаконяются общественная иерархия и субординация, покоящиеся на богатстве и знатности, причем и сама знатность в конце концов приистекает из богатства предков (с. 547). Следя затем за основными этапами развития государства, Шторх ука-

зывает, что на известной ступени этого развития возникает общественная (экономическая) дифференциация, вследствие которой главою государства становится богатейший собственник, а масса населения попадает в рабство (с. 550). Шторх не сочувствует самодержавию богатства (земельного?) и пытается показать в дальнейшем, что якобы самопроизвольное развитие «индустрии» (буржуазной!) в конце концов приводит к «равновесию между классом собственников и классом несобственников». Это же развитие в конечном счете будто бы устраняет и рабство, водворяя свободу и добрый порядок (с. 553).

Здесь Шторх касается политического вопроса, весьма деликатного в тогдашней России, — вопроса о самодержавии. Он, однако, не останавливается на нем, обещая вернуться к дальнейшему обсуждению системы Смита в следующих томах «Мемуаров», чего он, однако, в такой общей форме не сделал ни в одном из этих томов.

В своих статьях, опубликованных в I т. «Мемуаров», Шторх дал общую апологию капиталистических порядков. Никаких прямых выводов, относящихся именно к России, он при этом не сделал, хотя, конечно, имел их в виду в какой-то мере. С другой стороны к той же пропаганде капитализма подошел Герман в монографии «О современном состоянии сельского хозяйства в России». Эта монография была доложена в Академии в 1807 г. и напечатана тоже в I т. «Мемуаров» (с. 662—730). Герман поставил себе здесь в основном описательно-статистическую задачу. Но, разбирая один из основных вопросов работы, отношение численности крестьянства к территории обрабатываемой в сельском хозяйстве земли, Герман осторожно подошел к одной из острых тогда в крепостной России проблем. Он констатирует, что, несмотря на изобилие земли в России, позволяющее на первый взгляд говорить оптимистически о многоземельности крестьянских хозяйств (якобы доходящей до 15-ти десятин на хозяйство!), на самом деле «больше половины русских крестьян далеко не имеют 15-ти десятин годной для обработки земли». Во многих губерниях в действительности гораздо меньше земли, «и есть много крестьян, у которых совсем мало земли». Однако это обстоятельство само по себе не кажется Герману печальным. Во-первых, на его взгляд — норма в 15 десятин вообще чрезмерна. Во-вторых же — и это самое важное — распристращенные жалобы на малоземелье «несправедливы». Верно, что русский крестьянин получает плохие урожаи, но есть много других причин, обуславливающих это, чем малоземелье. Напрасно все в России стремятся «выиграть на пространстве». Крестьянину, полагает Герман, недостает не пространства, а «средств для улучшения обработки земли» (с. 728—729).

Как и Шторх, Герман тоже натолкнулся в дальнейшем на деликатный предел. Перед ним вставал вопрос, почему же у крестьянина нет средств для обработки земли, а этот вопрос переходил в конечном счете в вопрос о крепостном режиме. Герман не решился коснуться его. Но всем ходом своей мысли он молчаливо подсказывал критическое отношение к нему. В каком направлении — это можно было видеть из другой статьи Германа в том же I т. «Мемуаров». Изучая в ней вопрос о добыче соли в русских соляных озерах и торговле солью, Герман приходил к заключению, что и добывание соли, и торговля ею нуждаются в серьезной реорганизации. В частности, он рекомендовал введение новых «естественных», т. е. нерегламентированных, свободно рыночных цен и вообще «проведение свободной торговли

вплоть до первых источников» (с. 618). Это — обычное в то время требование экономической политики буржуазной политической экономии.

Позднее, уже в VI т. «Мемуаров» эту же программу «свободы торговли» более пространно пропагандировал Шторх, обсуждая в двух статьях (с. 745—809) вопрос о таможенном обложении ввоза иностранных товаров в Россию как средстве для поощрения отечественного производства. Шторх воспевал здесь «благодетельные следствия свободной торговли», утверждая, что снятие таможенных препон по отношению к иностранному ввозу не только не принесет вреда русскому народному хозяйству, а еще якобы стимулирует это последнее, уменьшит находящуюся в обращении денежную массу и повысит курс ассигнационного рубля.

В более поздней статье (т. VII, с. 411—431), посвященной разъяснению и пропаганде правительственного манифеста от 16 апр. 1817 г. о проведении ряда мероприятий для усовершенствования государственного кредита в России, Шторх горячо рекомендует эти мероприятия, доказывая, что проектируемые государственные займы упорядочат и сократят государственный долг России, особенно возросший в связи с Отечественной войной 1812 г., уменьшат объем денежной массы в ассигнациях и повысят курс последних, и все это без обременения населения новыми налогами. Автор обращает внимание, в частности, на особые выгоды, ожидаемые кредиторами государства с хозяйственной точки зрения, — мотив, более тесно связанный с принципами буржуазной политической экономии.

Относительно наиболее широко изложена у Шторха критическая оценка хозяйства крепостной России, высказано предпочтение элементам русского хозяйства, тяготеющим к капиталистическим формам, и довольно открыто, хотя и весьма кратко, рекомендован для России капиталистический путь развития — в ряде работ Германа, доложенных в Академии в 1816 и 1818 гг., когда и правительство усердно обсуждало крестьянский вопрос, и опубликованных с большим запозданием в VIII т. «Мемуаров».

В двух более ранних (1816) из этих статей, посвященных «Росту населения в России по губерниям, согласно 4, 5 и 6 ревизиям» (т. VIII, с. 331—378), Герман рассматривает и оценивает соответствующие статистические данные, сопровождая их своими экономико-политическими замечаниями. Он обращает особое внимание на движение населения по сословным группам и по районам страны. Говоря, например, о Москве и ее районе, Герман указывает, что, касаясь их, «...мы переходим к наиболее цветущим районам России: это — центр империи, где собраны наибольшие капиталы, где встречаются наилучшие земли, где размещены наиболее значительные мануфактуры и где, следовательно, должно встретиться всего больше просвещения и света» (с. 362). Отметив, что здесь численность «буржуазии» постоянно возрастает, автор прибавляет откровенно: «Этот процесс является наиболее удовлетворяющим» (с. 363). Он подчеркивает еще: «Сердце патриота должно испытывать истинное удовольствие при виде последовательных и значительных успехов в губерниях, в которых сосредоточены силы государства» (с. 363) (разумеется тот же район). Изъявляя такие восторги в связи с ростом буржуазии, Герман высказывает совсем другое отношение к «непроизводительному классу» в тех же губерниях. Он причисляет к этому классу дворянство и духовенство, а также армию. По поводу дворянства Герман воздерживается от всяких суждений, как

одобрительных, так и порицательных. Но об его социальных симпатиях и антипатиях говорит данная им здесь же оценка духовенства. Герман выражает радость, что в России духовенство «...не образует [замкнутого] класса, не владеет землею, и ничто не отвлекает его от его благодетельных и спасительных [религиозных] занятий. Нельзя, — восторгается Герман, — достаточно подивиться фундаментальным установлениям России, сравнивая их с установлениями других стран» (с. 376). Этот последний аванс в сторону тогдашних русских социальных порядков должен был компенсировать прохладное отношение автора к дворянству, причисленному им к непроезжаемому классу.

В другой статье, более поздней по времени ее доклада в Академии (1818), Герман излагал «статистические данные о состоянии сельского хозяйства России в 1814 году» (т. VIII, с. 398—411). Как и раньше в аналогичной статье, опубликованной в I т. «Мемуаров», Герман признает, что «...во многих губерниях крестьяне имеют слишком мало земли и что чистый продукт, доставленный их трудом в течение всего года, очень мало значителен, они никогда не смогут накапливать капитал из чистого продукта земледелия...» (с. 410). В то же время Герман вновь объявляет «предрассудком», что крестьянское малоземелье коренится вообще в недостатке годных для обработки земель в России (с. 409). «Было время, — пишет Герман, — когда русский крестьянин зарабатывал достаточно, засевая две четверти, — урожая с них хватало для прокормления семьи и оплаты налогов. Теперь для этого требуется по крайней мере вдвое [земли]. При необходимости увеличивать сбор урожая для прокормления семьи и особенно для оплаты налогов есть только два средства: либо улучшать наличные земли, для чего требуется просвещение и капиталы [которых у крестьян, мы видели, по Герману, не может образоваться], либо распахивать новые земли за счет лесов и лугов. У русского крестьянина есть только это последнее средство, и ради него он должен жертвовать своими последними лесами и лугами, — продолжает Герман. — Результатом является то, что не хватает леса для жилых построек, не достает пастбищ для прокормления большого числа скота, земли вынуждены оставаться без удобрений и все земледелие становится чахнувшим и застойным» (с. 401—402). Для выхода из этого плачевного положения необходимы, прежде всего, «просвещение и капиталы», т. е. средства, недоступные крепостному крестьянину. Отсюда — неизбежный вывод: нужно ликвидировать самое крепостное хозяйство. В 1818 г. Герман не останавливался перед этим выводом: «Сейчас мы нуждаемся в преизобилии рабочих рук, чтобы извлекать из нашей плодородной почвы то, что мы из нее получаем. Половины их было бы достаточно, и эта половина была бы счастливее, но эта половина должна была бы обладать собственностью на обрабатываемую землю, леса и луга и особенно полным свободным распоряжением своим временем по собственной воле» (с. 402). Это означало требование освободить крестьян с землею.

Требую «свободы» для торговли и раскрепощения крестьян для сельского хозяйства, Герман выдвигал такую же буржуазную программу для промышленности. В 1816 г. (в т. VIII «Мемуаров») и в 1820 г. (там же) он доложил Академии две работы, посвященные вопросу о развитии и современном состоянии русской промышленности. Во второй из этих работ, вообще проникнутых заботою о свободнокапиталистическом пути развития промышленности, Герман не решился открыто оценить и осудить современное ему полувраждебное отношение

правительства к этой политике, связанное с передачей управления промышленностью в ведомство Министерства внутренних дел. Но вообще принцип Германа в вопросах экономики промышленности — совершенно фритредерский. Он вполне ясно выражает свою точку зрения, говоря о прошлом, об управлении промышленностью во второй половине XVIII в.: «Принципом министерского управления было: свобода и частный интерес — суть единственные двигатели промышленности. Все прямые меры правительства только задерживали процесс промышленности» (с. 454). Характерно для буржуазных установок Германа, что, ожидая всего лучшего от проведения в промышленность принципа «свободы» для частных предпринимателей, он опасается русских рабочих. Он рекомендует всемерную машинизацию некоторых производств, а для этого, среди прочих условий, требуется, чтобы рабочие умели употреблять машины. «Но, — сообщает Герман с огорчением, — русские рабочие имеют решительное нерасположение к машине; если предприниматель не будет оставаться все время в предприятии, его машины будут испорчены». Пытаясь объяснить это обычное в начале машинно-капиталистической эры «нерасположение» рабочих к машинам опасениями рабочих, что введение машин поведет к ухудшению условий и оплаты труда, Герман, подобно всем буржуазным теоретикам той же эры, не находит нужным или возможным остановиться на мерах, способных предотвратить наступление этих условий, и ограничивается только констатированием факта, что в результате недостаточной машинизации русское суконное производство должно остаться при производстве одних лишь грубых сукон (с. 463—464).

Заключительные тома «Мемуаров» готовились в условиях возрастания сил реакции в последние годы царствования Александра I и назревания декабрьского восстания. В одном из докладов Шторха, сделанных в Академии 1 сент. 1824 г. и опубликованных позднее, в X т. «Мемуаров», этот проповедник мирного капиталистического пути развития для России обсуждал способы обогащения народов (с. 378—394). Защищая в ней против А. Смита и в угоду крупному дворянству относительную пользу расточительности богатых людей тем, что расходуемые последними средства дают, между прочим, заработок квалифицированной интеллигенции, Шторх, впрочем, соглашался усмотреть в расточительстве и некоторую долю зла. Это дает ему повод сделать довольно красноречивый, хотя и завуалированный выпад против реакционного режима, особенно усилившегося во второй половине царствования Александра I. «Если, — говорит Шторх, — расточительность частных лиц есть зло, то расточительность правительства — зло еще большее... Было бы [впрочем] большим заблуждением думать, что народы нищают всегда вследствие излишней щедрости правительств. Это несчастие является обычно следствием других обстоятельств, более гибельных, которые обрушиваются на моральное имущество индивидов. Это бывает, когда народ теряет свою национальную независимость или изнывает под домашним гнетом, когда ему не дозволяется мыслить и наслаждаться жизнью и когда суеверие или тирания держат его способности в оковах: только тогда желание работать и зарабатывать теряется без возврата. В Европе найдется мало правительств, которые не заслужили бы упрека в наиболее крайнем расточительстве [описанного рода]; однако, поскольку они все же позволяют человеку оставаться человеком и даже содействуют развитию его способностей, эта расточительность если и задержит в некоторых странах естественное

развитие национального богатства, однако ни в какой мере не сможет его остановить» (с. 394).

Россия Аракчеева и иеромонаха Фотия, Россия недавних гонений Руничей и Магницких на просвещение (между прочим, и на Германа как профессора С.-Петербургского университета) была, конечно, в глазах Шторха и его слушателей в Академии на заседании 1 сент. 1824 г. одною из тех стран Европы, где феодальная и культурная реакция, возглавленная руководителями Венского конгресса, находила себе самое яркое выражение, тормозя и развитие хозяйства, и рост культуры страны.

Социально-экономическая программа Шторха и Германа, излагавшаяся в «Мемуарах», была одним из проявлений современной им *русской* экономической жизни не только по месту издания «Мемуаров», не только по критике русского крепостного хозяйства и по русским материалам, привлеченным для этого, но и потому, что эта программа явилась одним из элементов широкого и закономерно возникшего движения русской социально-экономической мысли в первые десятилетия XIX в. Углубление процессов разложения феодально-крепостного строя, развитие классовых противоречий в помещичьем и государственном секторе крепостного сельского хозяйства, выразившееся, в частности, в подъеме волны крестьянских волнений и восстаний; рост элементов капитализма и та классовая борьба, которая развертывалась в обостряющихся формах между ними и феодально-крепостными силами, наконец — назревание противоречий внутри молодого капитализма по линии борьбы между разными видами капитала и по линии борьбы между предпринимателями и умножавшимися кадрами наемных рабочих — все это, поставленное вдобавок в условия сложнейшей международной ситуации в период, когда и в Западной Европе, тесно связанной с Россией, развертывались бои между феодальными и буржуазно-капиталистическими порядками, весьма эффективно стимулировало и возбуждало русскую общественную мысль первых десятилетий XIX в. Академические экономисты, печатавшие в «Мемуарах» 1809—1830 гг. свои работы по вопросам русской экономической политики (отчасти в связи с разработкой общих вопросов экономической теории), отвечали этим на повелительные нужды своей российской среды и занимали свое особое место в идеологической борьбе своего времени.

В этой борьбе Шторх и Герман выступили с критикой крепостного хозяйства и с защитой интересов растущих сил капитализма. Но обе эти задачи можно было решать в их время по-разному, и они действительно решались неодинаковым образом.

В критике русского крепостного хозяйства Шторх и Герман, во-первых, далеко не были у нас новаторами. В этой области русская общественная мысль второй половины XVIII в. и первых лет XIX в. потрудились разносторонне и эффективно еще задолго до Шторха и Германа. Притом еще до них в русской литературе были выработаны идеи несравненно более глубокие и острые, чем те, с какими между 1809 и 1824 гг. выступали в «Мемуарах» Шторх и Герман. Достаточно напомнить о той гневной и всесторонней критике, какой подвергся крепостной строй в России в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. А эта книга не была ни первой (вспомним о дебатах в эпоху Екатерины II и особенно о книге А. Я. Поленова по крестьянскому вопросу, написанной в 1767 г., хотя и не напечатанной, но не

оставшейся и вовсе неизвестной), ни последней до появления работ Шторха и Германа в «Мемуарах»: как раз после издания академического устава, но еще до начала издания «Мемуаров» появилась книжка одного из друзей Радищева — Пнина «Опыт о просвещении относительно к России» (1804), в которой весьма остро осуждался крепостной порядок и выдвигалось требование свободы и земельной собственности для крестьян. Мало того: еще до выступлений Германа и Шторха, даже в изданном Александром I после большой борьбы законе 1803 г. о свободных хлебопашцах дозволялось (хотя и не предписывалось) освободить крестьян обязательно с землей, за известное вознаграждение. Так что от Германа и Шторха не требовалось ни новаторства, ни особенной смелости, когда они подвергали критике русское крепостное хозяйство.

Среди многочисленных критиков этого последнего, выступавших у нас в течение первой четверти XIX в., историк крестьянского вопроса в России в XVIII—XIX вв. В. И. Семевский насчитал представителей нескольких точек зрения, которые он резюмировал коротко так: «1) немедленное освобождение без земли, 2) немедленное освобождение с одною усадебною землею, 3) обращение крепостных крестьян в прикрепленных к земле, с определением размера повинностей и с предоставлением им, по истечении известного времени, права перехода и, наконец, 4) освобождение с землею не только усадебною, но и иною, с выкупом земли государством или самими крестьянами, а в известных случаях и без выкупа» [33, с. 602].

Что касается Шторха и Германа, то судя по одной из цитированных выше статей Германа и судя по сочинениям Шторха, вышедшим в свет независимо от Академии, оба они должны быть отнесены к сторонникам четвертой из изложенных точек зрения. Однако соответствующие их взгляды по этому вопросу, принадлежавшие к разряду прогрессивных в их время и среде, излагались ими весьма осторожно и лаконично. Шторх вообще не высказался в «Мемуарах» с полною определенностью; да и в своем «Cours d'économie politique» (1815) и других сочинениях он был очень сдержан. Ясно только, что он считал идеалом освобождение крестьян с землею за плату, но не возражал категорически и против «освобождения» без земли, чтобы обеспечить землевладельцам арендаторов и дешевую рабочую силу. Герман, мы видели, высказался в «Мемуарах» определеннее, но не разъяснил, как он представляет себе переход земли в собственность освобожденных крестьян. Вряд ли, однако, он был в этом вопросе либеральнее Шторха. Следовательно, если оба академические автора разделяли в крестьянском вопросе относительно прогрессивную установку, они все же не были склонны к более демократическому варианту этой установки (освобождение с землею безвозмездно): их озабочивали интересы землевладельцев, а не крестьян. В этом отношении Герман и Шторх приближались к позициям более или менее правых декабристов, защищавших интересы помещичье-буржуазных кругов (таким был, например, Н. Муравьев). Гораздо дальше стояли они от более левых, относительно более демократически мысливших декабристов, как Пестель. Хотя и он не был чужд буржуазных симпатий, однако крестьянство в его представлениях (не разработанных до конца), во всяком случае, фигурирует не как источник, поставляющий помещикам арендаторов и дешевых батраков. Таким образом, позицию Германа и Шторха в крестьянском вопросе нужно квалифицировать как склонную к поддержке

помещицкой собственности, в сочетании с возмездным освобождением крестьян с землею.

Это вполне гармонирует с теми дифирамбами по адресу буржуазии и «индустрии», которые мы отметили выше у обоих академических экономистов. Симпатии к собственности, как земельной, так и «промышленной» (в широком смысле Шторха), притом, по-видимому, собственности более или менее крупной, — вот ключ к социально-экономическим идеям Шторха и Германа. Нужно подчеркнуть притом, что и в этом пункте они занимают особую позицию. Это становится особенно ясным, если опустить их взгляды на политику по отношению к промышленности со взглядами, например, адмирала Мордвинова. Будучи горячим защитником ее интересов, он, однако, понимал, что в конкретных условиях России первых десятилетий XIX в. проведение лозунга полной промышленной и торговой свободы означало бы подавление русской промышленности и торговли ранее развившейся и более сильной иностранной промышленностью и торговлею. Хотя протекционизм Мордвинова далеко не был чужд и забот об односторонних классовых интересах русских предпринимателей и купцов, в нем все же явственно звучит мотив охраны русской промышленности и торговли в целом, стимулирования русского народного хозяйства вообще (см., напр., [36]). Безграничное фритредерство Шторха и Германа, что бы они ни думали про себя, в условиях России их времени означало объективно весьма заметный крен в сторону интересов иностранного капитала и пренебрежение нуждами русского народного хозяйства.

Было бы трудно требовать от Германа и Шторха, чтобы они позволили себе проповедовать на страницах «Мемуаров», руководимых реакционной администрацией Академии, политические реформы, отвечающие апологии капитализма в их устах. Однако некоторые намеки на нее им удалось сделать. Мы видели, что Шторх ожидал ликвидации самодержавия земельного богатства от вмешательства «индустрии». Мы цитировали также его выпад по адресу «домашнего гнета» с выражением уверенности, что он бессилен задержать надолго «естественное развитие национального богатства», — очевидно, не земельного! Все это складывается в картину сочувствия буржуазным политическим идеалам. Однако характерно, что ближе эти последние не определяются. Нет никаких оснований заподозрить Шторха в симпатиях к буржуазной демократии. И если Рунич в 1818—1820 гг. подверг Германа гонениям за прикровенную проповедь в университете чуть не республиканства, это было тенденциозным бредом и не встретило поддержки в последующих инстанциях, в которых дело было в конце концов потушено. Вряд ли можно сомневаться, что буржуазные политические идеалы обоих академических экономистов были чужды даже буржуазной демократии. Поэтому если упоминания некоторых декабристов во время допросов о том, что они учились у Шторха и Германа, а у последнего даже на дому (см., напр., [33]), не привели к возбуждению преследования против обоих экономистов после 14 декабря, это объяснялось, вероятно, не только осторожностью показаний декабристов, но и тем, что Шторх и Герман стояли далеко от революционных установок декабристов в области политики. И действительно, вышеприведенные заявления Шторха согласно говорят о том, что он ждал политического прогресса от постепенного действия экономических факторов — от «индустрии», от «развития национального богатства».

Может быть, в числе причин, которыми объясняется то, что Гер-

ман и Шторх не подвергались в Академии открытым преследованиям за свои мнения, нужно учесть и то, что, будучи идеологами капитализма, они не обнаруживали склонности к политическому радикализму. Конечно, при малейшей их попытке развивать последний им не пришлось бы оставаться в Академии, но, по-видимому, у них и не было активных поползновений в этом направлении.

6. Проблемы изучения России в «Мемуарах»

Проводя определенную линию при обсуждении экономической политики России, «Мемуары» подбирали постепенно, в течение ряда лет, разнообразный фактический материал, характеризующий экономический строй страны. По правилу, этот материал охватывал как современное состояние соответствующих областей русского хозяйства, так и вопросы их исторического развития. В значительной своей части довольно многочисленные работы в этой области, напечатанные в «Мемуарах», носили характер статистико-экономических исследований и обзоров текущей хозяйственной действительности. Большое участие в этих работах принимал Герман. В течение ряда лет он занимал одновременно и ответственный пост в руководстве официальной русской статистикой (по ведомству М-ва внутр. дел). Это обстоятельство благоприятно отражалось на относительной свежести и оперативности публиковавшихся им статистических материалов. Но оно имело и оборотную сторону, выражавшуюся в том, что Герман нередко переносил в свою исследовательскую работу официальные (обычно чрезмерно оптимистические) ведомственные установки, что, в условиях царского режима, могло приводить и действительно приводило иногда к официальной же тенденциозности в подборе и освещении статистико-экономических материалов.

Материалы эти охватывают в «Мемуарах» довольно широкий круг вопросов. Ими освещается территориальный состав России в первую четверть XIX в., численность и состав ее населения, вопросы сельского хозяйства, добывающей и обрабатывающей промышленности в России, вопросы русской внутренней и внешней торговли и некоторые другие, менее важные.

В отношении изучения территориально-экономического состава нашей страны известный интерес представляли и в свое время, а отчасти (исторически) и в наше время, попытки текущей регистрации и подытоживания результатов правительственных работ в области межевания. Этому вопросу особую работу посвятил Герман, доложив ее Академии в 1819 г. и опубликовав ее в VII т. «Мемуаров» («О современном состоянии межевания в России», с. 439—448). Сообщив некоторые сведения об истории межевания в России с XV в., Герман особо остановился на ближайшем к его эпохе времени. Это «ближайшее время» длилось к 1818 г. уже более 50-ти лет. К моменту оглашения доклада Германа было уже закончено в основном межевание в 24 губерниях и продолжалось еще межевание в семи губерниях. Герман попытался подвести некоторые итоги работам в этой области также и в позднейшем очерке, опубликованном в IX т. «Мемуаров» в 1824 г. («Сравнительная таблица различных данных о территориальном протяжении губерний Российской империи», с. 487—493).

Отчасти в связи с вопросами территориальной статистики страны, но главным образом в аспекте общего численного и социального состава

ва изучалось в «Мемуарах» население России. Относящиеся сюда работы все принадлежат Герману и докладывались в Академии между 1809 и 1818 гг., а печатались в разных томах «Мемуаров» (III—VIII) от 1811 до 1822 г. Эти исследования публиковали весьма свежий для своего времени материал, разработанный в разных направлениях, представляющих интерес с точки зрения экономики, экономической политики, наконец — политики общей.

Наиболее ранней из работ по демографической статистике России был академический доклад Германа в 1809 г. «О численности населения России и об его росте по данным, собранным по распоряжению правительства» («Мемуары», т. VIII, с. 391—436). Герман попытался определить движение населения в России со времен Петра I и до 1806 г. Собрал и критически сопоставив с этой целью соответствующие данные источников, главным образом данные пяти первых ревизий и некоторые другие, не всегда соизмеримые, что отчасти понимал и сам Герман, автор дал (с. 423) итоговую историческую таблицу, которая для своего времени была одной из первых попыток в этом роде. Герман отметил неравномерность роста населения России в границах неизменной территории, указал на елисаветинское время, как самое благоприятное для этого роста, и, наконец, обратил внимание на то, что и в последний из периодов, изученных им, т. е. в конце XVIII в. и в начале XIX в., благоприятные условия для усиления роста населения повторились, хотя и не столь выгодно, как при Елисавете. Герман пытался также анализировать факторы движения населения России, усматривая их отчасти в улучшении государственного управления, но особенно в росте национального производства, в приливе иностранных капиталов, в облегчении и расширении торговли и средств сообщения. В этом анализе ясно обнаружились на конкретном материале буржуазные тенденции Германа, отмеченные выше. Любопытно, что Герман пытался подойти и к прогнозу будущего, высказывая по разным соображениям предположение, что в будущем рост населения страны должен в общем замедлиться.

К общей оценке динамики роста населения России Герман обращался и позднее, в связи с поступлением новых данных. Так, в «Статистических исследованиях о седьмой ревизии», доложенных в 1819 г. (т. VII, с. 449—456), Герман воспользовался сопоставлением данных шестой ревизии (перед началом Отечественной войны 1812 г.) и седьмой ревизии (которая должна была закончиться в 1817 г.) для постановки и решения чрезвычайно своевременного тогда и важного вопроса, как отразилась великая война на уровне населения России и на ее экономических возможностях. Военные и связанные с войной потери населения в 1812 и следующих годах Герман оценил приблизительно в 872 тыс. человек. При этом, верный своим общим экономическим воззрениям, он обратил особенное внимание на потери в составе торгующего населения, по его словам, «цвета буржуазии», которые, вероятно, преувеличенно он определил между двумя ревизиями в 1/3. Некоторую компенсацию этих потерь Герман усматривал в небольшом росте численности мещанства и ремесленников (на 1/7). Присчитывая и уменьшение численности крестьянства (кроме государственных крестьян), Герман из всех этих данных выводил заключение о существенном уроне, нанесенном войною всему народному богатству страны. На восстановление понесенных потерь в будущем Герман смотрел оптимистически, характерным образом ожидая особенных успехов, в частности,

от концентрации народного богатства, т. е. от усиления степени классовой эксплуатации населения.

Герман затрагивал вопрос о влиянии войны 1812 г. на русское народное хозяйство еще в одной из своих работ — «Статистические данные о внутренней торговле в России, относящиеся к торговле по водным путям». Для оперативности Германа и вообще тогдашней академической науки в деле изучения России характерно то обстоятельство, что работу эту Герман выполнил и доложил Академии в апреле 1814 г., т. е. всего лишь через квартал по истечении отчетного 1813 г., хотя напечатана была работа только в 1815 г. (т. V, с. 662—719). Трактую свой основной вопрос, Герман остановил, между прочим, особенное внимание на потерях Москвы от войны 1812 г. Предварительно он оценивал эти потери цифрой в 500 млн р. (вероятно, сильно преуменьшенные данные, учитывая тогдашний курс ассигнационного рубля). Герман с радостью отмечал, с помощью цифр, быстрые темпы восстановления Москвы после пожара, подтверждая в этом отношении и свидетельство Грибоедова («пожар способствовал ей много к украшению»). В частности, Герман предвидел вопрос потомков, как отразилось перенесенное Москвой бедствие на ее население, и на сей случай он сообщал интересные данные об уровне рождаемости и смертности в Москве в 1813 г.

Значительную важность среди исследований Германа по демографии России, напечатанных в «Мемуарах», представляют излагаемые им данные о социальном составе населения страны.

К этому вопросу Герман обращался несколько раз. Сперва он занялся им в двух работах, доложенных Академии в 1810 и 1812 гг.: 1) «О распределении общего числа населения России», ч. I (т. III, с. 437—462) и 2) то же, ч. II (т. IV, с. 552—568). Герман группирует население России по признаку этническому, по религиям, по «состояниям» и по «особым правам» населения в областях, вновь присоединенных. Наибольший интерес представляет статистика «состояний», под которою Герман — следуя А. Смиту — разумеет разбивку населения на «класс производительный» и «класс непроизводительный». В первом Герман различает земледельцев, ремесленников и «мануфактуристов», наконец — торговцев. К непроизводительному классу, в соответствии со своей общей экономической установкой, он причисляет дворянство, духовенство и военные силы. Все эти группы исчисляются Германом по данным на 1796 и на 1812 гг. Между прочим, он затрагивает и вопрос о стадии социального развития России с точки зрения места, занимаемого в ее населении «третьим сословием», т. е. буржуазией. Герман резюмирует свой ответ так: «Принимая население России в целом только в 20 млн человек, а численность третьего сословия — в 800 тыс. человек, получаем, что последнее относится к первому как 1 к 25, а во Франции как 1 к 5: этим доказывается, что наше третье сословие находится еще в стадии рождения» (т. IV, с. 567). Статистика эта была весьма условной, но она не лишена интереса постановкой вопроса.

К некоторым из проблем социальной статистики населения России Герман возвратился в ряде статей и несколько позднее, например в докладе 1815 г. «Статистические результаты о размерах территории и населения Рос. империи с 1803 по 1811 год включительно» (т. VI, с. 712—744), «Статистические исследования о седьмой ревизии» (доклад 1819 г., т. VII, с. 449—556) и ряде статей в VIII т. «Мемуаров». Все это не ставит существенно новых вопросов по сравнению с пери-

одом 1811—1813 гг., но содержит значительный статистико-экономический материал. Вероятно, в этом преимущественно «фактическом» направлении исследовательской мысли Германа повинны испытанные им (по линии университета) гонения за его теоретические идеи в особенно мрачные годы Рунича, стоившие Герману кафедры в С.-Петербургском университете и грозившие ему еще более тяжкими последствиями. Но Академия наук, как мы уже отмечали, не пожертвовала им, хотя ему и пришлось значительно снизить теоретический уровень и либеральный тон своих работ, опубликовавшихся в последних томах «Мемуаров».

После общих проблем демографической статистики России наибольшее внимание из русских тем привлекли в «Мемуарах» вопросы, касавшиеся статистики и экономики сельского хозяйства: это и понятно по значению сельского хозяйства в экономике страны. Значительное место ему уделялось, между прочим, и в некоторых из упомянутых выше работ Германа как по статистике населения, так и по общим вопросам экономической политики. В большом исследовании, сообщенном Академии в 1807 г., — «О современном состоянии сельского хозяйства в России» (т. I, с. 662—730) — Герман определял площадь обрабатываемых земель, характер почв, урожайность и отношение численности сельскохозяйственного населения к обрабатываемой им площади земли. В «Статистических данных о состоянии сельского хозяйства в России в 1814 году» (т. VIII, с. 398—411) Герман изучал площадь под сельским хозяйством и ее распределение между сельскохозяйственными культурами, затрагивая и отмеченный нами выше вопрос о степени обеспечения крепостного крестьянства землею.

Относительно менее значительная роль, которую играла в России в первой трети XIX в. промышленность по сравнению с сельским хозяйством, определила и соответствующее место, которое занимали в «Мемуарах» относившиеся к ней вопросы. Здесь интерес распределялся между проблемами добывающей промышленности и общими проблемами промышленности, включая и промышленность обрабатывающую.

Одной из существенных в свое время отраслей русской добывающей промышленности являлась добыча соли. Изучением месторождений соли, их эксплуатации, хранением соли и соляной торговлей занимался тот же Герман. В I т. «Мемуаров» он дал обстоятельное описание соляных озер России (с. 593—661) вместе с рассмотрением разнообразных вопросов политики цен, потребления соли и т. д.; все это — с учетом данных по XVIII в. и для начала XIX в. Установив, что, несмотря на богатство России солью, спрос на нее все же не покрывается предложением, Герман рекомендовал (в духе принципов «свободной торговли») ряд экономических мероприятий для улучшения положения. В следующем, II т. «Мемуаров» Герман подверг такому же исследованию русские месторождения каменной соли и соляные варницы (с. 485—529).

Из других проблем добывающей промышленности внимание остановило на себе в «Мемуарах» русское рыболовство. Характеристику его состояния к началу XIX в. по всем русским морям, а также сводные показатели вложенных в него капиталов и чистой (в денежном выражении) продукции содержала статья Германа «Статистическое описание рыболовства в России» (т. IV, с. 524—551). Через несколько лет специальная работа появилась в «Мемуарах» также о волжском рыболовстве: она была составлена заслуженным зоологом и знатоком производительных сил России акад. Н. Я. Озерецковским — «De piscatu

volgensis» (т. VI, с. 497—549). Исторически статья особенно ценна содержащимися в ней сведениями о техническом вооружении волжского рыболовства. В этом отношении Н. Я. Озерецковский является предшественником знаменитой волжско-каспийской экспедиции 50-х гг. XIX в. (К. Бэр, Н. Данилевский).

Наконец, «Мемуары» уделили внимание и такой важной отрасли русской добывающей промышленности, какою была в начале XIX в. охота. В статье Германа «Статистические данные об охоте в России» (т. V, с. 628—649) описаны главные объекты охоты по основным районам страны, даны некоторые сведения о сбыте дичи и мехов внутри страны и за границей и т. д. — все это на начало XIX в.

Общим вопросам обрабатывающей промышленности большую работу посвятил Герман в VIII т. (две ст.: с. 331—351, 352—378). Для эпохи относительно слабого еще развития русской промышленности во второй половине XVIII в. и в первое десятилетие XIX в. очень характерно, что у Германа все формы промышленного производства покрываются термином «мануфактура», обнимающим как крестьянское кустарное производство, так и собственно мануфактуры. Герман дает краткий обзор развития русской промышленности, понятой столь смутно, — с древних времен и до начала XIX в. С особенным вниманием останавливается он на государственном управлении промышленностью со времен Петра I. Герман не умеет еще разобраться во внутренней исторической необходимости петровских реформ в области промышленности и нередко трактует их как выражение иностранного влияния и самодержавной воли Петра. Впрочем, буржуазная русская историческая наука впадала в этом вопросе в такие же тяжелые ошибки еще в конце XIX и в начале XX в. (Струве, Милюков и др.).

В развитии русской промышленности Герман сочувствовал всему, что вело тем или иным путем к выгодам «третьего сословия». Это, однако, не помешало Герману заметить, что русская буржуазия и примыкавшее к ней в промышленности дворянство вплоть до начала XIX в. удерживали производство на весьма низком уровне. «Опыт доказал, — говорит Герман, — что в эпоху, когда третье сословие не было ни достаточно многочисленным, ни достаточно просвещенным и когда торговля не была еще очень активной и совершенной, неограниченная свобода порождала большое число распыленных фабрик и мануфактур, возникавших без достаточного капитала, ведомых без необходимых знаний, без машин, изобретенных после эпохи Петра, без понимания развития торговли, без духа спекуляции и часто без правильного ведения конторских книг. Подобные мануфактуры пребывают в состоянии печальной посредственности, удорожают стоимость сырья и не производят ничего сработанного хорошо и окончательно. Они отвлекают друг от друга свободных рабочих и их избаловывают [!]. Их единственную целью является добиться ускорения обращения их небольшого капитала, а способы, которые они употребляют ради этого, сводятся к возможно более быстрой и дурной работе, чтобы производить возможно дешевле. Этим они приводят к разрушению хороших фабрик...» (т. VIII, с. 452).

Наконец, немалое внимание уделяли «Мемуары» вопросам русской торговли, как внутренней, так и внешней. Мы упоминали выше, в другой связи, о двух исследованиях Германа о внутренней торговле России по водным путям в 1813 г. (т. V, с. 662—719, 719—742). Помимо содержащихся в них статистических данных, эти работы важны

исторически и постановкою вопроса о том, в какой мере русское производство работало в 1813 г. специально для удовлетворения рыночного спроса. Герман высказывается об этом совершенно недвусмысленно: «Наибольшее количество товаров потребляется на месте их производства и в окрестностях», — на рынке фигурирует только «избыток» (т. I, с. 719—720). Современная история русского хозяйства держится в этом вопросе иного взгляда, доказывая рост товарности производства и расширение рынка.

Сделанный нами обзор показывает, что «Мемуары» обращали серьезное внимание на производительные силы в хозяйстве России в первые десятилетия XIX в., а иногда в более или менее отдаленном прошлом.

Наряду с проблемой производительных сил в хозяйстве России внимание ряда авторов было привлечено в «Мемуарах» также проблемой естественных ресурсов России. Обычно этот вопрос ставился в связи с изучением русской природы, почему и нам будет целесообразно коснуться его в этой же связи.

Прежде всего, русской природы касаются несколько астрономических работ по определению географического положения разных мест России. Подобные работы проводились Академией в широком масштабе в течение всего XVIII в., особенно во второй его половине. Возвращаясь в 1806 г. из научной командировки в Китай, акад. Ф. Шуберт произвел ряд наблюдений и вычислений, позволивших установить географические долготы и широты и геомагнитные данные для 10-ти городов, от Нижнего Новгорода и Казани в Европе до Иркутска и Нижнеудинска в Восточной Сибири (т. I, с. 283—310). Позднее (1811) акад. Шуберт дополнил эту работу рядом подобных же определений нескольких пунктов в Забайкалье и на границе с Китаем (т. IV, с. 317—322). Незадолго до своей смерти Шуберт завершил в 1823 г. цикл работ такого рода определением географического положения Баку (т. X, с. 151—157).

Кроме Шуберта свой вклад в эту область географии России внес акад. Вишневский. В 1817 г. он произвел серию подготовительных астрономических исследований для задуманного определения географических долгот городов России (т. VIII, с. 125—146). Из этих определений Вишневскому удалось выполнить не все. В IX т. «Мемуаров» появились его определения долгот Херсона (с. 161—174), Оренбурга (с. 216—221) и Екатеринбурга (ныне Свердловска) (с. 263—267). Вишневскому принадлежит также нелегкое в его время первое измерение высоты Эльбруса (1816) и некоторых других объектов на Северном Кавказе (т. VII, с. 159—193).

Для расширения познания русской природы большое значение имели систематические метеорологические наблюдения, производившиеся в Петербурге еще с XVIII в. В XIX в. эти наблюдения продолжались. В «Мемуарах» напечатан ряд экстрактов из наблюдений этого рода, сперва производившихся акад. П. Б. Иноходцевым, а по его смерти отредактированных акад. В. В. Петровым, который продолжал их по исчерпанию материалов Иноходцева. Такие отчетные сводки содержатся в т. II—III, VI—X.

Преемственно велось Академией в XIX в. и геолого-минералогическое изучение России. В «Мемуарах» нашего периода был опубликован ряд работ акад. В. М. Севергина, посвященных исследованию минералов разных районов России. В I т. напечатан его опыт систе-

матического исследования минералов Финляндии (с. 332—348), представленный Академии еще в 1806 г. Это исследование было выполнено Севергиным по поручению Академии и основывалось на данных его путешествия по присоединенной к России части страны в 1804 г. Севергин рассматривал Финляндию как область, геологическое строение которой повсюду обнаруживает «показатели великих естественных катастроф (révolutions), резких и внезапных». Они, по Севергину, являлись результатом крупных наводнений, разрушавших горный рельеф и разносивших обломки по всей территории. Севергин подошел здесь на языке катастрофическо-нептунической геологии к объяснению, которое позднее было успешнее выполнено с помощью теории нивелирующего движения ледников и ледниковых вод. Минералы Финляндии Севергин разделил на четыре класса (земли и камни, соли, горючие вещества, металлы) с их дальнейшими подгруппами. Хотя и предварительная, эта работа являлась одним из показателей значительной оперативности работы Академии и ее научного органа на территории, которая тогда была сравнительно недавно включена в состав России.

Из других трудов акад. Севергина по минералогии России, напечатанных в «Мемуарах», значительный интерес представляло также исследование минералов Тверской губернии, доложенное Академии в 1809 г. (т. II, с. 399—410). Севергин подошел и к этой теме с точки зрения своих нептунически-катастрофических геологических воззрений. Он пришел к заключению, что здесь «...поверхность — третичной и даже, может быть, еще более ранней формации, что имеет место и в соседних областях. Она — продукт осаждения из вод, некогда распространившихся здесь. После завершения этого осаждения поверхность, кажется, испытала и другие катастрофы (révolutions) аллювиального характера, которые, может быть, и принесли окатанные камни, находимые здесь. Учитывая, с одной стороны, что окаменелости, встреченные здесь, содержат остатки морских животных и что, с другой стороны, многие окатанные граниты аналогичны финским, не будет ли уместным заключить, — спрашивал Севергин, — что физические катастрофы, которые испытал лик земли в этих странах, шли с противоположных сторон, т. е. с севера и с юга?» (С. 409—410.) Повидимому, Севергин предчувствовал в этом объяснении геологический эффект последовательного наступления и отступления ледников и связанных с ними движений вод.

Кроме работ Севергина, русский минералогический материал «Мемуаров» был представлен и некоторыми другими работами. Из них исторический интерес представляет, например, химический анализ одного из финляндских минералов — штейнгелита в работе И. Гадолина (т. VI, с. 565—592). Подобные анализы начинали входить тогда в обиход. Они встречаются и в исследованиях Севергина. Химико-минералогическая монография Гадолина является одним из характерных образцов сравнительно ранних применений химии к минералогическим вопросам.

Из всех проблем изучения естественных производительных ресурсов России наибольшим вниманием пользовалось в «Мемуарах» исследование ее животного и растительного населения. Оно было начато Академией в весьма широких масштабах еще в XVIII в., главным образом как составной элемент больших географических экспедиций Академии. Соответствующие работы Академии в первой четверти

XIX в. представляли собою частью продолжение и уточнение данных XVIII в., частью же попытки охвата новых территорий и объектов, с применением новых методов.

В XVIII в. было произведено много работ по изучению флоры и фауны разных районов русской Азии. Среди них наиболее видное место занимали Сибирь и Камчатка. В «Мемуарах» есть ряд работ по тем же районам. Особенно повезло Камчатке, которая подверглась дополнительному исследованию, главным образом в связи с проведением знаменитой экспедиции Крузенштерна. Во II т. (с. 335—375) и в т. III (с. 225—285) экстраорд. акад. Тилезий описал камчатских рыб. В IV т. (с. 406—478) напечатано продолжение этой работы. Во всех этих морфологическо-систематических исследованиях Тилезий продолжал и дополнял результаты старых русских исследований Стеллера и Палласа. Кроме сборов экспедиции Крузенштерна, в которой участвовал и сам Тилезий, последний использовал и ценные данные русского мореплавателя Потапова. Тот же Тилезий описал позднее еще ряд представителей камчатской фауны, главным образом по материалам экспедиции Крузенштерна (т. V, с. 331—405). Тилезий изучил затем (т. IX, с. 473—484) еще одного представителя камчатской фауны, опять примыкая к прежним работам Стеллера и Палласа и щедро пользуясь сборами экспедиции Крузенштерна и другой русской экспедиции — флотских офицеров Хвостова и Давыдова (через Сибирь в Америку и обратно, 1802—1804 гг.).

Такая же картина использования в «Мемуарах» материалов прежних и современных русских экспедиций и результатов трудов единичных русских исследователей раскрывается перед нами и в некоторых других фаунистических работах, касающихся малонисследованных раньше вопросов или областей. Например, в V т. «Мемуаров» (с. 406—513) была помещена обширная работа Тилезия о скелете сибирского мамонта (позднее эта работа, с небольшими сокращениями, вышла и по-русски в «Трудах Академии наук» — т. I, 1821, с. 106—173). Тилезий полностью признает заслуги прежних и современных русских исследователей ископаемых мамонтов в нахождении и изучении остатков последних. Здесь, наряду с академиками XVIII в., имеются в виду и рядовые русские путешественники и местные жители, как Потапов, Попов и др. Приводя подробный отчет адъютанта Академии Адамса (1807), ездившего в Сибирь за скелетом мамонта, Тилезий обсуждает вопрос о происхождении мамонтов и причинах их нахождения в обледенелой почве Сибири. В ответе на этот вопрос Тилезий, по обычаю своего времени, ссылаясь на вмешательство «потопа». Но в свое время работа Тилезия была ценна не этой стороной, а подробным научным описанием скелета мамонта и постановкою вопроса о месте мамонта в систематике родственных видов. Ряд обстоятельств поставил перед русской наукой первых десятилетий XIX в. задачу изучения флоры и фауны *новых* областей. Например, одному из русских ботаников Стевену представилась возможность изучить, в связи с тогдашними русско-турецкими войнами, некоторые растения Молдавии и Бессарабии, о которых он и дал отчет Академии в 1809 г. (т. III, с. 295—298).

«Мемуары» отразили на своих страницах и некоторые новые веяния в методологии изучения естественных ресурсов России. В этом отношении интересна статья К. Ледебера в V т. «Мемуаров» (с. 514—578). Будущий автор знаменитой в свое время «Флоры России» от-

мечает, что, хотя до него в России были многочисленные исследователи ее флоры, как Паллас, Лепехин и др., ему все же удалось по источнику небогатому и довольно случайному (ботанические сборы Тилезия и др.) открыть 60 новых русских видов, — явное доказательство неполноты прежнего учета растительных ресурсов страны. Подобные явления повторялись в истории изучения русской природы неоднократно, знаменуя каждый раз повышение уровня ее исследования и переоценку прошлого с точки зрения более новых требований. Одна из таких ситуаций отразилась и в упомянутой статье Ледебура.

9. Краткие итоги

Мы пытались изучить основной периодический орган Академии наук в 1809—1830 гг. в связи с разработкой русской и отчасти мировой науки в эту эпоху и с учетом тех общественных условий, в каких тогда развивалась русская академическая и внеакадемическая наука.

1. Мы констатировали, что «Мемуары», издававшиеся на иностранных языках, сделались основным периодическим органом Академии в результате ожесточенной классовой агрессии, проводившейся в Академии ее феодально-крепостническим руководством в прямом противоречии с завоеванными прогрессивной русской общественностью установками академического устава 1803 г. и в ущерб периодическим изданиям Академии на русском языке.

2. Мы пытались показать, что в общей истории издания «Мемуаров», как и всей русской печати первых десятилетий XIX в., дело шло от начала к концу периода о последовательном угнетении проявлений активной мысли, особенно усилившемся с периода 1815 — 1820 гг. Этот ход вещей был специальным отражением усиления феодально-крепостнической реакции во всех областях русской жизни, за счет ограничения и подавления проявлений прогрессивного тогда роста элементов капитализма.

3. Ход борьбы нарождавшихся и слабо еще развивавшихся элементов капитализма с господствующими условиями феодально-крепостнического строя нашел себе в «Мемуарах» отражение и в том отношении, что в них растущее значение приобрела доля общественных наук по сравнению с физико-математическими и естественными, причем на первых порах руководящее место заняли социально-политические и экономические науки, скоро, однако, под давлением феодальной реакции сознательно вытесненные архаизирующими областями историко-филологических знаний. Все это время, в связи с упорной реакционной политикой академического руководства, из «Мемуаров» настойчиво исключалась разработка вопросов русской истории как области знаний, опасной с точки зрения интересов феодальных кругов.

4. Несмотря на прямое или косвенное сопротивление феодально-крепостнической реакции, проводившейся в Академии наук через ее общее руководство, живые и прогрессивные силы страны, как ни активно противилась академическая администрация их проникновению в Академию и их успешной работе в ее составе, все же обогатили на страницах «Мемуаров» 1809—1830 гг. русскую и мировую науку рядом более или менее значительных достижений. Они, однако, не отражали полностью ни возможностей Академии, ни — тем более — возможностей и реальностей всей тогдашней русской науки, многие представители которой часто и систематически не допускались в Академию

и потому не оставили на страницах «Мемуаров» следа, соответствующего их объективному весу в русской науке первых десятилетий XIX в.

5. Среди вопросов, обсуждением которых должны были заниматься и действительно занимались «Мемуары», изучению России уделялось большое внимание. В соответствующей проблематике «Мемуаров» до 1818—1820 гг. важное место заняла прямая пропаганда интересов капитализма как в форме разработки вопросов русской экономической политики, так и в виде разработки теоретических вопросов экономики в духе буржуазной развитой экономики. После 1818—1820 гг., в соответствии с усилением феодально-крепостнической реакции, эта тематика почти совершенно исчезла из «Мемуаров».

6. Под влиянием прогрессивных общественных потребностей страны, в условиях борьбы между поднимавшимися элементами молодого капитализма и упорно сопротивлявшимися силами феодальной России, в «Мемуарах» видное место было уделено изучению экономического строя и естественных производительных ресурсов России.

7. Разрабатывая некоторые общие вопросы знания, академические «Мемуары» 1809—1830 гг. проводили в ряде работ более или менее выраженные материалистические установки.

8. Эти установки давали себя чувствовать и в серии работ, посвященных в «Мемуарах» специальным вопросам естествознания, причем из последних в «Мемуарах» сравнительно более успешно разрабатывались вопросы физико-математические, тогда как теоретическим проблемам экспериментальной физики, химии и биологии в «Мемуарах» почти не уделялось внимания, что находилось в соответствии с общими условиями их развития в тогдашней России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подсчеты — по хронологическому списку русских периодических изданий 1703—1894 гг. у Н. М. Лисовского [1].

² Меньшие цифры числа рабочих, идущие от А. Семенова [2], приняты в новейших сводках [3, с. 535; 4, с. 475]. Большие цифры принимает М. Злотников (цит. в [4, с. 474—475]).

³ Цифровых подсчетов сам автор не производил.

⁴ При этих подсчетах мы отбросили для периода 1801—1835 гг. два издания, названные А. А. Куником, но на деле не являвшиеся изданиями Академии наук. Это: 1) «*Russland unter Alexander dem Ersten*» и 2) «Систематическое Обзорение Литературы в России». Эти издания не имели отношения к Академии наук (даже финансового), хотя их редактор Шторх был сотрудником Академии наук. Он редактировал их не *ex officio*, а лично. Этим два названные издания отличались от «Статистического Журнала», который тоже издавался без материальной помощи Академии, но редактировался другим сотрудником Академии, К. Германом не лично, а в качестве члена Академии (о чем пишет и А. А. Куник).

⁵ В обоих подсчетах имелись в виду только издания, действительно принадлежавшие Академии наук.

⁶ Все приводимые нами ниже цитаты из «Мемуаров» даны в наших русских переводах, со ссылкой на соответствующий том и страницу подлинника. Последний обычно пользовался латинским и французским языками.

⁷ Устав 1803 г. был издан по-русски [8] и по-французски (в I т. «Мемуаров»).

⁸ См. биографию Н. Я. Озерецковского и примечания к ней в [9]. Ср. также некоторые дополнительные данные у Н. К. Каратаева [10, с. 89—92].

⁹ Справки приведены на основании книжки Б. Л. Модзалевского [11]. См. также аналогичный список в книге (Шемиота) [12].

¹⁰ Ниже редукция реального объема томов на искусственные годовые выпуски будет приведена в цифрах.

¹¹ Цифры заимствованы из статьи Н. М. Лисовского [13].

¹² При изложенных расчетах мы исходили из приблизительного предположения, что процент русского населения в отношении всего населения России был в начале XIX в. тот

же, что и в эпоху всеобщей переписи 1897 г., когда он составлял около 70—75%.

¹³ Имеем в виду работу С. А. Рейсера [14]. Это не единственная попытка учета книжной русской продукции 1810—1913 гг., а только наиболее новая. Она изобилует множеством спорных приемов. Цифры С. А. Рейсера не всегда статистически однородны. Иногда, сверх того, он получает их путем простой интерполяции. Кроме того, за одни годы они (как признает и сам автор) преуменьшены, за другие — преувеличены и т. д. При всем том, общую ориентирующую ценность статистика С. А. Рейсера сохраняет, что подтверждается, в частности, ее общим согласием с рядом других данных, приведенных нами в тексте.

¹⁴ Цифры заимствованы из названной выше книги П. И. Лященко [3, с. 522].

¹⁵ Эта диаграмма приведена, например, в упомянутой статье Н. М. Лисовского [13].

¹⁶ По старой традиции, говоря о «кризисе» и реакции 1815—1818 гг., часто забывают о том, что реакция противостояла и тогда, и позже подъем общественно-прогрессивного движения. Необходимость учитывать классовую борьбу, имевшую место в этом случае, очень ярко подчеркнута в недавней книге М. В. Нечкиной [17], которая вся построена на идее борьбы «двух лагерей» и «поляризации» общественных интересов и идей во второй половине царствования Александра I.

¹⁷ См. материалы об этом в известной книге М. И. Сухомлинова [19].

¹⁸ В литературе эти гонения описывались много раз, но фактический материал обычно используется тот, который был собран М. И. Сухомлиновым [19] и Н. Н. Буличем [20].

¹⁹ При подсчетах принимался во внимание только исследовательский раздел каждого тома. Разного рода официальные материалы (главным образом отчетные) и предисловия в подсчет не включены.

²⁰ Изучение русской, и в частности академической, литературы по политической экономике в XVIII в. только начинается. Мы резюмируем только наши общие наблюдения. См. также [21, с. 275 и след.; 10, с. 85 и след.].

²¹ Все основные суждения М. Н. Муравьева по вопросам истории объединены в [22].

²² Среди этих деятелей были не только декабристы, о которых идет речь дальше, но и люди консервативно-дворянской складки. Их представителем можно считать, например, поэта Е. А. Баратынского, который в своей поэме «Воспоминания» (1819) рассказывает о своих молодых увлечениях античностью. Далее см. [24, с. 3].

²³ Орывки из воспоминаний Корниловича приведены в статье о нем П. Е. Щеголева [25].

²⁴ Заимствуем данные о Н. Муравьеве из книги Н. М. Дружинина [27, с. 65, 80 и след. 98, с. 102—110 и др.].

²⁵ Соответствующие произведения Рылеева см., например, в сборнике [28].

²⁶ См. автобиографию Пестеля в сборнике [29, с. 123—128].

²⁷ Все названные работы Уварова были перепечатаны в его сборнике [30].

²⁸ Вся эта публичная переписка была напечатана в [31].

²⁹ Выпадение истории России из тематики работ Академии наук в первой трети XIX в. не обратило на себя внимания составителей юбилейного обзора [32]. Характеризуя (на с. 10—12) этот тип, авторы приводят факты, по большей части не относящиеся к деятельности Академии наук. Только одно из начинаний эпохи, упомянутых в обзоре, стоит в связи с Академией наук — археографическая экспедиция П. М. Строева, поддержанная Академией в 1828—1829 гг. О том, что журналы Академии совсем устранились от вопросов русской истории, в обзоре не упомянуто.

³⁰ Подлинное издание этой речи нам было недоступно. Им пользовался В. И. Семевский в своей книге [33], цитирующий его так: «Речь президента имп. Академии наук» (Спб., 1818) [33, с. 267, примеч. 2]. Семевский приводит из «Речи» несколько строк, следовательно — имел ее под руками. По-видимому, она представляет большую редкость, потому что она не зарегистрирована даже в тщательной библиографии (Шемниота) [34]. Подробное изложение содержания речи Уварова с некоторыми буквальными выдержками было напечатано в [35]. Несомненно, «отчет» был визирован Уваровым, так как редакция журнала не могла цитировать отрывков из речи, не получив от автора рукописи речи, и не могла не показать ему отчета, поскольку Уваров, как попечитель петербургского учебного округа, имел близкое отношение к цензуре периодических изданий. Поэтому мы считаем отчет аутентичным.

³¹ См., например, критический обзор общих установок Карамзина в раннем неизданном произведении декабриста Н. Муравьева «Мысли об „Истории Государства Российского“ Н. М. Карамзина» (изложены у Н. М. Дружинина [27, с. 98—102]). Ср. также современную эпиграмму, обычно приписываемую Пушкину («В его „Истории“ изящность, простота // Доказывают нам без всякого пристрастия // Необходимость самовластия // И прелести кнута...»).

³² Это обстоятельство должно быть учтено, между прочим, и для составления окончательного суждения об ученом «активе» Германа: возможно и даже вероятно, что многое, с чем он выступал (особенно в области текущей статистики) от своего имени, было в некоторых отношениях продуктом работы какого-то ведомственного коллектива. Для решения этого вопроса еще ничего не сделано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лисовский Н. М. Библиография русской периодической печати. 1703—1900. Пг., 1915.
2. Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год. Спб., 1859. Т. 3.
3. Ляшенко П. И. История русского народного хозяйства. М.; Л., 1947. Т. I.
4. Дмитриев С. Россия в XIX веке // БСЭ. 1-е изд. М., 1948. Т. «Союз Советских Социалистических Республик». С. 470—567.
5. Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX века. [М.], 1947.
6. Струмилин С. Г. Промышленный переворот в России. М., 1944.
7. Куник А. А. Об ученых сборниках и периодических изданиях Имп. Академии наук, с 1726 по 1857 год, и об издании «Ученых записок» // Ученые записки Имп. Академии наук по первому и третьему отделениям. Спб., 1852. Т. I. Вып. 1. С. I—CLX.
8. Регламент Имп. Академии наук. Спб., 1803.
9. Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Спб., 1875. Т. 2.
10. Карагаев Н. К. Возникновение политической экономии в Академии наук // Вестник Академии наук. 1947. № 3. С. 89—92.
11. Модзалевский Б. Л. Список членов Имп. Академии наук 1725—1907. Спб., 1908.
12. Tableau général méthodique et alphabétique des matières contenues dans les Mémoires de l'Académie des sciences de St. Pétersbourg depuis sa fondation. I-re partie. Publications en langues étrangères. St. Pétersbourg, 1872. P 407—479.
13. Лисовский Н. М. Печатное дело // Энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона. Полутом 54. С. 414—420.
14. Рейсер С. А. Об источниках русской книжной статистики // Сов. библиогр. М., 1946. Вып. 1. С. 75—90.
15. Струмилин С. Г. Черная металлургия в России и в СССР. Технический прогресс за 300 лет. М.; Л., 1935. С. 200—201.
16. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа Л. Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. I.
17. Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. М.; Л., 1947.
18. Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Спб., 1888. Т. I.
19. Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. 1889. Т. I.
20. Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. 2-е изд. Спб., 1912.
21. Птуха М. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков. М., 1945.
22. Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. Спб., 1819. Т. II.
23. Радичев А. Н. Полн. собр. соч. М., 1907. Т. I.
24. Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. Пг., 1915. Т. II.
25. Шеголев П. Е. Декабристы. М.; Л., 1926.
26. Якушкин И. Д. Записки. 3-е изд. Спб., 1905.
27. Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933.
28. Поэты-декабристы. М.; Л., 1926.
29. Декабристы. Отрывки из источников... М.; Л., 1926.
30. Ouvaroff S. S. Etudes de philologie et de critique. Saint-Pétersbourg, 1843.
31. Чтение в Беседе любителей Русского Слова. 1813. Кн. 13 и 14.
32. Очерки по истории Академии наук. Исторические науки... М.; Л., 1945.
33. Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. Спб., 1909.
34. [Шемидт]. Систематический и алфавитный указатель статей, помещенных в периодических изданиях и сборниках Имп. Академии наук, а также сочинений, изданных Академией отдельно, со времени ее основания по 1872 г. включительно. Спб., 1875. Ч. II.
35. Подробный отчет другу о приятном вечере в обществе просвещенных людей // Сын Отечества. 1818. № 13.
36. Мордвинов Н. С. Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе. (1815) // Мордвинов Н. С. Избр. произведения. М., 1945.

В. И. Лосев

М. Булгаков.

Либретто оперы «Петр Великий»

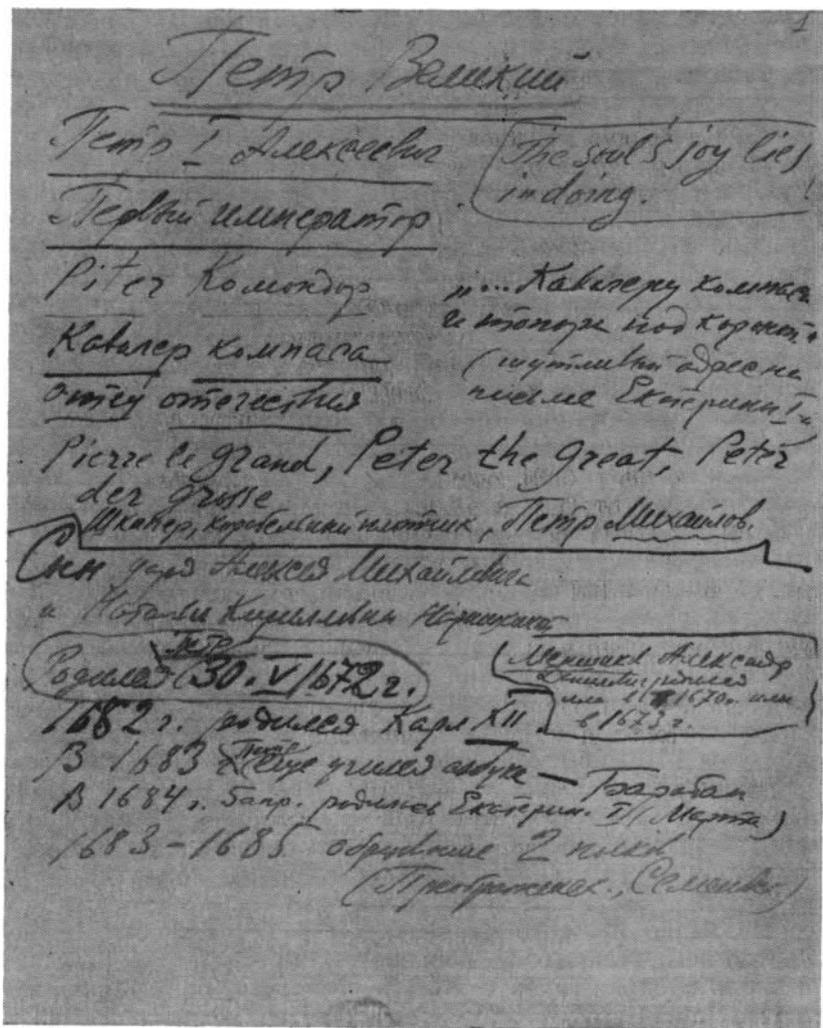
Тема Петра Великого логически вытекала из размышлений писателя о судьбах России. А размышления эти стали одолевать Булгакова еще в годы гражданской войны. В 1919 г. он пишет, вероятно, свое первое публицистическое произведение «Грядущие перспективы», в котором пытается осмыслить путь России после братоубийственной войны. Нелегкую судьбу предсказывал он русскому народу и не ошибся.

В 1921 г., устроившись в Москве, Булгаков задумывает написать «грандиозную историческую драму» о падении царизма, о Николае II и Распутине, об Октябрьском перевороте. Но условий, даже минимальных, для работы не было. Через несколько лет в романе «Белая гвардия» и в пьесе «Бег» писатель частично осуществляет этот замысел.

В сер. 1930-х гг., в самый разгар работы над несколькими крупными драматическими произведениями (пьесы «Мольер», «Александр Пушкин», «Иван Васильевич» и др.), Булгаков, к удивлению многих, начинает писать учебник по истории СССР для школьников и за короткий срок готовит черновой вариант. Но обстоятельства вновь помешали ему завершить работу.

Вплотную исторической проблематикой Булгаков занялся с осени 1936 г., когда вынужден был перейти из МХАТа в Большой театр, где стал работать либреттистом. Более двух лет (1936—1938) он трудился над либретто оперы «Минин и Пожарский» в содружестве с композитором Б. В. Асафьевым. К сожалению, оперу так и не поставили, хотя работа была полностью закончена.

Сохранилась обширная переписка между писателем и композитором, в которой два крупных художника делятся мыслями о прошлом русского народа, пытаются сделать широкие обобщения о закономерностях тех или иных событий в истории России. Тут же рождаются и новые творческие замыслы. Так, 12 дек. 1936 г. Асафьев намекал другу: «Намерены ли Вы ждать решения судьбы „Минина“ или начать думать о другом сюжете уже теперь? Сюжет хочется такой, чтобы в нем пела и русская душевная боль, и русское до всего мира чуткое сердце, и русская философия жизни и смерти. Где будем искать: около Петра?...» Через два месяца Булгаков сообщил Асафьеву о своем намерении начать работу над либретто оперы «Петр Великий»: «...если Вы захотите осуществить Петра, я, конечно, буду писать либретто для Вас». Асафьев незамедлительно дал положитель-

М. А. Булгаков. Либретто оперы «Петр Великий». Автограф. Ф. 562, 16.11, л. 1

ный ответ: «Петра обязательно со мной. Я подбираюсь к нему давно и не хотел бы ни его, ни Вас уступить кому-либо. Затем, с Вами же намерен делать Хаджи-Мурата... И, наконец, в третью очередь (с Вами же) 1812 год по наметке трагедии А. С. Грибоедова».

В тот период Булгаков очень серьезно думал не только о названных текстах, но и предполагал создать произведения о Степане Разине и Пугачеве, о Суворове и Кутузове, набрасывал планы работы о Киевской Руси. Словом, историей Родины стремился заняться всерьез.

Долго и тщательно он изучал источники и литературу о Петре I, а 7 июня 1937 г. приступил к работе. Сохранившийся обширный план свидетельствует о том, что Булгаков, по-видимому, предполагал в будущем развить сюжет до пьесы или романа. Замечательны, например,

«синхронистические таблицы», в которых на каждое действующее лицо произведения собрана полная информация во временном разрезе. Такие таблицы, кстати, Булгаков составлял и при подготовке пьесы «Батум» и др.

Ход работы над либретто отражен в дневнике Е. С. Булгаковой. Приведем лишь некоторые ее записи. 15 июня: «М. А. работает сейчас над материалами для либретто „Петр Великий“. Сегодня мы как раз говорили о том, как бы уберечь ему эту тему. Чтобы не вышло того, что с „Пугачевым“. Миша придумал несколько месяцев назад эту тему для либретто, предложил Самосуду. Тот отвел. А потом оказалось, что ее будет писать композитор Дзержинский... Вот что делают с Мишей!» 20 июня: «Вечером Миша работал над либретто „Петр Великий“». 1 июля: «Мне очень бы хотелось поехать в Житомир. М. А. смущает работа над „Петром“, невозможно взять все материалы». 2 июля: «М. А. работает над „Петром“». 8 июля: «Вечером М. А. — над „Петром“». 21 авг.: «М. А. сидит над „Петром“. Не могу разобраться, не нравится мне эта вещь или я не люблю Петра. Вернее, конечно, последнее». 22 авг.: «Зашла в дирекцию ГАБТ за Мишей, слышала конец его разговора с Самосудом... Он явно хочет не пустить Асафьева на „Петра“. М. А. волнуется, считая, что так поступать с Асафьевым нельзя». 6 сент.: «М. А. возится с „Петром“». 17 сент.: «Утром я отвезла экземпляр либретто в Комитет, сдала секретарю Керженцева...» 22 сент.: «Биндлер [управляющий делами Большого театра — В. Л.] позвонил из Большого, сказал, что есть письмо Керженцева о „Петре“. Ездили за этим письмом... Оказалась записка с заголовком „О Петре“, состоящая из десяти пунктов. Смысл этих пунктов тот, что либретто надо писать наново. Нет, так невозможно М. А. работать!»

Приводим эти десять пунктов с некоторыми сокращениями:

1. Нет народа (даже в Полтавской битве), надо дать 2—3 соответствующие фигуры (крестьянин, мастеровой, солдат и пр.) и массовые сцены.

2. Не видно, на кого опирался Петр (в частности — купечество), кто против него (часть бояр, церковь).

3. Роль сподвижников слаба (в частности, роль Меншикова).

4. Не показано, что новое государство создавалось на жесткой эксплуатации народа (надо вообще взять в основу формулировку тов. Сталина).

5. Многие картины как-то не закончены, нет в них драматического действия. Надо больше остроты, конфликтов, трагичности.

6. Конец чересчур идилличен — здесь тоже какая-то песнь угнетенного народа должна быть. Будущие государственные перевороты и междоусобицы надо также здесь больше выявить. (Дележ власти между правящими классами и группами.)

7. Не плохо было бы указать эпизодически роль иноземных держав (шпионаж, например, попытки использования Алексея).

8. Надо резче подчеркнуть, что Алексей и компания за старое (и за что именно).

9. Надо больше показать разносторонность работы Петра, его хозяйственную и другую цивилизаторскую работу...

10. Язык чересчур модернизирован — надо добавлять колориты эпохи... Это самое первое приближение к теме. Нужна еще очень большая работа» (ЦГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 9661).

Замечания П. М. Керженцева усугубили и без того тяжелое, удручающее душевное состояние Булгакова. То, что над либретто еще надо работать, Булгаков сам прекрасно понимал (например, незаконченность некоторых картин просматривалась явно), но дело было в другом: Булгаков не мог в принципе принять некоторые замечания Керженцева в силу их конъюнктурности и прямолинейности. Об этом он поведал Асафьеву 2 окт. 1937 г.: «...не писал Вам до сих пор по той причине, что до самого последнего времени не знал, что, собственно, будет с моим „Петром“. А тут еще внезапно навалилась проходная срочная работа, которая съела у меня последние дни. Начну с конца: „Петра“ моего уже нету, то есть либретто-то лежит передо мною переписанное, но толку от него, как говорится, чуть. А теперь по порядку: закончив работу, я один экземпляр сдал в Большой, а другой послал Керженцеву для ускорения дела. Керженцев прислал мне критический разбор работы в десяти пунктах. О них можно сказать, главным образом, что они чрезвычайно трудны для выполнения и, во всяком случае, означают, что всю работу надо делать с самого начала заново, вновь с головою погружаясь в исторический материал. Керженцев прямо пишет, что нужна еще очень большая работа и что сделанное мною это только „самое первое приближение к теме“. Теперь нахожусь на распутьи. Переделывать ли, не переделывать ли, браться ли за что-нибудь другое или бросить все? Вероятно, необходимость заставит переделывать, но, добьюсь ли я удачи, никак не ручаюсь. Со многим, что говорил Пашаев, прочитавший либретто, я согласен. Есть недостатки чисто оперного порядка. Но, полагаю, вы правимые. А вот все дело в керженцевских пунктах».

Подумав некоторое время, Булгаков прекратил работу.

В архиве писателя сохранились две редакции текста либретто к опере — черновая и машинописная, существенно отличающаяся по содержанию. Первая имеет дату 1 сент. 1937 г., а вторая — 13 сент. того же года.

Представленная Булгаковым в Большой театр и в Комитет по делам искусств вторая машинописная редакция либретто повторяла известную отрицательную оценку личности царевича Алексея. В черновом же варианте акценты расставлены иначе: в борьбе двух непримиримых сил, стоявших за Петром I и царевичем Алексеем, Булгаков явно отдает предпочтение окружению царевича.

Вторая редакция либретто была опубликована (с разночтениями) в журнале «Советская музыка» (1988. № 2. С. 48—64).

Текст первой черновой редакции либретто к опере «Петр Великий» (Ф. 562. К. 16. Ед. хр. 11) публикуется впервые.

М. А. Булгаков

Петр Великий

(Либретто оперы)

Действующие лица:

ПЕТР I.
ЕКАТЕРИНА.
АЛЕКСЕЙ.
ЕФРОСИНЯ.
МЕНШИКОВ.

МАЗЕПА.
КАРЛ XII.
РЕНШЕЛЬД, шведский генерал.
ДЕНЩИК.

КОРАБЕЛЬНЫЙ МАСТЕР.
АДМИРАЛ.
МАКАРОВ, кабинет-секретарь.
МАРКОВ ИВАН.
ДЬЯК.
ПОДЬЯЧИЙ.
ПРОТОПОП.
ЮРОДИВЫЙ.
КУРЬЕР.
КНЯЗЬ-КЕСАРЬ.

КНЯЗЬ-ПАПА.
СОЛДАТ.
ЛЕКАРЬ.
БУТУРЛИН.
ТОЛСТОЙ.
АПРАКСИН СТАРШИЙ.
ГОЛИЦЫН.
ДОЛГОРУКИЙ.
РЕПНИН.

НАРОД, ГВАРДИЯ, ПЕСЕННИКИ, ПЛОТНИКИ, КУЗНЕЦЫ, МОНАХИ, СОЛДАТЫ, МАТРОСЫ, ХОР КОЛОДНИКОВ, ЗАПОРОЖЦЫ, СВИТА КАРЛА XII, РУССКИЕ ГЕНЕРАЛЫ (РЕНН, ШЕРЕМЕТЕВ, БРЮС, БОУР, ЧЕРНЫШЕВ, МАМОНОВ), АННА (дочь Петра), ЛЕКАРЬ, АФАНАСЬЕВ-БОЛЬШОЙ, ШВЕДСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ, ДРАБАНТЫ, ГРЕНАДЕРЫ, ДРАГУНЫ, КАРАУЛ ВО ДВОРЦЕ, ТРУБАЧ, РЯЖЕННЫЕ.

Картина I

Июньское утро. Лес под Полтавой. Шатер со штандартом Карла XII, шатер со штандартом гетмана Мазепы. У первого — ДРАБАНТ, у второго — ЗАПОРОЖЕЦ. За сценой грохот боя. МАЗЕПА появляется один.

МАЗЕПА. О, смрадный ад! О, тартар преисподний! Великий Бог, погибло все! (*Смотрит вдаль.*) Я не ослеп, они бегут, глаза меня не обманули. За ними русские полки, а с ними призрак ненавистный. Да, это он в дыму, в огне! Палац мой страшный, кат московский! Куда теперь укрыться мне? О, гетьман, гетьман, ты погиб! Да краше самому себе смерть причинить, чем отдаваться на позор и люты муки... (*Берется за пистолет.*) О, тяжкое мгновенье... Но нет, дрожит рука моя, курок взвести не в силах я, бежать я, бежать без промедленья!

Выбегают ЗАПОРОЖЦЫ.

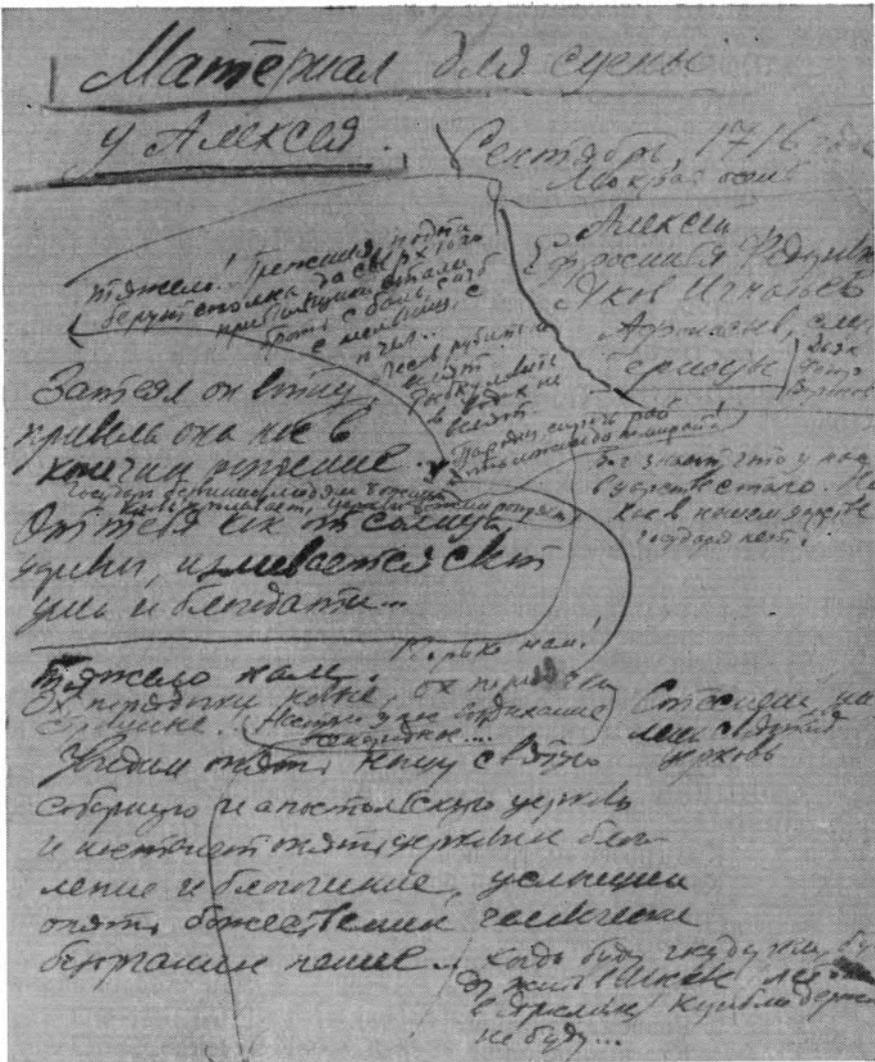
ЗАПОРОЖЦЫ. Лейб-режимент тыл показал, погано дело, гетьман славный. Нас погубили шведы. Всех москали нас заберут и замордуют. Эй, гетьман, на Туреччину веди нас!

МАЗЕПА. Молчать! Все знаю и без вас! Не я, не я, а он виновник! Вот он!

ДРАБАНТЫ поспешно вносят, высоко поднося на шестах и копьях, носилки, в которых раненый Карл XII. Левая нога его в бинтах. За носилками СВИТА КАРЛА.

КАРЛ. Остановитесь здесь! Хочу смотреть отсюда. Ах, если бы я мог подняться! Но рана тяжкая меня сковала, мученья передышки не дают. Я все готов терпеть, огонь и муку, но только дайте мне подняться, чтоб кинуться опять в ряды. И верных региментов строй лишь только короля увидит, сомкнется вновь и варваров погонит! Пустите к ним! Пустите к ним! Награду колдуну, тому, кто рану заживит, кто вдунет силу в грудь мою! О, шведы, шведы, с вами ваш король, ужели вы не слышите его?

МАЗЕПА. Он обезумел, не понимает в иступленьи, что ждет его! Его пленят, и мы погибнем с ним. О, бой проклятый! Дракон московский, ты непобедим!

М. А. Булгаков. Материал к тексту либретто оперы «Петр Великий». Ф. 562, 16.11, л. 19

КАРЛ. Нет, нет! Явись ко мне архангел или дьявол с приказом бить отбой, я б не послушал их и дал бы бой, я дал бы бой, клянусь в том королевством!

РЕНШЕЛЬД (вбегает). О, государь, пехота наша сбита! О, государь, скорей на Днепр бегите! (Свите.) Не медлите, спасайте короля!

КАРЛ. Не верю! В мире силы нет, перед которой дрогнет швед! РЕНШЕЛЬД. О, государь, глядите!

Вдали пробегает расстроенная шведская пехота.

О, государь, я умоляю! (Убегает в сторону боя.) Остановись! Того, кто побежит, я расстреляю! (Стреляет из пистолета, скрывается.)

МАЗЕПА (*запорожцам*). Снимайте прапор, золото в шатре берите... Коней! Скорее на коней!

ЗАПОРОЖЦЫ. Эй, на конь, на конь! На конь!

ЗАПОРОЖЦЫ вытаскивают из шатра бочки с золотом, снимают штандарт и скрываются с МАЗЕПОЙ.

СВИТА КАРЛА. Эй, королю коня! Скорее на коней!

Штандарт Карла снимают.

КАРЛ. Позор, позор вместо победы! О, лучше б я ослеп, чем это видеть! О, шведы! Шведы!

КАРЛА уносят, СВИТА за ним. Бой стихает. Ветер доносит обрывки «Тебе Бога хвалим...», обрывки полковой музыки. Появляется МЕНШИКОВ, а с ним ТРУБАЧ.

МЕНШИКОВ. Труби, труби! Ко мне всех командиров. Труби им сбор!

ТРУБАЧ трубит. Появляются РЕНН, ШЕРЕМЕТЕВ, БРЮС, БОУР. Начинают сбегаться со всех сторон ОФИЦЕРЫ.

Бог наше дело завершил, они бегут, нет больше Карла! Баталья кончена, пуст шатер, всех поздравляю!

За сценой послышались трубы и крики «Ура!». Появляется ПЕТР I. Контуженная голова его без шляпы, повязана обожженной тряпкой, лицо закончено дымом. Он в разорванном сбоку кафтане, со сматым крестом на груди. При появлении его офицеры на сцене выхватывают шпаги, кричат ему «Ура!».

ПЕТР. О, всемогущий Боже! Возри на нас, тебя благодарящих, тебе поем, тебе мы хвалим! Свети нам солнце, Бог воскрес, виктория, виктория, победа!

ОФИЦЕРЫ. Воистину воскрес! Виктория, победа!

ПЕТР.

Кто грозен и страшен,
Как Марс, древний бог?
Кто полымем ярким
Европу зажег?

Карл двенадцатый!
Кто всех супротивных
Развеял как дым?

Кто в мире один
Был непобедим?
Карл двенадцатый!

А кто нас под Нарвой
Как малых побил?
Кто конницу нашу
В Нарове топил?

Карл двенадцатый!
Но часу я ждал,
Я тебя поджидал,
Король знаменитый
Двенадцатый Карл!

И вот, мы сошлись,
О Свейский король!
Скажи нам свой лозунг,
Промолви пароли!

С тобою на свете
Места нам нет.
Вздувай фитили,
Эй, примкни байонет!

И в мире не ждал
И не чаял никто
Батальи преславной,
Викторьи такой.

Мы шведу не дали
Ни пяди земли,
И шведов шеренги
В крови полегли.

Кто чаял, чтоб швед
Нам хребет показал?
Где свейский король?
Двенадцатый Карл?

ОФИЦЕРЫ.

Кто чаял, кто ждал,
Чтоб хребет показал
Король их бесстрашный,
Двенадцатый Карл?

ПЕТР (*Меншикову*). Данилыч! Подойди ко мне! Mein Herzenkind, mein besten Frunt, mein Bruder! Сердечный друг, тебе мое лобзание! Неустрашимый князь, России не забыть твои деянья. (*Всем, кланяюсь низко.*) И всех благодарю, всем кланяюсь низко... Вы древнюю славу Руси обновили, не посрамили знамен, потомки имен не забудут, ваших бесстрашных имен!

МЕНШИКОВ. Что приказать изволите, Ваше Величество?

ПЕТР. Чай, гвардия голодна, Данилыч, угости обедом!

МЕНШИКОВ. Петр Алексеевич, сделай честь. (*Трубачу.*) Труби, садиться всем и есть!

Трубач трубят. Преображенцы раскрывают шатры, вкатывают бочки с водкой, развязывают вьюки, ребром ставят барабаны, садятся кто на чем смог.

ПЕТР. Наш первый кубок в славу павшим! Пролившим под Полтавой кровь... им слава, память и любовь!

ОФИЦЕРЫ. Вечная память!

ПЕТР. Вторую чарку пью за вас...

МЕНШИКОВ. Нет, стой! Не так ты пьешь, не по ранжиру! Вторую чарку Петру Михайлову, преображенцу бомбардиру!

ГВАРДИЯ. Здравствуй, здравствуй, Петр Алексеевич!

МЕНШИКОВ. Многая лета!

Машет платком, пушечный удар, потянуло дымом.

ГВАРДИЯ. Многая лета! Многая лета! Многая лета!

На холм поднимается конвой; везет пленных ШВЕДСКИХ ГЕНЕРАЛОВ, во главе их РЕНШЕЛЬД. За ними несут шведские знамена. Меншиков делает знак, и их склоняют перед Петром.

РЕНШЕЛЬД. Ваше Величество! Пред вами генерал-фельдмаршал Реншельд. Мы победителям сдаемся в плен.

Подает свою шпагу Петру. Генералы отдают шпаги Меншикову.

ПЕТР. Не гоже, зазорно, чтобы столь славный в мире фельдмаршал был безоружен! Фельдмаршалу меч всегда будет нужен. Мы с вами скрестили шпаги в бою, вам шпагу на память свою отдаю!

РЕНШЕЛЬД. Какая честь и смею ль я? (*Принимает шпагу.*)

ПЕТР. И милости просим, чем Бог послал...

РЕНШЕЛЬД. Не знали мы, право, такой устав...

ПЕТР. А как это писано у нас про устав, Данилыч, ась?

МЕНШИКОВ. Со своим уставом в чужой монастырь не ходят!

ПЕТР. Изрядно, изрядно написано!..

Шведов усаживают, подают им чарки.

РЕНШЕЛЬД. Мы не пьем...

ПЕТР. Мы и сами не пьем, капли в рот не берем, понеже в том нету и сладости, да уж день больно радостный!..

Все пьют.

Спасибо вам, великое спасибо. За то, что драться научили!..

РЕНШЕЛЬД (*указывая на раненого шведа*). Мы научили, а вы им плохо заплатили...

ПЕТР. Как умели!

ГВАРДИЯ. Как умели!

ПЕТР. А чего же нам зевать? По второй, чтоб не хромать! Ась?

ГВАРДИЯ. Чарка на чарку, не палка на палку!

ШВЕДЫ. Чарка на чарку, как палка... как палка...

ПЕТР (*манит Меншикова в сторону*). Данилыч! А ведь мы короля позабыли! Ведь уходит король! Короля догони, князь, достань короля! А Мазепу-изменника коль догонишь, то я тебе в ножки паду!

МЕНШИКОВ (*Боуру*). Бери скорей драгун, скачи что станет мочи и короля с Мазепой лови в Переволочне!

БОУР скрывается.

ПЕТР. А что же наши гости да приуныли? Скажут, что ж это плохи хозяева... А ну, песенников сюда!

Появляются СОЛДАТЫ-ПЕСЕННИКИ.

ПЕСЕННИКИ.

Ах, вы сени, мои сени,

Сени новые мои!

Сени новые, кленовые!

ГВАРДИЯ.

Решетчатые!

Выбегает СОЛДАТ-ПЛЯСУН с ложками, пляшет.

ПЕСЕННИКИ.

Выпускала сокола

Из правого рукава...

Ты лети, лети, сокол,

Высоко и далеко!..

Вдруг послышался топот, загудела земля, донесся свист и хор издали:
«И высоко, и далеко, на родиму сторону!»

ВСЕ.

Ах, вы сени, мои сени,

Сени новые мои!

Сени новые, кленовые,

Решетчатые!

Картина II

Через несколько лет. Лето. Верфь в адмиралтействе в Петербурге. В лесах киль громадного корабля. В стороне отблески в кузнечных горнах. ПЛОТНИКИ облепили киль, работают. Среди них ПЕТР с топором, работает. Со стороны горнов доносятся время от времени удары молотов.

ПЛОТНИКИ. Эх, кручина, ты кручина! Эх, кручинушка моя! Эх!
КУЗНЕЦЫ (*за сценой*). Раз!

Удар.

ПЛОТНИКИ. Коли хочешь без кручинушки прожить, поезжай к нам на матушку, на Неву-реку...

Ах, Нева, Нева-река
Холодна, да глубока!
А на той на реке
Чудный город растет,
Быстро строится!
Как из топи, из болота
Вылезают вдруг ворота!
Да тесовые,
Да тесовые!

КУЗНЕЦЫ (*за сценой*). Делай два!

Удар. Появляется ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА и с нею ДЕНЩИК с подносом, на котором приготовлена закуска. Екатерина становится у выхода на площадку, где идет работа, а денщик уходит. У выхода на площадку появляется пышно одетый ИНОСТРАНЕЦ. Увидев Екатерину, продельывает поклоны, подходит к руке.

ЕКАТЕРИНА. Ах, господин барон, вы к господину шаутбенахту? Извольте подождать, пройдите...

Иностранец показывает улыбкой и вежливыми жестами готовность ждать сколько угодно и поднимается на площадку. Там, разглядев среди плотников Петра, отвешивает безрезультатные поклоны и затем застывает в блаженной улыбке. Голос сверху: «Шевелись, шевелись! Что под килем заснули?»

ПЛОТНИКИ. Мы и то, мы и то шевелимся!

Наши плотники-соколики,
Как возьмут они топорики,
Махнут вверх, махнут вниз,
Отходи, поберегись!
И топорики звенят,
Только щепочки летят.

КУЗНЕЦЫ (*за сценой*). Три!

Голос сверху: «Шабаш!» ПЛОТНИКИ покидают сцену. ПЕТР с топором один, смотрит на корабль, потом медленно уходит, осматривая киль. Показывается МЕНШИКОВ.

МЕНШИКОВ. Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его... (*Увидев Екатерину.*) Ангел наш! Вот уж ангел воистину!

ЕКАТЕРИНА. Что-то личико ваше так затуманилось, али вам нездоровится?

МЕНШИКОВ. Аки отрок иду прямо в пещь... Пещь же огненная... Звал меня государь... Чует сердце, что гневен он...

ЕКАТЕРИНА. Не извольте печалиться! Гнев пройдет, и опять адмирал будет вас содержать в своей милости... Т-сс, идет...

МЕНШИКОВ. Ох, идет...

ПЕТР появляется, по-прежнему не замечая иностранца. Меншиков поднимается на площадку к Петру.

ПЕТР. А, светлейший князь! В добром здравии ли?
МЕНШИКОВ. Ох, нет, государь, уж какое тут здравие!

Появляется АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ, целует руку Екатерине, делает ей какие-то знаки, та в ответ кивает успокоительно.

Час от часу печали мои умножаются, а домашние плачут кругом, убиваются. Кровью харкаю я, видно, скоро уж мне отходить недостойному!..

ПЕТР. Ах ты, сукин ты сын, ах ты, сукин ты сын!

Иностранец перестает улыбаться, пьитися. Петр швыряет рубанком в Меншикова. Иностранец срывается с лесов и падает в воду. За лесами взметнулся фонтан. Вдали видно, как пробежали туда с баграми.

АЛЕКСЕЙ. Аки зверь, лютый зверь. (*Екатерине.*) Заступись за меня, государыня!

ЕКАТЕРИНА. Не робей, царевич, не робей, будет надобно, выйду я...

ПЕТР. Грабежом промышлять начинаешь? Что ты сделал в губернии? Вертеп! Ты кого раздеваешь, разбойник? Народ? Ты куда свою лапу засунул? В казну! Я тебя за казну четвертую! За народный алтын сорву голову, волчью глотку твою залью оловом! Кто ты? Князь али вор? Князь, ну так я те хоромы пожалую. Да высокие, с перекладной, да со скользкою веревкою!

МЕНШИКОВ. Гнева я твоего ужасаюсь! Обнесли меня, царь, супротивники!

ПЕТР. А, так ты запираешься! (*Вынимает из кармана штанов бумагу.*) А сие ты читал? Обнесли? Палача мне сюда! Палача! (*Бросается на Меншикова, схватывает за глотку, потом срывает с него ордена.*)

МЕНШИКОВ (*вырвавшись*). Бей, руби! Бей, руби! А Андрея не трожь Первозванного! Не за воровство мне Андрея пожаловали, а за бои непрестанные, за Отечество! Аль забыл про сие? О, mein Frimt! Крест не трожь!

ПЕТР (*утихая внезапно*). Ты скажи мне, Данилыч, что те надобно? О, ненасытный зверь! Весь ты в золоте, вознесен паче всех! Что те надобно? Ведь ты был как сосуд драгоценный и избранный, без порока ты был, из немногих был первый!

МЕНШИКОВ. Своей скверны и сам ужасаюсь! Ты прости, государь, окаянного... Бес попутал меня, помутил мне глаза...

ПЕТР. Поклянися!

МЕНШИКОВ. Клянусь!

ПЕТР. Ну, ступай, только помни. Начет ты заплатишь в казну и коль клятву преступишь, я тебя вдругорядь не помилюю! Сколь ни умна твоя голова, а, как с плахи покатится, не поднимешь ее! Уходи с моих глаз!

МЕНШИКОВ. Всепокорнейший ваш, всенижайший слуга. (*Уходит поспешно, не замечая Екатерины и Алексея.*) Трехпудовую свечку Андрею... видно, он меня от смерти спас!

Проводят вдали совершенно размокшего иностранца.

ЕКАТЕРИНА. Ну, царевич, ступай...

АЛЕКСЕЙ. Не забудь же, смотри...

ЕКАТЕРИНА. Обещала, так, стало быть, выйду!..

АЛЕКСЕЙ (*поднимается на площадку*). Легче б мне в лихорадке лежать, легче б в каторге быть, чем сюда подниматься. (*Оглядываясь.*) Тыфу ты, сгинь... парадиз на болоте!.. (*Выходит к Петру.*) Здравствуй, батюшка! Звать изволили, Ваше Величество!

ПЕТР. Слушай, зоон, завещанье мое, тестамент мой последний и важный! Стал хворать я, мой сын, видно, годы не те, а я есмь человек, как и каждый. Как уйду я под смертную сень, кто же дом наш российский управит? Ты, мой сын! И как гляну я на тебя, ужасаюся и горесть мне сердце терзает. Не с отцом, с чернецами мой сын! Что они в твоём сердце посеяли? Одряхлел ты, мой сын, и ослаб... Раб ленивый, евангельский раб! Где советы мои? Видно, ветры их в поле развеяли? Погляди, чего бедным моим трудом для России повсюду достигнуто! Видишь, город стоит там, где были в болоте гнилом только бедные нищие хижины! Так из тьмы, нищеты поднимается новое царство! И тебе ведь достанется все, как управишь сие государство? Отвечай! Ненавидишь ты новое? Повернешь ты все вспять, в тьму невежества? Отвечай, что молчишь.

АЛЕКСЕЙ. Что ты, царь-государь! Разве мыслимо, чтобы ненавидел я труд столь многославный? Только ты на меня погляди, человек от детства худой, маломощный умом, неисправный. И боюсь я наследство принять, ведь какое государство... разве вправе я? А тебе, государь, дай господь многолетнего доброго здравия!

ПЕТР. Лжешь, мой сын! И ведь как хитро лжешь, стоит всем подвиться, только знаю я, чувствую, что под сими словами таится! Ну так слушай мой сказ: иль с отцом заодно раздели все труды и потрянем мы вдвоем по-нашенски, или прочь от меня в монастырь, принимай чин монашеский!

АЛЕКСЕЙ. Буди воля твоя, государь, где ж идти мне с тобой, непотребному слабому сыну? Со смиреньем приму монастырского черного чину.

Екатерина, не отрываясь, следит за сценой.

ПЕТР. Вот сказалася правда твоя! Нет, не сын ты мне! Кто родил тебя, волк и волчица? Что ответил ты мне? К чему мне еще один лишний клубок! У, проклятые черные птицы! Все то зло от них и содеялось! Что ответил ты мне, о, мой сын? Ну, а я-то надеялся... Ах, злодей ты, злодей!.. (*Лицо Петра искажается судорогой. Он опускается на бревно. потом медленно поднимается...*)

АЛЕКСЕЙ (*в испуге*). Боже, Господи! Заступитесь!

В ту же минуту Екатерина преграждает Петру дорогу. В руках у Екатерины поднос.

ПЕТР. Прочь с дороги! Уйди! Что тебе, Алексеевна?

ЕКАТЕРИНА. Что ты, батюшка, ангел ты наш! Куда ж от тебя уходить мне?

ПЕТР. Пусти! Говорить буду с ним...

АЛЕКСЕЙ. Заступись за меня, Алексеевна!

ЕКАТЕРИНА. Да какой же теперь разговор? Ведь обедать пора... Адмирал не нарушит регламент... Слушай, слушай...

Пушечный удар, потом полетел по ветру перезвон курантов.

Вот из пушки палят,

И куранты звенят

Адмиральский час!

(*Наливает водку, подает чарку, кланяется.*) А ты, царевич, с Богом ступай!.. Вишь, не время теперь разговаривать!

ПЕТР. Даю время тебе! Сын! Одумайся!

АЛЕКСЕЙ уходит. Петр пьет чарку, судорога проходит.

Что-то мало здоров становлюсь, Алексеевна...

Опускается на бревно, Екатерина ставит поднос, садится рядом с Петром, гладит ему голову.

Алексеевна, скажи, что с людьми вдруг сделалось? Что их, ржа что ли ест? Иль один я неправ, Алексеевна?

ЕКАТЕРИНА. Прав ты, батюшка, прав, ты уж мне верь! Только ты сейчас не думай, закусьвай!.. На все время свое, на все час положен! А поешь, я тебя на корабль провожу, отдыхать уложу, а покуда спать будешь ты, я те локти худые заштопаю... Хорошо тебе спать в бригаantine своей, разлюбозное славное дело! В люки веет зефир, в борт волна тихо бьет, хорошо на Неве тебе спится... А заснешь, тут и сон расчудесный придет, тут приятное, глядь, и приснится...

Петр затихает, положив голову на плечо Екатерины.

Будто вышли опять корабли
На привольный широкий фарватер.
Все фрегаты и бриги легли,
Тут построились разом в кильватер.

Хороши корабли, хороши,
Нету в них никакого изъяну.
И «Штандарт», и «Самсон»,
И «Ричмонд», и «Армонд»,
А за ними плывет и «Диана».

Плещут гюйсы на всех кораблях,
И прилажены накрепко снасти,
И плывет на фрегате среди них
адмирал,

Корабельный Михайлов, наш
мастер.

Фордевунд задувает в корму,
Мы догоним коварного шведа!
И не плавать тогда уже больше ему,
И не видеть на море победы!

Гляди в ночь! Шаутбенахт! Шаутбенахт!

Начинают опять звонить куранты. На площадке показывается кабинет-секретарь **МАКАРОВ** с бумагами. Екатерина делает ему знак, и он скрывается.

Картина III

Ночь. На мызе Алексея под Петербургом. За столом — **АЛЕКСЕЙ**, **ПРОТОПОП**, **ДЬЯКОН**, **ДЬЯК**, **ПОДЬЯЧИЙ**, **ЮРОДИВЫЙ** и несколько **МОНАХОВ**. Все пьяны. За окнами ветер, дождь. Гнилая осень.

АЛЕКСЕЙ (*слуге*). Афанасьев-Большой, подавай сулею! Что заснул там, на конике?

Афанасьев подает водку.

ДЬЯК. Эй, отцы! Наливай, не зевай! И поьем, и споем, и в литавры побьем!

ПОДЬЯЧИЙ. С какой радости? Хорошо птаха пела, только кош-ка ее съела.

ДЬЯКОН. Как у Фили мы пили, потом Филю побили...

ПОДЬЯЧИЙ. Охо-хо, охо-хо! Охохонюшки!

АЛЕКСЕЙ. Что вздыхаешь, отец? Что невесел стал?

ПОДЬЯЧИЙ. Как же нам не вздыхать? Как посмотришь кругом, что же в царстве у нас теперь делается? Тяжело, тяжело, тяжелехонько. Церкви божии разоряют, на войне нашу кровь проливают! Лес рубить не велят, ловить рыбу не велят! Да ведь рыбка в воде не царева, Божья! Тут и с мельниц берут, даже с пчелок дерут, крест с рубахой последний снимают!

ВСЕ. Правда, Федор, твоя, горько нам, тяжелехонько!

ПОДЬЯЧИЙ. Вот и пала мне мысль: уж не время ли антихристу быть, не у нас ли он в царстве родится?

ДЬЯК. Чур меня!

ПРОТОПОП. Эх... эх... Что толкуешь родится, родится... Ведь давно уже в книгах то сказано...

ВСЕ. Не томи, говори, что там сказано?

ПРОТОПОП. В синтаксаре приметы даны и понятны для всякого. Он родится от блудной жены и от Дана, от сына Иакова. Ну а Дан тот есть аспид и змей, выползает во тьме на дорогу, и тогда уж не ездя по ней, уязвляет он конскую ногу!

ВСЕ. Ох ты, Господи, Господи!

ПРОТОПОП. Погодите, не все! Как придет гордый князь, как антихрист придет... назовут его... назовут его... Петр!!

АЛЕКСЕЙ. Вон куда ты метнул. Эй, смотри, протопоп... Ну, а впрочем, чего не бывает...

ЮРОДИВЫЙ (*внезапно вскочив, приплясывает, гремя веригами*). Лежит дорога, а через тае дорогу — колода... По той дороге идет сам сатана... несет он кулек песку да ушат воды. Песком ружье заряжает, водой ружье заливают... Тыфу, сгинь! Как в ухе сера кипит, чтоб в ружье твоём порох кипел! Монарх ты наш Петр! Буди проклят!

ПРОТОПОП. Царевич ты светлопорфирный наш! Воззри хоть ты на нас несчастных, утешь и поддержи! Нам тяжко!

ВСЕ. Горько, горько нам!

АЛЕКСЕЙ. Чего вы завыли, как бабы? Молчать! Слушайте все мое слово царевича! Плох становится государь, и недолго уж бедным нам маяться. Час настанет, помрет государь, не успеет он даже покаяться!

Афанасьев в ужасе подбегает к Алексею, но тот отталкивает его и продолжает.

Похороним его, и взойдет на престол новый царь Алексей!

ВСЕ. Светлый ангел ты наш!

АЛЕКСЕЙ. Я отцовской стезей не пойду, старине я остануся верен, корабли потоплю иль сожгу, корабли я держать не намерен! С кем нам ссориться, что нам делить? И зачем даром порох палить? Питербурху не быть, не мечтай, государь, в Ярославль уйду жить, как и жили мы встарь! Будем жить в великом покое! И увидим опять, в блеске дивных огней, нашу церковь соборную радостной, разольется по всей по Руси звон великий и сладостный! Мы вернем благочинье, вернем, благолепие будет чудесное! И услышим опять по церквам на Руси православное пенье небесное! Не могу выносить я порядков отца! Омерзело мне все! Ненавижу его! Умирай! Умирай!

Грохот в дверь. Все вскакивают в ужасе.

ВСЕ. Это что же такое... это что же? Помилуй нас грешных... О, Боже...

Стараясь не шуметь, скрываются, Алексей остается один. Афанасьев открывает дверь — входит КУРЬЕР.

КУРЬЕР. Письмо государя из Дании (*вручает пакет Алексею, уходит*).

АЛЕКСЕЙ (*взламывает печать, читает*). Зовет к себе. Опять поход, опять война и море! О, горе мне, о, горе! О, призрак страшный, роковой, повсюду гонится за мной, гнетет меня и давит! Нет, никогда меня он не оставит! Что делать мне? Ослушаться, не ехать? Коль не поеду, он грозит монастырем! Нет, нет, довольно! Знаю я, что сделать! Афрося, Фрося!

ЕФРОСИНЬЯ (*входит со свечой*). Чего кричишь, царевич? Поживать пора, огни потухли, люди спят, у нас одних дым коромыслом! Ужели мало тебе дня?

АЛЕКСЕЙ. Афрося? Любишь ли меня?

ЕФРОСИНЬЯ. А для чего не любить? Люблю! На то и поллюбовница твоя.

АЛЕКСЕЙ. Прислал мне царь письмо, зовет с собой в поход, грозит монастырем, коль не поеду. Я ехать не хочу к нему, терпенья нету моего! И я бежать надумал!

ЕФРОСИНЬЯ. Куда бежать? Опомнись, что ты!

АЛЕКСЕЙ. Бежать, куда глаза глядят! Куда нам скрыться, знаю я. Скорее в Вену, в Вену. Там цесарь родственник и друг, не выдаст, а защитит, укроет. Бежим, Афрося, завтра же бежим!

ЕФРОСИНЬЯ. Опомнись! Страшно мне! Боюсь! Ишь, что задумал! Себя погубишь и меня! Тебя на плаху, и меня с тобою заодно! Я не хочу в чужие страны! Чего я не видала там? Оставь меня!

АЛЕКСЕЙ. Вот какова твоя любовь! Покинуть хочешь в страшный час? А я-то жизни в ней не чаял, смотрел в глаза тебе, я на коленях ползал. Царевич я, а стал твоим рабом! Змея ты подколодная, змея! Ты опоила меня зельем, приколдовала, а теперь оставить хочешь? Нет, не бывать тому!

ЕФРОСИНЬЯ. Не силой я тебе на шею навязалась! Искал бы ты жену себе среди принцесс! Ведь я дворовой девкою была, ты сам ввел в грех меня, ославил, обесчестил! Оставь меня и поезжай, а я боюсь!

АЛЕКСЕЙ. Так не поедешь? Бросишь? Ин будь по-твоему! Не доставайся никому! (*Выхватывает нож.*)

ЕФРОСИНЬЯ. Убьет, убьет! Ой, страшно мне! Царевич, пожалей, не убивай! Прости меня, свою рабу! По глупости я обронила слово! Алеша, погляди, ведь это я, твоя Афрося!

АЛЕКСЕЙ. За что терзаешь?

ЕФРОСИНЬЯ. Позабудь! Покорно за тобой поеду на край света! Ходить я буду за тобою, лелеять, слова не скажу... Прости!

АЛЕКСЕЙ. Афрося, верь мне, дай лишь срок, я на тебе женюсь, венцом прикрою грех пред Богом и людьми. Когда же стану я царем, и ты царицей станешь, подруга ты моя! Но только одного прошу, люби, не покидай меня!

ЕФРОСИНЬЯ. Царевич! Я люблю тебя!

АЛЕКСЕЙ. Там, в чужих странах, мы съедем покой. Там нас укроет могучий и ласковый цесарь. Там мы грозу переждем!

ЕФРОСИНЬЯ. Там, в чужих странах, стану твоею женою, верной подругой я буду твоей!..

АЛЕКСЕЙ. ...верной и вечной...

ЕФРОСИНЯ. ...вечной и верной!

АЛЕКСЕЙ. В края чужие, но не на век! Доверься мне, мы жизнь свою спасем... Там сгинут горести, пройдут печали, от всех мучений мы уйдем. Там ждет нас счастье и покой!

ЕФРОСИНЯ. В края чужие! Будь, что будет... Там ждет нас счастье и покой! Я верю, я твоя, царевич!

АЛЕКСЕЙ. Клянись мне, что ты моя до гроба! Клянись! Клянись!

ЕФРОСИНЯ. Клянуся Богом и судом его, твоя навек, твоя, Алеша!

АЛЕКСЕЙ. Не будем медлить! Не будем медлить. Бежать!

ЕФРОСИНЯ. Бежать! Бежать!

Картина IV

Дворец вице-короля Даунз в Неаполе. На террасе ЕФРОСИНЯ в костюме пажа. Под террасой появляется ГРУППА БРОДЯЧИХ ПЕВЦОВ с гитарами.

ПЕВЕЦ. Высокородный юный кавалер! Не угодно ль прослушать баркароллу бедных музыкантов.

ЕФРОСИНЯ. Ну что же, пойте, может, вы мою тоску развеете!

ПЕВЕЦ. <...>

ЕФРОСИНЯ. Нет, песня скучная твоя! Эй, черномазый, на тебе! (*Бросает деньги музыкантам, те удаляются.*)

Как во тереме сидит девица,
Как во тереме сидит красная.
Она плачет, как река льется,
Возрыдает, как ключи кипят!
Творит жалобу красна девица
На заезжего добра молодца,
Что сманил он красну девицу
На чужую дальню сторону,
На чужую незнакомую.
Не видать больше девице
Родимой дубравы зеленой.
Плачет девица, как река льется,
Возрыдает, как ключи кипят!

Показываются ТОЛСТОЙ, РУМЯНЦЕВ и ВЕЙНГАРТ.

ТОЛСТОЙ. Она?

ВЕЙНГАРТ. Она!

Отходит в сторону, Румянцев также.

ТОЛСТОЙ. Прекрасный кавалер! Я ваш покорнейший слуга! В чьей свите состоите?

ЕФРОСИНЯ. Мой господин, венгерский граф, в гостях сейчас у вице-короля. Я ваш слуга!

ТОЛСТОЙ. Ах, сколь приятно! Ну что ж, Афрося, довольно в прятки нам играть. Как здравствовать изволишь на чужбине?

ЕФРОСИНЯ. Кто ты таков? Откуда меня знаешь?

ТОЛСТОЙ. Толстой, посланник царский я! Толстой, посланник царский я!

ЕФРОСИНЯ. Боже мой! Нашли нас!

ТОЛСТОЙ. Да, нашли! Девица! Слушай ты меня, не пророни ни слова! Царь гневен на него за то, что он изменник, ушел в страну чужую. Но царь наш милостив! Обиду, стыд простить желает, коль он немедленно вернется. Не чаю я, чтобы царевич упрямство преломил свое... И вся надежда на тебя! Тебя он любит. Он в тебе души не чает. Ты объяви ему, что больше на чужбине жить не можешь. Добейся, чтоб уехал он домой. Поможешь искупить ему вину, и ладно дома заживете, а нет, смотри, Афрося, берегись, царь вас разыщет на дне моря, и не сносить вам головы!

ЕФРОСИНЬЯ. О, Господи! Да я сама бы рада, тошнехонько мне на чужой сторонке, да разве он послушает меня? Завез меня в Италию, зачем и сам не знает. Все мне постыло здесь и сам он опостылел! Да, чаю, не послушает меня! И как за это дело взяться?

ТОЛСТОЙ. Ой, не лукавь, Афрося! Все сможешь, коль захочешь! В руках он у тебя, я знаю. Слезам ль, ласкою ль, угрозой... Пугни его, скажи «уйду»! Сверкни глазами, топни ножкой, растает он, пойдет на все. Ох, прелесть женская сильна! А ты ли не прелестьна... Эх, если б сорок лет долой, я сам бы за тобою за тридесять земель пошел! А чтобы ты еще прелестнее была, так вот тебе на память... ожерелье... на нитях низано и жемчуг вшит бурмитский, да серьги золотые... в них яхонты и изумруды... Наденешь, ахнут все... *(Подает драгоценности.)*

ЕФРОСИНЬЯ. Ой, что вы, куда мне...

ТОЛСТОЙ. А доброго эффекту коль добьешься, еще дам кой-чего, озолочу тебя... Но тише, тише, он идет... Пойди и спрячься и подслушай, а как всплесну руками я, тут и входи...

ЕФРОСИНЬЯ уходит. Показываются АЛЕКСЕЙ и секретарь вице-короля ВЕЙНГАРТ.

ВЕЙНГАРТ. Вице-король вас просит, граф, принять послов к вам. Выслушайте их...

АЛЕКСЕЙ. Каких послов? И кто они?

ВЕЙНГАРТ скрывается.

ТОЛСТОЙ. Вашего высочества вернейший раб!

АЛЕКСЕЙ. О, Боже! Разыскали... Ты, Петр Андреевич? Ты? А кто второй? Кто прячется в тени? Я знаю, он подослан убить меня! Убийца... черный плащ, а под плащом кинжал! Меня хотят убить! О, помогите!

Появляется ВЕЙНГАРТ.

ТОЛСТОЙ. Царевич! Что ты, Бог с тобой! То гвардии капитан Румянцев, со мною прислан он к тебе...

АЛЕКСЕЙ. Пусть он уйдет немедленно! Я боюсь его! При нем не буду говорить!

ТОЛСТОЙ *(делает знак Румянцеву, и тот уходит с Вейнгартом)*. Бог тебе судья, царевич! Срамишь нас при чужих! Я вести добрые привез. Отец забыл твою обиду, бесславие и смертную печаль, что учинил ты! Отец зовет к себе домой, прощает, двери открывает. Царевич, поезжай домой!

АЛЕКСЕЙ. Нет, ни за что! Нет, ни за что! Не верю я твоим словам. Меня ты хочешь заманить, а там меня казнят! Нет, не поеду!

ТОЛСТОЙ. За что, царевич, оскорбляешь меня? Знай, Алексей Петрович, что царь клянется Богом, что не накажет тебя! Царевич,

царевич, милый, заклинаю — поезжай домой! До слез мне жаль тебя, ты видишь, плачу я, мне жаль тебя! Изгнанник ты, в бесславии томишься на чужбине! Домой, домой, там ждет тебя прощенье! Царевич, поезжай домой!

АЛЕКСЕЙ. Нет, нет, оставь меня! Словам обманным я не верю! Не трать же слов и уходи!

ТОЛСТОЙ. Ну, слушай же, безумный! Стоят уж в Польше грозные полки Петра и мановенья ждут, чтоб двинуться в Силезию. Велик, силен наш царь, и, если ты слов не послушаешь моих, достанет он тебя рукой вооруженной!

Входит тихо ВЕЙНГАРТ.

АЛЕКСЕЙ. Мне цесарь друг и покровитель! Он не отдаст меня!

ТОЛСТОЙ. Ты в заблужденье! Цесарю ты тяжкая обуза, давно он отступился от тебя. Он требует, чтоб ты расстался с Ефросиньей.

АЛЕКСЕЙ. Ужели правду говоришь?

ВЕЙНГАРТ. Увы! То правда!

АЛЕКСЕЙ. А коли так, так знайте же, что я от цесаря уйду! В иных местах найду приют, найду защиту!..

ВЕЙНГАРТ. Ваше высочество...

ТОЛСТОЙ. Одумайся, царевич, что ты молвил?.. *(Всплескивает руками.)*

ЕФРОСИНЯ *(входит)*. Царевич! Не ходи скитаться по миру... Чужбина опостылела... Я плачу горько каждый день.

АЛЕКСЕЙ. И ты против меня!

ЕФРОСИНЯ. Алеша, что ты, мой родимый... Послушайся его! Царь обещал тебе прощенье! Вернись домой! А не послушаешь меня, то вот те крест. В тоске я на себя здесь руки наложу!

АЛЕКСЕЙ. Афрося, что ты! Что ты!

ВЕЙНГАРТ. Послушайтесь ее...

ТОЛСТОЙ. Ты видишь, плачет и тоскует... И долго ль до беды?

ЕФРОСИНЯ. Душа моя изныла на чужбине...

АЛЕКСЕЙ. Клянися мне еще раз, что царь меня с любовницей не разлучит!

ТОЛСТОЙ. Клянусь!

АЛЕКСЕЙ. Из-за нее иду на все... Из-за нее! Пиши царю! Я замок Эльма покидаю и возвращаюся к нему. А Ефросинья приедет позже, когда родит.

ТОЛСТОЙ. В добрый час!

ВЕЙНГАРТ. В час добрый!

АЛЕКСЕЙ. Прощай!

Уходит с ЕФРОСИНИЕЙ. Послышалась вдали песня:

«О, красotka, красotka,
В гондолу иди ко мне».

ТОЛСТОЙ. Господин секретарь! Позвольте вас благодарить за все, что вы в сем деле нантрудном совершили. *(Подает Вейнгарту кошелек.)*

ВЕЙНГАРТ. О, что вы, господин советник! Ни за что!

ТОЛСТОЙ. Ах, нет!

ВЕЙНГАРТ. Ах, нет! *(Берет кошелек.)* Я ваш покорнейший слуга!

ТОЛСТОЙ. А я у вас нижайший! *(Румянцеву.)* Пойдемте, капи-

тан! (*Удаляется, взяв под руку Румянцева.*) О, красotka, красotka, в гондолу ко мне...

ВЕЙНГАРТ. Великий дипломат!

Картина V

Кабинет Петра во дворце в Петербурге. Белая ночь, свечи. ПЕТР один, потом тихо входит АЛЕКСЕЙ.

ПЕТР. Мой сын! Призвал тебя затем я, чтоб наконец всю правду услышать. Ее одной ищю, по ней душа моя томится. Открой мне замыслы свои, скажи, что умышлял против меня и царства, когда ты к цесарю бежал? За то, что ты мне правду обещал, я жизнь тебе оставил. Открой же мне ее, не для себя прошу, для царства!

АЛЕКСЕЙ. Премилосердный государь! Какой же правды ты желаешь? Я все тебе открыл, назвал я тех, кто мне потворствовал и помогал, и головы злодейские на кольях! Злохитрых умыслов я не питал, я одного желал — покоя, когда я к цесарю бежал.

ПЕТР. Нет, сын мой, нет! Исполнил ты пророков слово о том, что человек есть ложь. И ты есть ложь...

Дверь бесшумно открывается, псказался ТОЛСТОЙ и впустил в кабинет ЕФРОСИНЬЮ, а сам открылся.

...а правда за плечами у тебя. Смотри же на нее и слушай!

Алексей оборачивается и видит Ефросинью.

АЛЕКСЕЙ. Афрося, ты! Тебя я вижу вновь! Сбылись мои мечтанья!

ПЕТР. Сбылись и мои! (*Ефросинье.*) Ну, говори и не таись!

ЕФРОСИНЬЯ. Великий государь! Царевич лгал тебе. Тебя он ненавидит люто... Сама я слышала, как он при чернецах в подпитии желал тебе конца и проклинал тебя! Не для покоя он бежал, он чаял бунта в государстве, чтоб в руки царство захватить. Он говорил, что всех друзей царя он смертью казнит и новых изберет себе по воле. А воля его в том, чтоб все, что сделал ты, смести с лица земли. Вот правда!

АЛЕКСЕЙ. Отчаяние темнит глаза... мне дурно... Изменница! Ведь ты меня любила. За что ты предала меня?

ЕФРОСИНЬЯ. Нет, никогда тебя я не любила и никогда не люблю! Меня ты силой взял, не раз ты смертью мне грозил, увлек с собою на чужбину. Из страха я пошла с тобою, любви же не было во мне. Ты ненавистен мне. Я не твоя! Прощай навек, царевич!

ТОЛСТОЙ показывается в дверях, делает знак ЕФРОСИНЬЕ, та уходит.

АЛЕКСЕЙ. Нет этой правды горше! Нет! И нет теперь мучений лютей моих! О, прелесть женская! Зачем поддался я тебе. Ведь ты меня сгубила, изменница! Изменница! О, царь, ты правды добивался? Все правда, что она сказала. Да, смерти я твоей желал и бунта ждал затем, чтобы тебя убили! И все, что сделал ты, я бунничтожил! Ты жаждал правды? Вот она! (*Толстому.*) А ты, Иуда... будь ты проклят и в жизни сей и в жизни вечной!

Толстой крестится.

ПЕТР. Ах, правда, сколь ты тяжела! О, семя злое! Демон ты, не сын мне, нет! Убью тебя!

Хватается за шпагу. Толстой отчаянно машет рукою, и выбегает ЕКАТЕРИНА, хватая Петра за руку.

Пусти! Опять ты на дороге! Пусти меня! Передо мною враг!

ЕКАТЕРИНА. Нет, не пушу! Хоть самое коли, не отойду! Не дам тебя я в руки яростному бесу, не дам грех смертный совершить. Очнись, взгляни в глаза мне, ведь это я, твоя жена! Отдай мне шпагу!

ПЕТР. За что сие мне? За что?

ЕКАТЕРИНА. Суди его, но кровь не проливай!

Часы бьют полночь.

ПЕТР. То бьет твой час, мой сын! *(Толстому.)* Зови сюда... ко мне...

ТОЛСТОЙ скрывается.

Теперь ты не уйдешь, теперь ты мой!

АЛЕКСЕЙ. Теперь я твой!

Входит **КАРАУЛ**.

ПЕТР. Ваше высочество, вы арестованы! *(Солдатам.)* В крепость!

Занавес

Картина VI

В Петропавловской крепости. **ПЕТР** входит один, в руках у него бумага.

ПЕТР. О, дело страшное, о дело трудное *(читает бумагу)*. Царевич Алексей за все вины свои и преступленья против отца и государства достоин смерти. Так судил сенат. Достоин смерти... да, достоин! Но что же руку держит мне и отчего я приговор не в силах утвердить? О, сын мой, сын, за что ты послан мне, зачем тебя зачал я?

Показался и вошел **ТОЛСТОЙ**, отошел в тень, крестится. Вошли **ГОЛОВКИН**, **ЯКОВ**, **ДОЛГОРУКИЙ**, **АПРАКСИН**, **МУСИН-ПУШКИН**, **СТРЕШНЕВ**, **ШАФИРОВ**, **БУТУРЛИН** и **МЕНШИКОВ**.

Ну, что же, пойдем к нему в последний раз, чтоб говорить с ним.

МЕНШИКОВ. Всемиловитый государь, не надобно идти к нему, ответов больше он не даст. Над ним свершился приговор не человеческий, а божий. Сейчас царевич Алексей скончался...

ПЕТР. Свершилось! Свершилось!

ВЕЛЬМОЖИ. Свершилось... С великим сокрушением мы приговор ему суровый изрекли...

ТОЛСТОЙ. Иудой он назвал меня... Ох, страшно сие слово... проклятие его как камень надо мной!..

ВЕЛЬМОЖИ. Но христиане мы и уповаем, что он предстанет непостыдно пред страшным праведным судом...

ТОЛСТОЙ. Прости меня и за меня предстань! Для блага государства к ответу я тебя завлек!..

ВЕЛЬМОЖИ. Как мы пред ним предстанем и сами уповаем!

МЕНШИКОВ *(Петру)*. Пойдешь к нему, что ль, государь!

ПЕТР. Нет, князь, я не могу, не в силах я и незачем сейчас. Министры пусть идут прощаться...

Меншиков делает знак, **ВЕЛЬМОЖИ** уходят в каземат, **ТОЛСТОЙ** уходит один в другую сторону, а Меншиков отходит.

Свершилось! Развязал ты царство! Нет, нет, не волею моею жизнь преклалась его, а праведным судом. И дом спасен, и государство от опасности свободно... Я счастлив должен быть,.. но счастья нет, и сердцу нет покоя. Зачем не из железа ты, зачем ты жалостью <...>? Мой сын! пройдут века и нас уже не будет, но тени наши встанут из гробов, и час придет, когда потомки нас рассудят. Прощай, мой сын, прощай!

Делает знак Меншикову, тот подходит.

Ты помнишь, князь, чей завтра день?

МЕНШИКОВ. День наш, великий день, то день Полтавы!

ПЕТР. Служить молебны на церквах, а после них — артиллерийские салюты...

МЕНШИКОВ. А траур назначаешь, государь?

ПЕТР. Нет, траура не будет!

Картина VII

Через несколько лет. Перед занавесом ДВОЕ ДРАГУН с белыми перевязями. Трубят, им отзывается за сценой. Занавес открывается. Троицкая площадь в Петербурге и пристань. На сцене толпы НАРОДА с одной стороны, с другой — первые шеренги ГВАРДИИ, уходящей далеко за сцену. ПРИБЛИЖЕННЫЕ Петра, ЕКАТЕРИНА. С воды слышна труба.

НАРОД. Царь возвращается! Труба поет на бригантине. Палят из пушек! Что-то будет?

К пристани подходит бригантина. ПЕТР выходит в форме адмирала.

ЕКАТЕРИНА. Как светел лик, ничем не омраченный! Весть долгожданная, желанная.

НАРОД. В добром здравии царь! Здравствуй, царь-государь! Здравствуй, батюшка! Ты порадуй нас вестью славною!

ПЕТР. Да здравствует народ российский! Мы заключили мир со шведами, мир вечный, нерушимый мир!

НАРОД. Мир! Мир! Мир! Мир!

ПЕТР. Окончен путь и многотрудный и кровавый! И в мир нам путь открыт... Да силой вечною народ не оскудеет, да не падет, не оскудеет! И пусть, овеянная славой, держава русская стоит!

ЕКАТЕРИНА. О, Peter, Peter. Из тьмы и горя ты вывел нас на светлый берег! И нас ты славой увенчал! Великий командор! Великий командор!

МЕНШИКОВ. Из тьмы небытия народ ты вывел к свету! Чем мы тебя возблагодарим за все твои труды, искусное вождение? И мы дерзнем, все мы молим, чтобы принял ты заслуженный тобою титул...

ПРИБЛИЖЕННЫЕ. Отца отечества, победоносного Великого Петра!

НАРОД. Великий Петр! Великий Петр!

ГВАРДИЯ. Виват, виват, виват!

ВСЕ. Виват, Петр Великий!

Картина VIII

Перед занавесом вместо драгун появляются двое арабов с трубами. Трубят сигналы. После этого слышен пушечный выстрел и занавес открывается. Та же Троицкая площадь. Грандиозные пирамиды бочек. Столы. На них туши

быков с золочеными рогами, яства. Качели. На сцене появляются четыре фигуры в черных плащах и масках, с барабанами. Начинают барабанить. Затем сбрасывают маски и плащи. Оказываются ПЕТРОМ, БУТУРЛИНЫМ, ЧЕРНЫШЕВЫМ и МЕНШИКОВЫМ, в костюмах голландских матросов. Поднимаются к главному столу.

ПЕТР. Машкерад! Начинайте великое шествие! (*Вышибает дно у бочки, черпает, пьет.*)

На площадь хлынул НАРОД, побежал к бочкам, рассаживается. Начинается невиданное шествие. Первым на троне несут князя-кесаря в горностаевой мантии, в золоченой шутовской короне, со скипетром. За треном идут в шуточной старинной русской одежде рынды в преувеличенных шапках с громадными секирами.

НАРОД. Глянь-ка, глянь-ка туда... Вишь, на троне несут князя-кесаря!

ПЕТР.

Князю-кесарю низко кланяюсь.

Пресветлейший король...

Заклучили мы мир

Вечный, радостный!

КНЯЗЬ-КЕСАРЬ (*стукнув скипетром*).

Вам приказ от меня,

Чтоб гулять вам три дня,

Да без отдыху!

Чтоб из пушек палить,

Чтоб плясать вам и пить,

Но без просыпу!

А кто вздумает спать,

Того в пиве купать!

Вверх ногами!

НАРОД.

Ой, грозен кесарь-князь!

Мы такого, как князь,

Не видали отродясь!

Князя-кесаря приносят к столу, он усаживается.

Затем вслед за тремя камер-юнкерами идет ЕКАТЕРИНА в костюме голландской крестьянки, за нею — строй голландских крестьянок, за ними — строй испанок, за ними — нимфы, негритянки, скарамуши и арлекины, за ними — персиянки, танцующие монахини.

ЕКАТЕРИНА.

Привела на пир с собой

Я красавиц целый рой.

Здесь голландские крестьянки,

Негритянки, персиянки.

Все прелестные вострушки,

И монахини, и пастушки!

КНЯЗЬ-КЕСАРЬ.

Да какие все красотки!

Наливай монашкам водки!

ЕКАТЕРИНА занимает место за столом вместе со своей группой. Появляется пьяная монахиня-игуменья.

НАРОД.

Эх, хлебнула мать вина,

Глянь, игуменья пьяна!

Игуменя занимает место рядом с кесарем. Идет герцог голштинский со свитой, все в костюмах французских виноградарей. За ними гамбургские бургомистры в карикатурных париках, римские воины, турки, испанцы, китайцы, капуцины, доминиканцы. Затем несут князя-папу на помосте, сидящего на громадной бочке, за ним едут его кардиналы в мантиях, верхом на волах.

ПЕТР. Князю-папе, великому пьянице, всесвятейшему, всешутейшему, многая лета!

НАРОД.

Хорошо отцы спасаются,
В день три раза напиваются!
Кардинал-кавалер,
Папа пить вам не велел!

КНЯЗЬ-ПАПА.

Наливайте, отцы, чарочки!
Одну выпил, выпьешь парочку.
Выпьем, в дно побарабаним
И в рога коровьи грянем!

Кардиналы трубят в рога. Идет танцующий сатир, за ним появляются карлики, а за карликами — чудовищные великаны.

НАРОД.

Ох и чудища, ох и страшные!

За великанами верхом на медведях едут карикатурные бояре с отрезанными бородами и полами боярской одежды.

НАРОД.

Глянь, бояре стали молоды!

Отхватил им царь наш бороды!

Бояре усаживаются. Арабы трубят, и начинаются танцы. Первыми танцуют голландские крестьянки, потом турки, затем сатиры и нимфы, французские виноградары, испанцы, медведи. В заключение начали плясать голландские матросы, а за ними пляска стала общей. Полетели качели с горожанками. По Неве поплыл корабль, на нем морское чудище, на чудище Нептун с трезубцем.

Картина IX

Осень. Ночь. Буря в Финском заливе.

СОЛДАТЫ (*вдали слышны сквозь бурю*).

Как во городе, во Санкт-Питере,
Что на матушке на Неве-реке,
Молодой матрос корабли снастил!
Ой, буря! Ой, непогодушка!
Разгулялася вода! Разгулялася!
Паруса на кораблях у нас новые,
Крепки канаты пеньковые.
Не порвало бы ветром нам снасти!
Ой, буря! Ой, непогодушка!
Разбушевалась вода, взбушевалась!

Раздался удар.

Ой, беда, ой, беда приключилась!

На мель выбрасывает бот с солдатами и матросами. Бот кренится, трещит, его начинает захлестывать волной. Солдаты оказываются в воде.

Пропали головушки бедные!

Нету в море солдатам спасения.

Помогите нам!

СОЛДАТ.

Был один-то, один я у матери,
Берегла меня мать пуще глазу!
И забрали меня в службу царскую,
И забрали мне лоб по указу.

Стал солдатом я!

Злые ветры вдруг поднимались,
Море грозное вдруг всколыхалось...
За что погибает солдат?

Помогите!

СОЛДАТЫ.

Не фузеюшки в поле грянули,
Не свинчатые пули свистнули,
Не в бою положили мы головы,
А в пучине морской...

Помогите!

ХОР (далеко).

Кто там в море и плачет и стонет?
Отзовитесь, кто в море тонет?

Где вы?

СОЛДАТЫ. Услышали нас, братцы, услышали! Здесь солдаты на отмели тонут. Пропадают их души христианские! Приключилась здесь беда! На отмель держите, сюда!

ПЕТР (вдали). Не робейте, солдаты! Держитесь! Я на помощь иду! Я на помощь иду!

Выстрел вдали. Блеснул огонь. Показалась шляпка, в ней темная громадная фигура ПЕТРА.

СОЛДАТЫ. Царь! Царь! Батюшка, Петр Алексеевич!

СОЛДАТ. Поздно... Нет моих сил!

Петр поднимается, выбрасывается из шляпки, по горло в воде приближается к тонущему солдату. Схватывает его, плывет вместе с ним. Показалась вторая шляпка, прыгает свет фонаря.

Картина X

День. Комната во дворце. Постель Петра. ПЕТР лежит в предсмертном забытии. Недалеко от постели в шатре раскинут походный алтарь. В нем огни. Слышны печальные колокола.

ЕКАТЕРИНА (у алтаря).

Услышь, услышь мои моления.
Не отними, не отними!
Ты сжался над его мученьем,
С постели смертной подними!
Ужели голос мой молящий
Не прилетит в златой чертог?
Стенанья женщины скорбящей
Услыши, милосердный Бог!

ХОР (за сценой).

Колодники мы разнесчастные,
Понапрасну мы чуть не погнули,

Заковали нас в цепи железные
И на шею нам петлю накиннули.
Но услышал он наши стенания
И открыл он темницы холодные.
Дай за то ему, Господи, здравия,
Пожалел он несчастных колодников!

ПЕТР (*очнувшись*). Кто за окнами плачет и молится?

ЕКАТЕРИНА. Повелел ты темницы открыть, за тебя, Петр, колодники молятся.

ПЕТР. Видно, худо мне?

ЕКАТЕРИНА. Что ты, батюшка, что ты, сокол мой!..

ПЕТР. Скажешь правду аль нет, Алексеевна?

ЕКАТЕРИНА. Нет, не буду я лгать! Худо, худо тебе! Худо так, как еще не бывало... И стоит в церквах плач и стоит в церквах стон, и толпа на колени упала... О, мой свет, о, mein Freund! Ты моря покоришь, и за то тебя море сгубило! О, мой свет-командор, остаюсь я одна!

ПЕТР. Ну, спасибо за правду, жена! Хорошо, что ты правду открыла. Ты не плачь, о мой друг!..

ЕКАТЕРИНА. Ах, печаль, ах, печаль!..

ПЕТР. Завершается круг...

ЕКАТЕРИНА. ...и за что мне смертельная мука?

ПЕТР. И идет мой корабль на причал!

ЕКАТЕРИНА. Тяжела мне с тобою разлука!

ПЕТР. Почему потемнело кругом? (*В тревоге.*) Свету, дайте мне свету! Не медли, жена, позови их, скорей позови!

ЕКАТЕРИНА. Все скорее сюда, император зовет!

Поспешно входят ЛЕКАРЬ, АННА, МЕНШИКОВ, ТОЛСТОЙ. Лекарь бросается к Петру, щупает пульс.

МЕНШИКОВ. Великий государь...

ТОЛСТОЙ. Великий государь... опасности хоть нету ни малейшей, но надо волю знать твою...

МЕНШИКОВ. Хоть одно слово. Напиши...

ПЕТР. Вы правы... Дайте мне перо...

Анна подает перо и бумагу.

Но не могу писать... Рука не держит... (*Роняет перо.*) Так знайте... Все отдайте... отдайте все... (*В тревоге.*) Что со мною? Огонь сюда! Я вас не вижу... Темнота! Потухло солнце! (*Утихает.*)

ЛЕКАРЬ. Без памяти и больше в память не придет...

БУТУРЛИН вбегает.

МЕНШИКОВ.

ТОЛСТОЙ.

ЕКАТЕРИНА.

МЕНШИКОВ. Что делать нам?

ТОЛСТОЙ (*Бутурлину*). Немедленно зовите гвардию во дворец!

Темно.

Картина XI

Ночь. Зал во дворце. ДВЕ ГРУППЫ ВЕЛЬМОЖ. Обе в смятении. Во главе первой — ГОЛИЦЫН, ДОЛГОРУКИЙ, РЕПНИН. Во главе второй — ТОЛСТОЙ, АПРАКСИН СТАРШИЙ, БУТУРЛИН.

МЕНШИКОВ (*поспешно входит*). Без памяти и в память не придет, своей он воли не объявит. Итак, решайте вы, кто будет русским царством править?

ПЕРВАЯ ГРУППА. Тут долго нечего гадать, единый есть наследник царской крови. Сын Алексея!

ВТОРАЯ ГРУППА. Нет, не бываты! Мы не согласны!

ПЕРВАЯ ГРУППА. Вы, стало быть, хотите междоусобной брани?

ВТОРАЯ ГРУППА. Нет, это вы ее хотите, младенца посадив на трон!

ПЕРВАЯ ГРУППА. Но кто достоин быть на троне?

ТОЛСТОЙ. Не малолетний Петр, о, нет!

МЕНШИКОВ. Она одна достойна быть! Одна она постигла тайну управления, и тайну ей доверил Петр! Она умна и милосердна, храбра и любит свой народ!

ТОЛСТОЙ. Да здравствует Екатерина!

ПЕРВАЯ ГРУППА. Мы не согласны!

Внезапно послышался стук барабанов и полковая музыка, все ближе и ближе. Послышались песня и свист.

Государь наш!

ХОР (*за сценой*).

Встань, очнись, государь!

К тебе гвардия идет,

Выйди к гвардии!

Тебя гвардия зовет,

Государь наш!

Все полковники здесь.

Все майоры тут,

При знаменах идут,

Тебя кличут, зовут,

Наш полковник!

Песня и барабаны разом стихли.

РЕПНИН. Кто смел гвардию звать без меня? Разве я не фельд-маршал?

БУТУРЛИН. Я велел ей прийти! Это воля императрицы! Повинуюсь я ей, повинуйся и ты!

РЕПНИН. Хочешь бунта, злодей?

МЕНШИКОВ. Бунта нет! Здравствуй, гвардия!

В зал толпой вбегают ОФИЦЕРЫ ПРЕОБРАЖЕНЦЫ и СЕМЕНОВЦЫ.

РЕПНИН. Что надобно вам здесь?

ГВАРДИЯ.

Пришли мы Катерину защитить

В ее печальной доле.

Вся гвардия готова кровь пролить,

Чтоб поддержать Екатерину на престоле!

Она в походы с ним ходила,

И гвардия ее любила,

И гвардия ей вся верна.

Да здравствует его жена,

Полковница Екатерина!

РЕПНИН. Что делать нам?

ПЕРВАЯ ГРУППА. На стороне их сила, князь! Придется соглашаться! Согласны мы!

ЕКАТЕРИНА (*вдали*). О, горе нам! О, горе нам!

Вдали забегали тревожные огни. **МЕНШИКОВ** уходит и тотчас возвращается.

МЕНШИКОВ. О, горе нам! Скончался Петр Великий!

ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ ГРУППЫ. В сердцах смятение и страх...

Кто выведет Россию на дорогу? Он умер!

ГВАРДИЯ.

Он умер!

Но не умрет в сердцах

Любовь к Петру — земному Богу!

ЕКАТЕРИНА (*входит*). Командора не стало... Он уснул и никогда уже не проснется, он увел свой корабль к золотым островам, и корабль никогда не вернется. Защитите сирот...

Офицеры выхватывают шпаги.

ВСЕ. Да здравствует полковница Екатерина!

КОНЕЦ.

1 сентября 1937 г.

И. В. Левочкин

Среднешрифтное безвыходное евангелие из Музейного собрания отдела рукописей ГБЛ

В описании рукописей Музейного собрания отдела рукописей ГБЛ о книге под № 4839 говорится, что это — «евангелие-тетр печатное... издание Московской анонимной типографии (ок. 1555 г.)», что оно без начала, а л. 370—483 — рукописные. Далее отмечается, что в книге четыре миниатюры с изображениями евангелистов, а в рукописной части есть заставка и инициалы. Приводятся здесь и некоторые другие сведения об особенностях данной книги¹.

При внимательном ознакомлении с ней оказалось, что это действительно издание Московской анонимной типографии — среднешрифтное евангелие, изданное ок. 1558—1559 гг. с рукописным добавлением и миниатюрами. Так как каждый экземпляр изданий Московской анонимной типографии представляет значительный научный интерес, то среднешрифтное евангелие из Музейного собрания № 4839 (далее — Муз. 4839) следует описать более подробно. Отметим, что данный экземпляр историкам старопечатной книги неизвестен².

В евангелии Муз. 4839 утрачены два первых листа и, кроме того, первый лист евангелия от Луки (от него сохранился лишь верхний левый угол с фрагментом заставки). Нач.: «...чтомое евангелие от седмиць же // двою на десять»³. Расположение текстов не нарушено и полностью соответствует первоначальной структуре этого издания⁴. Нумерация листов по правым верхним углам, поздняя, арабскими цифрами, карандашом. В общую нумерацию входят и миниатюры, и рукописное добавление. Всего в книге пронумеровано 1+511+1 л. Фрагмент первого листа евангелия от Луки пронумерован как литерный (185-а). Водяные знаки бумаги собственно среднешрифтного безвыходного евангелия — кабан и тиара — тождественны тем, которые имеются в других экземплярах данного издания⁵.

¹ См.: Музейное собрание. Ф. 178. Русская (и славянская) часть. Опись. М., 1969. Т. III. С. 143—149 (машиноп.).

² См.: Лабынцев Ю. А. В помощь составителям сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Метод. указ. Вып. 4. Предварительный список старопечатных изданий кирилловского шрифта второй половины XVI в. М., 1979. С. 17—18.

³ Цитаты приводятся в современной орфографии. Сокращения под титлами раскрываются.

⁴ О структуре среднешрифтного безвыходного евангелия см.: Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964. С. 202.

⁵ См.: Кичина О. Н. Филлигранологическое исследование безвыходных московских изданий // Федоровские чтения 1983 г. М., 1987. С. 145—148.

В отдел рукописей ГБЛ книга поступила в 1922 г., о чем свидетельствует приложенная к ней записка: «Комиссией по отбору церковных ценностей в доме № 6 по Лихову переулку в Князь-Владимирской церкви мне предложено для Румянцевского Музея евангелие (рукописное) с рисунками от руки четырех евангелистов и металлическими украшениями на крышке евангелия с изображениями Распятия и четырех евангелистов. Первых и последних листов нет. На переплете не хватает одного украшения. Заведующий библиотекой-отделением Румянцевского Музея по Лихову пер., д. № 6 И. Самуилов. 23 апреля 1922 года». На этом же листе, чуть ниже, помета: «По обследовании, Евангелие оказалось в главной части старопечатным; рукописные только чтения Страстной недели. 27 апреля 1922 года. Хранитель Г. Георгиевский». Откуда книга поступила в московскую Князь-Владимирскую церковь, можно лишь предполагать, так как никаких надписей на ней нет.

На полях евангелия имеется несколько помет черными чернилами: на л. 12, 118 об. и 186 об. — «конец процессии», на л. 21—23 и 28 об. — «зри». Судя по почеркам, эти пометы сделаны в XVIII в. На л. 14 об., 16, 17 и 17 об. имеются рукописные пометы об использовании соответствующих текстов в разных службах. Интересно, что эти пометы по своим графическим и иным признакам (размеры и начертания букв, расположение на полосе набора, киноварь) близки к пометам печатным, которые в этом издании встречаются повсеместно. Важно, что эти пометы сделаны почерком и в манере рукописного дополнения, о котором будет сказано ниже.

Значительный интерес вызывают миниатюры этой книги. Уже сам факт их включения в печатную книгу достоин самого пристального внимания. Прежде всего он свидетельствует о том, что печатная книга на первом этапе своего сосуществования с рукописной не могла полностью заменить последнюю и в своем первоначальном виде не всегда удовлетворяла читателей, привыкших к украшенным миниатюрами и орнаментом рукописям⁶.

Каждая из четырех миниатюр Муз. 4839 (евангелисты Матфей, Марк, Лука и Иоанн с Прохором) расположены перед соответствующими евангелиями, начальные полосы набора которых составляют правые, а миниатюры — левые стороны разворотов. Изображения евангелистов выполнены в традиционной манере и технике: трое из них изображены сидящими и пишущими, а четвертый — диктующим Прохору. Над головами евангелистов золотые нимбы, украшенные простым и изящным орнаментом. Лики выписаны с большим мастерством; они одухотворены и строги. Краски (синяя, зеленая, светло-коричневая, сиреневая, серая и черная) мягкие и спокойные. Фон — твореное золото, положенное по киновари. Все четыре миниатюры заключены в простые рамки интенсивно-синего цвета. На нижней полосе рамки миниатюры с изображением Луки черными чернилами написаны цифры «1544». На аналогичном месте миниатюры с изображением Иоанна и Прохора есть повторение этих цифр, но уже кириллическими буквами «АФМД». Что означают эти цифры, решить не удастся. Возможно, что это — даты написания миниатюр, которые послужили оригиналами для тех, о

⁶ В некоторых других экземплярах средне-рифтного безвыходного евангелия вклеены гравированные изображения евангелистов, а в одном из них изображения евангелистов

«вставлены» в заставки. См.: Протасьева Т. Н. Описание первопечатных русских книг // У истоков русского книгопечатания. М., 1959. С. 169—172.

которых идет речь. Сохранность миниатюр удовлетворительна, хотя на них и имеются участки с осыпавшимся красочным слоем.

Миниатюры практически современны изданию среднешрифтного безвыходного евангелия. Водяные знаки бумаги, на которой они написаны, хорошо просматриваются (на всех, кроме одной — Луки). Относятся они к концу 50-х гг. XVI в. (бегущий кабан). Но когда и где эти миниатюры были включены в данную книгу? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть другие сюжеты, связанные с этой книгой.

Как уже отмечалось выше, л. 370—483 представляют собой рукописное дополнение. Оно расположено между окончанием евангелия от Иоанна и Сборником. Водяные знаки бумаги этой части книги (кабан и гербовой щит с двумя ключами) относятся к кон. 50-х — нач. 60-х гг. XVI в. (Брике, № 1154, — 1559 — 1563 гг. и № 13583, — 1560 — 1576 гг.), то есть практически к тому же времени, когда было напечатано среднешрифтное безвыходное евангелие. Вскоре после написания этот текст был включен в интересующую нас печатную книгу. Об этом свидетельствуют те рукописные пометы об использовании текстов печатного евангелия в службах, о которых говорилось выше. Помимо того, что они по своим признакам близки к печатным, они еще тождественны письму дополнения, т. е. написал их тот же самый писец, перу которого принадлежит рукописная часть Муз. 4839.

В это же время в книгу были вшиты и миниатюры: на разворотах листов, где видны их края со стороны корешка, видны и нитки, которыми они пришиты и которые являются общими для сшивки всего блока книги (в упоминавшемся описании Музейного собрания говорится о том, что миниатюры вклеены). Сказанное не означает, что рукописное добавление и миниатюры были вшиты в евангелие в момент первоначального переплетения издания: сохранившаяся сшивка блока вторична — на корешке книги отчетливо просматриваются пропилы от первоначальной сшивки одного евангелия — без дополнения (покрытие корешка книги надорвано и позволяет рассматривать сшивку блока).

Рукописное дополнение среднешрифтного евангелия Муз. 4839 имеет свой заголовок: «Зде евангелия почина//ются чрез всю неделю страстную». Заголовок написан кинноварью (первые буквы слов — черными чернилами); первая строка — крупной простой вязью, вторая — полууставом текста, который несколько крупнее печатного шрифта среднешрифтного евангелия, но очень четкий и лишь незначительно контрастирует с последним. По своим графическим особенностям этот полуустав следует отнести к одной из разновидностей русского юго-западного полуустава XVI в.

По своему оформлению страница текста рукописного дополнения Муз. 4839 заметно отличается от полосы набора среднешрифтного безвыходного евангелия. На странице 16 строк, в то время как в евангелии — 18. В тексте рукописного дополнения имеются многочисленные кинноварные «точки», а его страницы украшены крупными кинноварными инициалами плетеного и растительного орнамента. На первой странице дополнения имеется кинноварная заставка геометрических мотивов. По авторской интерпретации орнаментальных мотивов инициалов и заставки эти украшения рукописного дополнения Муз. 4839 следует отнести к территории юго-западной Руси⁷.

⁷ В описании Музейного собрания отмечают еще «украинизмы» языка рукописного дополнения Муз. 4839 (понедилокъ и др.). См.: Музейное собрание... С. 149.

Очень интересным представляется и переплет книги. Его основа — тонкие дубовые доски со скосами, которые обтянуты гладким бархатом светло-коричневого оттенка. На верхней крышке укреплены металлические с позолотой средник и наугольники. На среднике выгравировано распятие с предстоящими, а на наугольниках — евангелисты: Иоанн (верхний левый угол), Матфей (верхний правый угол), Лука (нижний левый угол) и Марк (нижний правый угол). Гравированные изображения распятия и евангелистов весьма своеобразны: у персонажей непропорционально большие головы, их позы малоестественны. В основе иконографии персонажей лежат, вероятно, книжные миниатюры юго-западной Руси. Кроме средника и наугольников на верхней крышке переплета имеются три литых золоченых фигурки серафимов (четвертая утрачена). Здесь же укреплены гнезда для застежек (сами застежки не сохранились). На нижней крышке переплета укреплены пять крупных позолоченных жуковин полусферической формы, нижние части которых сильно стертые.

Судя по всему, этот переплет был изготовлен, когда в печатное евангелие решили внести миниатюры и рукописное дополнение, то есть в нач. 60-х гг. XVI в. При этом какое-то время книга оставалась чисто служебной, а затем стала использоваться в качестве напестрального евангелия. Об этом говорит хорошая сохранность листов; они не имеют загрязнений, хотя в отдельных случаях встречаются следы капель воска.

Обрез книги золоченый, украшен басмением; по краям — волнистыми линиями, а по углам и от корешка — пирамидками из полусфер.

Известно, что значительная часть экземпляров среднешрифтного безвыходного евангелия Московской анонимной типографии так или иначе связана с территориями юго-западной Руси⁸. Не является исключением и экземпляр ГБЛ Муз. 4839. По всей вероятности, вскоре после выхода из типографии этот экземпляр оказался на территории юго-западной Руси, где к нему присоединили миниатюры, рукописное дополнение и изготовили переплет. Вплоть до XVIII в. этот экземпляр находился там, куда он попал после своего напечатания. Когда он был передан в московскую Князь-Владимирскую церковь, установить пока не представляется возможным.

В настоящее время известно 27 экз. среднешрифтного безвыходного евангелия⁹. Теперь их стало 28. Новый экземпляр, несомненно, будет постоянно учитываться специалистами при решении ими трудных и увлекательных вопросов московских безвыходных изданий.

⁸ См.: Немировский Е. Л. Указ соч. С. 200; Он же. Иван Федоров. М., 1985. С. 73—75.

⁹ Лабунцев Ю. А. Указ соч. С. 17—18; Немировский Е. Л. Иван Федоров. С. 72—73.

Лидия Петровна Жуковская. (К 70-летию со дня рождения)

История русского языка, эта большая и исключительно важная отрасль гуманитарного знания, исследуется вот уже около трехсот лет. Карион Истомин, В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, А. А. Шахматов и многие другие ученые России XVII—XIX вв. усердно работали над разрешением трудных вопросов истории родного языка и письменности. В XX в. проблемами истории русского языка плодотворно занимались С. П. Обнорский, В. В. Виноградов, В. И. Борковский, Ф. П. Филин и др.

Среди крупнейших лингвистов нашего времени особое место принадлежит Лидии Петровне Жуковской. Она не просто историк русского языка древнейшего периода: подавляющее большинство ее работ непосредственно связано с изучением и изданием памятников древнерусской письменности. Трудно назвать другого ученого, который бы так хорошо знал богатейшие собрания рукописных книг ГБЛ, ГИМ, ГПБ, БАН, ЦГАДА, многих республиканских и областных библиотек, а также библиотек целого ряда зарубежных стран.

Л. П. Жуковская родилась 5 апр. 1920 г. в г. Мешевске Калужской области, в семье служащих. Ее отец Петр Яковлевич Жуковский был техником-строителем, а мать Вера Владимировна — учительницей. В 1928 г. она начала учиться в школе (сразу со второго класса) пос. Костерево Владимирской обл., куда был направлен биржей труда ее отец. В 1929 г. семья Жуковских переехала в Москву; здесь в 1937 г. Лидия Петровна окончила среднюю школу № 376 и поступила на факультет русского языка и литературы Московского городского педагогического института.

В 1941 г. она с отличием окончила его и вскоре, в связи с начавшейся Великой Отечественной войной, вместе со своим мужем М. С. Кузнецовым была эвакуирована в Свердловск, откуда возвратилась лишь в конце 1943 г.

Сразу по возвращении в Москву Лидия Петровна поступила в аспирантуру своего института (по кафедре русского языка, руководимой Р. И. Аванесовым). Три года аспирантуры были для начинающего ученого весьма плодотворными. В это время она занималась вопросами языка глаголического Зографского евангелия, Хроники Георгия Амартола и Ипатьевской летописи. Много внимания Лидия Петровна уделяла и освоению специальной литературы. Ее очень интересовали исследования русских ученых, ее предшественников, о языке памятни-

ков русской письменности. Она знала, что без глубокого освоения того, что уже сделано, работать в науке невозможно.

Аспиранткой Лидия Петровна много работала в отделе рукописей ГИМ, где часто встречалась с М. Н. Тихомировым и М. В. Щепкиной, которые уделяли внимание молодой исследовательнице и не могли не влиять на формирование ее научных представлений, ведь М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина были крупнейшими знатоками рукописных книг. Именно здесь, в отделе рукописей ГИМ, была окончательно сформулирована и разработана тема кандидатской диссертации Л. П. Жуковской — «Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV в. (Палеографическое и фонетическое исследование рукописи Государственного Исторического музея: Патр. 68)». Однако ее защита состоялась только в 1953 г. Это объясняется целым рядом причин, и в частности тем, что она сама по себе не была самоцелью для молодого ученого: Лидия Петровна много работала и над другими проблемами.

Научная судьба Л. П. Жуковской выделяет ее из среды языковедов своего поколения. Филологи XIX — начала XX в. обязательно сочетали исследование древних письменных источников с изучением живых говоров, а многие из них еще и фольклора, этнографии и литературы. Большинство лингвистов, входивших в науку в 30—40-х гг., занимались всю жизнь или только живым языком (либо разговорной, либо исключительно письменной речью), или только графикой и орфографией памятников, или диалектами (а то — лишь одними глаголами или причастиями) и т. п. С этого времени во всех наших гуманитарных науках началась узкая специализация, нанесшая громадный урон их развитию. Лидия Петровна, наряду с единицами из ученых ее поколения (совсем исчезают подобные специалисты в поколениях более поздних), — языковед-русист в универсальном смысле этого термина.

Начиная с 1944 г. еще аспиранткой, а затем научным сотрудником, в течение 15 лет Л. П. Жуковская ежегодно со студентами ездила в диалектологические экспедиции. В Костромской, Вологодской, Горьковской, Рязанской, Тамбовской, Калужской, Смоленской, Великолукской, Псковской, Брянской, Курской, Орловской обл., в МарАССР и ЭССР она собирала материалы для Атласа русских народных говоров, первоначально запланированного в 13-ти т.

В этом грандиозном национальном предприятии, начатом еще во время Великой Отечественной войны (к сожалению, свернутом и даже переименованном в Диалектологический атлас русского языка), доля участия Л. П. Жуковской значительна. Работая в секторе диалектологии Института русского языка АН СССР с мая 1947 по 1962 г., Лидия Петровна была участником ежегодных диалектологических конференций, автором методического пособия по собиранию лексики, одним из самых активных составителей карт и комментариев в опубликованном в 1957 г. томе и томе, так и оставшемся в рукописи.

В эти годы проявились и организаторские способности Л. П. Жуковской: ей была поручена координационная работа по организации диалектологических экспедиций десятков вузов, которые должны были без «белых пятен» обследовать по единой Программе тысячи населенных пунктов в границах Атласа (сетка предписывала 15—20-километровые расстояния между пунктами). Это было время поисков методики собирания и картографирования материала. Ответы на Программу Атласа, принадлежащие Лидии Петровне и хранящиеся в архиве Атласа, отличаются удивительной точностью и полнотой, обилием дополнитель-

ного материала, собранного сверх обязательной программы. Особенно много в этих отчетах интересных данных по лексике и семантике, бывших тогда «в загоне» у московских диалектологов. Многие карты Л. П. Жуковской отличаются высокой логикой и оригинальностью графических решений, и все — необычайной глубиной комментариев.

В теорию отечественной лингвистической географии вошли работы Л. П. Жуковской о комментариях к картам Атласа в книге «Вопросы теории лингвистической географии» 1962 г. и о типологии диалектических различий в говорах русского языка. Статья, опубликованная в «Вопросах языкознания» в 1957 г., дает ясное представление о строго продуманной Л. П. Жуковской субординации лексических различий в русских говорах; в книге 1962 г. изложение этой теории было, к сожалению, искажено соавтором Л. П. Жуковской, руководителем Атласа Р. И. Аванесовым. После выхода в свет этой книги Жуковская вынуждена была уйти из сектора диалектологии и сосредоточить свое внимание исключительно на изучении древностей, перейдя в сектор лингвистического источниковедения и издания памятников языка.

Еще в 1955 г. Л. П. Жуковская опубликовала две больших работы о берестяных грамотах, незадолго перед этим обнаруженных археологами Новгородской экспедиции. Это были первые филологические исследования о новом виде исторических источников и, следует подчеркнуть, исследования высокого научного уровня. Через несколько лет (1959) вышла ее прекрасная книга о новгородских берестяных грамотах, которая и спустя тридцать лет после опубликования читается с большим интересом.

В 1963 г. была выпущена книга Лидии Петровны «Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и СССР)». В ней была впервые представлена история славяно-русской палеографии и всесторонне рассмотрены труды русских палеографов. Отметим, что эта книга до сих пор полностью сохраняет свое научное значение.

Начиная со второй половины 50-х гг. исследовательница основательно занялась памятниками древнерусской письменности. Ее глубоко заинтересовали проблемы перевода на славянский язык текста Евангелия и древнейшие рукописи — Остромирово, Мстиславово, Юрьевское и Архангельское (1092) евангелия, Енинский апостол и др. Результатом изучения большого и сложного массива древнейших славяно-русских рукописных книг стала серия прекрасных статей и докторская диссертация Лидии Петровны — «Древнерусские пергаменные рукописи как лингвистический источник. (Археографическое, текстологическое и лингвистическое исследование)», которая была успешно защищена в 1970 г. в Ленинградском университете (при оппонентах Д. С. Лихачеве, Н. А. Мещерском и М. А. Соколовой; АДД — 1969).

В 1960 г. акад. М. Н. Тихомиров выступил инициатором создания Сводного каталога славяно-русских рукописных книг. Как один из немногих специалистов в области славяно-русской письменности, Лидия Петровна не могла остаться в стороне от этого замечательного начинания. В 1969 г. она опубликовала две работы, которые непосредственно связаны с подготовкой Сводного каталога («Памятники русской и славянской письменности XI—XIV веков в книгохранилищах СССР» и подробнейшие «Замечания о „Предварительном списке“» в «Сводном каталоге славянских древних рукописей»).

В дальнейшем для всесоюзной каталогизации сокровищ древней славяноязычной письменности Лидия Петровна применила хорошо из-

вестный ей опыт сбора материалов для диалектологического атласа, когда грандиозная государственная работа велась, как теперь сказали бы мы, «на общественных началах» большим количеством участников разной квалификации (то есть как работала и сама она для «Каталога» все эти 20 лет). Это — составление программы или инструкции, коллективное обсуждение теоретических и организационных проблем на конференциях, публикация методических указаний и т. д. (см. ее ст.: Работа над «Сводным каталогом славяно-русских рукописей» и некоторые вопросы методики их описания // Археограф. ежегодник за 1972 г.). Так, совместно с единственным оплачиваемым Археографической комиссией участником этой работы Н. Б. Шеламановой уже в 1974 г. была составлена Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI — XIV вв. В 1976 г. вместе с работавшим в ГБЛ Н. Б. Тихомировым и Н. Б. Шеламановой она выработала наименования памятников письменности, основой для которых послужила статья Лидии Петровны 1969 г. в «Советском славяноведении». Ею были написаны «Рекомендации для определения языка (извода) древних славянских рукописей», «О правомерности „широких дат“ для пергаменных рукописей», «Экслитеральные способы определения разных почерков», «Рекомендации для выявления водяных знаков... и датировки рукописей», «О значении исследования понтиоза и некоторых других вопросах филограноведения». Назовем также две дополняющие друг друга статьи: «Инициалы в древнерусских рукописных книгах» и «Связь изучения изобразительных средств и текстологии памятника».

Помимо теоретических разработок, связанных с подготовкой Сводного каталога, Лидия Петровна вела активную практическую работу по редактированию материалов для него. Закономерно, что ответственным редактором «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XI—XIII вв.», который вышел в свет в 1984 г., стала именно она.

Огромную работу проделала Лидия Петровна по подготовке и осуществлению издания Мстислава евангелия и Изборника Святослава. Оба этих драгоценных памятника были опубликованы при ее самом активном участии и под ее редакцией.

С конца 70-х гг. Л. П. Жуковская параллельно с другими работами ведет исследование русского Пролога — одного из замечательнейших памятников древнерусской письменности. Изучение этого и многих других памятников дают основания для принципиально новых выводов относительно целого ряда положений, ранее считавшихся научно обоснованными. В частности, Лидия Петровна доказала, что так называемое второе южно-славянское влияние XIV—XV вв. в русском письме является не более чем безнадежно устаревшей гипотезой.

Л. П. Жуковская — участница многих научных конференций, симпозиумов и всех съездов славистов, начиная с IV. Она не относится к типу «кабинетных» ученых, неохотно выходящих в мир живых научных дискуссий. Она легка на подъем. С одинаковой готовностью и заинтересованностью Лидия Петровна может поехать и в любой город нашей страны на ученый совет для оппонирования докторской диссертации, и в любую европейскую страну для участия в международной встрече ученых. В последние годы она выходит и на молодежную аудиторию. Это статья «Наиболее важные особенности древнерусского звучащего слова» в сборнике для молодежной самодеятельности и публикация в № 5 журнала «Молодая гвардия» за 1989 г.

Л. П. Жуковская награждена несколькими правительственными наградами: медалями «В память 800-летия Москвы», «За трудовую доблесть», «Ветеран труда». В 1988 г. она стала лауреатом Государственной премии РСФСР по науке и технике. Но официальными наградами ее заслуги в развитии русского языкознания измерять нельзя. Истинной наградой выдающегося ученого, каким является Лидия Петровна, стало международное признание ее трудов. Список опубликованных работ Лидии Петровны внушительен — он состоит более чем из 220 номеров.

У Лидии Петровны много друзей и учеников. По отношению к честным ученым, будь то начинающий или же достаточно опытный специалист, Лидия Петровна очень доброжелательна. Вместе с тем, она принципиально непримирима ко всякого рода околонуучным деятелям. Одиннадцать из ее учеников защитили диссертации по памятникам древнейшей письменности. С 1988 г. Л. П. Жуковская работает в отделе рукописей ГБЛ в должности старшего научного сотрудника. Здесь ее глубоко уважают и ценят как замечательного ученого и учителя, горячего патриота и доброго друга.

В. Я. Дерягин,
И. В. Левочкин

СПИСОК РАБОТ Д-РА ФИЛОЛ. НАУК Л. П. ЖУКОВСКОЙ¹

Personalia: Жуковская, Лидия Петровна (Жуковская Л. П.) // Кирило-Методиевская энциклопедия. София., 1985. Т. 1: А-З. С. 704—706.

1951

1. Изучение русских говоров: (Диалектол. работа Ин-та языкознания) // Вестн. АН СССР. 1951. № 10. С. 88—90. (СЯ-1, № 1836)².

2. Диалектологическая конференция в Институте языкознания // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1951. Т. X. Вып. 4. С. 428—434. (СЯ-1, № 1946).

1953

3. Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV в.: (Палеограф. и фонет. исслед. рукописи Гос. Ист. музея: Патр. 68): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1953. 15 с. (СЯ-1, № 1741).

4. Диалектологическое совещание в Институте языкознания Академии наук СССР // Рус. яз. в шк. 1953. № 6. С. 82—83. (СЯ-1, № 1962).

1955

5. Палеография // Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955. С. 13—78. (СЯ-1, № 1600).

¹ Список построен в хронологическом порядке (по годам), внутри каждого раздела — по характеру содержания.

² В скобках указывается номер по имеющему краткие аннотации и тематическую рубрику труду, который издавался Институтом русского языка АН СССР при директорах — акад. В. В. Виноградове и чл.-кор. АН СССР Ф. П. Филине: СЯ-1 — Славянское языкознание: Библиогр. указ. лит., изд. в СССР с 1918 по 1960 г. Ч. I: 1918—1955. М.: Изд-во АН СССР, 1963; СЯ-2 — То же. Ч. II: 1956—1960; СЯ-3 — Славянское языкознание: Библиогр. указ. лит., изд. в СССР с 1961 по 1965 г., с доп. за предыдущие годы. М.: На-

ука, 1969; СЯ-4 — То же: Указ. лит., изд. в СССР с 1966 по 1970 г., с доп. за предыдущие годы. М., 1973; СЯ-5 — То же: Указ. лит., изд. в СССР с 1971 по 1975 г., с доп. за предыдущие годы: история славянского языкознания, русский язык. М., 1980; СЯ-6 — То же: Указ. лит., изд. в СССР с 1971 по 1975 г., с доп. за предыдущие годы: славянские языки, прикладное языкознание. М., 1981; См. также: СтрЯ — Структурное и прикладное языкознание: Библиогр. указ. лит., изд. в СССР с 1918 по 1962 г. М.: Наука, 1965. С 1983 г. издание этих указателей прекращено.

6. Тексты грамот и переводы с разночтениями // Там же. С. 189—204. (СЯ-1, № 1600).

1957

7. Типы лексических различий в диалектах русского языка // Вопр. языкознания. 1957. № 3. С. 102—111. (СЯ-2, № 2601).

8. Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV в.: (Фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия 1357 г.) // Тр./Ин-т языкознания АН СССР. 1957. Т. VIII. С. 5—106. (СЯ-2, № 1792).

9. Некоторые новые данные о русских народных говорах: (По материалам диалект. атласов) / [Совм. с др. сотр. сектора диалектологии] // Вопр. языкознания. 1957. № 5. С. 82—92. (СЯ-2, № 2573).

10. Лексика: [Теорет. положения] // Методические указания к «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка». М., 1957. С. 97—112. (СЯ-2, № 2583).

11. Лексика: [Конкрет. метод. указ. к вопр. «Программы»] // Там же. [Совм. с А. И. Сологуб]. С. 112—155. (СЯ-2, № 2583).

12. Юбилей Остромирова евангелия // Вопр. языкознания. 1957. № 5. С. 154—156. (СЯ-2, № 582).

13. Качество долгого глухого шипящего согласного не на стыке морфем // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Т. 1: Карты. К. № 41; Т. 2: Вступительные статьи, справочные материалы и комментарии к картам. С. 530—545. (СЯ-2, № 2588).

14. Произношение диалектных разновидностей слова *что* // Там же. К. № 42; Комментар. С. 546—547.

15. Качество долгого звонкого шипящего согласного не на стыке морфем // Там же. К. № 43; Комментар. С. 548—550.

16. Качество долгого звонкого шипящего согласного в словах с корнем *дожд'* // Там же. К. № 44; Комментар. С. 551.

17. Фонемы *ф*, *ф'* и их соответствия // Там же. К. № 45; Комментар. С. 552—555.

18. Звонкие согласные *б*, *д*, *з*, *ж* на конце слова // Там же. К. № 46; Комментар. С. 556—558.

19. Мягкие *г'*, *д'* и их соответствия // Там же. К. № 61; Комментар. С. 607—611.

20. Согласный на месте *ч* в слове *пшеничный* и производных // Там же. К. № 69; Комментар. С. 631.

21. Согласный на месте *ч* в словах *молочный*, *яичница* и производных // Там же. К. № 70; Комментар. С. 632.

22. Произношение слова *кринка* // Там же. К. № 78; Комментар. С. 641—642.

23. Гласный конечного слога основы в слове *тенето* // Там же. К. № 93; Комментар. С. 659—661.

24. Названия постройки для хранения зерна // Там же. К. № 185; Комментар. С. 954—957.

25. Названия колыбели, подвешиваемой к потолку // Там же. К. № 186; Комментар. С. 958—961.

26. Названия кринки (глиняного сосуда с узким горлом для хранения молока) // Там же. К. № 189; Комментар. С. 966—971.

27. Распространение слова *махотка*, обозначающего сосуда разной формы // Там же. К. № 190; Комментар. С. 972—974.

28. Названия берестяного сосуда для жидкости // Там же. К. № 191; Комментар. С. 975—976.

29. Названия сковородника // Там же. К. № 193; Комментар. С. 978—979.

30. Названия деревянной части сохи, на которую насаживаются сошники // Там же. К. № 200; Комментар. С. 998—999.

31. Названия оглобель сохи // Там же. К. № 201; Комментар. С. 1000.

32. Названия цепа // Там же. К. № 202; Комментар. С. 1001—1002.

33. Названия ручки цепа // Там же. К. № 203; Комментар. С. 1003—1006.

34. Названия билы у цепа // Там же. К. № 204; Комментар. С. 1007—1008.

35. Названия ремня, соединяющего ручку и било у цепа // Там же. К. № 205; Комментар. С. 1009—1010.

36. Названия деревянной части косы, на которую насаживается металлическая часть // Там же. К. № 206; Комментар. С. 1011—1013.

37. Названия рукоятки косы // Там же. К. № 207; Комментар. С. 1014—1015.

38. Диалектные названия бруквы // Там же. К. № 212; Комментар. С. 1028—1029.

39. Диалектные слова со значением «говорить», «разговаривать» // Там же. К. № 237; Комментар. С. 1074—1076.

40. Диалектные слова со значением «очень» // Там же. К. № 238; Комментар. С. 1077—1080.

41. Распространение слова *тенето* и его значения // Там же. К. № 240; Комментар. С. 1083—1084.

1958

42. [Об общеславянском лингвистическом атласе] // Сборник ответов на вопросы по языкознанию: (К IV Междунар. съезду славистов). М., 1958. С. 259—263. (СЯ-2, № 1283).

43. Изучение лексики русских диалектов и вопросы этнографии // Крат. сообщ. / Ин-т этнографии АН СССР. 1958. Т. 29. С. 23—29. (СЯ-2, № 2563).

44. Задачи дальнейшего лингвистического изучения Остромирова евангелия // Тр. / Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. 1958. Т. V (8). С. 33—45. (СЯ-2, № 1751).

1959

45. Повгородские берестяные грамоты. М.: Учпедгиз, 1959. 128 с. (СЯ-2, № 1398).

46. О переводах Евангелия на славянский язык и о «древнерусской редакции» славянского Евангелия // Славянское языкознание. М., 1959. С. 86—97. (СЯ-2, № 1399).

1960

47. Поддельная докириллическая рукопись. (К вопросу о методе определения подделок): [О так называемой «Влесовой книге»] // Вопр. языкознания. 1960. № 2. С. 142—144. (СЯ-2, № 1400).

48. О публикации памятников русского языка и письменности / [Совм. с С. И. Котковым] // Вопр. языкознания. 1960. № 4. С. 134—140. (СЯ-2, № 1401).

49. К вопросу о конечной стадии истории редуцированных в русском языке: (По материалам Галичского евангелия 1357 г.) // Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960. С. 59—117. (СЯ-2, № 1793).

50. [Выступление] // О соотношении синхронического анализа и исторического изучения языков. Заседания 14 и 15 марта 1957 г. М., 1960. С. 111—114. (СтрЯ, № 94).

1961

51. Значение и перспективы изучения Остромирова евангелия: (В связи с 900-летием памятника) // Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961. С. 14—44. (СЯ-3, № 46, 2096, 2899).

1962

52. Берестяные грамоты // Краткая литературная энциклопедия. М., 1962. Т. 1. С. 559—560.

53. [Об общеславянском лингвистическом атласе] // IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. 1962. Т. II: Проблемы славянского языкознания. С. 374—375. (СЯ-3, № 667 и 1804).

54. [Об изучении древних славянских текстов Евангелия] // Там же. С. 148—149. (СЯ-3, № 667).

55. Лексические диалектные различия и их картографирование / [Совм. с Р. И. Аванесовым] // Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962. С. 147—174. (СЯ-3, № 1786).

56. Комментарий к картам // Там же. С. 218—231. (СЯ-3, № 1786).

57. [Рецензия] // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1962. Т. 21. Вып. 6. С. 541—545. — Рец. на ст.: Куйо Кувев. Към въпроса за началото на славянската писменост // Годишник на Софийския университет, филологически факултет. София, 1960. Т. 54, 1. 108 с. (СЯ-3, № 1924).

1963

58. Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и СССР). М.: Изд-во АН СССР, 1963. 142 с. (СЯ-3, № 47, 1923).

59. [1. Каким должен быть круг памятников (с их хронологическими и территориальными границами), который следует привлекать для восстановления языка кирилло-мефодиевского периода?] // Славянская филология. София, 1963. Т. 1: Отговоры на вопросы за научна анкета по езиковедение. С. 8.

60. [2. Каково было взаимоотношение между старейшими старославянскими центрами письменности (до XII в. включительно) и какова была их роль в возникновении и развитии старославянского языка?] // Там же. С. 12—13.

61. [4. Как соотносились между собой книжнославянский (церковнославянский) и древние славянские (русский, сербский, болгарский, чешский и др.) языки в разные периоды своего развития? Было ли это отношение двуязычия, или жанрово-стилистической дистрибуции, или заимствование отдельных элементов, взятых из общей системы?] // Там же. С. 18—19.

62. Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием // Вопросы славянского языкознания. М., 1963. Вып. 7. С. 73—81. (СЯ-3, № 1922).

63. Памятники письменности традиционного содержания как лингвистический источник. (Их значение и методика исследования) // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 20—35. (СЯ-3, № 2841).

1964

64. Новые данные об оригиналах русской рукописи 1092 г. // Источниковедение и история русского языка. М., 1964. С. 84—118. (СЯ-3, № 2100, 2900).

65. К истории буквенной цифири и алфавитов у славян // Там же. С. 37—43. (СЯ-3, № 1921, 2100).

66. Лексические варианты в древних славянских рукописях // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964. С. 6—17. (СЯ-3, № 1135, 2716).

1965

67. О возможном родстве Юрьевского евангелия и галицко-волынских полных апракосов XII—XIII вв. // Проблемы современной филологии: Сб. ст. к семидесятилетию акад. В. В. Виноградова. М., 1965. С. 136—141. (СЯ-3, № 2901).

68. [О Енинском апостоле XI в.: Резюме выступ.] // Славянская филология: Материалы от V Международного конгресса на славистике. София, 1965. Т. VII. С. 66.

1966

69. Вопросы Н. П. Румянцева к Вуку Караджичу и ответы на них // Сов. славяноведение. 1966. № 5. С. 75—77. (СЯ-4, № 275).

70. Ред.: Исследования источников по истории русского языка и письменности / [Совм. с Н. И. Тарабасовой]. М.: Наука, 1966. 296 с. (СЯ-4, № 1298).

71. От редакции // Там же. С. 3—4. (СЯ-4, № 1298).

72. Юрьевское евангелие в кругу родственных памятников // Там же. С. 44—76. (СЯ-4, № 2158).

73. Извод // Краткая литературная энциклопедия. М., 1966. Т. 3. С. 66.

74. Кодекс // Там же. С. 632.

1967

75. Некоторые данные о группировке славянских рукописей полного апракоса XII—XIV вв. // Палестинский сборник. М., 1967. Вып. 17(80). С. 176—184.

1968

76. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI—XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968. С. 196—332: схем., табл. (СЯ-4, № 2157).

77. Пергаменная рукопись XIV в. из собрания Пушкинского дома: (Новое приобретение) // ТОДРЛ. 1968. Т. XXIII. С. 305—311; 1 л. факс. (СЯ-4, № 2156).

1969

78. Памятники русской и славянской письменности XI—XIV вв. в книгохранилищах СССР // Сов. славяноведение. 1969. № 1. С. 57—71. (СЯ-4, № 2108).

79. Замечания о «Предварительном списке» и «Сводном каталоге» славянских древних рукописей // Вопр. языкознания. 1969. № 1. С. 98—107. (СЯ-4, № 2106).

80. Древние славянские переводы византийских и сирийских памятников в книгохранилищах СССР // Палестинский сборник. М., 1969. Вып. 19(82). С. 171—176. (СЯ-4, № 1143).

81. Пергаменные рукописи Пушкинского дома // ТОДРЛ. 1969. Т. XXIV. С. 375—379. (СЯ-4, № 2109).

82. Лингвистические данные в текстологических исследованиях // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 3—26. (СЯ-4, № 2107).

83. О текстологическом изучении разноязычных манускриптов традиционного содержания (VI—XV вв.) // Конференция по вопросам археографии и изучения древних рукописей: Тез. докл. Тбилиси, 1969. С. 15—17.

84. [Комментарий] // Публикация одного памятника. Вып. 2. Лицевая рукопись Успенского собора: Евангелие нач. XV в. из Усп. собора Моск. Кремля. Л., 1969. [Страницы не нумерованы].

85. Древнерусские пергаменные рукописи как лингвистический источник: (Археогр., текстол. и лингв. исслед.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л.: Ленингр. ун-т, 1969. 30 с. (СЯ-4, № 2105).

1970

86. Работы Б. А. Рыбакова в области вспомогательных исторических дисциплин: (К 60-летию со дня рождения) // Археогр. ежегодник за 1968 г. М., 1970. С. 291—299. (СЯ-4, № 2133).

87. Графика, орфография и... палеография // Рус. речь. 1970. № 4. С. 97—103. (СЯ-4, № 1142).

1971

88. Сколько книг было в Древней Руси? // Рус. речь. 1971. № 1. С. 73—80. (СЯ-5, № 1689).

89. Два замечания о методике изучения «Слова о полку Игореве» // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1971. Т. XXX. Вып. 3. С. 255—261. (СЯ-5, № 1890).

90. Рукопись № 9 из собрания Григоровича // Сов. славяноведение. 1971. № 3. С. 83—91. (СЯ-6, № 1010).

91. К вопросу о классификации лексики в языках и диалектах // Актуальные проблемы лексикологии: Тез. докл. на 3-й лингв. конф., 3—7 мая 1971 г. 1. Терминология; 2. Системные связи в лексике / Новосиб. ун-т. 1971. С. 160—161. (СЯ-5, № 6805).

92. Текстологическое исследование наследия Константина-Кирилла Философа // Константин-Кирилл Философ: Доклады от симпозиума, посвящен 1100-летию со дня смерти муч. София, 1971. С. 31—40.

93. О глаголической традиции в славянском Евангелии-апракос // Slovo. Загреб, 1971. Т. 21. С. 351—358.

94 [Совещание по вопросам составления «Сводного каталога славяно-русских рукописей X—XIV вв.»] // Вопр. языкознания. 1971. № 6. С. 144—145.

1972

95. Лексика распространенных на Руси памятников нач. XII в. и некоторые проблемы истории русского литературного языка // Актуальные проблемы лексикологии: Докл. III Межауз. конф., 3—7 мая 1971 г. / Новосиб. ун-т. 1972. С. 232—236. (СЯ-5, № 1380).

96. Новая книга о походе Игоря // Рус. речь. 1972. № 4. С. 93—98.

97. О некоторых проблемах истории русского литературного языка древнейшего периода // Вопр. языкознания. 1972. № 5. С. 62—76. (СЯ-5, № 867).

98. Сербские пергаменные евангелия в книгохранилищах СССР и их связи с южнославянскими рукописями // Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972. С. 208—239. (СЯ-6, № 935, 2621).

99. Ред.: Улуханов И. С. О языке Древней Руси. М.: Наука, 1972. 135 с. (СЯ-5, № 884).

1973

100. Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI—XV веков для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР: Проект / [Совм. с Н. Б. Шеламановой]; Ин-т истории АН СССР. 1973. 20 с.

101. Отв. ред.: Восточнославянские языки. Источники для их изучения / [Совм. с Н. Н. Тарабасовой]. М.: Наука, 1973. 312 с. (СЯ-5, № 692).

102. Повторяющиеся чтения как лингвистический источник // Там же. С. 72—98. (СЯ-5, № 1773).

103. О текстологическом изучении памятников традиционного содержания // Текстология славянских литератур. Л., 1973. С. 183—193. (СЯ-5, № 1687).

104. Ред.: Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР» / [В сост. редкол.] М.: Изд-во Гл. арх. упр. при СМ СССР, 1973. 387 с. (СЯ-5, № 1698; СЯ-6, № 922).

105. Рекомендации для определения языка (извода) древних славянских рукописей // Там же. С. 1—42. (СЯ-6, № 922).

106. Славяно-русские евангелия XI—XIV вв. // Там же. С. 356—383. (СЯ-6, № 922).

107. От редакции // Там же. С. I—III.

108. Что читали на Руси в XI—XII веках: Древнейшие сб. для чтения // Рус. речь. 1973. № 4. С. 112—119.

109. О начальном этапе древнерусского литературного языка // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка: Тез. докл. и сообщ. (Ереван, 2—5 окт. 1973 г.). М., 1973. С. 171—174.

1974

110. Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV веков для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР» / [Совм. с Н. Б. Шеламановой]; Ин-т истории АН СССР. 1974. 44 с.

111. Об исследованиях по старославянскому языку // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1974. Т. 33. Вып. 5. С. 465—471. (СЯ-6, № 1009).

112. Инициалы в древнерусских рукописных книгах // Рус. речь. 1974. № 3. С. 39—53. (СЯ-5, № 934).

113. Эклитеральные способы определения разных почерков // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 28—37. (СЯ-6, № 921).

114. Связь изучения изобразительных средств и текстологии памятника // Там же. С. 58—69. (СЯ-6, № 921).

115. [Ред. разд.: Славяно-русская палеография] // Проблемы палеографии и кодологии в СССР. М., 1974. С. 8—193. (СЯ-6, № 923).

116. О правомерности «широких дат» для пергаменных рукописей: (На материале рукоп.) IIIb 22 и IVd 12 Югославян. акад. // Там же. С. 39—53. (СЯ-6, № 923).

117. Работа над «Сводным каталогом славяно-русских рукописей» и некоторые вопросы методики их описания // Археогр. ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 243—247. (СЯ-5, № 1688).

118. Отв. ред.: Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания / [Совм. с Н. С. Котковой]. М.: Наука, 1974. 352 с. (СЯ-5, № 754).

119. Рукописи полного апракоса милятинского класса // Там же. С. 29—61. (СЯ-5, № 1774).

120. Древнерусское сА при глаголах в издаваемом тексте и словоуказателе / [Совм. с Н. П. Панкратовой] // Там же. С. 268—282. (СЯ-5, № 1717).

121. Работа В. В. Виноградова по изучению языка древнерусских рукописей // Исследование по славянской филологии: Сб., посвящ. памяти акад. В. В. Виноградова. М., 1974. С. 87—100. (СЯ-5, № 205, 703).

122. Типичное в украшении древнерусской пергаменной книги // Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела. Секция рукописной книги: Тез. докл. / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. 1974. С. 6—9.

1975

123. Шахматов // Краткая литературная энциклопедия. М., 1975. Т. 8. С. 610—611.

124. Виктор Иванович Борковский: (К 75-летию со дня рождения) / [Совм. с Б. А. Серебренниковым и Г. В. Степановым] // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1975. Т. 34. Вып. 2. С. 189—190. (СЯ-5, № 189).

125. Словарь памятника письменности в его списках // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии: Тез. М., 1975. Вып. 3: Теория и практика исторической лексикографии. С. 35—37. (СЯ-5, № 8684).

126. Памятники письменности как источник ареальных исследований // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Тез. Третьей конф. на тему «Методика лингво- и этнографических исследований. Маргинальные и центральные ареалы», 10—12 февр. 1975 г. Л., 1975. С. 97—98.

1976

127. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М.: Наука, 1976. 368 с.: табл., схем.

128. Работа по подготовке славяно-русского выпуска «Сводного каталога рукописей» и «Инструкции» по его составлению // Археогр. ежегодник за 1975 г. М., 1976. С. 24—27.

129. Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV веков для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». 2-е изд. Без прим. // Там же. С. 28—40.

130. Отв. ред.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР» / Ин-т истории АН СССР. 1976. Вып. 2. Ч. 1. 256 с.

131. От редакции / [Совм. с др.] // Там же. С. I—III.

132. Рекомендуемые наименования памятников письменности и рукописей для славянского выпуска «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР» / [Совм. с Н. Б. Тихомировым и Н. Б. Шеламановой] // Там же. С. 1—32.

133. Рекомендации для выявления водяных знаков (филиграней) в рукописях форматом 4° и датировки рукописей по филиграммам // Там же. С. 33—50.

134. Отв. ред.: Методические рекомендации... Вып. 2. Ч. II. С. 257—484.

135. К истории смоленской литературы XII в. // Культурное наследие Древней Руси. Истоки, становление, традиции / [Совм. с Н. Н. Ворониным]. М., 1976. С. 69—79.

136. Приближая столетия / [Совм. с В. М. Василенко и Л. А. Гольдбергом] // Комс. правда. 1976. 6 апр.

1977

137. Мнимая древнейшая летопись: [О так называемой «Влесовой книге»] / [Совм. с В. И. Бугановым и Б. А. Рыбаковым] // Вопр. истории. 1977. № 6. С. 202—205.

138. «Русской речи» 10 лет / [Под псевд. Л. Петрова; Совм. с Л. К. Граудиной] // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1977. Т. 36. Вып. 1. С. 64—69.

139. Ред.: Изборник Святослава 1073 г.: Сб. ст. / [Совм. с др.]. М.: Наука, 1977. 313 с.

140. От редколлегии // Там же. С. 3—4.

141. Изборник 1073 г. Судьба книги, состояние и задачи изучения // Там же. С. 5—31.

142. Лексика Изборника 1073 г. в «Описании рукописей Синодальной библиотеки» // Там же. С. 152—169.

1978

143. Реймское евангелие. История его изучения и текст // Предварительные публикации / [Ин-т рус. яз. АН СССР]. 1978. Вып. 114. 64 с.

144. Постоянная и варьирующаяся лексика в списках памятника: (Вопр. изуч. и лексикографирования) // Славянское языкознание: VIII Междунар. съезд славистов. Загреб — Любляна, сент. 1978 г.: Докл. сов. делегации. М., 1978. С. 172—195.

145. Stable and varying Vocabulary of Monument copies // VIII Međunarodni slavistički kongres. Zagreb. 3—9 IX 1978. Ljubljana. Knjiga referata. Sažeci. II. L—Y. Zagreb. Međunarodni slavistički centar SR Hrvatske. S. 993.

146. Фонемный состав обычно сокращаемых слов в Мстиславовом евангелии // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1978. С. 3—15.

147. Ученый, исследователь, пропагандист // Рус. речь. 1978. № 5. С. 132—134.

148. Ред.: Палестинский сборник. Филология и история / Совм. с др. М.: Наука, 1978. 26 (89). 183 с.

1979

149. Болховитинов // Славяноведение в дореволюционной России: Библиограф. слов. М., 1979. С. 81—82.

150. Берестяные грамоты // Русский язык: Энцикл. М., 1979. С. 31—32.

151. Палеография // Там же. С. 191—193.

152. О факсимильных изданиях древних рукописей // Всесоюзная научная конференция «Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности»: Тез. докл. / Б-ка АН СССР. Л., 1979. С. 16—18.

1980

153. «Влесова книга». Почему не Велесова? (Об одной подделке) / [Совм. с Ф. П. Филиным] // Рус. речь. 1980. № 4. С. 111—118.

1981

154. Научное факсимильное издание древних рукописей // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: (Материалы всесоюз. конф.). Л., 1981. С. 48—61.

155. Гіпотези й факти про давньоруську писемність до XII ст. // Літературна спадщина Київської Русі і українська література XVI—XVIII ст. Київ, 1981. С. 9—35. [Содерж.: 1. Докирилівська писемність. 2. Писемність на Русі до офіційного прийняття християнства при Володимирі Святославичі і Володимиріві книги. 3. Слов'янська книга французької королеви Анни Ярославни. 4. Повний апракос Мстислава Велико-го і київські бібліотеки XI ст.].

156. Международный симпозиум по средневековым сборникам // Археогр. ежегодник за 1979 г. М., 1981. С. 357.

157. Издания древних рукописных источников для исследовательских целей // Тек-

стологија средњовековних јужнословенских књижевности. Научни скупови. Књ. X. Одељење језика и књижевности. Књ. 2. Београд, 1981. С. 21—31.

158. Текстологија и лексикологија споменика писмености // Там же. С. 65—76.

1982

159. Славјанске рукописне књиге // Книговедение: Енцикл. слов. М., 1982. С. 469—470.

160. Русскаја рукописна књига // Там же. С. 447—448.

161. К вопросу о южнославянском влиянии на русскую письменность. (Житие Анисы по спискам 1282—1632 гг.) // История русского языка: Исслед. и тексты. М., 1982. С. 277—287.

162. О южнославянском влиянии XIV—XV вв.: (На материале пролож. Жития Евгения) // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982. С. 26—59.

163. О якобы датированных списках Стишного пролога: (Троицкое собрание ГБЛ) // История русского языка: Памятники XI—XVIII вв. М., 1982. С. 74—121.

164. О значении исследования понтизо и некоторых других вопросах филиграноведения // Археогр. ежегодник за 1981 г. М., 1982. С. 64—76.

165. Письменность в древнейшем Киеве // Рус. речь. 1982. № 2. С. 12—19.

166. Барсовский список грамматического сочинения «О восьми частях слова» // Східнослов'янські граматики XVI—XVII ст.: Матеріали симпозиуму. Київ, 1982. С. 29—51.

167. О втором южнославянском влиянии // Die slawischen Sprachen. Salzburg—Wien, 1982. B. 2. S. 131—144.

168. Рубен Иванович Аванесов: (К 80-летию со дня рождения) / [Совм. с С. В. Бромлей, В. В. Ивановым и Т. А. Сумниковой] // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1982. Т. 41. Вып. 1. С. 72—77.

169. Ред.: Ушаков В. Е. Акцентологический словарь древнерусского языка XIV века / [Совм. с И. Г. Добродомовым]. Чебоксары: Изд-во Чебоксар. ун-та, 1982. 398 с.

1983

170. Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога: (Избр. визант., рус. и инослав. статьи) // Славянское языкознание: Докл. сов. делегации: IX Междунар. съезд славистов. Киев, сент. 1983 г. М., 1983. С. 110—120: табл.

171. Текстологічне і лінгвістичне дослідження Прологу: (Вибрані візантійські, руські і инослов'янські статті) // Резюме докладов и письменных сообщений: IX Междунар. съезд славистов. С. 444.

172. A Composite Catalog of Slavo-russian Hand-written Books preserved in the USSR / [Совм. с Н. Б. Шеламановой и С. О. Шмидтом] // Там же. С. 590—591.

173. О составлении «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР» // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: Докл. сов. делегации: IX Междунар. съезд славистов / [Совм. с Н. Б. Шеламановой и С. О. Шмидтом]. С. 270—282.

174. От редакции книги: Проб. ст. // Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI—XIII вв.: Макет кн., подгот. к IX Междунар. съезду славистов / [Совм. с Н. Б. Тихомировым и Н. Б. Шеламановой]. М., 1983. 16 с.

175. [Подгот. изд. пам. XI—XII вв.]: Апракос Мстислава Великого / [Совм. с Л. А. Владимировой и Н. П. Панкратовой]. М.: Наука, 1983. 527 с.

176. Апракос Мстислава Великого — рукопись конца XI (рубежа XI—XII) века // Там же. С. 3—28.

177. Отв. ред.: То же. 527 с.

178. [Обороты шмуцтитудов] // Там же. С. 30, 292.

179. Назначение чтений и содержание текстов в их последовательности // Там же. С. 491—495.

180. Таблицы повторяющихся чтений // Там же. С. 496—523.

181. Приложения // Там же. С. 524—526.

182. Науч. ред.: Изборник Святослава 1073 года: Факс. изд.: Науч. аппарат. М.: Книга, 1983. 79 с.

183. От редколлегии // Там же. С. 7—8.

184. Древние книги и писатели в Изборнике Святослава 1073 года // Там же. С. 31—40.

185. Подстрочный перевод названий глав и пагинация Изборника Святослава / [Совм. с Л. М. Костюхиной и Э. В. Шульгиной] // Там же. С. 41—57.

186. Рец.: Славяно-русские рукописи XV—XVI веков Научной библиотеки Московского университета...; Каталог книг кириллической печати XV—XVII вв...; Коллекция старопечатных книг XVI—XVII вв. из собрания М. И. Чуванова... // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1983. Т. 42. Вып. 3. С. 277—279.

187. Ред.: Сказания о начале славянской письменности / [Совм. с Р. А. Симоновым] // *Вопр. языкознания*. 1983. № 1. С. 133—137.

188. Из глубины веков // *Кн. обозрение*. 1983. № 49. С. 10.

189. Факсимильное издание «Изборника»: [Запись бес.] // *Кн. обозрение*. 1983. № 27.

1984

190. Первый Зальцбургский коллоквиум по славистике (25—28 нояб. 1982 г.) / [Совм. с Л. В. Куркиной] // *Вопр. языкознания*. 1984. № 1. С. 138—140.

191. Отв. ред.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI—XIII вв. / [Совм. с Н. Б. Тихомировым и Н. Б. Шеламановой]. М.: Наука, 1984. 405 с.

192. От редакции книги / [Совм. с Н. Б. Тихомировым и Н. Б. Шеламановой] // Там же. С. 8—15.

193. Слово *тигло* — среднего рода // *Рус. речь*. 1984. № 6. С. 65—67.

194. Стостиише Евгении в Прилепском прологе конца XIV века // *Прилози*. IX. 2. [Македонска академија на науките и уметностите: Одделение за лингвистика и литературна наука]. Скопје, 1984. С. 11—22.

195. Ред.: Молдован А. М. «Слово о Законе и Благодати» Илариона / [Совм. с В. Ю. Франчук]. Киев.: Наук. думка, 1984. 240 с.

1985

196. Ред.: Восточные славяне: Языки, история, культура / [В сост. редкол.]. М.: Наука, 1985. 300 с.

197. Несколько страничек из истории филологической науки: Русские академики и издание Мстиславова евангелия // Там же. С. 249—252.

198. Ред.: «Слово о полку Игореве» и его время / [Совм. с Т. И. Макаровой, А. И. Роговым и Б. А. Рыбаковым]. М.: Наука, 1985. 415 с.

199. О редакциях, издании 1800 г. и датировке списка «Слова о полку Игореве» // Там же. С. 68—125.

200. Возраст Веры в Прологе // *Проблемы изучения культурного наследия*. М., 1985. С. 149—150.

201. Некоторые замечания об орфографии Острожской библии // *Федоровские чтения*. 1981. М., 1985. С. 103—109.

1986

202. [Выступление по докладу D. Worth (USA) о втором южнославянском влиянии и русском литературном языке] // *Языкознание: IX Междунар. съезд славистов: Материалы дискус.*: Киев, сент. 1983 г. Киев. 1986. С. 10—11.

203. Изучение древних рукописей и машинный фонд русского языка // *Машинный фонд русского языка: идеи и суждения*. М., 1986. С. 132—135.

204. Списки Пролога Государственного архива Калининской области и их использование для истории русского языка // *Среднерусские говоры: Межвуз. темат. сб. науч. тр.* / Калинин. ун-т. 1986. С. 96—116.

205. Задачи и принципы составления Сводного каталога рукописей // *Проблемы истории а лимбий. Проблемы истории языка: Исслед. и тексты*. Кишинев, 1986. С. 21—25.

206. М. В. Ломоносов о русском языке и письме // *Рус. речь*. 1986. № 6. С. 11—27.

1987

207. [Выступление по докладам А. А. Медынцевой о надписи «гороухше» и писалах и по докладу С. А. Высоцкого о «софийской азбуке»] // *Фольклористика, историческая проблематика. Круглые столы: IX Междунар. съезд славистов: Материалы дискус.*: Киев, сент. 1983 г. С. 82—83.

208. [Выступление об изучении рукописных сборников] // *Литературоведение и лингвистика: То же*. С. 174—175.

209. Еще раз о старославянском языке: (По поводу книг И. Тота и Р. М. Цейтлин) // *Изв. АН СССР. СЛЯ*. 1987. Т. 46. Вып. 1. С. 79—85.

210. Загадки Записи Изборника Святослава 1073 года // *Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому*. М., 1987. С. 45—62.

211. Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV—1-й пол. XVI в.: (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Там же. С. 144—176.

212. Отв. ред.: Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому / [Совм. с В. П. Вомперским и А. И. Горшковым]. М.: Наука, 1987. 246 с.

213. Предисловие // Там же. С. 3—6.

214. Повторяющиеся статьи Пролога как лингвистический источник: (На материале

ле статьи Василия Великого «О пьянстве») // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М., 1987. С. 98—108.

215. Ред.: Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность / [Совм. с др.]. Киев: Наукова думка, 1987. 175 с.

216. Двести списков XIV—XVII вв. небольшой статьи как лингвистический и исторический источник: (Статья Пролога о построении церкви во имя Георгия Ярославом Мудрым) // Там же. С. 33—63.

1988

217. Изборник Святослава 1073 года: некоторые древнерусские и южнославянские черты рукописи // Славянское языкознание: X Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации: София, сент. 1988 г. / [Совм. с др.]. М., 1988. С. 3—16.

218. О лексическом составе славянского полного апракоса // X Международный конгресс на славистике. Резюме на докладите: София, 14—22 септември 1988 г. София, 1988. С. 29.

219. Наиболее важные особенности звучащего древнерусского языка // Звучащее слово Древней Руси. Искусство звучащего слова. М., 1988. № 13. Вып. 37. С. 37—54.

220. Комментарий специалиста [к ст.: Г. Гриневиц. Племя рыси с острова Крит] // Техника-молодежи. 1988. № 8. С. 57.

221. Отв. ред.: Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки. 2-е изд. М.: Наука, 1988. 191 с.

222. От редактора // Там же. С. 3—6.

223. Лингвотекстологию на службу лексикологии и лексикографии // Актуальные проблемы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков: Тез. докл.: Днепропетровск, 12—14 окт. 1988 г. / Днепропетровский ун-т. Ч. 1. С. 7—8.

224. Отв. ред.: Панин Л. Г. Лингвотекстологическое исследование Минейного Торжественника: Рукописи XIV—XVI вв. / [Совм. с А. И. Федоровым]. Новосибирск: Наука, 1988. 264 с.

225. «Влесова книга»: что же она такое?: [Запись бес.] // Кн. обозрение. 1988. № 2. С. 3.

226. Тысячелетие русской книжности: [Запись бес.] // Кн. обозрение. 1988. № 24. С. 4, 14.

1989

227. Тихая катастрофа: [Из ист. Ин-та рус. яз. АН СССР] // Мол. гвардия. 1989. № 5. С. 255—261.

228. Ранняя редакция древнерусского Пролога // Тез. докл. и сообщ. Конф. по итогам науч.-исслед. работы за 1988 г. (21 апр. 1989 г.) / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. М., 1989. С. 106—108.

Неизданные рукописи, хранящиеся в Секторе диалектологии Института русского языка АН СССР

1. 55 карт по лексике и комментарии к ним // Атлас русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы.

2. 24 карты и частично комментарии к ним // Дополнительный фонд Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

- Абашидзе И. 109
 Абрамович Г. Л. 111
 Абрамович Д. И. 116
 Аванесов Р. И. 249, 251
 Авдий, пророк 122, 140, 146
 Авраамий, архиеп. Ростовский и Ярославский 118
 Агапкин А. И. 114
 Адамс, 213
 Адарковский В. Я. 113
 Аздаловский М. К. 89, 110
 Азбука нотная на крюковых нотах 102—104, упом. 89
 Академия наук, имп. 34, 85
 — — Российская 25, 34, 35, 36, 76
 «Академические известия», журн. 19
 Акафист Богородице «Утоли моя печали» 99
 Аккерман К. 25
 «Акты исторические» 139
 Александр I, имп. 4, 6, 28, 34, 36, 37, 77, 78, 163, 164, 177, 184, 192, 195, 196, 202, 204, 216
 Александр Македонский 184
 Александр Невский, кн., св. 100
 Александр Свирский, св. 100
 Алексеев 8
 Алексеев М. Н. 109
 Алексеев М. П. 111
 Алексей, царевич 220, 221
 Алексей митрополит Московский 100, 101
 Алехина Л. И. 4
 Алиева Ф. 109
 «Альфа и Омега», выписки 98
 Амфилохий, еп. Иконийский 146
 Анакреонт 12, 15, 20, 61, 63, 86
 Ананьев А. А. 109
 «Анастасевы ответы», отрывок 92
 Анастасия, кн., см. также Мария 117, 118
 Андреев, помещик 78
 Андреев А. 109
 Анетский И. 109
 Анна Иоанновна, имп. 25
 Анна, царица Имеретинская 36, 77
 Анна Ярославна 259
 Анненков М. Н. 106
 Анненкова А. 89, 106
 Анорий, имп. 145
 Антоний Клоуныя, старец Чудова монастыря 116
 Антокольский П. Г. 111
 Анхимюк Ю. В. 115
 «Аонида», альманах 22
 Аппетин М. Я. 107
 Апокалипсис толковый с толкованиями Андрея Кесарийского 91, упом. 88
 — семитологов, старообрядческий, выписки 98
 — «троютологов», выписки 98
 — фрагменты 98
 Апокрифы 88, 92, 93, 95, 96, 98, 101
 Апостол толковый, выписки 97
 — выписки 119, 122, 137, 142, 146
 Апракс Мстислава Великого, см. Мстиславо евангелие
 Аракчеев А. А. 36, 177, 191, 195, 203
 Арзаматский В. Н. 109
 Арденс Н. Н. 111
 Ариосто 20, 41
 Аристид 184
 Аристотель 185
 Аркадий, имп. 145
 Арсеньев, 167, 169, 183
 Артемий Веркольский, св. 101
 Артемий, поп 104
 Артемий, старец 138
 Артемьев Трофим, крестьянин 105
 Архангельский А. С. 135
 Арин Аздаловского М. К. 89
 — Коршей 89
 — В. А. Кочегова 89
 — Центральный государственный литературный 4
 Асафьев Б. В. 218, 220, 221
 Асеев А. П. 110
 Асеева (урожд. Завьялова) З. А. 110
 Асеева (урожд. Хованская) Е. А. 110
 Атлас русских народных говоров 250, 254, 255, 262
 Ахав, царь библ. 146
 Ахилл 193
 Бажов П. П. 114
 Байшев Мирон 33
 Байканов А. 106
 Балугьянский 167
 Баратынский Е. А. 216, 217
 Барро, де Ж. 61
 Барсов А. А. 11, 25
 Барсуков Н. П. 6—8, 116, 117
 Баруздин С. 109
 Батюшков К. Н. 4, 7, 11, 28, 30, 106
 Батюшков П. Л. 5, 42, 55
 Бахметьев В. М. 111
 Бахтина А. В. 111
 Багунов Ю. К. 115
 Балинский В. Г. 106
 Берг Л. С. 147
 Беркен 20, 61
 Берков П. Н. 110
 Бертен, де А. 27, 61
 Бейкий И. Е. 36, 77
 Бибикова А. 7, 8
 Бибикова Е. И. (урожд. Муравьева-Апостол) 7
 Бибикова С. Н. (урожд. Муравьева) 7, 8
 Библиотека Государственная СССР им. В. И. Ленина 5, 105, 249, 249
 — Публичная РСФСР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина 4, 11, 31, 33, 34, 116, 117, 172, 176
 — Королевская в Брюсселе, Бельгия 101
 — Московского университета 34, 147
 — Ново-Оскольская районная 8
 — С.-Петербургская [духовная] 116
 — Софийская [Новгородская] 116
 — Академии социалистической по обществ. наукам 147
 — Фундаментальная по обществ. наукам АН СССР 147
 Библ. книга пр. Даниила 146
 — — пр. Ионы 146
 — — Исход 146
 — — Левит 140
 — — Царств 3 146
 — — Чисел 146
 Библия Острожская 88, 91
 Биндлер И. Г. 220
 Бичурин И. 167, 169
 Богданов А. И. 110
 Богданович И. Ф. 12, 44
 Боголюбов Е. А. 111
 «Богословские труды» 122
 Бокачев Н. 8
 Болдырев А. 167
 Болдырева А. П. 111
 Болховитинев Е. 167, 169, 259
 Бондарев Т. М. 114
 Бонч-Бруевич В. Д. 114
 Борис (Роман) Владимирович, кн., св. 100, 116
 Борковский В. И. 249, 258
 Бредслъ В. 114
 Бретшнейд 12, 61
 Бровка П. 109
 Бродский Н. Л. 111
 Брокес Б.-Г. 61
 Бромлей С. В. 260
 Брут 186, 194
 Бруханский А. Н. 4
 Бряцанянов А. М. 7, 12—14, 18, 27, 44, 50—52, 54, 56, 60
 Бряцанянова Е. П. 18
 Буало-Депрео, Никола 12, 13, 15, 23, 62
 Буганов В. И. 258
 Будовиц И. У. 114
 Булгаков В. Ф. 111
 Булгаков М. А. 3, 218—243
 Булгакова Е. С. 220
 Булич Н. Н. 216, 217
 Бунин И. А. 110
 Буняев В. С. 111
 Буняковский 167, 168
 Буслаев Ф. Н. 249
 Буткевич А. С. 111
 Вычков А. Ф. 7
 Бэр К. 210
 Вадим Новгородский 31
 Назеров Е. М. 89
 Варлаам, архимандрит 105
 Варлаам, митрополит 122, 128, 129, 135, 138
 Варсонофий Казанский, св. 100
 Василенко В. М. 258
 Василий II, вел. кн. 129, 135, 137
 Василий, архиеп. Новгородский 118
 Василий Великий 119, 143, 146, 261
 Василий Всеволодович, кн. 117
 Василий Иванович, вел. кн. 96
 Вассиан Патрикеев 118—125, 127—130, 133, 134, 135, 137
 Вассиан, еп. Ростовский 122
 Вассиан Топорков 121
 Великие Минеи-Четьи митрополита Макария 120, 122, 131, 132, 133, 146
 Великое зерпало, выписки 101
 Вельчев В. 111
 Венямин, библ. персонаж 141
 Венчляй 12, 14, 16, 18, 20, 24, 25, 27, 59, 63, 85, 87, 185
 Вересаев В. В. 111
 Вернадский В. И. 147
 Вершингора П. П. 111
 «Вестник Европы», журн. 24, 27, 35
 Петхий завет 146
 Вигель Ф. Ф. 37, 77
 «Видение Карпа правителя, писано в книге Никоньской в Велдиной» 194, 145
 Викентьев Б. 109
 Викулос С. 109
 Вилдан Х. 20, 23, 24, 27, 63
 Вилдамов Г. И. 37, 78
 Вильгельм II, король 89, 107
 Виноградов А. К. 113
 Виноградов В. В., акад. 11, 248, 252, 255, 257
 Висковатов В. И. 149, 167, 168
 Вишневецкий, художник 106
 Вишневецкий Р. К. 150, 157, 211
 Владимир, вел. кн., св. 100
 Владимиров Е. И. 114
 Владимировна Л. А. 260
 Владычины С. и А. 77
 Власов Ф. Х. 111
 Власьев И. В. 56
 «Власова книга» 255, 259, 262
 «Военное Общество» 177
 Владимир Святославич, кн. 259
 Волоколамский Патерик 122, 132
 Воляное российское собрание при Московском университете 25
 Вольпе Л. М. 111
 Вальтер 20, 23, 25, 27, 32, 63, 83, 86
 Вомперский В. П. 261
 Воронин Н. Н. 259
 Воронцов Семен, боярин 122
 Востоков А. К. 167, 249
 Вучетич Е. 109
 «Выписано из летописца въхратце» 117

- Выпись апокрифическая «о послании Господнем к сатане» 96
 — из Библиейских книг 97
 — о преп. Анастасии 96
 Высоцкий С. А. 261
 Вяземский П. А. 106
- Гаврюшин Н. К. 147—150
 Гагарин 26
 Гагарин П. П., кн. 107
 Гагедора Ф. 21, 63, 64
 Гадюлин И. 212
 Гакман И. Ф. 26
 Галлер, фон А. 21, 64
 Гольдберг Л. А. 259
 Гаюв В. 37, 78
 Гелтергоф 10
 Георгиевский Г. П. 8, 246
 Георгий Теген 105
 Геракл 187
 Герасим Смотрицкий 93
 Герман К. Ф. 161, 166, 177, 182, 183, 187, 189, 197—213, 215, 216
 Герман Подольный, монах 133
 Герц Г. 149
 Герцен А. И. 110
 Герцен Н. А. 110
 Герцен Р. А. 110
 Герцен Т. 110
 Геснер 45
 Гимназия классическая Московская С. Н. Фишер 110
 — при Московском университете 10
 Гирей, хан 192
 Глеб [Давид] Владимирович, кн., св. 100, 116
 Гловер 62
 Гледич Н. И. 186, 187
 Глебовский Н. К. 121, 122
 Голицын А. Н., кн. 165, 177, 179
 Голицын В. Д. 113
 Головенченко А. Ф. 111
 Головенченко В. И. 111
 Головенченко Ф. М. 111—113
 Голубянский Е. Е. 118, 139
 Голубов С. Н. 111
 Гомер 12, 14, 41, 43, 45, 62, 186, 188
 Гончар О. Т. 109
 Гораций 12, 15, 17, 18, 20, 21, 27, 53, 64, 65, 87, 185
 Горбатов В. Л. 111
 Горчаков И. М. 89
 Горшков А. Н. 261
 Горький А. М. 89, 107, 114
 Горюшкин 167
 Готье Ю. В. 113
 Граббе П. X., полковник 194
 Градуал, фрагменты 90; упом. 88
 Гракх Тиберий 184, 185, 186
 Грамота духовная Авраамия, архиеп. Ростовского и Ярославского 1573 июня 16 118
 Гранков А. П. 115
 Греков В. Д. 113
 Греч Н. И. 108, 169
 Гривачев Н. М. 109
 Гривбедов А. С. 208, 219
 Григорий Богослов 119, 138, 142—146
 Григорий Цамблак 128, 146
 Григорович В. И. 257
 Грядя Квашня 121
 Гриневич Г. 262
 Грожан Е. М. 89
 Гросбея А. Т. 113—114
 Гудий Н. К. 110
 Гуковский Г. А. 13, 15, 23, 147
 Гудня Г. Д. 109
 Гумилевский Л. И. 114
 Гура В. В. 13
 Гурий Казанский, св. 100
 Гурий Тушан 116, 118
 Гурьев С. Е. 149, 157, 164, 167
 Гусев В. С. 92
 Гусев Н. Н. 111
 Гусева М. С. 92
 Гюго, Георг 107
- Давид Федорович, кн. 117
 Давид, царь библ. 144, 145
 Давид, архиеп. Ростовский и Ярославский 117
 Дани Э. 114
 д'Аламбер Ж. 149
 Даниил, митрополит 128, 138
 Данилевский Н. 210
 Давнеман Ф. 147
 Даун В. Ф. Л. 233
 Декарт Р. 43
 Делиль Ж. 18
 Дементьев А. Г. 109
 Дергачева-Скоп Е. И. 115
 Державин Г. Р. 4, 24, 85, 87
 «Десятословие, или Десять заповедей на Синайской горе на двояких каменных скрижалях людям... дарованные», апокриф 101
 Деянния Апостолов 127, 142, 146
 Джотто 90
 Дзержинский И. И. 109, 220
 Дзюлла В. 114
 Димитрий, царевич 100
 Диодор Сицилийский 193
 Дионисий, живинопсец 121
 Дионисий Звенигородский, монах 130, 132
 Диоскор, еретик 143
 Дмитриевский И. А. 20, 32, 50
 Дмитрий Шемяка, кн. 184
 Добродомов И. Г. 260
 Добрынина Э. Н. 89
 Долматовский Е. А. 109, 111
 Дора 84, 87
 Доризо Е. 109
 Досифей Топорков 121
 «Друг просвещения», журн. 35
 «Друг юношества», журн. 35, 37, 78
 Дружинин Н. М. 7, 177, 216, 217
 Друзин В. 109
 Дурылина С. Н. 111
 Душечкина И. В. 23
 Дылевский Н. М. 111
 Дюпон 187
- Евангелие апракос 257
 — Архангельское 1092 г. 251, 256
 — выписки 119, 122, 141, 142, 146
 — Галичское 1357 г. (патр. 68) 249, 253—255
 — Зографское 249
 — Мстиславово 251, 252, 259—261
 — «недельное», выписи 97
 — Остромирово 251, 254, 255
 — от Иоанна 146
 — от Луки 123, 146
 — от Марка 146
 — от Матфея 123, 137, 142, 145, 146
 — полный апракос 256
 — Притча о насаении плевел 123, 138
 — Реймское 259
 — толковое, выписи 97
 — Успенского собора 257
 — Юрьевское 1119—1128 гг. 251, 256
 — сербские 257
 Евклид 80, 85
 Еврипид 16, 33, 65, 188, 189
 Евтихий, еретик 143
 Евфимий, еп. Ростовский и Ярославский 139
 Екатерина II, имп. 49, 85, 203
 Елизавета Петровна, имп. 207
 Елизарова М. Е. 111
 Едлима, волхв 140
 Ениевский апостол 251, 256
 Еремеев Г. В. 8
 Ершов Г. А. 111
- Жаров А. А. 111
 Желтухин Ф. Ф. 106
 Ждялкова Э. М. 4, 11, 14
 «Жизнь для науки и славы Ро-
- дины», воспоминания В. И. Цветаевой 114
 Жирнуцкий В. М. 110
 Житие Андрея Юродивого, апокрифическое 94; слова из него 93, 96
 — Анисьи 260
 — Варвары 260
 — Василия Великого, выписки 143
 — Веры 261
 — Григория Богослова, выписки 119, 142, 143
 — Евгении 260
 — Иоанна Богослова, часть 91, упом. 88
 — Льюя Катарянского 120
 — Марии Египетской 93, 95
 — св. Мариины, апокриф 101
 — св. Нифонта, апокриф, слова из него 92, 93
 — Саввы Освященного, составленное Кириллом Скифопольским, выписки 119, 127, 143, 146
 Жмакин В. 128, 133, 136
 Жмин А. А. 114
 Жуковская В. В. 249
 Жуковский Л. П. 249—253
 Жуковский В. А. 4, 11, 14, 38
 Жуковский П. Я. 249
 «Журнал министерства народного просвещения» 133
 Жанен Жюль 106
- Заболоцкий Н. А. 111
 Загорский П. 167, 168
 «Записки о стрелцком бунте» Матвеева А. А. 95
 Засецкий А. А. 14
 Зверинский В. В. 117
 Зегерс А. 114
 Зейфман Н. В. 89
 Зенкевич М. А. 114
 Зильберштейн И. С. 110
 Зильберштейн С. 110
 Зинин А. А. 114, 117, 118, 122, 128, 129, 133, 135, 138, 139
 Зимина В. Г. 8
 Златоуст 92
 Злотников М. 215
 Зосима Солдонецкий, св. 100
 Зотов Р. М. 106
 Зыбковец В. Ф. 114
 Зыков Ф. Т., окольничий 104
 Зябловский 167
- Иakov, ап. 142
 Иван IV, царь 99, 117
 Иван Данилов, сын Бартшов 116
 Иван Федоров 88
 Иван Волк Курипын 121, 141
 Иванов А. И. 115
 Иванов В. В. 111, 260
 Ивановская К. М. 89
 Ивашка Максимум 121
 Идашкин Ю. 109
 Изборник 1073 г., упом. 92, 252, 259, 260, 261
 Измарагд, слова из него 88
 Иосифа Ростовчяна 130
 Иоханний В. С. 126
 Иларион 261
 Илиодор [Диодор], см. также Исидор, волхв 120, 125, 140, 141
 Илоайская С. Д., 89, 114
 Ильин В. В. 111
 Илья, пр. 120, 122, 138, 140, 141, 146
 Индекс книг истинных и ложных 116
 Иноходцев П. В. 211
 Институт истории АН СССР 113
 — мировой литературы АН СССР 108
 — педагогический Московский им. В. И. Ленина 111, 112
 — русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) 110

- Иоанн, ап. 142, 148
 Иоанн, поп 104
 Иоанн Златоуст 123, 126, 128, 135, 136, 143, 146
 Иоанн Креститель 143
 Иов, архиеп. Ростовский и Ярославский 139
 Иона, архимандрит 104
 Иона, библ. персонаж 121, 140
 Иона, митрополит 116
 Иона, митрополит Московский 100, 101
 Иония 184
 Иосиф Волоцкий 115, 118—122, 128—137, 140, 141, 143—146
 Иосиф еврейн 143, 146
 Ипатьевская летопись 249
 Ирвинский доменный завод 173
 Ирмологи на крюковых нотах 99, 100
 Ироднов Сергея 95, 96
 Исаак Собака 127
 Исаковский М. В. 11, 114
 Исидор, см. Иллудор [Илюдор], волах 120
 Истома, еретик 121
 Истомин, Карнон 249
 «Исторический архив», журн. 115, 117
 «История о разорения святого града Иерусалима по проречению Господню» 101
 «История СССР», журн. 118, 133
 Истрия В. А. 262
 Иуда ап. 142, 146
- Каган М. Д. 117
 Каза, дедла Д. 20, 65
 Казякова Н. А. 116—128, 130, 133—135, 137
 Казимирский Я. Д. 113
 «Каким я знала Льва Гумилевского», воспоминания В. В. Носовой-Гумилевской 114
 Калайдович К. 167, 169
 Календарь сводный явлений икон на весь год 98
 Каллигула, нмп. 184
 Каллимах 20, 65
 Каменский В. В. 111
 Кампиони П. С. 110
 Канон молебн ангелу, грозоному воеводе Парфению Уродливого 99
 — с тропарем Богородице «Утоли моя печали» 99
 — «за болящего» 96
 Каноны 100
 Кантемир А. Д. 22, 47
 Канцелярия главной артиллерии и фортификации 89, 105
 Капюст В. В. 186
 Каравяева А. А. 111
 Караджич Вук 256
 Каразин В. Н. 36
 Карамзин Н. М. 6, 11, 28, 30, 37, 78, 85, 87, 167, 168, 190, 196, 216
 Карамян Э. 109
 Каратаев Н. К. 215, 217
 Карманов 7, 10, 33, 77
 Каргус 184;
 Касий 186
 Касьян Юрьевский 121, 141
 Катилана 184, 186;
 Катон 186
 Катулла 20, 65
 Каховская (урожд. Желтухина) А. Ф. 106
 Качковский Ф. А. 106
 Каченовский М. Т. 167
 Кеbedo, де Ф. 21, 65
 Кейлеман П. 109
 Келер, эллинист 191, 192—194
 Кельлгрэн И. Г. 21, 65
 Кеппен П. 167
 Керженцев П. М. 220, 221
 Киреевская Н. П. 6, 7
- Киреевский И. В. 6, 37
 Кирилл Сяфопольский 127, 148
 Кирилл Туровский 92—93, 98
 Китинг Д. 114
 Кичина О. Н. 244
 Клейст Э. Х. 12, 20, 21, 27, 65, 66
 Клейников С. А. 106
 Клибанов А. И. 113
 Климент Словенский (Охридский) 92
 Клопшток Ф. Г. 18, 21, 66
 Клосс Б. М. 115
 Ключевский В. О. 116
 Книга Кирилла Иерусалимского, слова и выписи 93, 97
 Книга «Ключ царствия небесному о седми светлыицех» Герасима Смотрицкого 93
 — «на еретяки» Иосифа Волоцкого 120
 — «обдержажая в себе собрание всех российских святых...» 117
 — о правой вере, выписи 96, 98
 — «премудрости Иисуса сына Сирахова» 14
 — «родства от Адама до Христа», апокриф 101
 Книппер-Чехова О. Л. 114
 Княжнин Я. Б. 22, 28, 32, 55, 56, 83, 86, 87
 Кобылин Андрей, капитан 104
 Кобылина Анастасия 104
 Кожанников В. М. 109
 Козьма Пресвятер 93
 Колас Я. 111
 Коллекция А. И. Шпагина 89
 Колячев В. П. 33, 34
 Комаров В. Л. 147
 Коврад Н. И. 147
- Константин, нмп. 137, 143
 Константин Всеволодович, кн. 117
 Константин Константинович, вел. кн. (псевд. К. Р.) 110
 Константин Павлович, вел. кн. 28, 51
 Константин Фелорович, кн. 117
 Кончаловская Н. П. 109
 Ковьков, псец 101
 Коптяева А. Д. 109
 Корелин А. 94
 Корещий В. И. 115
 Корин 25
 Корин П. Д. 113
 Кормача Вассиана Патрикеева 119, 134, 137, 138
 — митрополита Давнида 119, 138
 Корнейчук А. Е. 109
 Корнель П. 20, 24, 32, 47, 66
 Корнилович А. О. 185, 216
 Короленко В. Г. 114
 Коротин Т. А. 92
 Коссаков, генерал 78
 Корш Е. С. 110
- Корш Е. Ф., дочь акад. Ф. Е. Корша 110
 Корш Е. Ф., сын акад. Ф. Е. Корша 110
 Корш М. А. 110
 Корш М. Е. 110
 Корш М. Ф. 110
 Корш Ф. Ф., акад. 110
 Корш Ю. С. 110
 Корши, семья 89
 Косолапов В. 109
 Костюхина Л. А. 260
 Коткова Н. С. 258
 Кочетов А. В. 89
 Кочетов В. А. 107—110
 Кочетова В. А. 108
 Котубей В. П. 37, 78
 Кошелев Ф. И. 102
 Кошелева Е. А. 102
 Красновцев И. Я. 101
 «Краткое описание комментариев Академии наук» 156
 Крафт Л. Ю. 80, 85, 150
 Крекшин П. Н. 94, 95
- Кречетовин Л. М. 110
 Круг Ф. И. 189, 190, 191, 196
 Крузенштерн И. Ф. 213
 Крымова Н. 114
 Крюков Ф. Д. 110
 Ксения, кн. 117
 Куев К. 254
 Кузнецов М. С. 249
 Кулакова Л. И. 11, 13, 16, 18, 22, 24, 27, 28, 39
 Куннк А. А. 152, 153, 191, 215, 217
 Куниньян А. П. 167
 Куприян А. И. 111
 Куприна-Иорданская Л. А. 111
 Куракин А. Б. 9, 37, 78
 Курелла, Альфред 114
 Куркина Л. В. 260
 Кутузов А. М. 86
 Кутузов В. В. 136
 Кутузов М. И. 219
 Куусинен О. В. 111
- Лабрин П. 110
 Лабринцев Ю. А. 244, 247
 Лавн, де Г. 10, 14
 Латарп, де Ж. 20, 66
 Ламот, де А. 12, 66
 Ланфонт, де Ж. 12, 15, 20, 66
 Лая (Леонтий), еп. Катарский 190, 195, 140, 141
 Левин Л. В. 11
 Левин Ю. Д. 20
 Левочкин И. Р. 3, 245, 253
 Ледебур К. 213, 214
 Ленч Л. С. 109
 Леонард Н. 19, 20, 22, 66
 Леонид (Протасьев), еп. Рязанский 139
 Леонов А. 109
 Леонов Л. М. 111, 114
 Лехекин И. И. 214
 Лепсонис А. 109
 Лерберг А. X. 189, 190
 Лествица Иоанна Лествичника 131, 146
 Летописец Троице-Сергиевский 121
 — Краткий Кирилло-Белозерский 116
 Летопись Вологодско-Пермская 129
 — Новгородская II 136
 Летохин, подполковник 78
 Ливен X. А. 37, 78
 Лиятовца З. Н. 89
 Лисовский Н. М. 151, 171, 175, 176, 215—217
 «Литературная урна, или Досуги несчастного», сборник сочинений. Ч. 1. 1833—1838 106
 Литтров И. И. 150
 Лыхачев Д. С. 110, 111, 114, 250
 Лицей Демидовский в Ярославле 35
 — Нежинский 35
 — Царскосельский 35
 Лобанов А. 109
 Лобачевский Н. И. 167
 Ломоносов М. В. 10, 14, 16, 22, 25, 32, 33, 42, 47, 53, 84—86, 148, 149, 158, 184, 249, 261
 Лонгинов М. Н. 13
 Лосев В. И. 218—221
 Лосенков А. П. 22, 47
 Лука, еп. 245—248
 Лукаш, Марк Анней 18, 20, 67
 Лукин С. М. 27
 Луцкий Тит Карп 20, 67
 Лурье Я. С. 118, 132—134
 Львов Н. А. 16, 20, 21, 48, 50, 54
 Львов П. Ю. 36
 Любимов Н. М. 111
 Люблинский В. С. 107
 Лященко П. И. 216
- Маэвий, царь вавилонский 137
 Магницкий М. Л. 165, 177, 179, 196, 203
 Майков В. И. 13, 15, 20, 24, 25, 32, 48, 50, 54, 58, 80, 84, 85, 87

- Майкова Е. В. 89
 Майкова К. А. 107
 Макаеюк А. 109
 Макарий (Будяков) 126
 Макарова Т. И. 261
 Максим Грек 92, 98, 115, 118, 119, 126, 127, 138
 Максимович М. А. 106
 Мадяхова И. А. 114
 Мадеро, де Ф. 12, 67
 Малевич Федор, дьяк 104
 Малиновский А. 167
 Малов П. Н. 114
 Мальшинский А. П. 17
 Малышев В. И. 115
 Мама, игум. 143
 Маргарит, слово из него 98
 Марикур, де П. 147
 Мария, кн., см. также Анастасия 118
 Марк Аврелий, имп. 184
 Марк, св. 245, 247
 Марков Г. М. 109, 110
 Мартынов И. Ф. 13, 14, 34, 37
 Марциал 12, 18, 58
 Маршак С. Я. 111, 114
 Масапов И. Ф. 11
 Матвеев А. А. 94, 95
 Матвей Башкин 138
 Матфей, св. 246, 248
 Маяковская Л. 109
 Маяковский В. В. 114
 Мдивани Г. 109
 Медведев А. Е. 102, 103
 Медоварцев Михаил, кн. мастер 118
 Медянцева А. А. 261
 Мезер А. В. 4
 Мейер (?) 67
 Мелик-Пашаев А. Ш. 221
 Меншиков А. Д. 220
 Мерзляков А. Ф. 106
 Метастазий П. 20, 27, 33, 67, 83, 84, 86, 87
 Мечников И. И. 89, 106
 Мечников И. И., отец 106
 Мечникова Э. Л. 106
 Мещерский Н. А. 250
 Мильтон Д. 20, 67
 Мидюков П. Н. 210
 Микулин А. А. 57
 Миняев служебная 105
 Миняев на июль, служебная 146
 Министерство народного просвещения 34, 36
 Митрофан, еп. Коломенский 122
 Митя Коноплев 121
 Михаил Тверской, кн., св. 100
 Михаил Федорович, кн. 117
 Михаил Черныговский, кн., св. 100
 Михалков С. 109
 Молдазевский Б. Л. 215, 217
 Моисеева Г. Н. 118
 Мокрецова И. П. 89
 Молитва ангелу, грозному воеводе, приписываемая Ивану Грозному 99
 — Богородице «Утоли моя печаль» 99
 Молитвы Кириялла Туровского 92, 93
 Молчанов В. Ф. 89, 90
 Мольтер Ж.-Б. 14
 Монастырь дельи Анджели 91
 — Благовещенский старообрядческий 102
 — Иосифо-Волоколамский 121, 131, 135, 139, 140
 — Кашанский Дмитровский Тверской епархии 104
 — Кирилло-Белозерский 116, 130, 132
 — Петропавловский в Ярославле, см. также церковь Петропавловская в Ярославле 117, 118
 — Спасо-Прилуцкий 115
 — Спасо-Ярославский 117, 118
 — Тихвинский Богородице-Успенский 95
 — Чудов 116
 Монмор, де П. 67
 Монтескье Ш.-Л. 30
 Мордвинов Н. С. 217
 Мордвинов С. И., адмирал 167, 169, 182, 186, 205
 Морозова Л. Е. 134
 «Москвитянин», журн. 6, 10
 Московская анонимная типография 245, 248
 «Московские ведомости», газ. 35
 Мстиславская Е. П. 36, 89
 Музей Исторический Государственный (ГИМ) 4, 11
 — краеведческий Острогский 8
 — Московский Публичный и Румянецовский 112, 113, 246
 Мукосеев А. Т. 98, 99
 Мукосеев В. 99
 Мукосеева П. Н. 98
 Муравьев А. М. 164
 Муравьев Э. М. 18, 51, 85
 Муравьев М. Н. 3, 4—87, 164, 184, 185, 216, 217
 Муравьев Н. М. 7, 8, 164, 185, 186, 204, 216
 Муравьева Е. Н. 8
 Муравьева Е. Ф. 5—8
 Муравьева Ф. Н. 27, 30
 Муравьев-Апостол И. М. 27, 42
 Муравьева-Апостол Е. И., см. Библикова Е. И.
 Муравьевы, дворянский род 7
 Муравьевы-Апостолы, дворянский род
 Мухаммедова З. Б. 110
 Мюнтер, еп. Зеландский 191
 Нават, еретик 125, 143—145
 «На защиту Ленинграда», газ. 109
 Назимов В. Г. 59
 Наровчатов С. С. 109
 Нарынцкий А. Л. 114
 Нартов А. А. 35
 Нарышкин А. В. 28, 44
 Нарышкина Е. Л. 22, 47
 Нарышкины, род 25
 «Начало грамате греческой в русской...» 116
 Невзоров М. И. 37, 78
 Неелов Д. И. 192
 Некрас Рукавов 121
 Немиров С. [А.] 37, 78
 Немировский Е. Л. 245, 248
 Нерон, имп. 184
 Нестор, еретик 143
 Неустроев А. Н. 15, 19, 21, 22, 24, 27
 Нечкина М. В. 114, 216, 217
 Никита Ираклийский 119, 125, 145
 Никифоров Е. 95
 Николаев В. Н. 114
 Никольский П. имп. 222
 Никольский Н. К. 121
 Никон, еп. Вологодско-Пермский 122
 Никон Черногорец 123, 125, 126, 137
 Нил Полев, монах 130, 132, 133, 136
 Нил Сорский 116, 131, 135, 137
 Нифонт Кормилищин 120
 Новгородские берестяные грамоты 251, 253—255, 259
 Новиков Н. И. 12, 14, 16, 17, 23, 89, 77, 82, 83, 85, 86
 Новосильцев Н. Н. 163, 165, 168, 177, 192
 «Новые ежемесячные сочинения», журн. 22
 Новый завет 146
 Номоканон, выписи 98
 Носова-Гумилевская В. В. 89, 114
 Ногашия: демественная 103, 104; демественная, изложенная стол-
 повым знаменем 100; знаменная 88, 99, 100, 102, 103; квадратная на 4-х линейках 91
 Ньютон Исаак 60, 80, 85, 149
 «О восьми частях слова» (Барсовский список) 260
 «О исчислении Господних ран», апокриф 101
 «О зачатия и о рождении великого государя императора Петра Первого, самодержца Всероссийского и прочая», комплиментное сочинение П. И. Крекшина 94, 95
 «О написании иконы Тихвинской» 96
 «О плянстве» Василия Великого 260
 «О явлении иконы Тихвинской» 96
 Обход на крюковых нотах 100; песнопения из него 102, 103, 104; упом. 88, 89
 Облеуков, полковник 105
 Общероссийский С. П. 249
 Общеславянский лингвистический атлас 255
 Общество дружеское ученое 10, 86
 — испытателей природы 35
 — истории и древностей российских 35
 — Королевское Немецкое в Кеннigsберге 105
 — любителей древней письменности 146
 — соревнования медицинских и физических наук 35
 Овидий 14, 20, 27, 68
 Овсяннико-Куликовский Д. Н. 147
 Огарев Н. П. 110
 Огарева В. В. 89
 Озерцовский Н. Я. 162, 164, 165, 167, 209, 210, 215
 Октоих на крюковых нотах 102, 104; упом. 89
 «Октябрь», журн. 109
 Олешев А. В. 13—15, 57, 60
 Ольденбург С. С. 89, 107
 Ольшки Л. 148
 «Опыт трудов Воляного русского собрания», журн. 15, 18, 21, 53
 Орлов П. А. 4, 18, 20, 22, 27, 57
 Оссиан 20
 Остроградский М. В. 167, 168
 Острожские, кн. 91
 Ответ кирьяловских старцев 119—125, 134, 137
 — неизвестного на послание Иосифа Волоцкого И. И. Третьякову 133—135
 Отдел рукописей ГБЛ 3, 88—90, 115, 147, 245, 246
 Отечественная война 1812—1814 гг. 152, 158, 175
 «От мучения святого Дионисия Ареопаргита. Повесть чудна, яко не подобае согрешающих кляти. аще и Богу согрешают» 124
 Охлопков Н. П. 109
 Охрименко П. Ф. 111
 Ошанин Л. И. 109
 Павел, ап. 123, 138, 140—145
 Паллас П. С. 213, 214
 Память из Пролога пр. Авдию 146
 — Льву Катанскому 120
 Пандекты Никона Черногорца 123—127, 137
 Панин Л. Г. 262
 Панин, поручик 78
 Панкратова Н. П. 258, 260
 Панион Московского университета 10, 35
 Панферов Ф. И. 111

- Паранин Г. П. 37, 79
 Паремья на память кн. Бориса и Глеба 116
 Парфений Уродливый, псевд., см. Иван IV
 Пастернак Б. Л. 111
 Пасхалин 98, 99
 Патерик, слова из него 93; выпи- си 101
 Патерик скиятский, повесть из не- го 96
 Патрю (?) 68
 Павловский К. Г. 109
 Пересветов И. С. 96, 97
 «Периодическое издание о полез- ных изобретениях, ремеслах и художествах», сборник 35
 Пермяк Е. А. 109
 Песнопения русским праздникам и празднованиям явкам на кроко- вых нотах 100, 104
 — русским святым 101; на кро- ковых нотах 100, 101, 104
 Пестель П. И. 167, 186, 204, 216
 Петр I, имп. 94, 95, 148, 164, 207, 210, 218—243
 Петр, ап. 120, 123, 142, 144, 145
 Петр, митрополит Московский 100, 101
 Петр Черноризец 93
 Петрарка Ф. 23, 68
 Петров В. Р. 157, 167, 168, 211
 Петров В. П. 57
 Петрова Л. 259
 Петровский А. С. 113
 Петряева Е. Д. 110
 Пиксанов Н. К. 111
 Пивадо 86
 Плавильщиков П. А. 17
 Плигун А. И. 118—121, 124, 125, 127—130, 134, 137, 138, 140
 Плиний Младший 24
 Плотников Н. 109
 Плутарх 33, 185
 Пнин И. П. 167, 204
 Повесть см. также Сказание
 Повесть апокрифическая «Книга Зерцала Великого или от Патери- ка скиятского. О славе небесной и радости святых и праведных» 96
 — Иродиона Сергеева об осаде Тихвинского монастыря, швед- ми в 1613 г. 96
 — летописная «О явлении пресвя- тых Богородицы в пустыни благоверному мужу Юршишу» 96
 — «о бесе, оскверненном на блуд- ном дворе» 96
 — о Варлааме и Иоасафе, притча из нее 94
 — о видении Козьмы игумена 101
 — «О зачатии и о рождении... Богородицы и о пребывании ея в церкви Соломоновой», апо- криф 101
 — о землетрясении в Италии и Греции в 1542 г. 116
 — об избавлении Москвы от та- тарского набега 1451 г. 116
 — о Петре и Февронии Муром- ских, фотокопия 101, 115
 — «О приходе самодержца и ве- ликого князя Василия Ивановича на Тихвинну» 96
 — хронографическая о взятии Царьграда турками в 1453 г. 93, 96, упом. 88
 — о Стефаните и Ихинлате 115
 — «чуждая и zelo полезна о яко- не пресвятая Богородицы...» 96
 Погодин М. П. 6—8
 Подмарькова М. В. 89, 146
 Покровский Н. П. 127
 Полевой Б. Н. 114
 Полевой Н. И. 169
 Поленов А. Я. 203
 «Полное собрание русских лето- писей» 121, 129, 131, 136
 Полоцкий А. Я. 89
 Полторацкий С. Д. 38
 Поля А. 20, 68, 83, 86
 Попов А. 109
 Попов Д., парусник 95
 Попов М. И. 16, 17, 82, 86
 Поповкин А. И. 111
 Поповский Н. Н. 22, 48
 Поппл А. 114
 Послание ап. Павла к галатам 146
 — к евреям 137, 146
 — к коринфянам 127, 143, 146
 — к римлянам 146
 — к Тимофею 127, 143, 146
 — к филиппийцам 146
 — Василия архиеп. Новгородского к Тверскому еп. Федору о рае 118
 — Десятое патриарха Александрий- ского Мелетия к кн. Василию Острожскому 98
 — Иосифа Волоцкого вел. кн. о еретике Клеове 121
 — — В. Челяднину 128
 — — вел. кн. о наказании ере- тиков 146
 — — В. В. Кутузову 136
 — — И. И. Третьякову 133
 — Исидора к Евсевию епископу 93
 — Нила Полева старцу Герману Подольному 133
 — «отца некоего к детям духов- ным» 92
 — похвальный стихотворение некоему Тихону 96
 — соборное ап. Иуды 146
 «Последование церковного пения вселенного собрания» 99
 «Поставление великих князей рус- ских, откуда бе и како нача- шая ставити на великое кня- жение» 117
 Потапов, мореплаватель 213
 Потребник большой, выписи 93
 — иноческий, выписи 98
 Поучение см. также Слово
 — Иоанна Златоуста 93
 — — о смерти 93
 — на страсти Христовы 101
 — «о ленивых и похвала делате- лям» 94
 — «отца духовного к детям ду- ховным. От словес св. Иоанна Златоуста» 92
 — Серапиона Владимирского 92
 — «дарем и князем, к епископом и попом, еже не упиватися» 101
 Поучения постного цикла Климен- та Охридского 92
 «Предисловие к сем поучениям и притчам, иже в книгах сих на утверждение верным. Аще кто чести хочет, первые сию прит- чу притчу иже Спас... рече о нас» 93
 Прение с Иосифом 125, 126, 128, 137
 Приказ Большого дворца 104
 Притча Варлаама о трех друзьях 94
 — о наре-годе 98
 Пролог 146, 251, 259—261
 — Привлещкий 260
 — Стишной 259
 Протасьева Т. Н. 245
 Проперций, Секст 20, 68
 «Пророчество Исаяно, сына Амо- сова о последних днях», апо- криф 92
 «Просветитель» Иосифа Волоцко- го 120, 121, 131, 137
 Проскурин В. М. 89
 Протасий, еп. Рязанский 122
 Протасов П. [И.?] 37, 78
 Псалтирь 100
 Пугачев Е. И. 219
 Пузанков А. И. 111
 Пухов Ю. С. 109
 Пушкин А. С. 147, 148, 167, 168, 196, 216
 Пфуль (Pful), Эрнст (Ernst) 106
 Пчела, выписи 101
 Пыриков Я. Н. 111
 Радлицев А. Н. 167, 184, 185, 203, 204, 217
 Разин Степан 184, 219
 Райнов Т. И. 3, 147—150
 Раншен Ж. 21, 68
 Расин Ж. 12, 18, 20, 32, 68
 Распутин Г. Е. 218
 Рассказ ... о гибели города «Ми- хала» в «Цесарской державе» в 1548 г. 117
 Раупак, проф. 196; Рафаэль С. 188
 Регистан Г. Г. 109
 Резник С. 106
 Рейсер С. А. 110, 171, 176, 216
 Ренья М. 69
 Ржевская [?] 89, 106
 Рижский 25
 Рид. Д. 109
 Ришелье, кардинал 31, 79
 Рогов А. И. 260
 Рождественский С. В. 34, 35
 Рожешников И. Р. 18, 22, 59, 85
 Розанов И. Н. 111
 Розыск о «чудесах» от мощей кн. Михаила Федоровича и кн. Ксе- нии и Анастасии 117
 Роллан Р. 107
 Романов М. Г. 115
 Романов Н. И. 113
 Романовы-Анастасии, купцы 116, 139
 Ромейко Е. А. 110
 Ростовцев В. Н. 114
 Ротчев А. Г. 107
 Рош де, аббат 63
 Рудмино М. И. 110
 Румовский С. Я. 149
 Румянцев Н. П. 167, 190, 256
 Рунич Д. П. 165, 177, 179, 183, 196, 203, 206, 209
 «Русская историческая библиоте- ка» 138
 «Русская литература», журн. 115
 «Русская Правда» Н. И. Пестеля 167
 Руссо Ж.-Б. 18—20, 30, 69
 Рустам С. 111
 Рыбаков Б. А. 257, 259, 261
 Рыбников Федор 45
 Рыков Ю. Л. 89, 115
 Рылев К. Ф. 186, 216
 Рыльский М. Ф. 111
 Рябинина 78
 Рябченко Л. Ф. 89
 Саява Черный 131
 Саяватий Словецкий св. 100
 Самад З. 109
 Салютский 186
 Самосуд С. А. 220
 Самочерный, еретик 121
 Самуилов И. 245
 «Санктпетербургские ученые веде- мости», журн. 22
 «Санктпетербургский вестник», журн. 19, 21, 22
 Сапфо 18, 69
 Сартаков С. 109
 Сартон Дж. 147
 Сафронов А. В. 109
 «С Богом починаем язык греческий» 116
 Сборник апокрифов 101
 — житий, слов, повестей и др. 94
 — молитв Кирилла Турского на все дни седмицы 92, 93
 — пословиц и поговорок В. Н. Та- тищева 111

- сказаний о явлении иконы Богородицы Тихвинской, о Тихвинском Богородице-Успенском монастыре 95
- слов и выписей старообрядческий 96, 97
- слов, повестей, сказаний и выписей апокрифический, лицевой 96
- Свердлин Л. 109
- Сверчок, еретик 121
- Свиридов Г. 109
- Святцы 98
- Севастьянов А. Ф., акад. 164
- Севергин В. М. 167, 211, 212
- Севинье, де М. 29
- Сефир, еретик 143
- Секирин, майор 77
- Сельвинский И. Л. 109
- Семевский В. И. 177, 204, 216, 217
- Семен Иванович, кн. Калужский 136, 217
- Семен Кленов, монах 121, 131
- Семенов А. 215, 217
- Сенка 20, 69
- Сенковский О. И. 167, 169
- Серапим, архисп. Новгородский 122, 132—136
- Серапим Владимирский 92
- Севафимович А. С. 111
- Сергеев-Ценский С. Н. 111, 112
- Сергий Тверской и Кашинский, архиеп. 104
- Сергий Радонежский, св. 104
- Серебренников Б. А. 258
- Серебровский В. И. 107
- Серебрякова Г. 109
- Сибирский летописный свод 115
- Сидоров А. А. 111
- Сидорова А. Б. 89
- Сидорова Н. А. 111
- Сидорова Т. А. (урожд. Буткевич) 89, 111
- Силья Италияк 12, 69
- Симеон, еп. Суздальский 122
- Симеон, свец. Петропавловской церкви 117
- Симон, волхв 120
- Симон, митрополит 132, 135
- Симонов, астроном 167, 169
- Симонов К. М. 109, 111
- Симонов Р. А. 260
- Симонов Р. 109
- Сияницкая Н. В. 118, 128, 140
- Синклер Э. 111
- Сионова С. А. 4
- Сказание см. также Повесть «Сказание вкратце ересем латынским» 116
- Сказание Ивана Пересветова «о царе турецком Магмете, како хотел сожесть книги греческия» 96
- о беседе преп. Макария с дьяволом 96
- о древе крестном, апокриф 101
- о исседомым речем, еже обретаем во святых книгах от греческого и еврейского языка» 116
- «о поновлении чудотворного образа Богородицы» 96
- о явлении ангела в пустыне преп. Макарию Египтянину, апокриф 96
- об обретении Макарием Египетским черепа в пустыне, апокриф 96
- Скородумов Г. И. 33
- Скюдери, де М. 12, 15
- Слово, см. также Почтение «Слово на списание Иосифа» 115—146
- «Слово о полку Игореве» 111, 257
- «Слово о Законе и Благодати» 261
- Анастасия Синайского «сже же осужати» 93
- — «сже не имети гнева» 93
- Андрея Юродявого «о тате гробнем», апокриф 96
- Антоха св. «како блюстися злых жен» 93
- — «о дерзости и о ярости опальства» 96
- Афанасия св. о милостыни 93
- — о различии спасения 93
- Василия Великого к ленивым 94
- — «како ангел дается на соблюдение» 93
- — «о добрых женах» 94
- «Григория Антохояйского Во святу и великую субботу от Фвангелия», апокриф 92
- Григория, папы Римского, о почитании книжном 93
- «да не обидят сннии меньших» 116
- Евсевия Александрийского о сошествии во ад Иоанна Предтечи, апокриф 92
- «Евсевия епископа о недели» 92
- «Ефрема св. како слушати книги» 93
- — «о кончине мира сего», апокриф 92
- — «о страсти Спасова» 92
- Ефрема Сирина «о житии сем» 93
- — об антихристе 98
- и притча о наказании детей 94
- Иоанна Златоуста «его же любит Господь, того и наказует» 93
- — «како востати в ночи и молитися» 93
- — «како не ленитися книг чести» 93
- — «о берущих много имения» 93
- — «о глаголющих в церкви» 93
- — «о глаголющих, яко несть грешным мук» 93
- — «о глаголющих, яко несть мощно в мире спастися» 93
- — «о гордении» 93
- — «о зависти» 93
- — «о злых женах» 94
- — «о играх и о плясании» 93
- — «о исходе души» 93
- — «о исходе души от тела» в пер. Максима Грека 92
- — «о кротости и о гордости» 93
- — «О лечазии болезни волхованием на уды» 101
- — «о лжепророках и лжеучителях» 98
- — «о почитании божественных писаний» 93
- — «о рассмотрении милостыни» 93
- — «о рассмотрении спасения» 93
- — «о самовластии» 93
- — «о суде» 93
- — «о творящих много зла, а не приемлющих зла зде» 93
- — «яко не подобает веры яти оклеветаемым» 93
- — «яко не подобает престати учаще» 93
- — «яко неприятна без исповедания милостыни» 93
- — «яко оставиле дело ити к церкви» 93
- «Ипполита, папы Римского, о скончании мира и о антихристе, и о втором пришествии», апокриф 93, 95, 98
- Кирилла Александрийского об исходе души от тела и о втором пришествии, апокриф в пер. Максима Грека 98
- Кирилла мниха «о страхе божи» 92
- [Туровского] «Во святой и великий пяток вечер на погребение Христова и о плачи Богородицы» 92
- Козьмы Пресвитера, отрывок 93
- «к пастырю» из Лествицы Иоанна Лествичника 146
- на крещение Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского см. также Слово или Слово 39 «на святых святых явлений Господних» 146
- «на нечелюстные цари и князи, еже неправдою судят» 116
- «Нифонта мниха», апокриф 92
- Нифонта св. к верным 93
- — «о богатстве», апокриф 92
- — «о искушении Божиим» 93
- — «о русалиях», апокриф 92, 93
- о Великом Василии и о чудесах его, написанное Амфилохием еп. Иконийским 119, 146
- «о вдовцах и о сиротах, да не обидят их цари, и князи, и властители» 116
- о еретиках Вассиана Патрикеева 123, 125, 135, 137
- «о курмаркери, како сотвори милость со убогом женою...», апокриф 96
- «о Месите чародей», апокриф 93
- «о милостыни, яко давая милостыню убогим Христу дает и сторицею примет» 93
- «о наказании (осуждении) еретиков Иосифа Волоцкого 120, 126
- «о пренесении пресвятыя Богородицы иконы Владимирская во обитель святую на Тихвинку и чудо о расслабленном» 96
- о пр. Илье, приписываемое Иоанну Златоусту 146
- «о снятии тела Христова с креста и о мирноспсах» 92
- «о среде и пятце» 92
- «о суднах и властелех, емлющих мзду и не в правду судящих» 116
- «о черноризце, его же изят блаженный Андрей от дьявола», апокриф 93
- об ап. Петре и пр. Илье, приписываемое Иоанну Златоусту 146
- «ответно против клеветующих истину святельскую» Вассиана Патрикеева 123, 125
- от Патерика «о некоей св. старце и постнице» 93
- — «о плачи» 93
- — «яко не достоин итьти от церкви» 93
- «Павла, св. ап., истолковано Иоанном Златоустом и Василием Великим» 93
- Палладия мниха о втором пришествии 95, 98
- «Петра Черноризца о временном житии сем» 93
- «по воскресении Христовом — список иерусалимского знамения», апокриф 101
- похвальное пр. Илье Григория Цамблака 146
- «св. апостолов и св. отец, како жити христианом» 93
- «святого Василия о суднах и властителях» 116
- св. отцов «нже кто оставляет жену и дети и идет в монастырь» 93
- — «о пьянстве» 93
- — «о славе мира сего» 93
- — «яко не обидети вдовы и сирот» 93

- Слова Иоанна Златоуста 92—94
 — Кирилла Туровского, выписи из них 93
 — Климента Охридского 92
 Смиловский Т. А. 167
 Смирдин А. Ф. 6
 Смирнов С. 109
 Смит Адам 198, 202, 208
 Смит Д. 109
 «Собеседник Любителей Российского Слова», журн. 154
 «Собеседник любителей российской словесности», журн. 18, 19
 Сборные постановления 124
 Собрание Вахрамеева 118
 — Вяземского 134
 — Гранкова А. П. 115—146
 — Гуслицкое 89, 102—104
 — единичных поступлений рукописных книг древней традиции 89—102
 — «некоего старца» Вассиана Патрикеева 118, 119, 125, 127
 — Кирилло-Белозерского монастыря 116
 — Соловецкое 117
 — Софийской библиотеки 116
 — Троице-Сергиевой лавры дополнительное 88, 102
 «Содержание ученых рассуждений Имп. Академии наук» 156
 Соколова Е. И. 89
 Соколова М. А. 251
 Солиньяк 32, 72
 Соловьев, химик 169
 Соловьев С. М. 113
 Сологуб А. И. 253
 Солодарь Ц. С. 109
 Солоухин В. А. 109
 Сорокин В. В. 6, 35
 «Софийская азбука» 260
 Софокл 16, 27, 47, 69, 186, 188, 189
 Софья Алексеевна, царевна 95
 Сочинение полемическое Герасима Смотрицкого 93
 «Союз Благоденствия» 177
 — Спасения 177
 — писателей РСФСР 108
 — СССР 108
 Сперанский М. М. 167, 169, 177
 Список первых пяти московских патриархов 98
 Срезневский И. И. 110
 Сталин И. В. 220
 Старчество, выписи 98
 «Статистический Журнал» 156, 159, 161, 162, 166
 Стевен, ботаник 213
 Столпер Г. В. 213
 Стенник Ю. В. 4, 11, 29, 32
 Степанов В. П. 4, 11
 Степанов Г. В. 258
 Стефан, первоученик 123, 141, 142
 Стоглав, выписи 93
 Страсти Христовы 101
 Строганов Аникий 74
 Строганов А. С. 165
 Строев П. М. 139, 167, 216
 Строков П. 109
 Струве П. Б. 210
 Струмилин С. Г. 217
 Суворов А. В. 219
 Суд земский Чухломского у. 89
 Судный список Вассиана Патрикеева 127, 128
 Судные списки Максима Грека и Исака Собаки 127, 128
 Сулейман I Кануни, султан 117
 Сумароков А. П. 14, 16, 20—23, 25, 32, 42, 56, 81, 83—87
 Сумникова Г. А. 260
 Сурков А. А. 109
 Сухомлинов И. М. 25, 35—37
 Сухомлинов М. И. 163, 216, 217
 Сушков Н. В. 10, 35
 Сушкова М. В. (урожд. Храповицкая) 25
 Таблицы календарные 101
 «Тягово исчисление цены, юже Иуда взял от жидов за Христа и протчая», апокриф 101
 Тарабасова Н. И. 245, 257
 Тарковский А. А. 109
 Тарковский Т. 109
 Тарханов, астроном 168
 Тассо Т. 20, 24, 69
 Татищев В. Н. 33, 248
 Тацит 185
 Твардовский А. Т. 114
 Терещин, Публий 20, 69
 Терехов С. 102
 «Технологический Журнал» 154
 — 156, 159, 161, 165, 166, 178
 Тиганова Л. В. 140
 Тилезий 213, 214
 Тимирязев К. А. 147
 Тимковский Р. Ф. 36, 77
 Тимофеева Н. А. 111
 Тит, имп. 184
 Тит Ливий 185
 Титов А. А. 117, 118
 Тихомиров М. Н. 136, 250, 251
 Тихомиров Н. Б. 89, 140, 252, 258, 260
 Тихон, архимандрит 104
 Тихон Зворыкин 129
 Тихонов И., писец 101
 Тихонов Н. С. 109, 111
 Тихомиров Н. С. 7, 8, 10, 31—33, 77
 Толкования (беседы) Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея 123, 126, 127, 145
 Толстой Л. Н. 114
 Томсон Дж. 20, 52, 70
 Томсон Ф., проф. 102
 Тот И. 260
 Третьяков И. И. 121, 133, 134
 Трисино Д. 20, 70
 Трофимов И. Т. 89, 90, 111
 Трубецкой Н. Н. 86
 Трубецкой Ю. Н. 86
 «Труды отдела древнерусской литературы» (ТОДРЛ) 115, 118
 Турганев И. П. 13, 27, 50, 55, 59, 86
 Турганев Н. И. 163, 167, 182
 Тучков Василий 119
 Уваров С. С. 106, 148, 163, 168, 169, 178, 183, 186, 187, 188—192, 194—196, 216, 217
 Урюмов А. Л. 111
 Улуханов И. С. 257
 «Умозрительные исследования» журн. 154, 156, 157, 160, 161—163, 165, 166, 178, 190
 Университет Антверпенский 102
 — Казанский 177
 — Кенигсбергский 89, 105
 — Московский 6, 10, 14, 25, 26, 34—38, 40, 85, 158, 184
 — С.-Петербургский 177, 183
 — Харьковский 36, 107
 Усачев Никифор 104
 Устав, выписи 98
 Устав кн. Владимира Святославовича 116
 — «о домашней молитве» 98
 — «скитских отец, како глаголати псалтырь за всякую церковную службу» 99
 Устинов С. В. 89
 «Утренний свет», журн. 27, 86
 Уд И. П. 70
 Учебный округ, Московский 10, 34
 «Ученые записки Казанского педагогического института» 118
 Училище Александровское в Петербурге 86
 — Екатерининское в Петербурге 86
 Ушаков В. Е. 260
 Ушаков Д. Н. 114
 Ушаков Ф. В. 184
 Фадеев А. А. 111, 113
 Фалалеев В. Д. 113
 Фальковский Э. М. Фальконет 16
 аль-Фараби 147
 Федин К. А. 111
 Федор, еп. Тверской 118
 Федор, еретик 143
 Федор Борисович, кн. Волоцкий 136
 Федор Иванович, царь 117
 Федор Ростиславович, кн. Смоленский и Ярославский 117, 118
 Федор Черниговский, боярин 100
 Федор Ярославский, кн. 100
 Федоров А. И. 261
 Федоров В. И. 20
 Федр 12, 37, 70, 73, 77
 Феналл М. 114
 Феодосий, имп. 142
 Феодосий, архимандрит Спасо-Ярославского монастыря 117
 Феодосий Великий, св. 143
 Феодосий Иконник 121, 132, 136, 141
 Феодосий Косой 138
 Феодосий 27, 70
 Феофан Прокопович 22, 47
 Феофил, александрийский патр. 136, 145
 Филарет, патр. 93
 Филд Д. 114
 Филин Ф. П. 249, 253, 269
 Филомафитский А. М. 167
 Философов М. М. 78
 Фимшер С. Н. 110
 Флеминг П. 12, 15, 70
 Фоменко И. Ю. 4, 28—30, 33
 Фортунатов Ф. Ф. 7
 Фотий, иеромонах 203
 Франсуа Н. Л. 70
 Франчук В. Ю. 260
 Френ Х. Д. 148, 157, 191—193
 Фусс Н. 155, 156, 163, 165, 168, 178, 179, 192
 Фусс П. 163, 165
 Хаджи-Мурат 219
 Ханыков В. В. 16, 22, 27, 44, 48, 51
 Ханыков П. И. 37, 77, 79
 Хвостов (офицер флота) 213
 Хвостов Д. И. 55
 Хвостовы, род 25
 Хемницер И. И. 32, 49
 Херасков М. М. 14, 15, 23—25, 32, 34, 44, 86, 87
 Холодковская М. З. 89, 112
 Хроника Георгия Амартола 249
 Хронограф, повесть из него 93, 96; выписи 98
 Хрущев Н. С. 110
 «Худые номакануцы» 88, 94
 Царев М. 109
 Цветаев И. В. 114
 Цветаева В. И. 89
 Цветаева И. В. 89
 Цейтлин Р. М. 261
 Церковь в с. Коломенском 117
 — Князь-Владимирская 246
 — Николая Мирликийского 104
 — Петропавловская (Ярославль), см. также монастырь Петропавловский в Ярославле 117, 118
 Ципельзон Э. Ф. 114
 Цицерон 184, 186, 194
 Цыбенко В. А. 111
 Чаковский А. Б. 109
 челядяни В. А. 128, 136
 Чемезов Е. П. 22, 47

Указатель имен и названий

- Червяков А. Д. 8, 40
 Черепнин Л. В. 114
 Черкасский А. А. 86
 Чернышевская Н. М. 111
 Черток А. Д. 4, 7
 Чесноков Г. П. 114
 Чехова М. П. 111
 «Чин, како подобает пяти двана-
 десяти псалмов особь...» 99
 «Чтения Имп. Академии наук в
 С.-Петербурге за 1829—1830 г.г.»
 156, 161, 162
 Чуванов М. И. 260
 Чудеса иконы Богородицы Тихвин-
 ской 96
 «Чудо о скорой татарщине» 116
 «Чудо св. Василия о Настасс
 пресвитере», апокриф 93
 Чулков М. Д. 17, 86
- Шаден Я. М. 11, 26
 Шагнян М. 109
 Шаплев, Жан 12, 70
 Шаргородская М. 109
 Шаталов С. Е. 14
 Шахматов А. А. 249, 258
 Шаховской В. П., кн. 105
- Шварц И. Г. 86
 Шевцов И. М. 109
 Шевырев С. П. 6, 10, 34, 35, 106
 Шекспир, Вильям 20, 32, 52, 70
 Шеламанова Н. Б. 252, 257, 258,
 260, 261
 Шемюг В. 215, 216, 217
 Шик М. Я. 114
 Шлемович Гершко 78
 Шлепель И.-Э. 21, 47, 70
 Шмидт С. О. 127, 259
 Шолохов М. А. 109, 111
 Шорник[ов?] А. М. 102, 103
 Шпагин А. И. 89
 Шпет Г. Г. 147
 Шредер С. Ш. 25
 Шторх А. К. 149, 161, 166, 167,
 182, 183, 192, 197—206, 215
 Шуберт Ф. И. 149, 155, 156, 157,
 162, 179, 211
 Шульгин, штабс-капитан 78
 Шульгина Э. В. 260
 Шумейт, Альберт (Schumate, Al-
 bert) 107
 Шундик И. 109
- Щеглов Н. 167, 169
 Щеголев П. Е. 216, 217
- Щепкина М. В. 250
 Щербатов М. Т., гвардии капитан
 105
 Щербачева Н. А. 89
- Эйлер Л. 80, 85, 149, 155, 179
 Эмин Ф. А. 32, 33, 72
 Эрфенбург И. Г. 114
 Эсхил 18, 188, 189
- Юрий Иванович, кн. Дмитровский
 136
- Яблочкина А. А. 109
 «Явления икон пресвятыя Богоро-
 дицы повсеместно», сводный ка-
 лендарь 98
 Ягич И. В. 126
 Яковлев А. С. 114
 Якубович А. И. 113
 Якушкин И. Д. 185, 194, 217
 Ямс, корабельный мастер 95
 Яновский Н. Н. 110
 Яр-Кравченко А. 109, 110
 Ярослав Мудрый, кн. 261
 Ярцев (востоковед) 168
- Worth D. 260

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	3
СТАТЬИ И ОБЗОРЫ	
<i>Л. А. Алехина</i>	
Архивные материалы М. Н. Муравьева в фондах отдела рукописей	4
НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ	
Рукописи, пополнившие в 1985 г. собрание единичных поступлений рукописных книг древней традиции (ф. 722)	90
Рукописи, присоединенные в 1985 г. к ранее поступившим собраниям	102
Рукописи, пополнившие в 1985 г. Коллекцию единичных поступлений архивных материалов (ф. 743)	104
Новые архивные фонды и рукописи, присоединенные к ранее поступившим архивам	107
ПУБЛИКАЦИИ	
<i>Ю. В. Анхимюк</i>	
Слово на «Списание Иосифа» — памятник раннего нестяжательства	115
<i>Н. К. Гаврюшин</i>	
Исследование Т. И. Райнова о «Мемуарах» Петербургской Академии наук (1809—1830)	147
<i>Т. И. Райнов</i>	
Из истории русской книги в первой трети XIX века («Мемуары» Академии наук за 1809—1830 гг.)	151
<i>В. И. Лосев</i>	
М. Булгаков. Либретто оперы «Петр Великий»	218
<i>М. А. Булгаков</i>	
Петр Великий (Либретто оперы)	221
<i>И. В. Левочкин</i>	
Среднешрифтное безвыходное евангелие из Музейного собрания отдела рукописей ГБЛ	245
ЮБИЛЕИ	
Лидия Петровна Жуковская (К 70-летию со дня рождения)	249
Указатель имен и названий	263

Научное издание

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина

ЗАПИСКИ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ

Вып. 49

Зав. редакцией *Н. А. Захарова*. Редактор *Е. Е. Таболина*.

Художественный редактор *И. К. Борисова*.

Технический редактор *Н. И. Авертис*. Корректоры *Л. В. Назарова, Л. Ю. Столярова*

И/К

Сдано в набор 21.03.90. Подписано в печать 14.11.90.

Формат 70×100/16. Бум. тип. № 1. 70 г. Гарнитура литературная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 22,10+0,65 вкл. Усл. кр.-отт. 24,70. Уч.-изд. л. 22,12+0,61 вкл.

Тираж 1500 экз. Заказ № 468. Изд. № 285. Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Книжная палата»

103009 Москва, ул. Неждановой, 8/10.

Типография Министерства культуры СССР.

103009 Москва, Столешникова пер., д. 2.